Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

Всем, кого интересует прошлое нашего Отечества!

Инициативная группа ведет подготовительную работу по созданию Общества любителей беларуской истории имени Вацлава Ластовского. Мы хотим объединить в этой организации всех желающих, и в первую очередь — краеведов.

Призываем будущих членов Общества заявить о себе. Сообщите следующие данные о себе:

(1) Фамилия – имя – отчество; год рождения;

(2) образование (высшее, среднее специальное, среднее); основная профессия;

(3) какие исторические вопросы (темы) изучаете, есть ли публикации (в газетах, журналах, сборниках), имеются ли завершенные рукописи книг;

(4) адрес для переписки (с почтовым индексом), электронный адрес (e-mail) если он есть, и номер домашнего телефона (с указанием кода населенного пункта) или сотового (с указанием кода оператора).

В октябре – ноябре текущего 2012 года состоится съезд представителей областей и городов с целью учреждения Общества, принятия его Устава и символики.

Просим также высказывать свои предложения (присылать рисунки) о символе Общества и значках (орденах) для награждения членов Общества (орден Погони; орден Вацлава Ластовского; орден Рыцаря истории Отечества; медали 600 лет победы при Орше, 650 лет победы на Синей Воде и т.д.).

Присылайте свои письма (на беларуской мове или на русском языке) по любому из следующих адресов:

Почтовый: А.Е. Тарас, а/я 137, Минск-131.

Электронный: inbelhist@gmail.com

Усім, каго цікавіць мінулае нашай Бацькаўшчыны!

Ініцыятыўная група вядзе падрыхтоўчую працу па стварэнні Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Гэтая арганізацыя аб'яднуе ўсіх жадаючых, але ў першую чаргу – краязнаўцаў. Заклікаем будучых сяброў Таварыства заявіць аб сабе. Паведаміце нам:

(1) Сваё прозвішча – імя – імя па бацьку; год нараджэння;

(2) Адукацыя (вышэйшае, сярэдняя адмысловая, сярэдняя); асноўная прафесія;

(3) Якія гістарычныя пытанні (тэмы) вывучаеце, ці ёсць публікацыі (у газетах, часопісах, зборніках), ці маюцца завершаныя рукапісы кніг;

(4) Адрас для перапіскі (з паштовым індэксам), электронны адрас (e-mail) калі ён ёсць, і нумар хатняга тэлефона (з указаннем кода) або сотавага (з указаннем аператара).

У кастрычніку – лістападзе бягучага года адбудзецца з'езд прадстаўнікоў абласцей і гарадоў з мэтай установы Таварыства, прыняцці яго Статуту і сімволікі.

Просім таксама выказваць прапановы (у выглядзе малюнкаў) аб сімвалы Грамадствы і ордэнах (значках) для ўзнагароджання сяброў Грамадства (ордэн Пагоні; ордэн Вацлава Ластоўскага; ордэн Рыцара гісторыі Бацькаўшчыны; мядалі 600 гадоў перамогі пры Оршы; 650 гадоў перамогі на Синей Вадзе і г.д.).

Пасылайце свае лісты па адрасу:

А.Е. Тарас, а/я 137, Минск-131,

альбо па e-mail: inbelhist@gmail.com

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ
О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 10

Минск
«Харвест»

УДК 94(476) (059)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание безгонорарное.

На первой странице обложки: «Битва под Кирхгольмом»:
вверху – картина Питера Снаерса (1630 г.), внизу – картина Януара Суходольского (1858 г.)
На последней странице обложки:
вверху – замок в Любче, внизу – реконструкторы из минской «Гильдии лучников».

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 10 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2012. – 304 с.

ISBN 978-985-18-1565-0

Материалы десятого выпуска дайджеста сгруппированы в четырех тематических разделах. Они посвящены, соответственно, вопросам нашей древней истории, истории беларусов в XX веке, проблемам беларуского менталитета и некоторым событиям текущей жизни. Всего в выпуске 23 материала, 190 иллюстраций, в том числе 8 карт.

ISBN 978-985-1565-0

Содержание

Часть I. СЕДАЯ СТАРИНА

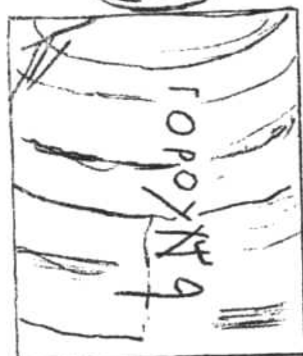
О НАЧАЛАХ ХРИСТИАНСТВА НА НАШИХ ЗЕМЛЯХ

Вацлав Пануцевич

Часть 1

До сих пор принято считать, что христианство в Кривичине (Беларуси) распространилось с конца X века, после того, как князь Владимир Святославич в 988 году крестился в Киеве вместе с семьей и дружиной, а в Кривичину послал своих сыновей: Святополка в Туров, Изяслава в Полоцк, Станислава в Смоленск – уже как христиан и, надо думать, в сопровождении духовенства.

Сосуд из Гнёздово с надписью «гороухща»

Однако найденный в 1949 году во время археологических раскопок в Гнездово возле Смоленска в кривичских курганах глиняный сосуд с надписью церковно-славянскими буквами (кириллицей) – ГОРОУХЩА (большинство исследователей полагает, что это значит – «горчица»), датируемый началом X века от Р.Х., заставляет пересмотреть датировку первоначального христианства как в Кривии (Беларуси), так и в соседних землях (1).

Церковно-славянская надпись на сосуде свидетельствует о том, что задолго до общепринятой даты так называемого «крещения Руси» на наших землях была известна церковно-славянская письменность, притом среди ремесленников-гончаров, то есть, среди простого народа.

Распространение церковно-славянской письменности среди светских людей в те времена было невозможно иначе как только в связи с распространением христианства восточного обряда с его церковнославянским языком.

Находка посудины с кириллической надписью в районе Смоленска очень интересна, так как пресловутые «русские летописи» обходят смоленскую старину полным молчанием, а церковную жизнь в ней упоминают не ранее XII века. То же самое относится к Турову, Полоцку, Пскову. Только Чернигову, кото-

В. Пануцэвіч. Пачаткі хрысьціянства на нашых землях да часоў Усеслава. Рэферат. Chikago, 1959. Перевод, редакция и примечания А.Е. Тараса.

рый постоянно мечтал о гегемонии над Киевом, принимал активнейшее участие в политических и церковных делах Руси, уделено немного больше внимания.

Таким образом, свыше 100 первых лет нашей церковной истории покрыты летописным туманом, через который, вдобавок, пробиваются враждебность и осуждение.

Встает вопрос о том, что было причиной молчания или же фантастических вставок с целью осуждения нашей духовно-религиозной жизни? (2)

Ответ лишь один. То, что жители наших земель, говоря словами летописца «мечь взимають Рогволожови внуци противу Ярославлимъ внуком» (3), иными словами, вели борьбу с Киевской Русью за свою политическую, церковную и хозяйственную независимость.

Под церковной независимостью подразумевалась независимость от Киева, который вскоре после смерти Владимира Святославича (умершего в 1015 г.) стал резиденцией греческого митрополита.

* * *

Начала христианства на наших и вообще на всех славянских землях надо связывать с деятельностью солунских братьев, славянских апостолов Константина (Кирилла) и Мефодия с одной стороны, и с церковно-политической борьбой между Византией и Римом – с другой.

Борьба эта началась во второй половине IX века, когда на исторической арене появилась выдающаяся личность – Папа римский Николай I (858–867), стремившийся подчинить Апостольскому престолу всю тогдашнюю Европу и сопредельные страны. Власть Папы охватила Италию, Испанию, Францию, Иллирию, Германию, Северную Африку*. Дальнейшая его деятельность была направлена на Византию, Ближний Восток, славянские страны.

С другой стороны, в это время в Византии тоже имелся амбициозный и способный деятель – Фотий (ок. 815 – между 891 и 897). Он рассчитывал с помощью своего родственника, императора Михаила III (правил в 842–867 гг.), вывести империю из внутренних и внешних трудностей и обеспечить ей ведущее место в тогдашнем мире.

Фотий не сразу порвал отношения с Римом. Когда он устранил патриарха Игната с престола и занял его место (858 г.)**, это вызвало острое сопротивление греческого духовенства. Нужна была поддержка Папы римского, чтобы удержаться на престоле. Фотий такую поддержку получил, но использовал ее в имперских целях. Тогда Папа представил жалобу на Фотия Латеранскому синоду 863 года, который принял постановление о возвращении на патриарший престол Игната, осудив Фотия как захватчика.

Папа римский Николай I

* Иллирия – историческая область в северо-западной части Балканского полуострова. Начиная с VI н.э. местные племена подвергались славянизации. В настоящее время земли бывшей Иллирии входят в состав Словении, Хорватии, Боснии, Черногории, отчасти Венгрии и Сербии. – *Прим. ред.*

** Фотий был патриархом Константинопольским в 858–867 и 877–886 гг. В 886 низложен императором Львом VI. Умер в ссылке. – *Прим. ред.*

В разгар этой борьбы между Папой Николаем и патриархом Фотием ярко высветились фигуры выдающихся людей, Константина и Мефодия, близких друзей Фотия еще со школьных лет.

Видимо, переломным годом в деятельности и Фотия, и солунских братьев был 860 год. В этом году в начале лета (18 июня по хронике Кюмана) (4), когда Михаил III вместе со своим дядей Вардаром находился в походе против арабов, а в Константинополе остался Фотий, произошло крупное нападение славян, называемое в источниках «русским» и «скифским». «Повесть временных лет» (ПВЛ) упоминает этот поход под 866 годом и связывает с именами Аскольда и Дира*. Однако дата в ПВЛ неверна, ее опровергают многочисленные надежные источники, в том числе прямые свидетели нападения – Фотий и Никита Пофлегонский, автор «Жития патриарха Игната».

Фотий, патриарх Константинопольский

Фотий говорит о нападении Руси в двух своих проповедях, а также в послании 867 года, где есть речь и о том, что «не только болгары обратились в христианство, но и тот народ, о котором много и часто говорится, и который превосходит других дикостью и зверством, это так называемые русские» (5).

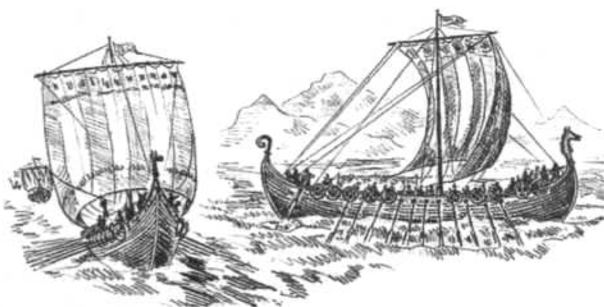
Напавшие в 860 году на Византию славянские отряды опустошили босфорское побережье и пытались штурмовать столицу империи. Фотий в своей проповеди подчеркивает, помимо ужасов и разрушений, внезапность и быстроту нападения: «этот удар, подобный молнии, был послан небом», «народ этот нежданный и незамеченный, нахлынул на наши земли так же грозно и быстро, как морская волна». Немалый страх был в Константинополе: «была ужасная страшная ночь, когда жизнь всех была готова кончиться вместе с концом дня» (6). К счастью для Фотия, штурм города на протяжении нескольких дней успеха не имел, противник снял осаду и отплыл, не желая столкнуться с приближавшимися войсками императора, снятыми с фронта.

Многие источники приводят цифру 200 кораблей, некоторые – 360. Это указывает на то, что речь идет не о какой-то банде пиратов, а походе, организованном в подходящее время – когда в Константинополе остался слабый гарнизон, а главные силы были заняты на войне с арабами. Фотий приводит и причину нападения: вероломство греков, которые не без ведома императора убили славянских купцов за долги и тем самым нарушили условия предыдущих договоров.

Нападение 860 года и страх Фотия перед славянской угрозой заставили его искать способы для обеспечения безопасности империи с севера. Сюда относи-

* Аскольд и Дир – легендарные киевские князья, правившие во времена «русского каганата». Конкретные сведения о них отсутствуют. Только ПВЛ утверждает, что около 882 года их убил новгородский князь Олег, который подчинил себе Киев. Ряд современных ученых отрицает существование Дира, считая это имя одним из эпитетов в характеристике Аскольда (на готском языке «дир» означает «зверь»). – *Прим. ред.*

лись македонские славяне, болгары, славяне Черноморского бассейна, а также их соседи и союзники. Фотий пустил в ход дипломатию. Первым шагом стала посылка богатых подарков в «Русь» ради «возобновления прежних договоров». Вторым – миссия друга Фотия философа Константина (Кирилла) в Корсунь, а также к хану Хазарскому.

Славянские ладьи в Босфоре в 860 г.

Это второе событие, имеющее первостепенное значение для нашего вопроса, к сожалению, до сих пор почти не изучено. Например, «Житие Константина» или так называемая «Паннонская легенда» (7) сообщает о поездке Константина в 861 году в Корсунь, а оттуда в Хазарию*.

Ламанский же считает (8), что в «Легенде» ошибочно говорится о «хазарах», что миссия якобы была направлена в Киев, что Константин и был первым епископом Киева, что память о нем сохранилась в Киеве в преданиях о беседах Константина Философа, а в византийских источниках – в «Анониме» Бандуры, и что летописец не догадался, что Кирилл, славянский апостол, и Константин Философ – одно и то же лицо.

На наш взгляд, утверждение Ламанского не имеет достаточного обоснования и резко противоречит «Паннонскому житию» Кирилла, где подробно описывается, как Кирилл ехал к хазарам из Корсуня:

> «...въсед же корабль поути ся ят казарьского на Местское озеро и Каспийскаа врата Ковкажьскых гор» (9).

Миссия Константина в Корсунь и к хазарскому хану в Дербент, на наш взгляд, была не религиозной, а дипломатической – с целью разведки возможностей распространения христианства. В этом мы расходимся с существующей литературой. Вспомним более позднее поучение императора Константина Порфирогенита (Багрянородного) в отношении наследников хазаров – печенегов, которое, видимо, формулировало тогдашнюю политическую аксиому:

Константин-философ (он же св. Кирилл) — единственное прижизненное изображение

* Корсунь, или Херсонес Таврический – древний город в Крыму, в черте нынешнего Севастополя (на мысу Херсонес). Был основан в 422 году до н.э. греками из Гераклеи Понтийской. Существовал около 2-х тысяч лет – до середины XV века. В IX–X вв. н.э. площадь города составляла 40 гектаров, население – 30 тыс. чел. В городе было свыше 50 христианских храмов. До начала XIII века являлся главной базой Византии в Северном Причерноморье. – *Прим. ред.*

«Если римский император /византийский/ живет в мире с Печенегами, то ни Русь, ни Турки не могут производить враждебных нападений на римскую державу, не могут они и ожидать от римлян /ромеев/ слишком больших денег и даров как плату за мир, опасаясь силы, которую император при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на римлян. А Печенеги, связанные дружбой с императором и подбиваемые им через просьбы и подарки, легко могут нападать на земли Русских и Турков, брать в плен их жен и детей и опустошать их земли» (10).

Вспомним еще и миссию епископа Бруно в 1007 году в Киев и к печенегам от немецкого императора и польского короля Болеслава Храброго с аналогичным дипломатическим заданием, но во вред Византии*.

Иначе говоря, в 861 году была послана миссия во главе с Константином главным образом к хазарам, несомненно – с богатыми подарками, с целью поддержания дружбы хазар с Византией и сдерживания ими военного союза славянских племен от нападений на Византию. Одновременно миссия должна была разведать возможности христианизации северных славян.

У нас нет данных о близком контакте Константина с восточными славянскими племенами или о том, что он побывал, скажем, в Киеве или каком-нибудь другом городе. «Житие» сообщает, что он встретился в Корсуни (где была кипучая христианская жизнь со времен ссылки туда в 92 году Папы римского Климента I, по приказу императора Траяна) (11), с каким-то «русином»**. Последний показывал Константину Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими» буквами. Константин провел с ним беседу на своем славянском языке, показывая ему примеры «славянской» письменности. Относительно этого случая читаем в «Житии»:

«...и обреть же тоу евангеліє и псалтирь роушьскыми письмены писано и человека обреть глаголюща тою беседою и беседовав съ нимъ, и силоу речи пріемь, своеи беседе прикладае раличіи писменъ, гласна и согласна и къ богу молитвоу дрьже и вьскоре начеть чисти и сказовати» (12).

Из этого места «Жития» следует, что Константин уже имел с собой примеры «славянской» письменности. Видимо, с момента нападения киевлян на Константинополь он старательно переводил церковные тексты на свой солунско-македонский диалект, и ему было интересно сравнить с ним уже существующую «русскую» церковную письменность и степень близости обоих языков. В беседе с «русским» христианином он мог убедиться что оба языка – русский и македонский – довольно близки («силоу речи пріемь»), расхождения только в буквах.

Что касается букв, как «русских», так и первоначальных кириллических, то о них нет сведений. Болгарский писатель X века черноризец Хоробры (13) пишет, что до установления «славянского» письма Константина те славяне, которые находились в сфере влияния Византии, пользовались буквами греческой скорописи, а те, что под влиянием латинской культуры – латинскими буквами, а еще раньше – «грътами и ръзами чьтъху и читааху, погани сущее» /т.е. рунами – *Прим. ред.*/***. Весьма вероятно, что Константин приспособил уже суще-

* О миссии св. Бруно смотри статью А. Жлутко «Раннее христианство в Беларуси» // «Деды». Вып. 6, с. 60–69. – *Прим. ред.*

** Климент I был Папой римским в 88–97 гг. – *Прим. ред.*

*** Черноризец – монах из категории черного духовенства. – *Прим. ред.*

ствующее грекоподобное славянское письмо к своей церковной письменности, добавив новые буквы, передающие характерные особенности славянских языков.

В литературе о церковно-славянской письменности принято считать, что из двух славянских алфавитов – Кириллицы и Глаголицы – якобы старше Глаголица. Этому взгляду противопоставляет веские аргументы современный болгарский языковед Э. Георгиев (13). Он доказывает, что Кириллица была создана еще до солунских братьев, так как она «рабски подобна своему греческому оригиналу», тогда как Глаголица представляет собой высшую степень искусства в (тех) литературных изменениях и переменах, которые могли произвести солунские апостолы, чтоб придать своей «славянской» письменности «оригинальный» внешний вид ради особого возвышения церковно-славянского обряда.

Самые старые из известных славянских надписей (Гнездовская, Преславские надписи, Добруджская записка 943 года, надпись Чиргубиля Мостича и другие) свидетельствуют, что старше Кириллица, а не Глаголица. Именно Глаголица была творением Константина и Мефодия, она получила распространение в Моравско-Паннонском государстве, но быстро пришла в упадок после смерти своих создателей как чрезмерно сложная. Победила старая традиция – грекоподобный алфавит, совершенно несправедливо названный Кириллицей.

Названия букв	Кириллица	Глаголица
аз	А а	Ⰰ ⰰ
буки	Б б	Ⰱ ⰱ
веди	В в	Ⰲ ⰲ
глаголь	Г г	Ⰳ ⰳ
добро	Д д	Ⰴ ⰴ
есть	Є е є Ѥ ѥ	Ⰵ ⰵ
живете	Ж ж	Ⰶ ⰶ
зело	Ѕ ѕ ѕ ꙃ ꙃ	Ⰷ ⰷ
земля	Ꙁ ꙁ з	Ⰸ ⰸ
иже	И и и	Ⰹ ⰹ
и	І і (ι) ї	Ⰻ ⰻ ⰺ
	(Ђ)	Ⰼ ⰼ
како	К к	Ⰽ ⰽ
люди	Л л	Ⰾ ⰾ
мыслете	М м м	Ⰿ ⰿ
наш	Н н	Ⱀ ⱀ
он	О о о	Ⱁ ⱁ
покой	П п	Ⱂ ⱂ
рцы	Р р	Ⱃ ⱃ
слово	С с	Ⱄ ⱄ
твердо	Т т	Ⱅ ⱅ
ук	Оу оу ꙋ ꙋ	Ⱆ ⱆ
ферть	Ф ф	Ⱇ ⱇ
хер	Х х χ	Ⱈ ⱈ Ⱒ
от	Ѡ ѡ ω	Ⱉ ⱉ
цы	Ц ц	Ⱌ ⱌ
червь	Ч ч (ҷ ч)	Ⱍ ⱍ
ша	Ш ш	Ⱎ ⱎ

Кириллица и Глаголица

Итак, миссия Константина в 861 году в Корсунь и к хазарам была удачной. Вскоре после возвращения домой солунские братья начали миссионерскую деятельность в Македонии и Болгарии, где им удалось в том же 861 году крестить болгарского царя Бориса.

Первые успехи солунских братьев прославили их имена в славянских странах и привлекли внимание Папы Николая I. Двумя годами позже (в 863) моравский князь Ростислав (правил в 846–870 гг. – *Ред.*) обратился в Византию с просьбой прислать славянскую миссию в его страну. Фотий и император послали уже набравшихся опыта солунских братьев*. Казалось, что дипломатия Фотия прино-

* Ныне существует обоснованное мнение, что Константин и Мефодий были сирийцами, а не славянами, и не являлись родными братьями. С конца IV века и до 730-х гг. Сирия была провинцией Византии. Потом ее завоевали арабы. При этом большинство населения приняло ислам, но часть христиан сохранила свою веру. До XIII века языками делопроизводства и общения оставались древний сирийский и греческий. – *Прим. ред.*

сит свои плоды. Вот уже Византия вклинивается в самое сердце Европы. Но солунские братья не стали агентами византийской политики. Они до такой степени увлеклись христианской славянской миссией, что стали возвышать славянство как целое.

В 864 году Константин и Мефодий прибыли к князю Ростиславу в Моравию. Здесь они основали духовную семинарию для подготовки кадров священнослужителей и занялись подготовкой славянских церковных книг. Надо подчеркнуть, что они прибыли не в языческую страну, а в католическую, где немецкое духовенство во главе с епископом Вихилгом использовало латинский обряд в ущерб славянским государственным интересам. Целью миссии Константина и Мефодия было создание основ славянской национальной церкви со своей культурой и письменностью и, тем самым, противостояние немецкому влиянию. Не удивительно, что на славянских апостолов обрушилось немецкое духовенство, обвиняя их в «ересях» как в отношении языка, так и в отношении «филиокве» (ответа на вопрос о происхождении св. Духа, установленного на Аахенском соборе в 809 г.) (14)

Князь Ростислав Моравский

Для защиты своего положения Константин и Мефодий со многими учениками в 866 году отправились в Рим к Папе Николаю I. По пути они остановились у князя Коцела в Паннонии и здесь тоже внедряли восточнославянский обряд. В начале 867 года они прибыли в Венецию, где на местном синоде стойко защищали церковно-славянский язык как полноправный в литургии наряду с латинским, греческим и еврейским. Когда они прибыли в Рим, папы Николая I уже не было в живых, его сменил Папа Адриан II. Он принял славянских апостолов с большими почестями и признал славянский язык полноправным в литургическом употреблении.

В Риме Константин вступил в монастырь, сменив свое светское имя на монашеское Кирилл, а двумя годами позже умер – 14 февраля 869 года. Мефодий вернулся к Коцелу, который повторно отправил его в Рим, где Папа Адриан II посвятил Мефодия в сан архиепископа и поставил во главе Сырмийской митрополии, охватывавшей земли бассейна Дуная и Балканы.

* * *

За это время произошли крупные события в восточнославянских землях, Болгарии и самой Византии.

Славянский поход на хазар (863–864) и неудачи в борьбе с халифом Хасаном (864) вероятно способствовали славянскому посольству в Константинополь в 865 году (15). Сведений о ходе переговоров не сохранилось, но, видимо, посольство согласилось принять христианскую миссию и крещение, так как Фотий в своем письме в 867 году триумфально сообщал:

«Не только Болгары обратились к христианству, но и этот народ, о котором много и часто говорится и который превосходит других дикостью и зверством, это так называемая Русь. Подчинив себе соседние народы и этим чересчур напыщенная, она подняла руки на римскую державу. Но теперь и она переменила языческую и безбожную веру, которой держалась раньше, на истинную христианскую науку, став нам верной приятельницей, хотя недавно перед этим грабила нас и проявляла безудержную жестокость. И у нее разгорелась такая жажда веры и старание, что она приняла епископа и с великой тщательностью исполняет христианские обряды» (16).

Отправка епископа в Русь (т.е. в Киев) и ее обращение в 866–877 годах это не выдумка Фотиевой энциклики во время острой борьбы с Папой Николаем I. Папа был тогда поражен чрезвычайными успехами Фотия в христианизации славян и предпринял энергичные шаги со своей стороны, чтобы перетянуть Болгарию, Моравию и Паннонию на свою сторону, что ему полностью удалось. Болгарский царь Борис, не получив гарантий самостоятельности церкви в своем царстве, уже в 863 году вступил в сношения с Римом. Этот факт привел к военным действиям Византии против Болгарии на суше и на море, которая вследствие неурожая не смогла устоять перед вражеским натиском. Борису пришлось заново креститься у специального представителя императора Михаила III. А это, в свою очередь, вызвало в 864 году национальное восстание против Бориса с требованием установления своей национальной церкви и церковной иерархии.

Болгарский царь Борис I
(852–889 гг.)

Фотий отверг требования болгар философскими рассуждениями. Тогда Борис в 866 году послал посольство к Папе Николаю I. Папа благосклонно отнесся к просьбам Бориса и послал в Болгарию двух епископов – Формоза из Порты и Павла из Папулении, которые должны были организовать болгарскую национальную церковь. Эта акция послужила причиной наибольшего напряжения в борьбе с Фотием. Фотий не мог смириться с тем, что Болгария выпала из его рук (свои чувства по этому поводу он выразил в послании к патриархам Востока) и созвал в 867 году собор в Константинополе, постановивший прервать связи с Римом и осудивший Папу.

Недолго, однако, довелось действовать Фотию. В сентябре того же 867 года в Константинополе произошел государственный переворот, император Михаил III был убит, победила Македонская партия и Василий I основал македонскую династию. Новый император сразу восстановил отношения с Римом, за два месяца устранил Фотия с патриаршего престола и заменил его Игнатием, возвращенным из ссылки.

Итак, христианизация восточнославянских земель во времена Фотия не смогла развернуться, ибо он сам утратил патриарший престол. Тем не менее, осталась традиция этого крещения в Киеве (см. Устав князя Владимира о церковных судах и Никоновскую летопись – 17), запутанная различными анахро-

низмами, причем первым епископом в Киеве якобы был Михаил (18). Так ли это, трудно сказать, поскольку «Степенная книга» и «Никоновская летопись», помимо путаницы в датах, называют Фотиевым епископом – Леонтия. Однако дело не в точности имени первого епископа. Дело в процессе развития христианства на наших и соседних землях.

С приходом к власти Василия I Македонца колесо истории повернулось назад. Прервана была схизма (раскол) и восстановлены отношения с Римом. Тем самым новокрещенные славянские земли получили возможность создавать собственные церкви со своей иерархией без каких-либо вооруженных конфликтов. Это способствовало ускоренному распространению славянского обряда.

В «Житии» Василия I Македонца, написанном его внуком, императором Константином Порфирогенитом и вошедшим в пятую книгу продолжателя Теофана (19), рассказывается, что Василий I склонил к дружбе «народ Русь воинственный и языческий, раздавая ему одежду золотую, серебряную /т.е. парчовую. – *Ред.*/ и шелковую, а добившись дружбы и согласия, уговорил принять христианство» (19). Присланному патриархом Игнатом архиепископу якобы пришлось по желанию «языческой» Руси положить в огонь Евангелие в доказательство своей правоты, при этом Евангелие оказалось не тронутым огнем*. Это способствовало принятию присланного архиепископа.

На первый взгляд мы имеем как бы противоречие между сообщениями Фотия и Константина Порфирогенита, что вызвало оживленную дискуссию между разными авторами. Однако здесь нет никакого противоречия. Фотий был схизматик и захватчик патриаршего престола, поэтому и назначенных им епископов ни патриарх Игнат с Василием Македонцем, ни их наследники не признавали «христианскими». В таких случаях в Средние века производилось новое крещение. Примеров тому множество как на Западе, так и на Востоке вплоть до XVI века. Классический пример такой практики – крещение православного Ягайло и его приближенных, а также православной Литвы (не Жамойтии), якобы «языческой», в 1387 году.

Отправка архиепископа и духовенства в земли восточных славян датируется 874 годом, то есть на 7 лет позже миссии Фотия. По Татищеву (30), читавшему «Иоакимову летопись», не сохранившуюся до наших дней, этим архиепископом был Михаил Болгарин**. Этот факт указывает пути, откуда шло к нам христианство. А оно в это время никак не могло идти из Византии, поскольку там отсутствовали славянские миссионерские кадры и было соглашение с Римом, распоряжавшимся соответствующими кадрами.

Кроме Болгарии христианство восточного славянского обряда шло из Моравии, Чехии и Паннонии***. Это утверждал еще в конце XIX века В. Василев-

---

* Этот эпизод – характерная для средневековой литературы выдумка, неуклонно вставлявшаяся в позднейшие рассказы о крещении всевозможных язычников. – *Прим. ред.*

** По сведениям В.Н. Татищева, эту летопись составил в XI веке новгородский архиепископ Иоаким. – *Прим. ред.*

*** Паннония – это Паннонское, или Блатенское княжество. Раннефеодальное славянское государство, существовавшее в IX веке на территории современной Венгрии вокруг озера Блатен (ныне Балатон). Его основал в 842 г. князь Прибина (убит в 860). Он же основал Блатенград. Вскоре после гибели (в 874 г.) князя Коцела, сына Прибина, княжество вошло в состав Великой Моравии. – *Прим. ред.*

ский (21), указывая на торговый путь между Киевом и Регенсбургом. И не только один этот торговый путь вел сюда миссионеров вместе с купцами. Все наши важнейшие города – Берестье (Брест), Гародня (Гродно), Туров, Псков, Чернигов, Полоцк, Витебск, Смоленск – лежат на древних торговых путях между Западной Европой, Скандинавией и странами Востока.

Сюда просится интересное сообщение (не позже 846 года) арабского писателя IX века Ибн-Хордабега о славянских купцах-христианах:

> «Что касается русских купцов, а они есть из славянского племени, то они идут из самых дальних концов Сакалаба /земель славян/ к морю русскому /Черному/ и продают там бобровые шкуры и горных лисиц /горностаев/, а также мечи. Царь Рума /Византии/ берет десятину с товаров.
>
> Другие спускаются по Танаису /Дону/, реке славян, проходят через Камадон /Итиль/, столицу Хазаров, и властелин /этой/ страны берет с них десятину. Оттуда они спускаются на судах на море /Каспийское/ до Джурджана /Дербент/ и выходят на берег, где им хочется. Иногда они провозят свой товар на верблюдах из города Джурджана в Багдад, и евнухи славянские служат им здесь переводчиками. Они называют себя христианами и как таковые платят поголовщину» (22).

О моравско-чешском направлении распространения христианства свидетельствует раннее знакомство наших предков с «Житиями» Вацлава и Людмилы, и то, что эти сочинения оказали влияние на первоначальное русское /киевское и полоцкое – *Ред.*/ летописание (23).

В конце IX века, во времена патриарха Льва (890–912 гг.), Русь записана в церковном уставе как 61-я митрополия под юрисдикцией патриарха, а во времена Константина Порфирогенита /правил в 913–959 гг. – *Ред.*/ она стояла на 60-м месте (24).

Не надо думать, что так называемая «русская» митрополия той поры была греческой как во времена Ярослава* несмотря на то, что она значилась в списках Константинопольского патриархата. Константинопольский патриарх официально считался главой всех восточных церквей, тогда как сама церковная жизнь была связана с местными иерархами.

Киевский князь Олег (882—912 гг.)

В X веке многие источники дают нам немало доводов в пользу того, что церковно-славянская письменность была уже широко распространена в восточнославянских землях, а вместе с ней и христианство. Так, договоры Олега 907 и 912 гг. были на «двух харатьях», то есть на греческом и славянском языках (25). Правда, летопись сообщает, что послы Олега в 907 году клялись славянскими языческими богами – Перуном и Велесом, но это не противоречит развитию христианства. Олег и его приближенные могли еще оставаться язычниками, так как процесс христианизации занял не один – два года, но несколько столетий!

* Ярослав Владимирович, которому Н.М. Карамзин дал в начале XIX века прозвище «Мудрый», правил в Киеве в 1016–1054 гг. – *Прим. ред.*

При Игоре в 944 году для закрепления договора часть княжеской дружины давала присягу в киевской церкви св. Ильи.

Частые походы на Византию в X веке, с участием почти всех племенных объединений восточных славян, свидетельствуют, что происходили различные конфликты с византийской империей, которая непосредственно или же с помощью разных кочевников вынуждала славян подчиниться империи. Такая же борьба шла между Болгарией и Византией, завершившаяся в 927 году полной победой Болгарии. Болгарская граница проходила тогда в 20 км от Солуня /ныне Салоники в Греции. – *Ред.*/, болгарский царь получил греческий титул «базилевс», а в церковных отношениях был установлен самостоятельный болгарский патриархат. Благодаря этому в X веке культурные и церковные связи наших земель с Болгарией стали прямыми и более глубокими (26).

В середине X века на историческую арену вышел германский император Оттон I, подчинивший себе Италию (951 г.), а в 955 году одержавший победу над мадьярами (венграми). Так начался исторический «Дранг нах Остен», поход против славян*. Помимо военной силы, опорой этого похода была немецкая церковная организация. Ее центром для Востока стал Магдебург. Непосредственным полем действия немецкой политики явились западные славяне. А у них был распространен восточнославянский обряд – в границах бывшей Моравской державы и в соседних землях: у Лужицких сербов, у Карпатских хорватов, и у вислян (в Малой Польше).

Император Священной Римской империи Оттон I

В это время произошло так называемое «крещение княгини Ольги» и ее поездка в 957 году в Константинополь. Все указывает на то, что Ольга хотела использовать в своих интересах самые мощные силы того времени: Византийскую империю и империю Оттона I. Обе поездки Ольги в Константинополь не удовлетворили ее с точки зрения независимости Киевского государства, поэтому в 959 году она послала посольство к Оттону с просьбой заключить договор о дружбе и прислать представителей Церкви для христианизации населения.

Оттон I в 961 году послал в Киев «епископа русского» Адальберта, бывшего монаха из монастыря св. Максимилиана в Лотарингии. Многие источники (28) согласны в том, что епископа Адальберта скоро прогнали с Руси, что он убедился в невозможности развернуть свою деятельность и в том, что информация русского посольства была фальшивой. Какие конкретные причины вызвали в Киеве враждебное отношение к Адальберту – неизвестно. Можно предположить, что в лице Адальберта киевляне видели представителя немецкого императора той самой латинской веры, которую силой навязывали западным славянам. Иначе говоря, Адальберт представлял не славянские, а чужие интересы. Очевидно тогда же произо-

* Оттон I (Otto; 912–973) – сын саксонского герцога Генриха I. С 936 – германский король. В 962 году создал Священную Римскую империю, после чего принял из рук Папы римского Льва VIII императорскую корону. – *Прим. ред.*

шел переворот на княжеском дворе в Киеве, ибо Ольга отошла от власти, а княжеский престол занял Святослав*.

Принято считать, что с приходом к власти Святослава верх взяла «языческая партия». На наш взгляд победила не языческая партия (ибо в религиозных отношениях фактически ничего не изменилось), а стремление дружинников и молодого князя осуществлять экспансию Руси в восточном и западном направлениях, чтобы полностью овладеть торговыми путями.

Епископ «русский» (киевский) Адальберт (961 г.)

Ольга, видимо, думала организовать – при поддержке императора Оттона – стабильное государство по примеру существующих христианских государств. Святослав же, после удачных походов против степняков на востоке, рассчитывал при поддержке византийского императора Никифора (963–969) использовать бездарность болгарского царя Петра и завладеть Болгарией. Отсюда его поход в Болгарию (968) и захват большого пространства между Дунаем и Черным морем. Он сел в Переяславце (29)**.

Но вскоре ему пришлось бороться с Цимисхием, наследником Никифора. После удачной битвы под Переяславцем в 971 году и провозглашения Бориса болгарским царем, Цимисхий быстро выбил Святослава из Болгарии. Последний погиб возле днепровских порогов от подосланных греками печенегов.

Киевский князь Ярополк Святославич (970–979 гг.)

Еще перед своим вторым походом в Болгарию Святослав посадил своих сыновей на престолы удельных княжеств: Ярополка в Киеве, Олега в Овруче, Владимира в Новгороде. Овруч был тогда столицей кривичских древлян и под властью Олега сразу перестал быть волостью Киевского государства, повернувшись к независимости.

Ярополк (970–979), а вместе с ним и правящая киевская знать, наученные горьким опытом отцовской провизантийской политики, вернулись к политике Ольги, то есть к ориентации на Запад. Первым их шагом сразу после смерти Святослава стало посольство к Оттону I в Квендлибург в 973 году (30). Нам неизвестно содержание переговоров русской (киевской) делегации с немецким императором, но уже сам факт посылки такой делегации весьма показателен.

* Святослав – сын варяжского князя Игоря (Игнвара), правившего в 912–945. По «ВКЛ», утвердился на киевском престоле в 964. Убит в 972. – *Прим. ред.*

** Переяславец находился в устье Дуная. – *Прим. ред.*

Идя по следам Ольги, Ярополк рассчитывал создать стабильное Киевское государство, надо полагать с христианским строем и в связи с Римом. Он начал прежде всего борьбу со своими братьями за увеличение самой Руси /Киевского княжества. — *Ред.*/. В борьбе с древлянами ему удалось при помощи своего союзника польского князя Мешко I овладеть Овручем и убить Олега. Следующим этапом стало подчинение Новгорода, где княжил Владимир. Но Владимир подался в Скандинавию, и там нанял варягов для борьбы с Ярополком.

В 979 году, видимо именно тогда, когда Ярополк должен был официально провозгласить свое государство христианским, в Киев прибыла делегация от Папы Бенедикта VII. О ней летописец коротко пишет: «В тот же год (979) приходили послы к Ярополку из Рима от папы» (31). Согласно Петру Дамианскому (32) и хронике Адемара Шабанского тогда же состоялось «крещение Руси», иначе говоря, признание христианской веры господствующей.

Однако Ярополку не удалось осуществить свои намерения, так как в 980 году Владимир прибыл из Новгорода, убил Ярополка и пошел другим путем.

Часть 2

С прихода Владимира к власти в тогдашней Руси принято начинать историю Полотчины, поскольку летописи приводят сообщение о нападении Владимира на Полоцк из Новгорода с варяжской дружиной, убийстве полоцкого князя Рогволода и его сыновей, насильном взятии себе в жены княжны Рогнеды.

Однако критическая оценка ПВЛ и, в частности, Лаврентьевской летописи на фоне других материалов приводит к глубокому сомнению относительно правдоподобности этих сообщений. Уже при внешнем взгляде на раздел «лето 6488» в ПВЛ и раздел 1128 в Лаврентьевской летописи бросается в глаза обширное пространное повествование, резко отличающееся от скупых и сухих летописных заметок. Вне всяких сомнений это более поздние компиляторские вставки, то ли взятые из народных легенд, то ли созданные самими компиляторами на основе тогдашней фантастической литературы, на что обращали внимание еще А.А. Шахматов и другие исследователи (34). По Шахматову, раздел 1128 (год) в Лаврентьевской летописи имеет более древние черты, чем раздел 6488 (год) в ПВЛ. В Лаврентьевской летописи говорится:

> «О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведущии преж. Яко Рогволоду держащю и владеющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новегороде, детьску сущю, еще и погану. И бе уй его Добрына воевода и храбор и наряден муж. И съ посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера. Он же рече дъщери своей: «Хощещи ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робинича, но Ярополка хочю». Бе бо Роговолод перешел из заморья, имяше волость свою Полтеск.
>
> Слышавше же, Володимер разгневася о той речи, оже рече «не хочю я за робинича», пожалиси Добрына и исполнися ярости. И поемеше вои идоша на Полтеск и победиста Роговолода. Рогъволод же вбеже в город и приступившъе к городу и взяша город и самого /Роговолода/ яша и жену его и дщерь его. И Добрына поноси ему и дщери его, нарек ей робинича, и повеле Володимеру быти с нею пред отцемъ ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене и нарекоша ей имя Горислава и роди Изяслава.

Поя же пакы ины жены многы и нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хоте и зарезати ножемъ. И ключися ему убудитися и я ю за руку. Она же рече, сжалися бях: «Зане отца моего уби и землю его полони меня деля, – и се ныне не любиши меня и с младенцем симъ. И повеле ею устроитися во всю тварь царьскую, якоже в день посага ея, и сести на постели светлее в храмине, да пришед потнеть ю. Она же тако сотвори. И давши же мечь сынови своему Изяславу в руку наг, и рече: «Яко внидеть ти отець, рци, выступя: «Отче, еда един мнишися ходя!» Володимер же рече: «а хто тя мнел сде!» И поверг мечь свой, и созва боляры, поведа им.

Они же рекоша: «Уже не убивай ся, дитяти деля сего, но въздвигни отчину ея. И дай ей с сыном своим». Володимер же устрои город, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттоле мечь взимають роговоложи внуци, противу Ярославлим внуком».

Внимательному читателю бросается в глаза явная фантастика этого рассказа. Прежде всего – политическая неувязка. Кто кем командует, Добрыня или Владимир? Выглядит так, что главный – Добрыня. В ПВЛ эта деталь пропущена.

Далее, Владимир набрал наемное войско за морем против Ярополка, а здесь, еще не добравшись до своего брата, он уже начинает войну с Полоцком, якобы из-за оскорбления Рогнеды. Здесь Владимир показан «детьску сущю» – юношей. В ПВЛ это тоже пропущено.

Реконструкция: полоцкий князь Изяслав (988–1001 гг.) со своим дружинником

Сцена с изнасилованием Рогнеды на глазах у родителей аналогична описанию изнасилования во время Корсуньского похода, следовательно, взята из какого-то другого фантастического рассказа, видимо типового, чтобы подчеркнуть лютость насильника. В ПВЛ обе эти сцены выброшены.

ПВЛ сообщает о четырех сыновьях Владимира от Рогнеды, Лаврентьевская летопись – только об одном Изяславе, с которым связывает романтическую сцену защиты своей матери и «доброту» Владимира, якобы построившего Изяславль в качестве столицы для своего сына в Полоцкой земле*.

Все это явная легенда, имеющая свое объяснение: «оттоле мечь взимають роговоложи внуци, противу Ярославлим внуком». Иначе говоря, она (легенда) была создана во времена Владимира «Мономаха» для обоснования двух вещей:

а) якобы «законной» принадлежности издавна независимой Полотчины русской державе, созданной Владимиром;

* Сыновьями Рогнеды от Владимира принято считать Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода. – *Прим. ред.*

б) объяснения враждебности кривичских земель к Руси якобы родовой местью.

Здесь, однако, вылезает шило из мешка: автор сказочной вставки о Рогнеде называет Изяслава и его наследников «рогволодовыми внуками», хотя согласно выдумке они – «внуки» Владимира и Ярослава. Наивно также объяснение названия города Изяславль, будто бы построенного Владимиром, на который Мономах не раз ходил походом, чтобы «покарать» кривичей.

Все это свидетельствует о том, что начальный период истории Полоцкой державы сильно фальсифицирован в летописях и ждет отдельного глубокого изучения. Факт остается фактом: Рогволод был независимым князем Полоцкой земли, а Изяслав – его сыном. Подтверждается это расчетом времени жизни Изяслава и его сыновей. Если же принять летописную сказку за правду, то выходит, что Изяслав умер в возрасте 20 лет (35), а его сын Всеслав, княживший после смерти отца, прожил самое большее три года! (36). Рогнеда – лицо историческое, возможно, жена Владимира и мать Ярослава (37), но без всех этих легендарных и фантастических «украшений».

Если принять то, что Изяслав был сыном Рогволода, а не Владимира, отпадает вся конструкция о христианизации наших земель, созданная киевской летописной и светской литературой. В конце концов противоречит этой конструкции и сама летопись, сообщая под 6553 (1044) годом что Всеслав, сын Брачислава, родился «от волхованья» с отметиной на голове и что «волсви» давали советы его матери. Это свидетельствовало бы о том, что на княжеском дворе в Полоцке середины XI века советниками были не христианские священники, а «языческие» волхвы. Говоря другими словами, исчезало бы то, что в Полоцке процесс христианизации происходил эволюционным порядком, в Полоцке были церкви и церковная иерархия (38), в а Заславле (Полоцком) существовал монастырь, где в 1000-м году окончилась жизнь Рогнеды (39).

Надо также отнести к сказкам и летописное описание «языческого» периода жизни Владимира. Якобы он «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дьщери, и жряху бесомъ» (40). Этот рассказ подобен другому рассказу (напоминающему Библию) о 12 детях (обязательно 12!) и сотнях наложницах: «бе бо у него 300 Вышегороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове в селци», кстати, летописец сам раскрывает свой источник: «Бе бо женолюбец, яко же и Соломонъ: бе бо, у Соломана женъ 700, а наложниць 300».

Все эти вставки – в духе средневековой агиографической литературы, сгущавшей темные краски с целью показа непристойной жизни людей до принятия ими христианства, и всеобъемлющей ее перемены после крещения*.

Совершенно ясно, что Владимир, захватив власть в Киеве, не создавал никакого языческого пантеона. Наивно думать, что акт «установки кумиров» в Киеве в конце X века, когда все европейские государства уже давно были христианскими, и когда христианство быстро распространялось на восточнославянских землях, мог бы символизировать установление государственной религии без

* Агиография – церковные биографии людей, объявленных святыми. – *Прим. ред.*

иерархии священников, о которых нет ни слова в летописях. Разве где-нибудь существовала языческая религия государственного характера без священников?

«Кумиры» стояли раньше в столицах и в местах публичного культа славянских земель, но культ исполнялся иерархией священников (жрецов), о чем мы хорошо знаем по ранней истории западных славян, пруссов и частично Литвы. Такой же языческий культ, весьма вероятно, был и в Киеве – с главными кумирами Перуном и Велесом, перед которыми клялись дружинники первой половины X века. Стояли кумиры и отправлялся языческий культ и во времена Владимира наряду с христианскими святынями, культом святой Троицы и святых*. Летописец, перечисляя имена разных кумиров, сгущает краски, попутно демонстрируя некоторое знание языческой мифологии. Трудно также поверить в рассказ летописца о преследовании христиан, к тому же собственных воинов-дружинников, о приношении людей в жертву ку-

Языческие «кумиры» (идолы) древнего Киева

* На беларуских землях очень долго одновременно существовали язычество и христианство (так наз. «двоеверие»). Значительная часть населения (особенно сельского) сохранила языческие верования, лишь внешне восприняв христианское вероучение («христианская форма – языческое содержание»). Многие языческие представления, обряды и ритуалы до сих пор распространены среди беларусов. – *Прим. ред.*

мирам. Все это – чисто литературный прием: окрашивание языческого периода жизни Владимира в черный цвет, и по контрасту обеление его после «крещения»*.

Другой легендой в летописи является сообщение об «испытании вер», согласно которому к Владимиру приходили отовсюду религиозные миссии – с востока и запада, от ислама и иудаизма, и убеждали его в истинности своих вер. Владимир колебался до той поры, пока греческий Константин Философ не объяснил ему суть греческой веры и полностью убедил и склонил к выбору греческой веры. Весь этот громадный теологический трактат в виде вопросов и ответов является научной работой компилятора, использовавшего старые болгарские источники об участии Константина Философа (Кирилла) в крещении царя Бориса в 861 году.

Другое дело, что нельзя исключить разные посольства к Владимиру, особенно после того как ему удалось закрепиться на престоле в Киеве и провести ряд удачных походов: против Галичины (981 г.), вятичей (982 г.), ятвягов (983 г.) и болгар (984 г.). Больше всего спорят относительно похода Владимира против болгар, названых в «Похвале Владимиру» «серебряными». Одна часть ученых хочет видеть болгар волжских, другая часть – задунайских. Нам кажется более правдоподобным то, что Владимир после завоевания Волыни, Галичины и Прикарпатья пытался пробиться в Молдавию и бассейн Дуная (куда пробивался его отец Святослав), используя упорную борьбу болгар в это время с Византией. Однако крупные успехи болгар не позволили Владимиру захватить придунайскую территорию (41).

Что касается «выбора веры», то автор летописного трактата ставил своей целью таким способом возвысить греческую веру. Никакого выбора быть не могло, поскольку в ходе исторического процесса христианство уже более 100 лет развивалось на восточных славянских землях, притом христианство восточного обряда, со славянским языком. Это подтверждает Папа Иоанн XIII в своей булле 972 года, подчеркивая распространение восточнославянского обряда в Болгарии, Руси /Киевской. – *Ред.*/ и Славонии (Паннонии) (42).

Борьба между Римом и Константинополем шла за юрисдикцию восточного обряда. Очевидно, что союзное участие Владимира в борьбе с Болгарией производило впечатление, что Русь, как и во времена Святослава, склонялась на сторону Византии. Поэтому энергичный Папа Иоанн XV в 986 году послал своих легатов к Владимиру, о чем записано в Никоновской летописи (43). В это же время на службе у Владимира находился Олаф Трюгвесон, в дальнейшем – король Норвегии и ее первый креститель**. Будучи в Константинополе, он принял восточный обряд, а вернувшись в Киев, склонял Владимира к крещению – так сообщает исландская сага (44)*. Все это свидетельствует о безосновательности выдумок о так называемом «языческом» периоде жизни Владимира.

* Здесь Пануцевич не вполне прав. Людей действительно приносили в жертву, но не славянским «кумирам», а варяжским богам (точнее, скандинавскому богу Одину). В частности, именно так завершилась жизнь князя Тура и его сына Комара. – *Прим. ред.*

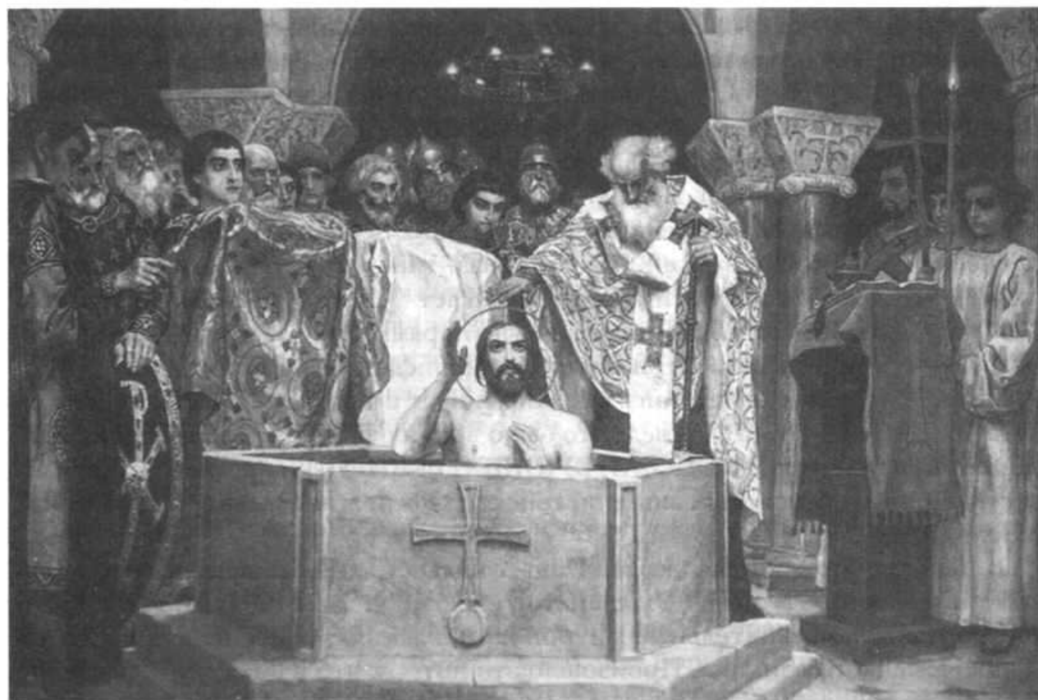
** Олаф Трюгвесон погиб в 1000 году в битве с датчанами при Своллере. – *Прим. ред.*

Великий туман вокруг обстоятельств крещения Владимира в источниках и их противоречивость приводят большинство современных исследователей к выводу о том, что Владимир крестился в Киеве в 987 году именно в тот момент, когда там пребывала папская делегация. Год 987 вытекает из «Жития Бориса и Глеба» Нестора и «Памяти и похвалы Владимира» монаха Якова (45).

Так называемая Корсуньская легенда о крещении Владимира, вошедшая в ПВЛ, связывает крещение Владимира с его походом на Корсунь в конце 988 года (46). Поход этот подтверждается различными византийскими и арабскими источниками (47), так что основа Корсуньской легенды правдоподобна.

Цель похода: наказание Владимиром византийского императора Василия II за неисполнение условия о выдаче его сестры Анны замуж за Владимира в качестве платы за посылку в Византию в том же году воинского отряда (6 тыс. чел.) для борьбы императора с Вардой Фокой и другими повстанцами в Малой Азии. Император тогда вышел победителем в очень трудной ситуации, но Анну Владимиру все не посылал. И вот Корсуньский поход Владимира в 988–989 гг. и захват этой богатой греческой колонии в Крыму с помощью местного духовенства (которое, видимо, не поддерживало политику Византии) заставили Василия II незамедлительно прислать сестру в Корсунь. Там должно было состояться «крещение» Владимира в церкви св. Василия, а затем его свадьба с Анной при участии греческого духовенства, прибывшего вместе с принцессой.

Что это за крещение? На наш взгляд – оно было повторным крещением Владимира из рук греческого духовенства и Корсуньского епископа, крещение ради «уверенности» перед таинством брака, что в те времена широко практиковалось

Крещение киевского князя Владимира в Корсуни (картина В.М. Васнецова)

повсюду. Позднейшая греческая историография выставила это корсуньское крещение как «настоящее», умолчав о предыдущем – из рук папского духовенства. А в независимых источниках – сочинениях монаха Якова и Нестора – за основу было взято первое крещение – в соответствии с символом веры «единое крещение»*.

Десятинная церковь в Киеве (IX–X вв.). Реконструкция

Однако Владимир в Корсуни обвел греческую делегацию вокруг пальца. Главой Десятинной церкви (неизвестной в Византии!) в Киеве он поставил Анастаса Корсунянина, набрал послушное себе корсуньское духовенство (знавшее церковно-славянский язык) и уклонился от насаждения в «русской» церкви присланного византийского духовенства, о котором упоминает Яхия Антиохийский (48).

Интересно еще отметить сообщение Никоновской летописи под 988 годом (6496 г.), где сухо говорится о том, что приходили в то лето послы от папы с мощами Климента Римского (49) и сообщение ПВЛ: «Уладимеръ же посем поемъ царицю, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, пойма съсуды церковные и иконы на благословенье себе» (50). Из этих сообщений следует, что во время крещения и брака Владимира в Корсуни там находилось папское посольство, которое привезло из Рима мощи Папы Климента I (вывезенные Константином-Кириллом в 861 г. и переданные в Рим в 867 г.). Надо думать, что переговоры с папской делегацией оказали решающее значение на ход дальнейших церковных событий и на отклонение греческой иерархии. Поэтому византийские источники обошли молчанием это важное событие и следующие 48 лет (!), они «проснулись» только в 1037 году, когда Ярослав Владимирович /по Карамзину – «Мудрый» – *Ред.*/ принял греческое духовенство и византийскую юрисдикцию.

Далее Никоновская летопись сухо упоминает о приходе папских послов на Русь под 991 и 994 гг. (51). А ведь это было время официального введения христианства на Руси как ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ РЕЛИГИИ и преследований язычества. Тогда же были основаны епископские кафедры вне Киева – в Новгороде и Белгороде.

В 1000 году, при понтификации Папы Сильвестра II, являвшегося наставником императора Оттона III /император с 996 до января 1002 г. – *Ред.*/, были установлены самостоятельные митрополии в землях, ранее находившихся в сфере немецкого влияния. Произошло это потому, что в 997 году восставшие

* Т.е. силу имеет только первое крещение. – *Прим. ред.*

западные славяне сбросили немецкое ярмо и уничтожили Магдебургскую митрополию. Оттону III пришлось сменить политику насилия на политику уступок. В частности, в Польше были установлены две митрополии, одна – латинского обряда (в Гнезно), другая – восточного обряда (53). Где находился центр митрополии восточного обряда в Польше точно не установлено, возможно в Плоцке, возможно в Сандомире, но в любом случае она ставила своей целью проникновение в земли лютичей, поморян и пруссов (53). Годом позже (в 1001) была учреждена митрополия в Гране в Венгрии.

Оттон III и в дальнейшем развивал миссионерскую деятельность в восточном направлении. Так, он послал миссию бенедиктинцев во главе с Бруно в Польшу, чтобы оттуда действовать на восток. Миссия состояла первоначально из 5 человек и была подготовлена к распространению христианства восточного обряда.

В 999 и 1000 гг. Никоновская летопись снова отмечает прибытие папской делегации к Владимиру, а годом позже Владимир уже сам послал в Рим свою делегацию (54).

Прибытие папской делегации в 1000 году в Киев с большим сопровождением из венгров и чехов некоторые исследователи связывают с доставкой Владимиру королевской короны и коронацией киевского князя (55). Соответственно, киевское посольство в Рим в 1001 году они считают выражением благодарности Владимира Папе Сильвестру II.

В дальнейшем заслуживает внимания миссия епископа Бруно в 1007 году к печенегам и к Владимиру в Киев.

В это время уже не было в живых Оттона III, а на престоле императора сидел Генрих II. Как ему, так и польскому королю Болеславу (Храброму), который вел некоторую борьбу с немцами за самостоятельность своего королевства, используя проблемы немцев с западными славянами, требовалось иметь дружеские отношения с Владимиром. А печенеги были для Киевской Руси поистине «бичом божьим». Бруно провел у печенегов 5 месяцев, крестил в христианскую веру 30 печенегов и создал особую епархию и, вроде бы, установил дружественные отношения с Владимиром (56).

Результат миссии Бруно у печенегов не был настолько значительным, чтобы он оставил прочный след. Очевидно большую роль играла политика Болеслава Храброго, непосредственно от которого поехал на восток Бруно. Именно польскому королю следовало подчинить восточно-славянские земли своей только что созданной митрополии восточного обряда, а печенеги должны были стать союзной силой в случае возможных конфликтов с Русью. На эту мысль наводит договоренность Бруно с печенегами о том, что «если господарь Руси станет колебаться в верности (печенегам), то мы просто будем воевать с ними без обиды христианству».

Владимир, видимо подозревал Бруно в нечистом деле, так как отнесся к нему холодно, особенно, когда Бруно возвращался назад в Польшу.

В дальнейшем Бруно, как он пишет в письме Генриху II, колебался, куда податься с миссией – то ли к лютичам, то ли к пруссам. Немцам больше подходила миссия Бруно к лютичам, с которыми у них шла борьба. Однако Бруно пошел по линии политики Болеслава Храброго и в 1008 году отправился на «пограничье между Литвой и Пруссами» (58) – то есть в земли Подляшья и Сувалкии –

в земли кривичей с целью вовлечения их в польскую восточно-славянскую митрополию. Просить разрешения на эту миссию у Владимира не было нужды, поскольку кривичские земли были независимы от Руси.

В миссии Бруно на наши земли было 20 человек, среди них 5 священников. Поначалу миссия имела некоторые успехи. Принял ее неизвестный нам «король» Натимер (Nothimer). Епископ Бруно с помощью духовенства торжественно отслужил святую литургию, а затем король Натимер принял его у себя.

Убийство Св. Бруно 9 марта 1009 г.

Согласно свидетельству присутствовавшего там некоего брата Виперта /монаха/ (59), король Натимер сказал: «у нас есть свои боги, которым поклоняемся и которым верим». На этот отрицательный ответ короля Бруно попросил принести фигурки божеств и бросил их в огонь. Затем был зажжен большой костер, в который Бруно поставил свое сиденье и сидел в огне без всякого вреда для себя, а его духовные пели семь псалмов. Понятно, что эта фантастика – позднейшая вставка в сообщение Виперта, в духе сообщений «нетленности» святых особ и святого Евангелия, характерных для средневековой литературы. Далее говорится о том, что король Натимер, пораженный увиденным, обратился в «истинную веру» и принял крещение вместе с 300 дружинниками.

Бруно некоторое время проповедовал и в других местах, но какой-то местный князь схватил миссионеров и приказал отрубить голову епископу Бруно, священников повесить, а брату Виперту выколоть глаза и отпустить. Вся эта трагедия произошла 9 марта 1009 года.

Но гибель Бруно не остановила крупную акцию, задуманную Болеславом Храбрым. Ее продолжение очевидно в событиях, связанных со Святополком, князем Туровским.

Еще в 1008 году, когда Бруно возвращался от печенегов, он сказал Владимиру, что для обеспечения устойчивых мирных отношений с печенегами надо дать им в качестве заложника одного из своих сыновей. Некоторые думают, что Владимир послал к печенегам Святополка, которого не любил*. В любом случае, Святополк уже тогда должен был познакомиться с тайной миссии Бруно и принять ее как выгодную для себя. Возможно, что он действительно какое-то время находился у печенегов, где уточнил планы и взаимные обязательства, а оттуда подался к Болеславу Храброму примерно в 1011 или 1012 году, женился на дочери Болеслава и заключил с ним договор о совместных действиях и военной

* Владимир убил своего брата Ярополка Святославича в 980 г. Жена последнего, бывшая греческая монахиня, была в это время беременной. Владимир взял ее в свой гарем и когда она родила Святополка, объявил мальчика своим сыном. Но фактический отец – Ярополк. – *Прим. ред.*

помощи. Понятно, что была достигнута договоренность в деле признания юрисдикции польского восточного митрополита, от имени которого был делегирован епископ Райберн.

Вероятно, женитьба Святополка состоялась в конце 1012 года, так как младшая дочь Болеслава от третьей жены в это время только-только достигла соответствующего возраста (60).

В начале 1013 года Святополк с женой и епископом Райберном прибыл в Пинск, столицу своего Туровского княжества.

Во всей литературе, затрагивающей Святополка и епископа Райберна, утверждается, что это католический епископ (латинянин), и что Святополк хотел ввести западный латинский обряд вопреки восточному (славянскому), якобы установленному Владимиром. Но такое суждение не имеет оснований, для этого нет никаких данных. Даже летопись, называя Святополка «окаянным», не приписывает ему латинство. Вот как его характеризует хроника Дитмара:

> «Послан был из Польши Райберн, настоятель Кольберга /ныне Колобжег – Ред./. Родом он из местности Гасегун, учился у мудрых наставников вольным наукам, он достиг сана епископа, я думаю, по заслугам. Как он был избран для дела, порученного ему, у меня не хватает ни сведений, ни даже возможности делать допущения. Он разрушил капища идолов и сбросил четыре камня, смазанные святым елеем, в море, которое считалось чертовским. Он вырастил Всемогущему Богу новый росток на бесплодном дереве, то есть привил святое Благовещенье в народе, считавшееся грубым. Терзая свое тело непрерывным постом и страданиями, он возвысил свое сердце для видения Божественного через контемпляции...» (63).

Как видим, здесь нет речи о «латинстве». Наоборот, приводится информация о том, что он был настоятелем в Кольберге, то есть на берегу Балтийского моря, у поморян, где именно в это время проводилась восточнославянская акция. Ему удалось ввести там христианство, уничтожить языческие идолы и место отправления культа на холме возле моря (63). Далее Дитмар пишет:

> (Владимир) «услышав, что его собственный сын, согласно тайной договоренности с Болеславом, готовится к восстанию против него, посадил его с женой и Райберном в одиночное заключение».

Во время заключения епископ Райберн умер.

Из этого рассказа следует, что не успел Святополк развернуться, как попал в заключение, что должно было произойти вскоре после возвращения его в Пинск в начале 1013 года, так как уже летом Болеслав Храбрый, при поддержке немцев и печенегов, атаковал русские земли. Но освободить Святополка тогда не удалось.

Святополк Владимирович, князь Турова (988–1015) и Киева (1015–1019), незаслуженно прозванный «Окаянным»

После смерти Владимира в Берестове 15 июля 1015 года Святополк вышел на свободу и занял престол в Киеве. В это время другие сы-

новья Владимира были вне Киева. Борис (ростовский) находился в походе против печенегов, а узнав о смерти отца, поспешил вернуться в Киев. Глеб был в Муроме, Ярослав в Новгороде, Мстислав в Тмутаракани.

В ПВЛ под 6523 (1015) годом помещен целый рассказ «о убьеньи Бориса». В этом рассказе, взятом из «Сказанiя о убiенiи святую мученику Бориса и Глеба» говорится, что Борис остановился под Киевом на реке Альте, якобы потому, что не хотел поднимать оружие против своего брата. Тогда дружина его покинула, остались только слуги, а Святополк будто бы подговорил жителей Вышгорода убить беззащитного Бориса. Убийство произошло на Альте, ночью, его описание живьем взято из чешских легенд о Вацлаве и Людмиле (64). В другой части рассказа добавлено, что Борис еще дышал, когда убийцы везли его, израненного, в Киев или Вышгород, а Святополк, узнав об этом /он ни в коем случае не мог так быстро узнать это. — *Ред.*/ послал варягов прикончить Бориса. Тело они похоронили на кладбище возле церкви св. Василия в Вышгороде.

После убийства Бориса Святополк решил убить Глеба. Якобы он обманом вызывал его в Киев: «поиде вборзе, отец тя зоветь». Глеб с малой дружиной отправился в путь верхом, но в дороге случилось происшествие, тогда он по реке добрался до окрестностей Смоленска и остановился на Смядыни. Во время этой остановки Глеб якобы получил сообщение от Ярослава из Новгорода о смерти отца и убийстве Бориса Святополком /с учетом расстояний и тогдашних средств передвижения это полная фантастика. — *Ред.*/ Но Глеб, как и подобает будущему святому, только молился до той поры, пока не появились люди, посланные Святополком, и приказали слугам Глеба убить его на собственном корабле. Некий Торчин, повар Глеба, ножом «зареза Глеба, акы агня непорочно». Его тело было брошено на берегу Днепра, а через четыре года, по «Сказанию», привезено в Вышгород и похоронено возле брата Бориса /естественно, тело все 4 года оставалось «нетленным», несмотря на то, что лежало под открытым небом. — *Ред.*/.

За эти страшные деяния ПВЛ рисует облик Святополка самыми черными красками и называет «окаянным» («оканьнии»).

Варяги на службе у киевского князя (XI век)

Отделить правду от вымысла во всем этом не так-то легко. Описание событий было сделано намного позже, лет так через 100, когда уже существовала легенда о Борисе и Глебе, сочиненная Ярославом и его приближенными. Свет на обстоятельства убийства Бориса бросает «Сага об Эймунде» (65). Эймунд, предводитель варягов на службе у Ярослава, участвовал в борьбе Ярослава со Святополком, о чем мы еще скажем. После победы Ярослава над Святополком он получил от Ярослава приказ обманом убить Бурислейфа (Бориса) – брата Ярослава. Он взял своего родича Рагнара и 10 варягов и приказал им переодеться купцами, чтобы не быть узнанными. В лесу на поляне, где планировалась встреча с Бурислейфом, они устроили засаду. Когда появился Борис (Бурислейф) со своей дружиной, Эймунд, переодевшись нищим, осмотрел расположение лагеря и то место, где устроился князь. Ночью, когда все спали, Эймунд со своими людьми тихо проник в шатер Бориса, отрубил князю голову и, прихватив ее с собой, вернулся в Киев.

Варяг на службе у киевского князя (XI век)

Ярослав похвалил варягов за исполненное задание и приказал еще раз пойти на то место, где был убит Бурислейф, забрать туловище убитого и похоронить. Эймунд со своими варягами вернулся на ту поляну, где обнаружили тело убитого и больше никого, ибо согласно с суждением героя саги, дружинники на вече посовещались между собой после смерти своего князя и разошлись кто куда. Убитому сделали гроб, приставили к телу голову и привезли в Киев, после чего состоялись похороны в «месте, известном многим», значит в Вышгороде.

Весь этот рассказ похож на тот, что приведен в летописи и в «Сказании». Трудно допустить, что сюжет саги был взят из «русских» источников. Сага передает много других правдивых случаев времен борьбы со Святополком (в тональности восхваления «героизма» своих героев). Таким образом, и рассказ об убийстве Бурислейфа является весьма правдоподобным. Следовательно, это работа не Святополка, а Ярослава. Об убийстве Глеба в «Сказании» слишком много фантастики. Например, труп убитого четыре года лежал «нетленный» на берегу Днепра, никем не узнанный и не погребенный. Приписывать это убийство Святополку нет никаких оснований.

Святополк, освободившийся из заключения, не имел времени на то, чтобы убивать своих братьев. Дитмар, хорошо информированный об этих событиях (66), пишет так:

> «Князь (Владимир) умер под бременем возраста, оставив все свое наследство двум сыновьям; третий находился до того в темнице, из которой вырвался, и оставив там жену, прибежал к тестю (Болеславу Храброму)».

Дитмар не обратил внимания на кратковременную попытку Святополка удержать власть в Киеве именно потому, что она была весьма непродолжительной. Вероятно, Дитмар был прав. О кратковременности пребывании Святополка в Киеве мы судим по Новгородскому, Лаврентьевскому и другим спискам «русских» летописей. Они излагают события, начиная с 1014 года, когда Ярослав в Новгороде отказался платить дань Владимиру, своему отцу, что неизбежно вело к столкновению Киева с Новгородом. Ярослав уже тогда нанял варягов против Киева и был занят приготовлениями к войне. Сообщение о смерти Владимира и захвате власти в Киеве Святополком пришло в Новгород во время конфликта Ярослава с новгородцами по причине чересчур буйного поведения варягов в городе. Ярослав кроваво подавил бунт и сумел добиться согласия новгородцев на поход к Киеву, против Святополка вместе с варягами, а всего 4 тысячи человек. Со своей стороны Святослав поспешно готовился к обороне, «собра бещисла множество вои».

Столкновение произошло возле Любеча очень скоро после смерти Владимира. Как только весть об этом дошла до Новгорода, Ярослав привел оттуда войско. Это, самое большее, три недели. На Днепре противники стояли двумя лагерями напротив друг друга в течение трех месяцев, ожидая выгодного для себя момента. Так наступили осенние заморозки. «Сага об Эймунде» приписывает варягам инициативу в начале военных действий (67). Новгородский список рассказывает о «диверсии» Ярослава. Дескать, он через подосланных агентов споил войско Ярослава, после чего напал и разбил это войско вдребезги. А союзные Святополку печенеги стояли в это время за озером и по причине тонкого льда не могли придти на помощь (68).

Паника в лагере Святополка, видимо, была очень большой, ибо Святополк прямо с места битвы поспешил в Польшу, искать помощи, и у него не было времени заехать в Киев, чтобы забрать с собой жену. Где уж в такой ситуации расправляться с Борисом и Глебом, как утверждает «Сказание»?!

Святополк пробыл в Польше около трех лет (1015–1018), а за это время Ярослав укрепился в Киеве. Он заключил военный союз с немецким императором Генрихом II против Болеслава Храброго. Немцы начали военные действия в 1015 году, но Болеслав благодаря оборонительной тактике сумел сохранить силы. В 1017 году в самый разгар борьбы Польши с немцами выступил и Ярослав с «Русью» /киевлянами/, варягами и словенами /новгородскими/. Его войско пришло на Буг в районе Берестья (69). Тогда Болеслав натравил печенегов на Киев, который оборонял Эймунд (70). В Киеве сгорело много домов и церквей. Ярослав, опасаясь потери Киева, вернулся туда со своим войском и вместе с варягами из города отбросил печенегов. Сага сообщает, что в бою с печенегами

на улицах Киева Ярослав был ранен стрелой в ногу, что еще больше усилило его хромоту (71).

Как только Болеслав в 1018 году подписал мир с Генрихом II, он сразу вместе со Святополком пошел на Киев. В середине июля 1018 года Ярослав прибыл с войском к Бугу, но уже на Волыни. Сражение произошло 23 июля, в нем Ярослав был полностью разбит и добрался до Новгорода с одними только приближенными, где занялся сбором средств для найма варяжских дружинников (72).

Поход Болеслава и Святополка на Киев происходил без какого-либо сопротивления населения и по меркам того времени – молниеносно. Уже 14 августа союзники вошли в Киев. Дитмар объясняет скорость похода и отсутствие заметного сопротивления популярностью Святополка среди населения и поддержкой его. Не могло быть и речи о враждебности к политике Святополка, на что особо напирают летопись и «Сказание» – произведения враждебной, прогреческой партии. Вот как описывает Дитмар встречу Болеслава и Святополка киевским духовенством:

«Архиепископ этого города с мощами святых и разнообразными церковными украшениями торжественно встретил их вступление возле монастыря св. Софии, который в прошлом году сгорел после несчастного случая» (73).

В другом месте Дитмар дает интересное описание Киева после вступления союзных войск:

«В большом городе, который был столицей этого государства (Руси – *Авт.*) находилось более 400 церквей, 8 рынков и великое сосредоточение населения, которое, как и вся эта округа, состоит из беглых невольников, бегущих сюда отовсюду, и очень разбойных Данов (т.е. скандинавов – *Авт.*)» (74).

Эти сообщения Дитмара находят подтверждение в других источниках, и свидетельствуют о расцвете церковно-религиозной жизни и закрепившейся в народе традиции, о связи с Апостольским престолом.

Не было произведено никаких перемен в Церкви. Наоборот, мы имеем данные о том, что Киевский архиепископ Анастас Корсуньский нашел в Болеславе и Святополке своих покровителей, причем Болеслав при своем уходе из Киева забрал Анастаса с собой. Видимо, он раньше посылал его к Ярославу как посредника, чтобы тот выдал его дочь /жену Святополка/ в обмен на мачеху, жену и сестру Ярослава (75).

Болеслав недолго оставался в Киеве. Уже осенью 1018 года он вернулся в Польшу с богатой добычей и пленниками, захватив еще по пути города Червенской земли. Так называемая «Хроника анонимная», приписываемая Галюшу, в связи с этим упоминает битву Ярослава на Буге с уничтожением какого-то города Святополка и полонением его населения (76). Не исключено, что Ярослав пытался помешать возвращению Болеслава, но безуспешно, и тогда он уничтожил Пинск (столицу княжества Святослава), так как с этого времени Пинск исчез со страниц летописей до конца XII века.

Отметим еще одну деталь, проливающую свет на церковную ориентацию Ярослава. Болеслав Храбрый, вернувшись в Польшу, сразу же послал аббата Туна к Генриху II с декларацией верности, а в Византию посольство с обещанием под-

держивать взаимную дружбу и с угрозой, что если греки нарушат мир, то они встретят надлежащий отпор (77).

Святополк удержался в Киеве до осени 1019 года. Нигде нет никаких упоминаний о попытках религиозных перемен или его жестокости к населению. Тем временем Ярослав нанял новое войско и пошел на Киев. Святополк отступил из Киева на юг, на реку Альту. Там произошел решающий бой. Святополк и его союзники печенеги были разбиты, сам Святополк где-то погиб (78).

Так закончилась борьба со Святополком. Не закончилась, однако, борьба с Ярославом и его политикой, направленной в сторону Византии. Первые следы этого мы находим в Никоновской летописи под 6525 (1017) годом:

> «Иде Ярославъ къ Кіеву, і погоре градъ и церквей много, яко до седмисотъ, и опечалися Ярославъ. Того же лета заложи Ярославъ градъ Кіевъ боле пръвого, и злата врата постави, и церковь Святыя Софіи заложи, и много церквей постави, и безъ числа именіа раздаа нищим».

Эти события в Лаврентьевском и Новгородском списках совершенно необоснованно отнесены к 1037 году, в связи с чем имеет место исторический анахронизм – рассмотрение так называемой греческой митрополии в Киеве только с 1037 года. Мы видели, что о св. Софии в Киеве писал уже Дитмар, который умер в конце 1018 года. Иначе говоря, Ярослав уже в 1017 году достиг соглашения не только с Генрихом II, но и с Византией – в противопоставление папской ориентации Святополка. Возможно, что восстановление сгоревшей св. Софии и других святынь, а также переход престола Киевской митрополии к грекам затянулись надолго, ибо до 1026 года продолжалась борьба Ярослава с кривичскими князьями, а в указанном году Мстислав утвердился на левой стороне Поднепровья и создал в Переяславле /или в Чернигове/ свою столицу*.

Князь Ярослав Владимирович (1026–1054 гг.) (реконструкция М.М. Герасимова)

В 1020 году, как сообщает сага, Эймунд поссорился с Ярославом и перешел на службу к полоцкому князю Брачиславу (80).

Это позволило Брачиславу возобновить борьбу с Ярославом. Известен поход Брачислава на Новгород в 1021 году «и поимъ новгородце и имение ихъ, пойде Полотьску опять» (81). Сага говорит, что Брачислав ходил на Киев и его тоже занял (82). В «русских» летописях нет ни слова об этом интересном событии. Но в «Лаврентьевской летописи» под 6576 (1068) годом сказано, что пленный Всеслав Полоцкий сидел «во дворе Брачислава» (двор

* Мстислав Владимирович (ум. 1036 или 1038) – один из сыновей князя Владимира Святославича. В 988–1024 князь Тмутараканский. В 1024 разбил Ярослава на реке Рудня, возле Чернигова, но отказался от претензий на Киев. В 1026 у Городца братья заключили мир, разделив русские земли. Мстислав стал владетелем огромной территории восточнее Днепра, со столицей в Чернигове. – *Прим. ред.*

Брячиславль), откуда его освободили повстанцы и посадили на Киевский престол (83). Откуда в Киеве взялся «двор Брачислава»? – на этот вопрос исследователи до сих пор не дали ответа.

Весьма вероятно, что в 1021–22 гг. Брачислав был хозяином положения, заняв Русь с ее столицей Киевом. Отъезд Эймунда в 1022 году из Полоцка в Скандинавию стал причиной возвращения Брачислава в Полоцк, и тогда же было достигнуто соглашение Брачислава с Ярославом, по которому Брачислав получил ранее утраченные Витебск и Усвяты (84).

Уход Брачислава из Киева связан с двумя событими: а) с походом Ярослава: «Приде Ярославъ къ Берестию» (85) и б) с наступлением на Русь Мстислава Тмутараканского (86).

Возникает вопрос: зачем Ярослав ходил «къ Берестию»? Лихачев ссылается на Новгородскую летопись, которая говорит только о походе Ярослава на Берестье в 1017 году и тем самым ищет простейшее решение. Мы думаем, что Ярослав в 1022 году ходил «къ Берестию» против Болеслава Храброго, возможно с целью защиты от союзной атаки со стороны Польши. Помощь Польши Брачиславу, видимо, не была эффективной, поэтому Брачиславу пришлось пойти на соглашение с Ярославом.

В 1023 году в брошенном Киеве (Ярослав все это время находился в Новгороде) попытался сесть на престол Мстислав, однако «не пріяша его Кыяне» (88). Тогда Мстислав стал собирать войско в кривичской Северщине и готовиться к захвату Киева силой. В свою очередь Ярослав пополнил свое войско новыми наемниками-варягами и пошел на Мстислава. Бой произошел при Листвянах в 1024 году и завершился полной победой Мстислава. Ярослав снова бежал в Новгород и сидел там до 1026 года, когда было подписано соглашение с Мстиславом о разделе завоеванных земель. Мстислав взял себе левобережную часть Поднепровья.

* * *

Таким образом, Ярослав только в 1026 году начал снова княжить в Киеве и понемногу укреплять свою власть на правобережной Украине. Оттуда он ходил походами на ятвягов (1038) и на Литву (1040) – уже в согласии с польским князем Казимиром «Обновителем». Казимир был женат на Добрынеге (Марии), сестре Ярослава, младшей дочери Владимира в его последнем браке. В Польше тогда шла борьба с Маславом, князем Мазурским, который был главной опорой митрополии восточного обряда в Плоцке. На него поднялась волна со стороны латинского духовенства, натравленного немецким духовенством и Великопольской партией. Походы Ярослава против ятвягов и литвы, главных союзников Маслава, стали попыткой уничтожения главного гнезда религиозной и политической опасности для Ярослава.

Еще живы были в памяти эпизоды борьбы Ярослава со своими политическими и церковными противниками. Вспомним по этому поводу интересное сообщение о том, что в 1021 году, вероятно при Брачиславе Полоцком, Болеслав Храбрый добивался от Папы Бенедикта VIII назначения отдельного «епископа для Руси», каковым был назначен Алексей Болгарин (89).

Но в 1037 году в Киеве уже сидел греческий митрополит Теотемпт, который освятил в 1039 году заново отстроенную Святую Софию (90). Однако «греческая гегемония» (91) настолько надоела Киеву, что в 1043 году отношения с Византией были порваны и устроен поход на нее под предводительством Владимира, сына Ярослава (по Карамзину он «Мономах». – *Прим. ред.*). Поход этот оказался полностью неудачным, поэтому сам по себе не решил бы дела, если бы не печенеги, которые в 1048 году пришли в район Дуная и атаковали земли Византии. Церковная политика Ярослава потерпела полное поражение. В 1051 году Ярослав вынужден был созвать СОБОР епископов, который избрал своим митрополитом Иллариона (Лариона) «Русина».

Вскоре после этого (в 1054 г.) произошел церковный раскол между Византией и Римом, во время которого Киевская Русь и наши земли оказались на стороне Папы римского. Как свидетельствует «краткая записка» одного из папских легатов, участвовавшего в переговорах с патриархом Константинопольским Керуларием (Церулярием), после церковного разрыва 16 июня 1054 года папские легаты не вернулись в Рим, а поспешили в Киев, где установили связь с Илларионом и проинформировали его о ситуации, передав копии некоторых актов.

Понятно, что все кривичские земли во время бытности в Киеве греческого митрополита Теотемпта (1037–1043) никаких связей с ним не имели: ни в Полотчине (где княжил Брачислав, начавший в конце жизни строить св. Софию на месте десятинной церкви Богородицы); ни в Турове (где княжил Изяслав, старший сын Ярослава, пошедший следами Святополка); ни в Северщине и Черниговщине (где княжил Мстислав Тмутараканский, а после его смерти – Святослав Ярославич, тоже сторонник независимости); ни в Смоленске (здесь Вячеслав Ярославич тоже оберегал политическую и церковную независимость).

* * *

Итак, начало христианства на наших землях охватывает огромный период с IX по XI век, и его духовный источник не Византия, а культура Запада. Вдохновителями явились сначала славянские апостолы Константин (Кирилл) и Мефодий, а затем продолжатели их линии (политического и церковного суверенитета славянства) – при поддержке Апостольского престола*. Именно тогда были заложены основы непоколебимой религиозной традиции нашего кривичского народа, той традиции, которую в течение столетий (и сегодня тоже!) пытается сломать наследница византийской политики самодержавия и ненависти к «инакомыслящим» – имперская Москва.

---

* Итак, Пануцевич перечислил четыре «крещения Руси» (Киева) до традиционной даты (988 г.): в 866 (епископ Леонтий), 874 (епископ Михаил), 961 (епископ Адальберт), 979 гг. Он также указывает, что «восточный обряд» окончательно утвердился в Киеве только с 1037 г., при Ярославе Владимировиче. – *Прим. ред.*

Источники

1. Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н. Древнейшая русская надпись. // Вестник АН ССР, 1950, № 4, с. 78.
2. См. Повесть временных лет (ПВЛ). М., 1950, с. 14, 104 (6553 г.), 141 (6600 г.).
3. Лаврентьевская летопись, 1128 г.
4. Cumont F. Anecdota Bruxellensia. Chronuques byzantins du manuscript 11370. // Recueil des travaux publiees par le Faculte de philosophie et des lettres. 1894, fasc. 9, p. 33.
5. Hauck A. Lexicon Vindobonense. Photil in Russorum insursionen homilia. Vol. I. Petropoli, 1867, p. 201–215.
6. Там же, p. 217.
7. Моравско-паннонское жизнеописание. // Труды Славянской комиссии. Том I. 1930, с. 13.
8. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1903, VI.
9. Моравско-паннонское жизнеописание, с. 13–14.
10. De administrando imperio, 70.
11. Корсуньский епископ Капитон известен с 325 г.; епископ Этерия был участником 2-го Вселенского Собора в Константинополе в 381 г.; его преемник Лонгин участвовал в Эфеском (431 г.) и Халкедонском (451 г.) Соборах. // См.: Томашівский. Вступ до історіі Церкви, с. 22./
   Археологические раскопки в Корсуни открыли фундаменты 27 церквей // См.: Пастернак Я. Початки християнства на Украіні в археологічних пам'ятках. «Нова Зоря», 1935, X, с. 20.
12. См.: Моравско-паннонское жизнеописание...
13. См.: 1) Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. М.-Л.: изд. АН СССР, 1930. 2) Георгиев Э. Вопросы возникновения старославянской литературы и языка. // «Славянская филология», 1958, № 1, с. 225–242. 3) Его же: Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.
14. Так называемая «языковая ересь» — это введение в литургические тексты иного языка кроме латинского, греческого, древнееврейского, считавшихся в Средние века правомерными, т.к. на них была сделана надпись на кресте, на котором распяли Христа. «Филиокве» — тезис католицизма о том, что св. Дух исходит от Отца и Сына.
15. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1958, с. 75.
16. Левченко М.В. Очерки..., с. 77.
17. Левченко М.В. Очерки..., с. 86.
18. Левченко М.В. Очерки..., там же.
19. Hauck A. Lexicon Vindobonense..., p. 97.
20. Татищев В. История Российская с самых древнейших времен. Том I, часть 1. СПб., 1768, с. 38. Согласно Иоакимовской летописи, епископ Михаил жил во времена болгарского царя Симеона (893–927 гг.).
21. Василевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. // ЖМНП, 1888, с. 121–150.
22. De Goeje. Bibliotheca geographica arabicorum. Tom VI, p. 115.

23. Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.
24. Левченко М.В. Очерки..., с. 82.
25. Истрин В.М. Договоры Руси с греками в X веке. // Известия Отдела русского языка и словесности. Том XXIX. 1924, с. 383–393.
26. Шахматов А.А. 1) Корсунская легенда о крещении Владимира. // Сб. статей, посв. В.И. Ламанскому. 1908. 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 133–161.
27. Paszkiewicz H. The Slavonic rite in Poland. // В книге «The origin of Russia».
28. Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. Tom III, 1954, s. 127–128; MGH, tom I, s. 624; tom II, s. 41; tom III, s. 60; tom IX, s. 64–65.
29. Лаврентьевская летопись, 969 г.
30. Monumenta Germaniae Historica (MGH). Volume XX, p. 798.
31. Назарко І.І. Святий Володимир Великий. Рым, 1954, с. 42.
32. Там же.
33. Там же.
34. Шахматов А.А. Разыскания..., с. 247–251.
35. Умер в 1001 г. // Повесть временных лет (ПВЛ), 6509 г.
36. Умер в 1003 г. // ПВЛ, 6511 г.
37. ПВЛ, 6508 г. (1000 г.)
38. Ипатьевская летопись, 340. Житие Ефросинии Полоцкой.
39. ПСРЛ. Том XV, с. 113.
40. ПВЛ, 6488 г.
41. Левченко М.В. Очерки..., с. 351.
42. MGH. Volume II, раздел XXII.
43. Никоновская летопись, 6499 г.
44. Голубинский. История русской церкви. Том I, часть 1 с. 128.
45. Левченко М.В. Очерки..., с. 346–347.
46. ПВЛ, 6496 г.
47. Левченко М.В. Очерки..., с. 347–371.
48. Левченко М.В. Там же.
49. Никоновская летопись // ПСРЛ, том IX, с. 57.
50. ПВЛ, 6488 г.
51. Никоновская летопись, 6499 г., 6502 г.
52. См.: Paszkiewicz H. The Slavonic rite in Poland., p. 27.
53. Там же.
54. Никоновская летопись, 6509 г.
55. Назарко, с. 149.
56. Русская Беседа, 1856. Том I, с. 11–15.
57. Там же.
58. MGH. Vol. III, p. 80; vol. II, p. 769.
59. Monumenta Poloniae Historica. Vol. I, p. 229.
60. Balzer C. Genealogia Piastow, s. 4.
61. Ильин Н.Н. Летописная статья..., с. 82.
62. Дитмар, VII, с. 72–73.
63. См.: Paszkiewicz H. The Slavonic rite in Poland.
64. Ильин Н.Н. Летописная статья.., глава II.
65. Там же, с. 159.
66. Дитмар, VII, с. 52.
67. Ильин Н.Н., с. 140.

68. Там же.
69. Первая Новгородская летопись, с. 15, 180.
70. Ильин Н.Н., с. 122.
71. Там же
72. Первая Новгородская летопись.
73. Дитмар, VIII, с. 16.
74. Дитмар, VIII, с. 32.
75. Дитмар, VIII, с. 16.
76. Ильин Н.Н., с. 116–117.
77. Дитмар, VIII, с. 33.
78. Лаврентьевская летопись, 6526 г.
79. Никоновская летопись, 6525 г.
80. Ильин Н.Н., с. 87.
81. ПВЛ, 6528 г. См. также комментарий Д.С. Лихачева II, с. 369. Интересно сказано в Софийской летописи: «И въеваша Брячиславъ с великим князем с Ярославом вся дни живота своего».
82. Ильин Н.Н., с. 87.
83. См. Каргер М.К. Древний Киев. Том I. М.-Л., 1958, с. 376, 377, 532.
84. См. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.-Л., 1946, с. 86–88.
85. ПВЛ, 6530 г.
86. См. Грушевский М. Історія Украіни-Руси. Том II, с. 17–22, 25–27, 29, 314–315.
87. См. комментарий Д.С. Лихачева к ПВЛ, II, с. 369.
88. См. Грушевский М. Том II.
89. Dobszewicz T. Wiadamosc o biskupstwie Kijowskiem rzymsko-katolickiem. Gniezno, 1912, s. 111.
90. ПВЛ, 6547 г.
91. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1912, с. 90.
92. ПВЛ, 6559 г.
93. Варониус, XVII, 22.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Вацлав Пануцевич (1910–1991) — беларуский историк.

Родился в деревне на Гродненщине в семье беларусов-католиков. Учился в Виленской духовной католической семинарии, был исключен за участие в беларуском национальном движении. С 1936 года учился на юридическом факультете университета им. Стефана Батория в Вильне и одновременно участвовал в работе «Академического кружка беларусоведов» (1936–39).

С 1935 г. член партии БХД. С 1 декабря 1935 года член редколлегии «Студенцкай трыбуны», молодёжного приложения к газете «Беларуская Крыніца». С ноября 1936 по март 1938 гг. редактор журнала «25 сакавіка». После раскола БХД в 1936 г. входил в «Беларуский фронт» ксендза В. Годлевского. Принимал участие в издании газеты «Беларускі фронт». За публикацию редакционной статьи «Залежнасць ці незалежнасць» в № 3 «Беларуского фронта» 30 августа 1938 г. был осужден польским судом на год тюрьмы условно.

В сентябре 1939 г., с началом 2-й мировой войны, мобилизован в 81-й стрелковый полк, формировавшийся в Гродно. 22 сентября 1939, после занятия советскими войсками Гродно, попал в плен. Был освобожден, жил в Гродно. В 1940/41 году преподавал в гродненской школе № 1 беларуский язык и литературу. После начала немецкой оккупации вёл учительские курсы при Гродненском БНК. В середине ноября 1941 года переехал из Гродно в Барановичи, до лета 1944 г. работал в администрации округа Барановичи.

С 1944 г. в эмиграции — сначала в Германии, в лагерях «для перемещенных лиц», где занимался организацией беларуского скаутинга, а после 1949 — в США. Жил в Чикаго. Возглавлял «Задзіночанне беларускіх скаўтаў на чужыне». Руководил скаутской дружиной «Орлы» в Чикаго. С мая 1950 — вице-президент Беларуско-американского католического общества. В начале 1960-х гг. основал издательство «Беларуская выдавецкая сябрына». Издавал религиозно-исторические журналы «Беларуская царква» (кириллицей) и «Літва» (латинкой). Широко сотрудничал с беларуской эмигрантской периодической печатью («Бацькаўшчына», «Беларус» и др.).

Оставил значительное творческое наследие. Основные труды — книги по истории Беларуси: «Жамойць і Літва: Розныя краіны і народы»; «З гісторыі Беларусі альбо Крывіччыны-Літвы»; «Крывіцкая этнаграфічная прастора», «Літва і Беларусь»; «З гісторыі вышэйшых школ у Беларусі: Віленская акадэмія»; «План Агінскага 1811 г.»; «Паўстанне 1863 году на Беларусі»; «Св. Афрасіння Полацкая»; «Берасцейская вунія»; «Беларуская Аўтакефальная Праваслаўная Царква»; «Гарадзеншчына ў нацыянальным руху ў 1918–1919 гадах», а также ряд других, менее значительных по объему.

«Русь» в войне с Немецким орденом (конец XIII — начало XV вв.)

Геннадий Саганович

Война между Великим Княжеством Литовским и Немецким орденом остается одной из самых захватывающих и до сих пор малоисследованных тем в истории Восточной Европы. Как известно, военно-технический потенциал орденского государства был в те времена одним из самых высоких в Европе. С начала XIV века в борьбе с языческой «Литвой» — как потенциальным врагом христианской Европы — тевтонским братьям-рыцарям активно помогали «гости» из разных европейских стран. Благодаря этому Орден постоянно получал приток новых сил. «Рейзы» в Пруссию и оттуда в Литву считались исполнением христианской обязанности (Heidenkampf — борьбы с язычниками) и приобрели популярность среди благородного рыцарства. Фактически, борьба против Литвы имела интернациональный характер: против нее воевали не только Орден, но и многие страны Центральной и Западной Европы, в первую очередь рыцари из Германии, Франции и Англии. Не случайно историки сравнивают эту войну с крестовыми походами в Святую землю.

Впечатляет тот факт, что это более чем столетнее неравное противостояние Литва выдержала. Если учесть ее территориально-демографические возможности, с одной стороны, и военно-технический потенциал европейского рыцарства, с другой, то соотношение сил оказывается совсем не в пользу Литвы. В чем же секрет ее успеха? Где она черпала свои военно-экономические ресурсы?

Нетрудно заметить, что в соответствующих исследованиях эта война трактуется обычно как война одного только литовского народа, т.е. Литвы этнической, а не Литвы как государства — Великого Княжества Литовского, объединявшего этнических литовцев, русинов (потомками которых являются современные беларусы и украинцы) и жамойтов.

В основе подобного упрощения лежит известное несоответствие средневековых терминов современным национальным определениям. Отождествление исторического политонима «Литва» с литовским народом характерно не только для литовской историографии, но и для западных, национально неангажированных историков. Например, именно в таком ракурсе рассмотрено сопротивление крестовым походам в специальном исследовании американского ученого Уильяма Урбана, который не отличает литовский этнос от государства Гедимина и его преемников.

Из журнала «Беларускі гістарычны агляд», 2001, сш. 1-2. Перевод и редакция А.Е. Тараса. Сноски на источники сняты.

Аналогичный взгляд присущ и работам Вернера Паравичини, одного из лучших знатоков проблемы. В своей новой монографии, наиболее основательной по охвату материалов и блестяще написанной, он неоднократно отмечает, что Немецкому ордену в XIV веке противостояли просто литовцы. «Литовцы были очень серьезным, несокрушимым противником», который со своей стороны атаковал Пруссию и Ливонию и тоже выводил сотни и тысячи пленных, – пишет ученый. Показательно, что в качестве одного из примеров Паравичини приводит битву у Рудавы (1370 г.), в которой – что отмечают практически все известные источники – приняли самое активное участие и русины, однако историк не считает эту особенность достойной внимания.

Тевтонцы в битве на реке Дурбе (13 июля 1260 г.). Реконструкция

Знаток истории Немецкого ордена Гартмут Бокман тоже нигде не упомянул русинов в своем рассмотрении Litauer-Reisen. Подобно ему Манфред Гельман в синтетическом очерке истории литовского народа не посчитал важным отметить хоть какую-то роль второго основного этноса ВКЛ – даже в разделах о князьях Гедимине, Ольгерде и Кейстуте и в описании битвы у Рудавы.

Наконец молодой английский ученый Стефан Ровэл в замечательном исследовании феномена роста средневековой Литвы в период княжения Витеня и Гедимина тоже оставил почти без внимания потенциал Руси.

Мягко говоря, это не вполне точное освещение той войны. Думаю, что игнорирование русинов как одного из ее участников происходит в настоящее время неосознанно, так как существует давний историографический стереотип. Установка на «игнорирование» русинов как народа исторической Литвы стала уже традиционной, и наиболее отчетливо проводится в литовской историографии.

В исследованиях литовских историков только некоторые ученые писали вскользь про определенную зависимость военной мощи Литвы от участия в войне русинов. В частности Ю. Жугжда стремился при этом доказать, что Литва защитила Русь от татар и немцев, а Б. Дундулис подчеркивал, что Литва в то время вела войну на два фронта – и с немцами, и с Русью.

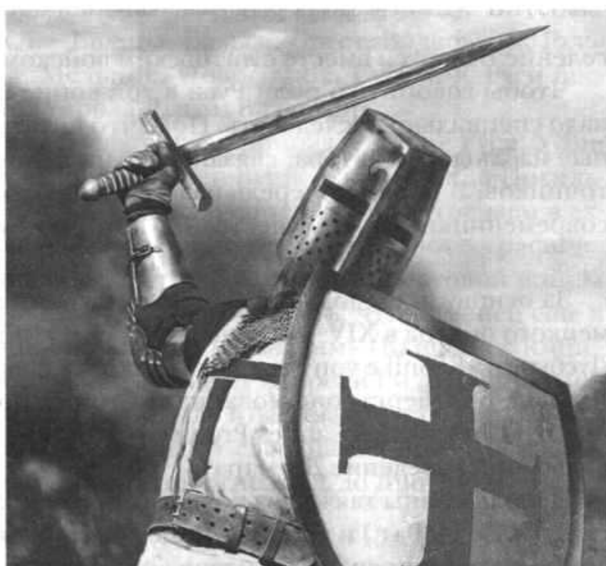
В коллективной работе «Война литовцев с крестоносцами» только в общем плане приводятся некоторые примеры участия в этой войне жителей Руси – в контексте солидарности литовцев, поляков, чехов и восточных славян. Зато чаще отмечается, что во время борьбы с Орденом Литва осуществляла экспансию на Русь. Также и в коллективной «Истории Литовской ССР» русины как соратники по войне упоминаются лишь два раза – в сюжетах о битве на Стреве

(1348 г.) и при Грюнвальде (1410 г.), что не удивительно, так как их участие в этих битвах засвидетельствовано в абсолютном большинстве источников и никак не может не замечаться.

Литовские работы последних десятилетий не отличаются новыми тенденциями в освещении этого вопроса. Например, Альвидас Никжанайтис, историк более молодого поколения, который плодотворно занимается литовско-немецкими отношениями эпохи Средневековья, объясняет военные успехи Литвы в 1283–1345 гг. исключительно ее боевой активностью. В одной из статей о политическом противостоянии ВКЛ и Ордена во времена Ольгерда и Кейстута он рассматривает проекты или практические действия литовских князей по подчинению Руси и нигде не отмечает важной роли этой самой Руси в войне с рыцарями. Не находим этого и в его монографии о князе Гедимине.

Разве что в книге Мечисловаса Ючаса «Жальгириская битва» ясно сказано: армия Витовта состояла из «литовских и русских воинов»*, но это тот случай, когда такой констатации просто невозможно было избежать, ведь действительно из 18 перечисленных Яном Длугошем хоругвей большинство происходило с земель нынешних Беларуси и Украины. Описывая эту знаменитую битву, о русинах (или беларусах и украинцах) обычно должны были говорить и другие литовские историки.

В целом такая же черта характерна и для польской историографии. Так, польский литуанист-классик Генрик Ловмяньский (1898–1984) даже в специальном исследовании агрессии Прусского ордена против Литвы в XII–XV вв. оставил Русь вне своего рассмотрения**. В параграфе, повященном обороноспособности литовского народа, авторитетный польский литуанист Ежи Охманьский (1933–1996) в своей синтетической истории Литвы ни словом не упомянул о военной помощи Руси***. Правда, в другом месте он констатировал, что русины были в битве на Стреве, и вскользь отметил, что «Литовская Русь умножала человеческие силы и материальные ресурсы Литвы».

Тевтонец в битве на реке Дурбе

О непосредственном участии населения теперешней Беларуси в войне с Орденом как о важном и достойном внимания факте писали совсем немногие ученые и, к со-

* К сожалению, М. Ючас пишет именно так – «lietuviu ir rusu kariai», не проводя разницы между великороссами и русинами ВКЛ.

** Lowmianski H. Prusy – Litwa – Krzyzacy. Warszawa, 1989.

*** Ochmanski E. Historia Litwy. Wroclaw, 1967.

жалению, не в специальных исследованиях. Так, польский историк Владислав Вельгорский в популярном издании о беларусах особо подчеркнул важное значение демографического и материального потенциала Руси в противостоянии ВКЛ и Немецкого ордена. Он имел в виду заселение восточными славянами пустошей на Немане (земель, опустошенных в результате войны), а также их роль в возведении замков в XIV веке. Из немецких историков «сильный и влиятельный элемент русинского населения в Литве» периода крестовых войн упоминал, пожалуй, только Курт Форштройтер, который, однако, не ставил вопроса о зависимости от них военного потенциала Литвы.

Наиболее четко об участии предков нынешних беларусов в войне Литвы с Орденом в свое время написал советский историк Владимир Пашуто (1918–1983), который с пафосом отметил, что литовские вооруженные силы отражали натиск рыцарей «при участии беларуского войска», и что литовцы вместе с беларусами «плечом к плечу» более 100 лет боролись с немцами на Немане. После него почти теми же словами это утверждал беларуский исследователь военного зодчества Михаил Ткачев (1942–1992). Он писал о «более чем 120-летней борьбе за независимость, которую плечом к плечу вело население Беларуси вместе с литовским войском» против Немецкого ордена.

Тевтонские рыцари в битве на реке Стрева 2 февраля 1348 г.

Чтобы говорить о роли Руси в той войне более определенно, этот вопрос надо специально исследовать. Пока что читателю предлагаются предварительные наблюдения автора, связанные с изучением корпуса соответствующих источников. В первую очередь надо выяснить, как видели участников войны ее современники – преимущественно авторы немецких хроник.

***

За основу исследования взяты семь хроник, созданных на территории Немецкого ордена в XIV – начале XV вв. Это «Chronicon terrae Prussiae» Петра из Дусбурга, «Kronike von Pruzilant» Николая фон Ерошина, «Chronicon Livoniae» Германа Вартберга, рифмованная «Cronica nova Prutenica» Виганда Марбургского, «Chronik des Landes Preussen» Иоганна Посильге, а также Торнские анналы и произведение Детмара*.

Использованы также два польских источника – анналы Яна Длугоша (в 12 частях, 1455–1480 гг.) и хроника Мацея Стрыйковского (1582 г.). Оба они уделили войне с крестоносцами большое внимание, в значительной мере унаследовав традицию немецкого хроникописания. Их ценность обусловлена и тем, что названные памятники содержат информацию из источников, которые не сохранились.

* Детмар, или Дитмар (Dethmar; ум. 1395) – немецкий монах-францисканец, автор «Хроники Любека», впервые изданной в 1829 г. – *Прим. ред.*

Сначала обратимся к присутствию термина «Русь» в немецких хрониках и его значениям. В латиноязычных памятниках Средневековья этноним Русь имел форму «Russie», «Russia», а «русин», «русины» — «Ruthenus», «Rutheni», тогда как в старонемецких — «Ruiz», «Ruzz», «Ruzin», «Ruzilande», «Rus(s)in», «Russen», «Ruschin» и др. В целом в перечисленных немецких хрониках 178 раз в той или другой форме использован непосредственно этноним (либо этникон) «Русь» или же производная форма от этого названия. В частности, у Николая фон Ерошина — 7 раз, у Петра из Дусбурга — 8, у Детмара — 11, в Торнских анналах — 12, у Виганда Марбургского — 34, у Германа Вартберга — 37, у Иоганна Посильге — 69 раз.

Выясняется, что в XIV веке «Русь» была достаточно хорошо известна немецким хронистам. Она встречается буквально в первых записях Петра из Дусбурга. Николай фон Ерошин, который позже пересказывал этого первого орденского хрониста, писал, что с одной стороны Пруссии находится Висла, а с другой — «der Memlin, Ruzilande me», а потом добавил, что Мемель отделяет Курляндию, литовцев и русинов («Littowin und Ruzin») от земли пруссов.

В сознании немецких хронистов первой трети XIV века районы Верхнего Понеманья считались «Землей Кривичей», которая, хотя давно входила в состав ВКЛ, отождествлялась с Русью. Об этом свидетельствует не только Петр из Дусбурга, но и произведение каноника Самбии, который под 1314 годом тоже сообщает о походе рыцарей на «Kriwicz», а потом относит этих кривичей к Руси («Ruthenorum Criwicz»).

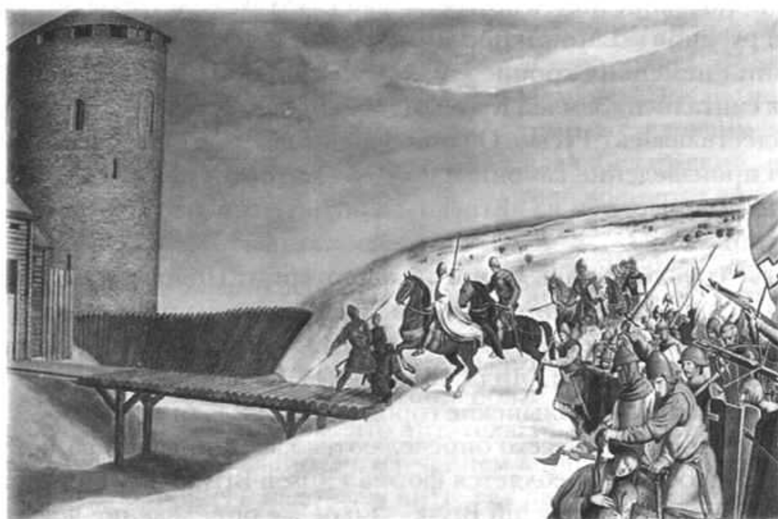
В качестве городов Руси в хрониках фигурируют Полоцк, Смоленск (самый восточный среди славянских городов, называемых хронистами), Витебск, Дрисса, а на западных землях ВКЛ — Белица, Бельск, Брест, Волковыск, Гольшаны, Дрогичин, Каменец, Лида, Мельник, Новогрудок, Сураж. К Руси бесспорно относятся также волынские города Луцк и Владимир.

Брест и Каменец чаще всего определяются как принадлежащие Руси. У Виганда Марбургского употребляется форма «Rusen-Brisik», а у Иоганна Посильге — «Rusche Briske» и «Russchin Brysk». Такое же определение встречаем в актовых документах Немецкого ордена, значит, оно отражало этногеографические представления довольно широких кругов участников крестовой войны против Великого Княжества Литовского. Важно отметить, что Каменец еще в XIII веке латиноязычные источники называли «рутенским» (Kamieniec Ruthenicale). Реки Нарев и Буг в хрониках тоже выступают как реки Руси. Данные упомянутых памятников еще раз убеждают, что земли в бассейне Буга и Нарева уже в XIII–XIV вв. были колонизованы восточными славянами. Таким образом, утверждение Яна Длугоша, будто бы Судовия простиралась до Дрогичина, не соответствует действительности*.

---

* В этом месте трудно удержаться от замечания. Автор явно отождествляет славян с определенными этносами, а славянизацию понимает как ассимиляцию местного этноса (например, ятвягов) — пришлым этносом (славянским). Приходится снова и снова повторять, что пресловутая славянизация — это усвоение аборигенами основ славянского языка. Поэтому тезис Длугоша о том, что судовы (одно из ятвяжских племен) проживали на указанной территории, не противоречит тому факту, что какие-то авторы конца XIII — середины XIV века зафиксировали здесь присутствие Руси, т.е. славянизированного населения. — *Прим. ред.*

К Руси можно относить и Гродно, хотя по хроникам это видно не столь однозначно как в примере с городами Подвинья или Побужья. У Петра из Дусбурга вообще трудно найти какую-то информацию этногеографического характера. В его хронике походы рыцарей обычно проводятся «в Литву в область замка Гродно». Но показательно, что жителей Гродно и его окрестностей Петр называет «рутенами». Поздние хроники содержат достаточно свидетельств о восточнославянском характере этого города. В частности, Виганд Марбургский обычно относит его к Руси. В рассказе о борьбе рыцарей за Гродно он часто упоминает русинов. Так, в сообщении о походе 1364 года хронист говорит о стычке с русинами, в походе 1375 года упоминает «clamore vulgari Russen» («грубые боевые вызовы русинов»), а запись под 1379 годом еще более красноречива: рыцари овладели городом и «simileter tota Russia in dextraparte sita». Рассказывая о походе 1383 года на столицу ВКЛ, этот же хронист употребляет определение «civitas ruthenica» применительно к Вильне.

Нападение тевтонцев на Гродно

Можно заметить, что у немецких хронистов слово «Русь» редко выступает как политоним, тогда как «Литва» чаще всего означает государство. «Русь» же фигурирует как земля, как регион, связанный с Литвой или непосредственно соседний с ней. Так, согласно Петру из Дусбурга (а за ним и Николаю Ерошину), вождь судовлян Скуманд, который осуществил грабительский рейд в Холмскую (Хелмскую) область с соплеменниками и русинами, не выдержал напора рыцарей и в 1280 году с близкими людьми ушел из Судовии «на Русь». Эта Русь соседствует с Пруссией. У Иоганна Посильге вполне возможен переход «von Pruszin hin ken Russin». Учитывая, что в XIV веке от границы Немецкого ордена до Гродно было всего несколько миль, представления хронистов следует считать достаточно реалистичными.

В войне Ордена против Литвы рыцарские контингенты постоянно сталкиваются с Русью и с русинами. Замечено, что хронисты XIV века никакой этнической границы между Литвой и Русью не фиксируют. Не случайно и папа рим-

ский, призывая Орден не воевать более против Великого Княжества Литовского, называл его «lant czu Littowin und Russin». Говоря об экспедиции Ордена на территорию ВКЛ и выводе пленных, Виганд Марбургский во многих случаях подает их как «Rutenos et paganos», разграничивая по религиозному признаку. Важно, что это касается походов не только в Понеманье (Черную Русь), но и в районы Вильни, Троков и Ковны, а также экспедиций вдоль реки Невежи. Так, во время похода к Трокам в 1382 году были взяты в плен русины («captivos Rutenos»). В 1390 году магистр Конрад фон Валленрод осуществил поход «на Русь перед Троками» (in Russen vor Traken). Проведя поход на Ковно в 1391 году, великий магистр возвращался с множеством пленных, которыми были «Rutenis, paganis diversarum linquarum». И Ян Длугош, ближе знакомый с этногеографией ВКЛ, сообщает, что из похода на Литву в 1339 году братья-рыцари вывели в плен «много литвинов и русинов». Учитывая все это, можно допустить, что из выселенных в Пруссию примерно 200 тысяч человек «литовского плена» значительную часть составляли русины с территории современной Беларуси.

По хроникам видно, что война Ордена против Литвы была войной и против Руси. Многие «рейзы» Ордена открыто квалифицируются хронистами как походы «против литовцев и русинов» («contra Lithwanos et Ruthenos»), другие же называются походами «contra Lithwanos», но из описания видно, что они охватывали и Русь, либо земли со смешанным населением.

Орденские контингенты достигали и непосредственно Руси Полоцкой, хотя происходило это сравнительно редко. Так, по сообщениям Германа Вартберга, в 1333 и 1334 гг. «многочисленное войско» ливонского магистра Эбергарда (Eberhard), в ходе войны с ВКЛ, приближалось к самому Полоцку. В 1366 г. ливонский ландмагистр Вильгельм «повел войско против русинов на Полоцк». В августе 1377 г. крупный ливонский контингент во главе с ландмагистром Вильгельмом фон Фримерсгаймом двинулся вверх по Двине к Полоцкой земле и осадил некий «новый замок русинов, который лежал почти в 12 милях» от Дюнабурга (скорее всего это была Друя).

Гораздо чаще проводились экспедиции на Русь в Понеманье. Например, «на Русь» («ken Russin», «czu Russen»), под которой хронисты понимали Гродно, Сураж, Лиду, Новогрудок и Дрогичин, рыцари ходили в 1393, 1394 и 1401 гг. Немало походов устраивалось и на другие поселения, называемые городами или дворами Руси, хотя Гродно, замок которого служил основной базой для рейдов войска ВКЛ на Пруссию, в течение всего XIV века оставался наиболее привлекательной мишенью орденских экспедиций.

***

Многие записи хронистов создают образ некой двуединой страны, с которой Орден вел военные действия: это Литва и Русь вместе. В частности, говоря о ряде общих для ВКЛ событий, Иоганн Посильге часто пишет о земле «литовцев и русинов», употребляя определение «beyde Littowen und Russin». С другой стороны, в источниках схизматики-русины четко отличаются от язычников-литовцев. И, если верить сообщению Яна Длугоша за 1361 год, великий магистр Винрих фон Книпроде специально мстил Руси за то, что она помогала литовцам своими вооруженными силами. Хроники отразили и двойной характер госу-

Русины обороняют Новогородок (Новогрудок). Реконструкция

дарственности в титулатуре монархов. Так, для Петра из Дусбурга великий князь Гедимин – это «rex Lethowinorum et Ruthenorum». Более поздние хроники называют монархами русинов тех из рода Гедиминовичей, кто имел владения главным образом на территории теперешней Беларуси. У Германа Вартберга князь Наримонт Гедиминович фигурирует как «король русинов», у Детмара князь Андрей Ольгердович – «русский король Полоцка», у Иоганна Посильге князь Скиргайло – «герцог русинов» («herczoge czu Russen») и т.д.

Русь была не только театром военных действий, но и их субъектом. Хроники свидетельствуют, что русины практически с самого начала войны с тевтонским государством присутствовали в воинских контингентах ВКЛ, активно участвуя как в оборонительных действиях, так и в походах на владения Ордена. Уже в 1293 г. «Русь» участвовала в походе Витеня на Пруссию, когда тот мстил за акцию комтура Рагнита Конрада Штанга и захват замка Мингедин (Mingedin). Под 1296 г. у Петра из Дусбурга в сообщении о рейде на Гродно фигурирует какой-то могучий русин (Ruthenus) – один из защитников города, который убил немецкого рыцаря, преследовавшего его. Весной 1298 г. вместе с литовцами русины помогают жителям Риги в акции против Ливонского ордена, связанной с деблокированием устья Двины. Герой-русин отдельно выделен в повествовании Дусбурга об экспедиции брата-рыцаря Филипа де Боландиа (Philippus de Bolandia) «на Литву» в 1305 г. и погоне князя Витеня за этим немецким контингентом: русин здесь пронзает копьем юного племянника вождя похода*. Весьма близкий сюжет описания событий 1305 г. находим и у Стрыйковского, в хронике которого «один русин» тоже убивает копьем брата-рыцаря.

Русины участвовали и в походе Витеня на Пруссию в 1311 г. Но если по записи Яна Длугоша можно только предположить это (князь собрал «все свои войска, стянутые от своих людей»), то у Виганда Марбургского конкретно сказано, что Витень пошел на Орден «со своими и русинами». В описании этого похода немецкая хроника упоминала метко стрелявших «лучников-русинов».

Сообщая о рейде орденского маршала Генриха в сентябре 1314 г. на Великое Княжество, Петр из Дусбурга пишет, что тот ходил «в землю Кривичей» (terra Criwicie), в которой взял и разорил «parva Nogardia», т.е. Новогрудок. Еще подробнее этот поход описывает Николай фон Ерошин, который называет Новогрудскую землю «Kriwitzin», «lant Kriwitzin», «Krivitzenlande». После уничтоже-

* Этот фрагмент хроники Дусбурга, кстати говоря, ясно свидетельствует, что в определение «литовцы» немецкий автор не вкладывал никакого этнического смысла. Например, он пишет, что битву с крестоносцами вел князь Витень «со своими литовцами», но тут же показывает героического русина.

ния Новогрудка рыцари осадили замок Кривичи на Немане (вопрос его точной идентификации остается открытым), но встретили решительную защиту. В нескольких штурмах погибло немало рыцарей, и немцам пришлось уйти ни с чем. Стрыйковский утверждает, что в этом походе рыцари добывали «замок самого Новогрудка», но «Литва и Русины так мужественно защищались», что заставили крестоносцев отступить.

При Гедимине, когда в состав его государства вошла почти вся территория современной Беларуси, за исключением Поднепровья и Нижней Припяти, а Полоцкое и Витебское княжества сохранили в нем определенную автономию, роль Руси во внешней политике ВКЛ существенно возросла. Не случайно Гедимин первым из литовских князей начал титуловаться как «rex Letvinorum et Ruthenorum». В торговом договоре с Немецким орденом 1338 г. он сослался на согласие Полоцка и Витебска. В годы его княжения русины все чаще фигурируют как сила великого князя. Уже в одном из первых походов против немцев в Жамойтию (1317 год?) в войске Гедимина кроме литовцев была «Русь из Полоцка и Новгорода» (Новогородка? – *Г.С.*).

В известном походе польского короля Владислава I Локетка против Бранденбургии в 1326 г. последний имел, по Длугошу, «подкрепления соседей, а именно русинов, литвинов...». Тот же хронист сообщает, что в следующем году литовские князья с собственным войском и силами «соседних народов» ворвались в Саксонию. В 1330 г. произошел поход коалиционных сил короля Владислава Локетка на Холмскую землю, в котором участвовали как русины, так и Гедимин со

Русины были грозными противниками крестоносцев

своими силами. Если согласиться с тем, что упомянутых русинов здесь представлял галицко-волынский князь Болеслав Юрий II, то дружины из Руси Литовской были в войске Гедимина. В 1330 г., по Стрыйковскому, «Литва с Русью» опустошили и Курляндскую землю. А в 1338 г. на земли Ордена осуществило набег сильное войско, состоявшее «из литвинов и русинов»*.

После смерти Гедимина противостояние Великого Княжества рыцарскому государству ослабло. Тевтонский орден в 1343 г. заключил Калишский мир с Польшей и, вступив в период наибольшей мощи, смог сосредоточить свои силы на борьбе с Литвой. Именно необходимостью мобилизовать все силы на защиту от крестоносцев историографическая традиция объясняет и детронизацию великого князя Евнута, и захват власти Ольгердом и Кейстутом (начало 1345 г.). Вскоре после установления своего совместного правления диархии братья собрали армию из Литвы и Руси и осуществили поход на Пруссию, дойдя до Королевца (Кёнигсберга). Стрыйковский отметил, что так они мстили за смерть отца (Гедимина – *Г.С.*). При этом хронист зафиксировал важную деталь: во время этого похода витебляне и полочане охраняли берега Двины от возможного нападения ливонских контингентов.

В походах Кейстута обычным делом был участие боярства из Гродно и Городенской земли, тогда как с Ольгердом ходили военные силы из его владений на территории современной Беларуси. Как известно, вотчиной последнего были Витебск и Крево, а под его властью находилась вся восточная часть ВКЛ, которая идентифицировалась преимущественно как «Русь». И хотя прерогативой Ольгерда являлась восточная политика, источники зафиксировали частое участие его в общих акциях против Ордена, за отношения с которым отвечал Кейстут. Например, когда в 1345 г. Кейстут повел на Пруссию дружины гродненцев с жамойтами и трокскую дружину, Ольгерд со своими силами двинулся на Ливонию. А в 1346 г. сам Ольгерд «с сильным войском из Жамойтии, Руси и Литвы» ходил под Кёнигсберг.

Как одно из самых крупных столкновений с крестоносцами в историю вошла битва на реке Стрева. После того, как в начале 1348 г. сильный орденский контингент великого магистра Генриха Дуземера (Heinrich Dusemer), пополненный французскими и английскими рыцарями, более недели беспрепятственно опустошал понеманские земли Литвы, возле Ковно, на берегах Стревы, его перехватило войско Ольгерда и Кейстута. Источники отмечают, что «Ольгерд с русинами» пришел на помощь войску Кейстута. Действительно, кроме собственно литовских сил в это войско входили большие силы русинов – «Ruteni de Lademar, de Brisik, Witenberge, de Smalentze», т.е. полки из Владимира-Волынского, Бреста, Витебска, Смоленска, а также из Полоцка.

Участие русинов в этой важной и весьма неудачной для ВКЛ битве отмечают многие хронисты**. Но если восточнославянские летописи сообщают, что со

* У Стрыйковского поход короля Локетка с силами литовцев, жамойтов и русинов на Холмскую землю датируется 1328 г. См.: Stryjkowski M. T. I. S. 383.

Ян Длугош набег 1338 г. неточно датировал 1308 г. См.: Dlugosz J. Ks. 9. S. 64.

** Вероятно, Длугош дважды упоминает одну и ту же сечу, ибо и под 1346 г. он пишет, что Ольгерд «посредством смолян, полочан и других русинов» дал битву прусскому магистру Генриху, в которой погибло около 18 тысяч. См.: Dlugosz J. Ks. 9. S. 306.

стороны Литвы на Стреве погибло 40 тысяч, а Ян Длугош и Мацей Стрыйковский – 18 тысяч, то немецкие авторы говорят о 10 тысячах жертв, что выглядит более правдоподобно. «И поразил милостивый Бог литовцев и русинов» – резюмировала старая прусская хроника, сообщив о гибели на берегу Стревы «князя русинов Наримонта».

То, что и Смоленская земля – самая восточная из зависимых от Ольгерда пространств Руси – тоже принимала участие в войне ВКЛ против Ордена, заслуживает особого внимания. У Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского под 1348 годом описан январский поход литовцев и русинов на Лабяву (Labiowa), который возглавил безымянный смоленский князь. В Пруссии его войска столкнулись с немцами и потерпели поражение в жестокой битве, а упомянутый смоленский князь погиб на переправе через реку во время отступления. Виганд Марбургский тоже рассказывает о «Rex de Smalenz» и битве при Лабяве, но он относит эти события к 1352–53 г.г., что более правдоподобно, так как поход литовско-беларуских сил на орденские земли в год тяжелого поражения на Стреве был бы делом невероятным.

Историк Иоганн Фойгт в свое время утверждал, что этим смоленским князем был князь Патрикей (Patirke). Однако, если это Патрикей – тот самый князь, которого Тадеуш Василевский считает сыном Гедимина, идентичным Манивиду, а Ян Тенговский называет сыном Наримонта Гедиминовича, то он не мог погибнуть в упомянутом походе, ибо в 1353 г. именно этот князь вместе с Ольгердом и Кейстутом во главе войска «литвинов и русинов» осуществлял поход в Пруссию – именно в отмщение за поражение при Лабяве и за смерть смоленского князя. В 1358–1366 годы Патрикей был князем Гродно и неоднократно участвовал в совместных походах потомков Гедимина на земли Ордена – в 1354, 1356 и 1365 г.г., причем в первом и третьем случае участие русинов подчеркнуто хронистом. Интересно, что в 1363 г. руководивший обороной Гродно от немецких рыцарей гродненский князь Патрикей, чтобы меньше рисковать, встретил тевтонцев «по обыкновению русинов» с хлебом и солью, чем и предотвратил уничтожение своего города*.

Воины-русины (реконструкция)

Одним из самых ярких примеров важной роли русинов в войне против Ордена

* Виганд датирует это событие весной 1364 г. См.: SRP. Bd. II. S. 544–545.

можно считать битву при Рудаве. В 1370 г. Кейстут и Ольгерд организовали поход общих сил на Кёнигсберг, но великий магистр сорвал его и навязал Ольгерду сечу. Хроника Детмара описала это столкновение как битву рыцарей «против литовцев и русинов», Герман Вартберг тоже подчеркнул «congregatione Letwanorum et Rutenorum». Иоганн Посильге отметил, что князь Кейстут с места проигранной битвы бежал со своими, а Ольгерд – «mit den Russen». Это значит, что в войске Ольгерда действительно преобладали русины. Об участии восточных славян в Рудавской битве не забывали и более поздние историографы. Так, Ян Длугош упомянул «татар, русинов и других варваров» во главе с Ольгердом, а по Мацею Стрыйковскому, для похода в Пруссию князь Кейстут «собрал великое войско из Руси и татар», которое помогало Литве и Жамойтии.

После Рудавской битвы возросла антиорденская активность Полоцкой земли. В 1373 и 1374 г. Свидригайло Ольгердович, а потом и Андрей Ольгердович с полочанами осуществляли набеги на немецкий Дюнабург*. Старый князь Кейстут и Андрей Полоцкий вторгались в подвинские владения Ливонского ордена и в 1375 году. За это в апреле того же года фогт Розиты организовал поход в Полоцкую землю, одновременно с которым провел свой поход и другой контингент прусского рыцарства. Как детально рассказывает хроника, из опустошенного Подвинья участники набега привели 86 пленников и до 100 лошадей. В отместку князь Андрей с полоцкой конницей и ладьями спустился по Двине к Дюнабургу и тоже захватил пленных, сжег заготовленное сено, угнал стадо. Подобными вторжениями полоцкий князь и ливонские рыцари обменивались и в следующем году. И в походе Кейстута на Курляндию в 1377 г. тоже зафиксировано участие русинов.

Конный воин-русин

Со смертью великого князя Ольгерда связано значительное ослабление военной активности Великого Княжества и, наоборот, возрастание экспансии Ордена. Уже в августе 1377 г. сильное ливонское войско во главе с ландмагистром двинулось

* Дюнабург (или Динабург) был основан ливонскими рыцарями в 1275. В 1656 его захватили московиты и назвали Борисоглебск. В 1667 перешел к Речи Посполитой с восстановлением прежнего названия. В 1893 переименован в Двинск. С 1920 Даугавпилс в Латвии. – *Прим. ред.*

Тевтонцы возле замка Рудава (17 февраля 1370 г.)

вверх по Двине к Полоцкой земле и осадило «новый замок русинов» – видимо Друю, о чем сказано выше. Объектом особенно частых нападений стали беларуское Понеманье и Брестчина. Не имея сил оборонять их, Кейстут запросил мира. В 1379 г. ему и Ягайло удалось подписать с великим магистром Винрихом фон Книпроде 10-летнее перемирие, по условиям которого владения Кейстута на Руси – Волковыск, Брест, Гродно, Дрогичин, Каменец, Бельск, Мельник – исключались из военных разрушений. Зато земли Ягайлы и Жамойтия подставлялись под удар немецких рыцарей. Подчеркнув этим договором разное отношение к христианам и язычникам ВКЛ, Ордену удалось настроить Ягайло против Кейстута. В результате Ягайло в следующем году заключил сначала сепаратное соглашение с ливонским магистром, а потом – тайный договор с руководством Тевтонского ордена, направленный против Кейстута, что привело к глубокому внутреннему конфликту, надолго парализовавшему ВКЛ.

Только Кревская уния 1385 года и связанное с ней крещение Литвы принципиально изменили расстановку сил в Центрально-Восточной Европе в опасную для крестоносцев сторону. Она не только подорвала военный потенциал Немецкого ордена, лишив рыцарское государство имиджа борца с «северными сарацинами», но и поставила под вопрос само его дальнейшее существование. Оказавшись в тупиковом положении, Мариенбург не признал крещения Литвы. Орден взялся пропагандировать «фальшивость» этого акта и продолжал Heidenkampf, организуя рейды как на собственно Литву, так и на христианскую Русь. Не случайно прусское «Описание дорог», созданное на стыке XIV и XV вв., свидетельствует, что и после Кревской унии в качества зоны своих военных операций Орден видел земли Западной Беларуси – от Гродно и Бреста до Новогрудка, Крево и Ошмян.

В описании событий конца 1380-х – начала 1390-х г., когда Витовт перешел на сторону Ордена и прусское руководство активизировало военные действия против ВКЛ, русины постоянно фигурируют в хрониках как участники обороны Вильни и других городов, а также как часть полевой армии литовских князей. По Стрыйковскому, Ягайло боялся, чтобы русины Вильни не склонились на сторону Витовта и не отдали столицу немцам, потому еще в 1387 г. доверил руководить ее обороной поляку Клеменсу Москажевскому. Однако, как свидетельствуют хроники, в 1390 г. русины (у Стрыйковского – «Litwa i Russacy») надежно защищали Вильню от крестоносцев. Во главе со Скиргайло русины с литвинами преградили путь на Вильню общим силам Валленрода и Витовта. О составе войск Скиргайлы можно узнать из перечисления князей, павших в битве – это

смоленский князь Глеб Святославич, заславский князь Симон Евнутович, чарторыйский князь Глеб Константинович, князь Иван Львович и другие.

В ситуации, когда Витовт занимал сторону Ордена, а в Великом Княжестве, на фоне интервенции рыцарей, разгорелась внутренняя династическая война, русины, как и литовцы, разделились: одни были в лагере Скиргайло и защищали Вильню, другие стали союзниками Витовта и немцев. Длугош сообщает, что это они по просьбе Витовта подожгли виленский Кривой Замок. Добавим, что и в противостоянии Ягайло с немцами под Гродно в 1390 г. на помощь польскому королю князья привели конные отряды из Руси.

По Стрыйковскому, показательный героизм защитники столицы продемонстрировали и в 1391 г., когда «Litwa i Russacy» во главе со Збигневом Олесницким так хорошо защищали Вильню от рыцарей и Витовта, что принудили их отступить. Опустошать край крестоносцам опять же пытался помешать Скиргайло «с несколькими отрядами русинов и литвинов». Однако замок Вилькомир (Wilkenberg), гарнизон которого состоял из литовцев и русинов (заметим, русины обороняли твердыни и на собственно литовской территории), сдался Витовту потому, что последние симпатизировали ему.

Битва при Танненберге /Грюнвальде/ в 1410 г.

«Lithuanorum et Ruthenorum» опять фигурируют вместе в войне 1394 г. Когда великий магистр Конрад фон Юнинген с князем Свидригайло взял в осаду Вильню и стал опустошать край, то «люди князя Витовта, литвины и русины, чтобы помешать врагу чинить опустошение, начали с ним упорно бороться». Православные монахи-русины, которым Свидригайло поручил сжечь лагерь Витовта, сообщили об этих планах самому Витовту. О том, что войско князя Витовта состояло «из Литвы, из Руси и из Польши», писал и Мацей Стрыйковский.

Даже эти предварительные заметки показывают, что известная запись Петра из Дусбурга «Incipit bellum Lethowinorum» непосредственно касается и беларуской истории. Выходит, что цитированные выше В. Пашуто и М. Ткачев были правы. В самом деле, в войне с Орденом «плечом к плечу» с литовцами более чем столетие подряд боролись русины — православ-

ные предки современных беларусов. Не только демографический и хозяйственный, но и непосредственно военный потенциал Руси имел первостепенное значение в борьбе Великого Княжества Литовского с Немецким орденом. И лучшим примером его веса можно считать состав войска ВКЛ в генеральной битве с тевтонцами под Танненбергом /Грюнвальдом/ в 1410 году, описанной в источниках сравнительно полнее других баталий и лучше исследованной учеными.

Из 18 хоругвей Витовта, перечисленных Яном Длугошем и названных по землям, только в нескольких могли состоять преимущественно литовцы*. Разумеется, данными Длугоша о числе хоругвей надо пользоваться осторожно, не случайно исследователи ставят их под сомнение. Однако и в определении численности войска, полученном польскими историками с учетом демографическо-мобилизационных возможностей земель, удельный вес хоругвей из Беларуси и Украины в войске Витовта достигает 2/3**. Не случайно великий магистр Генрих фон Плауэн вскоре после военной катастрофы Ордена в письме к христианским государям Европы представил сечу как битву христиан с неверными, среди которых на первое место он поставил русинов. Русь как силу, помогавшую Ягайло разгромить христианских рыцарей, называли тогда и многие орденские хроники.

Таким образом, во время войны между ВКЛ и Немецким орденом орденская хронистика в качестве своего врага видела и выделяла «Русь» – наряду с «Литвой». Русь являлась реальным и полноценным ее участником. В интерпретационной же традиции второй участник противостояния практически исчез. Думаю, что эту метаморфозу можно считать одним из показательных примеров «приватизации» прошлого современными национальными историографиями.

---

* В битве при Грюнвальде войско ВКЛ насчитывало 42 хоругви. В том числе с территории современной Беларуси – 23, с беларуской этнической территории – 8, из современной Украины – 7, из современной России – 1 (Новгородская), с территории Жамойтии – 3. См.: Тарас А.Е. Грюнвальд, 15 июля 1410 г. Минск, 2010, с. 82–85.

** Для сравнения замечу, что в старой российской историографии к хоругвям (полкам), укомплектованным русинами, иногда относили абсолютное большинство войска Витовта. См.: Барбашев А. Витовт: Последние двадцать лет княжения. СПб., 1891, с. 59.

БЫЛ ЛИ СВЕДУЩ ПЕТР ИЗ ДУСБУРГА В ДЕЛАХ ЛИТВЫ?

Владимир Антипов

1. Введение

«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга (далее – Петр) была завершена в 1326 году. Этот труд историки справедливо считают первым крупным памятником историографии Тевтонского Ордена в Пруссии. Он является наиболее полным источником, систематизированно и последовательно описывающим захват Пруссии орденским войском.

Об авторе

Местом рождения Петра из Дусбурга считают немецкий Дуйсбург либо голландский Дусбург. По мнению ряда авторов второе предположение более правдоподобно, так как Дусбург находился на территории Орденского баллея Утрехт, где Тевтонский Орден обосновался еще в первой половине XIII века.

Из текста самой «Хроники земли Прусской» (далее «Хроника») следует, что Петр был орденским священником. Посвящение этого сочинения великому магистру Вернеру фон Орзельн (1324 – 1326) свидетельствует о том, что Петр был официальным историографом Ордена. Из этого факта мы делаем вывод о заказном характере труда Петра.

Все исследователи отмечают высокий уровень образованности Петра, прекрасное знание им Библии, широкую эрудированность в истории, литературе, философии и теологии. Целые главы «Хроники» являются своего рода литературными отступлениями, служащими обоснованию главной мысли автора – праведности усилий Тевтонского Ордена по завоеванию Пруссии и обращению ее жителей в христианство. Искусное сочетание исторических данных с литературными отступлениями образует красивую логическую конструкцию, в которой, однако, нетрудно увидеть политическую тенденциозность автора. Суть литературных отступлений Петра хорошо выражает его собственное высказывание, обосновывающее завоевание Пруссии:

> «...о доблестнейшие рыцари и славные воители, облекитесь этим оружием и отомстите за поругание распятого Господа и отвоюйте Святую землю, обетованную Христианами, занятую язычниками! Укрепитесь, и пусть не ослабевают руки ваши в битве».

Место написания

Местом написания «Хроники земли Прусской» был либо Мариенбург (ныне Мальборк в Польше) либо Кёнигсберг (ныне Калининград в России). В пользу такого суждения косвенно свидетельствуют некоторые документы, а главное –

то обстоятельство, что Петр пользовался орденским архивом, постоянно контактировал с великим магистром и другими руководителями Ордена.

Тезис о замке Рагнит (Раганита) неверен по следующим причинам:

– этот замок расположен на самой границе Пруссии с Жамойтией, о которой у Петра были весьма поверхностные сведения. Находясь по соседству с Жамойтией, он наверняка знал бы о ней гораздо больше. Однако его знания о Жамойтии настолько скудны, что предположение о Рагните как месте создания «Хроники» следует отклонить;

– в то время шла война с Великим Княжеством Литовским, поэтому постоянное пребывание официального хрониста Ордена в пограничном замке следует исключить;

– Рагнит был построен в 1289 году, что логически не увязывается с описанием войны в Пруссии, осуществленным Петром на основе воспоминаний очевидцев и архивных данных. А в Рагните отсутствовали и архивы, и свидетели событий прошлых лет, т.к. замок находился на окраине самой дальней прусской земли – Скаловии.

Версия о Мариенбурге (ныне Мальборк) как месте написания «Хроники» наиболее правдоподобна. Именно он был столицей Тевтонского Ордена, здесь находился орденский архив, постоянно проживали высшие должностные лица*.

Титульный лист первого печатного издания «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга

Характеристика труда

С первых же строк «Хроники» читатель замечает явную тенденциозность автора, что и понятно: «Хроника» дает картину исторических событий с точки зрения крестоносца-завоевателя. Вместе с тем в достоверности описываемых событий сомневаться не приходится. Таким образом, мы имеем дело с трудом, в котором тенденциозно преподносятся достоверные события, что для летописных источников тех лет являлось нормой.

Также мы согласны с общепринятым мнением о замкнутости «Хроники» в пространстве и времени: ее рамки ограничены деятельностью Тевтонского Ордена. «Хроника» как бы обособлена от внутренней и внешней политической обстановки, в которой находился Орден.

---

* Кёнигсберг был основан крестоносцами в 1255 г., но как опорный пункт, расположенный в самом центре прусских земель, на реке Прегель, разделявшей Самбию и Натангию. В то время столица Тевтонского Ордена находилась в Акре, в Палестине. Она пала в 1291 г.

Мариенбург был построен в начале XIV века по приказу великого магистра Готфрида фон Гогенлоэ на реке Ногата – именно как столица Ордена. Это территория прусской земли Помезания. Приказ о начале строительства магистр издал в 1303 г. – *Прим. ред.*

Нам непонятны мотивы, по которым Петр опустил столь важные исторические детерминанты, как фактический разрыв союзных отношений Польши с Орденом и поворот Польши в сторону политического врага тевтонцев (Литвы), скрепленный браком сына Владислава I «Локетка» в 1325 году с дочерью Гедимина Альдоной (в католичестве Анной). Не описаны союзники Ордена, в частности, Богемия. И как можно было опустить тот факт, что в течение года, с 1312 по 1313, Орден был отлучен от церкви, а на Орденские земли наложен папский интердикт.

Мы уверены, что все эти пропуски не случайны, они стали следствием прямых указаний Петру от высшего руководства Тевтонского Ордена. Именно отсутствие важных сведений о внутренней и внешней политической жизни доказывает нашу версию о том, что Петр являлся официальным хронистом Тевтонского Ордена, а цензором его работы являлось высшее орденское руководство. Наличие прямого последователя Петра в лице Николая фон Ерошина лишь подтверждает мысль об официальном статусе обоих в качестве летописцев Ордена.

Ко времени создания «Хроники» Тевтонский Орден уже ощущал себя автономным церковно-феодальным государством. Поэтому обращение его к письменному закреплению собственной истории являлось одним из средств идеологического самоутверждения.

Будучи написанной орденским священником, близким к орденскому руководству, «Хроника» отражает политику тевтонцев в Пруссии, Жамойтии и Литве, является литературно-историческим памятником идеологии Ордена.

Видимо, Петр большую часть своей жизни провел за крепостными стенами. Он был очевидцем лишь незначительного числа описываемых событий. Исследователи полагают, что современником Петр выступает лишь в главах, относящихся к 1290–1326 годам. О том, что он не был прямым свидетелем происходящего, Петр пишет сам:

> «... я опишу ... о битвах и прочем, что было содеяно в упомянутой земле; из этих событий немногие я видел, о других слышал от тех, которые видели и принимали в них участие, остальные – рассказы о которых признал достоверными».

Таким образом, «Хроника земли Прусской» сочетает описание исторически достоверных фактов с литературными фантазиями.

2. Некомпетентность Петра в описании Литвы

В этом разделе мы ставим никогда ранее не обсуждавшийся вопрос – был ли компетентен Петр в своих описаниях Литвы? На основании каких источников он сообщал сведения об этническом и территориальном составе ВКЛ? Что он знал о Литве и литвинах? И, соответственно, вполне ли мы можем доверять заявлениям Петра, которые он сделал в отношении Литвы?

Наш ответ на этот вопрос таков: Петр был абсолютно некомпетентен в делах Литвы, некомпетентен и несведущ до такой степени, что можно ставить под сомнения все его сообщения о Литве.

Неудовлетворительное повествование Петра о Литве резко контрастирует с его пространным и предметным описанием Пруссии. Суть такого контраста

очевидна: Пруссия – это «отличная осведомленность и компетентность», Литва – «неудовлетворительная осведомленность и некомпетентность».

В качестве доказательств нашего тезиса приводим следующие аргументы.

Замок на дубе

«...Брат Герман Бальке, магистр Пруссии ... прошел через Вислу в землю Кульмскую и на берегу, в нижнем течении реки, построил в 1231 году замок Торунь /нем. Торн. – Ред./. Это сооружение было сделано в каком-то дубовом дереве, в котором были устроены укрепления для обороны... подступ к замку был всего один...».

В действительности укрепление было построено не на дубовом дереве (in quadam arbore quercina), а в деревне Quercus /«дуб» на латыни/, находящейся вблизи Старого Торуня.

Неужели Петр не понимал, что сооружение замка на дубе, пусть даже самом огромном, абсолютно невозможно? С него можно скорее упасть, чем защититься от врагов! Петр либо бездумно переписал этот отрывок из более раннего источника, либо неверно понял смысл названия деревни.

Незнание этнического и территориального состава Литвы

По скудности описания литвинов очевидно, что Петр знал о них очень немногое. Это просто удивительно с учетом его авторской позиции – ведь именно литвинов Петр преподносит как врага, которому он обязан дать самую полную характеристику. Ведь он пишет в своей «Хронике»: «Закончилась прусская

Литвины осаждают орденский замок

война, началась война литовская»*. Отсутствием такой характеристики Петр фактически расписывается в незнании этого объекта.

Пытаясь связать этносы с исторически сложившимися местами их проживания, Петр нарушает правила логики. Так, в этносы Литвы он зачислил только литвинов и рутенов (русов), тогда как землями Литвы назвал Рутению (Русь), Криву, Жамойтию и Аукштайтию.

Рутены (Русы). Проживали в Рутении (Руси), под которой Петр имел в виду землю вокруг Гарты (Гродно). Это единственная адекватная этногеографическая привязка в «Хронике земли Прусской».

Литвины. Проживали повсюду, но у Петра нет литвинов из собственно Литвы, так как он не знал, где находилась историческая (изначальная, летописная) Литва.

Жамойтия. По правилам формальной логики в ней должны проживать жамойты, но у Петра Жамойтия населена «язычниками этой волости», а также «литвинами из Жамойтии». Какова причина отсутствия жамойтов (жемайтов, жмудинов)? Видимо в том, что Петр не разбирался в этом вопросе.

Аукштайтия. Упоминается в «Хронике» всего один раз, кем населена – непонятно, где расположена – тем более. Трудно понять общий смысл самой фразы, содержащей упоминание о ней. Все же по контексту можно догадаться, что здесь имелись в виду некие «литвины из Ауктшайтии». (Об Аукштайтии смотри ниже).

Крива. Под Кривичской землей Петр имел в виду Новогородок (Новогрудок). Кем населены эти места – непонятно. Упоминается один раз, под 1314 годом:

> «...Маршал со всей силой войска своего пришел в Кривичскую землю и тот город, который зовется Малой Ногардией (Новогрудок), взял и до основания разрушил; а землю вокруг изрядно попортил огнем и мечом...». При этом Давид Гродненский защищал Новогрудок: крестоносцы «...обнаружили, что 30 человек убиты Давидом, кастеляном Гарты...».

Гродно и Новогрудок расположены в 50 километрах друг от друга, все исследователи единодушно заявляют, что в Гродно и Новогрудке в те времена проживал один и тот же этнос. Но у Петра это разные понятия – Рутения (Гродно) и Кривичская земля (Новогрудок).

Таким образом, согласно «Хронике» Жамойтия, Аукштайтия и Крива остаются без своего этноса, а этнос литвинов – без своей территории обитания. Вот такие вырисовываются удивительные вещи!

Незнание государственного устройства Литвы

(1) Петр понятия не имел, где расположена столица Литвы. А ведь еще в 1323 году, то есть при его жизни, когда он описывал события как свидетель, Гедимин перенес ее из Новогрудка в Вильню. Знать столицу государства, тем более своего главного врага, это «азбука» для историка, но Петр не знал этого.

* Последнюю землю пруссов (Судовию) тевтонцы завоевали в 1283 г. А их первый поход на земли Литвы (в район Гродно) состоялся уже в 1284 г. – *Прим. ред.*

(2) Петр понятия не имел об официальном названии Литвы – Великое Княжество Литовское, которое существовало во время всей его жизни. Вместо этого мы встречаем принципиально неверный термин «Королевство Литва».

(3) Петр понятия не имел об официальном титуле государя Литвы – Великий Князь Литовский, хотя этот титул тоже существовал во время его жизни. Вместо этого он использовал принципиально неверный титул «Король Литвы».

(4) Петр понятия не имел о высшем органе власти Литвы. «...Между тем Король (Витень) находился в окружении почти всех лучших людей своего Королевства, которые были собраны на какой-то совет, или парламент...». При Витене это был Боярский Совет – типичный для того времени высший государственный орган славянских государств, но Петр об этом не знал.

Вывод. Что можно сказать об источнике, где автор утверждает, что имеется «Королевство Литва», управляемое «королем Литвы» и каким-то «советом» или «парламентом», но без столицы? Пусть читатель сам ответит на этот вопрос.

Незнание правителей Литвы

Петр повествует о войне Ордена с Литвой в течение 43 лет: с 1284 по 1326 год («кончилась прусская война, началась война литовская»). За это время ВКЛ правили:

– Римунд, сын Тройдена, – с 1282 года, год перехода власти к следующему государю не установлен;

– Возможно Бутигейд – до 1290 года, год начала правления не установлен;

– Пукувер (или Бутивид) – с 1290 по 1295 год, брат Бутигейда, предполагаемый отец Витеня и Гедимина;

– Витень – с 1295 по 1316 годы;

– Гедимин – с 1316 по 1341 годы, младший брат Витеня.

В «Хронике» мы встречаем только Пукувера-Бутивида, Витеня и Гедимина. Сведения о Римунте и Бутигейде как великих князьях отсутствуют по той причине, что Петр не имел о них никакого представления.

Пример 1. Вот типичный пример такого незнания: осенью 1289 года «Король Литвинов с восемью тысячами всадников вошел в землю Самбийскую и сжег все строения и хлеба...». Петр не знал – кто именно этот «Король Литвинов», равно как и то, что это не король, а великий князь.

Пример 2. В 1290 году к магистру Тевтонского Ордена «...подоспел третий (гонец), сообщивший, что один правитель, собиравшийся, как гласила молва, изгнав братьев, подчинить себе Прусскую землю, умер...». О ком идет речь Петр не сообщает. В данном случае непонятна неосведомленность в этих вопросах руководства Ордена. Как возможно, чтобы сам великий магистр ничего толком не знал об угрозе военного вторжения в орденские земли!?

Естественно, что в тексте «Хроники» нет ни слова о смене высших государственных лиц в Литве, тот же Генрих Латвийский куда осведомленнее, хотя все исследователи признают, что Литву он упоминал лишь в качестве фона для изображения жизни и деяний Ливонского ордена*.

* Генрих Латвийский (Heinrich von Lettland; ок. 1187–1259) – автор «Хроники Ливонии», написанной в 1224–27 гг. на латыни. – *Прим. ред.*

Забытый Витень

Повествуя о временах, приходящихся на правление Витеня (с 1311 по сентябрь 1315), Петр «забывает» о том, кто правит в Литве. В тексте снова туманное выражение: «...Король Литвинов, до которого донеслась молва...». Причина очевидна: в эти четыре года Петр не имел никаких сведений с той стороны границы и только осенью 1315 года узнал, что в Литве по-прежнему правит Витень.

Забытый Гедимин

В последний раз Витень упоминается как «Король Литвы» в сентябре 1315 года. А Гедимин впервые упоминается как «Король Литвы» в конце 1323 года. Здесь еще один пропуск в 8 лет, слишком много для официального хрониста Ордена. Петр понятия не имел о том, что Гедимин находится у власти уже 7 лет и столько же лет нет в живых Витеня! Но что поделаешь, если не знаешь, а писать надо.

Незнание концовки

В 1296 году «...Король Витень с великим множеством Литвинов вошел в землю Ливонии, чтобы сражаться с братьями...». Завязка краткая, но конкретная. Читатель ожидает продолжения рассказа и развязки, однако Петр не знал, чем кончился этот поход, любопытный читатель сможет найти ответ только у Генриха Латвийского.

Знание рядовых литвинов и незнание высших должностных лиц

Всего мы насчитали около 25 упоминаемых Петром имен собственных рядовых противников Тевтонского Ордена, в том числе 16 литвинов (при подсчете были возможны пропуски). Все они касаются приграничных к Ордену земель. Петр ни разу не называет по имени ни одного высокопоставленного лица Литвы, хотя речь о них заводит неоднократно. Видимо, причина в том, что он не имел никакого представления о них.

Пример 1. В 1264 году один крестоносец в бою «...убил одного знатного и власть имущего человека, вождя Литвинов...». Знал, что не только «знатный и власть имущий человек», но даже «вождь», а имени не знал? Как же убийца определил, что это тот, кто нужно? Для корректности сообщим, что этот эпизод Петр описал намного позже самого события и по рассказам других людей, свидетели могли забыть имя.

Пример 2. Под 1286 годом встречаем следующую запись: некий литвин был обижен «...одним Корольком, который будто бы был вторым после Короля Литвинов в Королевстве своем...». То есть Петр не знает второго лица на лестнице феодальной иерархии Литвы. А дальше у него просто абсурд: когда этот литвин вместе с небольшим отрядом крестоносцев подошел к «...усадьбе этого Королька, то выяснилось, что туда на свадьбу были приглашены почти все соседние нобили Королевства Литвы, и, когда по обычаю они все, охмелев, покоились на ложе, те напали на них и убили 70 Корольков... Жениха и невесту и жен Корольков с чадами и домочадцами и сто коней с золотом и серебром и со всей домашней утварью они увели...».

Убить 70 князей («нобилей» или «корольков») Литвы, это значит вырезать всю или почти всю правящую верхушку страны! После этого о какой компетентности Петра в делах Литвы может идти речь? Он явно использовал «десятые пересказы» о каком-то эпизоде, искаженном до неузнаваемости.

Пример 3. В декабре 1323 года «...гонцы легатов вернулись в Ригу, а с ними один знатный Литвин, будто бы второй после Короля...». Не знать второе лицо государства, с которым столько лет ведешь войну!? Да еще в хрестоматийном эпизоде о заключении мирного договора между ВКЛ и Ливонией?

Незнание Новогрудка

Петр не знал, что Новогрудок был столицей ВКЛ. Описывая события 1314 года, когда орденское войско сожгло пригород Новогрудка и осаждало замок Миндовга, Петр не упоминает его как столицу. Он этого явно не знал, так как по контексту очевидно, что столь важную деталь, как «мы осаждали столицу врага!» упомянул бы обязательно.

Незнание Вильни

Особо выделим следующий элемент: при заключении мира с Ливонией в 1323 году «...послали официальных гонцов к Гедимину, Королю Литвинов...». Куда послали? Послали в Вильню, новую столицу ВКЛ, о чем сообщают другие источники. Но Петр понятия не имеет не только о Вильне как столице ВКЛ, но и о том, где находился престол Гедимина. Неосведомленность в этом вопросе контрастирует с хорошей осведомленностью обо всех этапах переговоров, об отказе Гедимина креститься и войне с Ливонией в тот момент, когда послы еще не вернулись.

Незнание летописной Литвы

Весной 1296 года комтур Балги с войском крестоносцев вторгся в землю «Короля Литвы Витеня» «...с упомянутым войском он пошел на Литву разорить землю упомянутого Короля. Когда же он оказался уже недалеко от земли Короля, не знаю, чем ведомый, отступил и, напав на

Воины прусского ополчения

замок Гарту (Гродно), встретил такой отпор со стороны жителей замка, осыпавших его дождем стрел, что, поскольку многие Христиане были тяжело ранены, он вернулся ни с чем...».

Что имел в виду Петр под «землей Короля Литвы»? Он об этом не пишет, потому что не имеет никакого представления о данном предмете. До него только дошел слухи, что «земля Короля Литвы» где-то в том районе.

Контраст осведомленности

Бросается в глаза прекрасная осведомленность автора о делах Пруссии и его некомпетентность в делах Литвы. Например, описывая события 1286 года, он касается так называемого «четвертого вероотступничества» пруссов, которое представляло собой своевременно раскрытый заговор — при полном отсутствии военных действий. О таких секретных событиях знали только те, кто находился в самом руководстве Ордена, однако этому событию Петр посвятил отдельную главу. Параллельно у него идет развитие основной темы — войны с Литвой, полной куда более значительных событий, чем вовремя раскрытый заговор, но эти более важные события описаны весьма скудным языком.

Незнание границ Литвы

Петр совершенно не касается вопроса о границах Литвы. Видно, что он четко представляет себе ее западные границы (по течению Немана) и северные (Курония), но не упоминает ни восточных, ни южных границ — не знает. Тем более он не имел никакого понятия о восточной политике Литвы, хотя во время его жизни происходило интенсивное расширение ВКЛ на Восток и Юг.

Неужели Петр упустил бы столь важную характеристику противника, как размеры и границы его страны? Но он не имел об этом никакого представления.

Вывод

Скудность и недостоверность информации Петра о Литве позволяют сделать вывод о полной его некомпетентности в вопросах внутренней жизни Литвы.

3. Существовал ли Пукувер?

Незнание Петром внутренней жизни Литвы настолько очевидно, что невозможно не задать вопрос — существовал ли вообще Пукувер (Бутивид), и если это реальная историческая личность, то был ли он великим князем Литовским?

Вопрос вовсе не риторический. Ведь именно на основе «Хроники земли Прусской» историки упоминают Пукувера (в оригинале Pucuwerus, Rex Lethoviae) как великого князя, и методом элементарной арифметики высчитали, что время правления Пукувера в ВКЛ могли быть только с 1290 по 1295 год. Никаких других источников, подтверждающих существование Пукувера, не имеется.

Приведем единственную цитату Петра с упоминанием Пукувера: «...Пукувер, Король Литвы, также в том году [в 1291], сына своего Витеня с большим войском послал на Польшу...».

Приведем вторую цитату, логически связанную с первой: в 1290 году к магистру Тевтонского Ордена «...подоспел третий (гонец), сообщивший, что один правитель, собиравшийся, как гласила молва, изгнав братьев, подчинить себе Прусскую землю, умер...». Этим неизвестным «правителем», способным угрожать Пруссии, ставшей уже Тевтонской, мог быть только великий князь Литвы.

Прусский дружинник

Итак, что мы получаем?

(1) Явный парадокс — единственным источником, сообщающим о Пукувере, является Петр, но этот Петр не осведомлен во внутренней жизни ВКЛ.

(2) Как мог знать Пукувера тот, кто не знал даже его столицы и настоящего титула, а в других источниках о нем нет ни единого упоминания?

(3) Петр ничего не знал о Бутигейде, но пишет о его преемнике Пукувере, что само по себе вызывает подозрения.

(4) В приведенной цитате Пукувер в плане действий проходит не первым, а вторым номером, первым назван Витень: именно Витень «пошел» в Пруссию (которую Петр знал хорошо), а Пукувер «послал» его из Литвы (знания о которой у Петра оставляют желать много лучшего). Мы подводим к тому, что именно в этой фразе у Петра случилась «чудесная вспышка» осведомленности во внутренних делах Литвы, которая тут же угасла до обычного нулевого уровня.

(5) Дату смерти Бутигейда и, соответственно, восшествия на престол ВКЛ Пукувера опять-таки определяют по «Хронике земли Прусской».

Вывод

Как после всего этого не сомневаться в существовании Пукувера? Поэтому мы заключаем, что однократное упоминание Пукувера под 1291 годом как «Короля Литвы» не может служить доказательством реальности его существования.

По той же причине мы больше доверяем версиям, изложенным в «Хронике Быховца» и «Хронике Литовской и Жемайтской», которые не знают Пукувера, а ведут линию преемников к Витеню через Римунта-Наримунта.

4. А была ли Аукштайтия?

Знаменитая цитата

В 1294 году комтур Рагнита Людвиг фон Либенцель «...вел многочисленные сражения на судах, одно в Аукштайтии (Austechia), земле Короля Литовского (...) Другие битвы вел он против волости Жамойтии, называемой Пограуда...

Вот чудо, сколько зла он /комтур Рагнита Людвиг фон Либенцель – *Авт.*/ ни причинил им /жителям волостей Жамойтии – *Авт.*/, все же они так любили его, что и нобили, правившие тогда Жамойтией, поднимали простой люд против Короля Литвинов, так что много раз они собирались для войны с Королем, где порой в одной битве бывало убито 100 или 200, или множество с каждой стороны. И никогда во время правления своего Король Литвы не мог договориться с Жамойтами, чтобы вместе выступить на войну против братьев...».

Эта цитата породила вопрос о раздельном существовании Аукштайтии и Жамойтии. И породил его именно Петр, впервые упомянувший Аукштайтию.

Жамойтия

Когда впервые появился термин Жамойтия (или Жемайтия, или Жмудь, или Самогития), точно неизвестно. По тому факту, что Миндовг еще в 1254 году подарил ее Ливонскому Ордену можно смело заключать, что Жамойтия существовала изначально как самостоятельная этногеографическая область.

Дело в том, что предметом такого дарения могла быть только устоявшаяся, общеизвестная и общепризнанная этногеографическая зона. То есть до факта «дарения» Жамойтия должна была «устояться» в сознании общественности тех лет, на что надо довольно много времени.

Логический вывод о древности Жамойтии подтверждают ...летувские археологи. Они относят начало жамойтского этноса к V веку и локализуют его в бассейне реки Швантойя (в летописях ВКЛ – река Святая), протекающей ...в современной Аукштайтии. Позже этнос жамойтов распространился к Балтийскому морю и со временем разветвился на четыре этногеографические зоны современной Летувы, о чем в один голос заявляют ...летувские этнографы.

Выходит, что и в Аукшайтии, и в Жамойтии проживал один и тот же этнос, который только после XIV века разделился на четыре этногеографические зоны современной Летувы. При Петре, описавшем войну Тевтонского Ордена с Литвой, такое размежевание лишь начиналось.

Аукштайтия

В письменных источниках термин Аукштайтия впервые упоминается под 1294 годом в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга, отличительной особенностью которого была вопиющая некомпетентность в делах Литвы. Не удивительно, что далее термин Аукштайтии практически не употреблялся, повсеместно использовался только термин Жамойтия (или Жемайтия).

Итак, термин Аукштайтия намного моложе, чем термин Жамойтия. Его смысловая нагрузка минимальна – он определяет одну из частей определенной этногеографической зоны (в этом смысле он тождествен таким понятиям как «Полесье» или «Подвинье»), но не самостоятельную этногеографическую единицу.

Парадоксы, которые породил Петр своей Аукштайтией

Термин ввел человек, несведущий в этом вопросе

Итак, налицо парадокс – с одной стороны, первым источником, упоминающим Аукштайтию, является Петр из Дусбурга, с другой – этот Петр не осведом-

лен в «устройстве» и внутренних делах ВКЛ. Не знает ни столицы Литвы, ни ее правильного названия, ни титула правителя, ни «парламента», и вдруг такая «вспышка осведомленности» – говорит об Аукштайтии как одной из важнейших составных частей Литвы!

Скажем иначе – у любого «двоечника» географических «ляпов» может быть каждый день по несколько раз. Можем ли мы доверять «двоечнику»?

Чудесное исчезновение Аукштайтии

Далее Петр забывает об Аукштайтии. Например, она отсутствует в аналогичной цитате, требующей упоминания. Двумя годами позже, весной 1296 года комтур Балги с войском крестоносцев вторгся в землю «Короля Литвы Витеня», «...с упомянутым войском он пошел на Литву разорить землю упомянутого Короля. Когда же он оказался уже недалеко от земли Короля, не знаю, чем ведомый, отступил и, напав на замок Гарту (Гродно), встретил такой отпор со стороны жителей замка, осыпавших его дождем стрел, что, поскольку многие Христиане были тяжело ранены, он вернулся ни с чем...».

Литвины в бою с тевтонцами
(худ. М. Андриоли)

А куда испарилась Аукштайтия? Ведь здесь она напрашивается сама собой!

Конкретных данных об Аукштайтии нет

Вводя термин Аукштайтия, какие параметры Петр связывает с ним? Первый, это название; второй, что это «земля Короля Литовского», и третий, что она выше Жамойтии по течению Немана. Больше – ничего!

Аналогично этому упоминание Петром о Кривичской земле вокруг Новогрудка – тоже ничего кроме названия. Эта Кривичская земля тоже находилась выше Жамойтии по течению Немана и тоже была «землей Короля Литовского».

Выходит, что кроме названия (Аукштайтия) мы ничего не имеем, так как другие параметры подходят ко всем «землям Короля Литовского».

Аукштайтия – не славянская земля

Термин Аукштайтия введен Петром для зоны, где никогда не жили славянизированные народы (отдельные островки-поселения не в счет), это чисто балтский край. Это не вяжется с уже бесспорным тезисом о том, что славянская составляющая в ВКЛ в те времена была если не основной, то весьма значительной.

Относительно славянской составляющей ВКЛ мы упомянем лишь один факт. Так совпало, что в 1294 и 1296 годах фактически правили Наримунт и Витень.

Последний, по версии историков Летувы, в 1295 году ввел герб ВКЛ с чисто славянским названием «Погоня». По версии же историков Беларуси это случилось немного раньше, еще при Наримунте в 1278 году. Выходит, что после «рождения» Петром неславянской Аукштайтии в ней появляется славянская «Погоня». Согласитесь, что полностью жамойтская Аукштайтия никак не вяжется с чисто славянской «Погоней».

Отсутствие своего этноса

Как известно, во Франции живут французы, в Англии – англичане, в Беларуси – беларусы, в Летуве – летувисы, а в Жамойтии жили жамойты. Кто должен жить в Аукштайтии?

И тут мы снова видим парадокс: Петр, введя термин Аукштайтия, забыл ввести аукштайтов. Значит, он понятия не имел не только о том, где расположена эта самая Аукштайтия, но и том, кто там проживает.

Для корректности анализа сообщим, что по контексту «Хроники» в Аукштайтии должны были присутствовать «Литвины из Аукштайтии», а также «язычники этой земли (или волости)».

Точно так же Петр упоминает Криву («Кривичскую землю»), которая тоже не имеет своего этноса (кривичей), но зато имеются «Литвины Кривичской земли» и «язычники этой земли (или волости)».

Более поздний этногеографический алогизм

Когда в исторической литературе впервые появились аукштайты, нам установить не удалось, но случилось это намного позже появления термина Аукштайтия. Доподлинно известно, что термин «аукштайты» стал широко применяться в сочинениях летувисских авторов только в XX веке, и что он стал одним из синонимом «литовцев» – на основании ...«Хроники земли Прусской».

Таким образом, предыдущий парадокс значительно позже породил другой: во Франции живут французы, в Англии – англичане, в Беларуси – беларусы, в Летуве – летувисы, а в Аукшайтии ...литовцы!

Жамойты воевали с Аукштайтами по неизвестной причине

Согласно тексту Петра жамойты были непослушны и это их непослушание доходило до военных конфликтов с Аукштайтией – «землей Короля Литвинов». Данный тезис противоречит всей логике «Хроники», где Петр много раз описывает антитевтонские союзы разных этносов. И вдруг как черное пятно на светлом фоне – длительный внутриэтнический конфликт, доходивший до открытой войны: этнос жамойтов воюет с родственным ему этносом аукштайтов.

По какой причине? Причина не указана. Версия, что «...они так любили его (комтура Раганиты Людвига фон Либенцеля)» не выдерживает никакой критики, так как, во-первых, все жамойты оставались язычниками, а, во-вторых очевидно, что это явный вымысел Петра. Как можно любить человека, который «...другие битвы вел против волости Жемайтии... [и] сколько зла ...причинил им (жителям волостей Жемайтии!?)»

Аукштайтия – точно не Литва, это всего лишь Аукштайтия

Зададим вопрос: с какой целью Петр ввел в повествование Аукштайтию, нигде и никем не упоминавшуюся до него, нигде и никем не упоминавшуюся после него? Ответ очевиден: для того, чтобы указать более точно, где по его мнению находилась историческая («летописная») Литва. Но своей цитатой с упоминанием Аукштайтии Петр показывает, что Аукштайтия – это ни при каких обстоятельствах не историческая Литва.

Такой вывод совершенно логичен: почему он вдруг «землю Короля Литовского» надумал именовать не Литвой, а какой-то Аукштайтией? Надо было поступить просто – назвать эту землю Литвой, и не было бы никаких парадоксов, причинно-следственные связи были бы соблюдены, этногеографическая логическая связка сработала бы.

Бой между литвинами и тевтонцами (компьютерная графика)

Но поскольку оказывается, что в Аукштайтии жили литовцы, мы получаем доказательство чужеродности литовцев не только Жамойтии, Криве и Рутении, но и еще и Аукштайтии. Это подтверждают летувские исследователи, в один голос утверждающие, что там живут аукштайты, которых следует именовать ... «литовцами»!

Вывод

Итоги плачевны: Петр не дает ответа на вопрос, где находилась летописная Литва, так как ясно утверждает, что Литва литвинов была чужеродна всем описываемым им землям – Жамойтии, Криве, Рутении и Аукштайтии. Вместо того, чтобы развязать один узел, он завязал много других. И вот такое сочинение считается одним из самых «достоверных» источников по истории Литвы!

Историческая ценность термина Жамойтия

Историческая ценность термина Жамойтия легко доказывается следующими фактами:

– этот термин используется в качестве названия определенной этногеографической зоны с незапамятных времен вплоть до настоящего времени;

– с незапамятных времен существовала устойчивая логическая связка Жамойтия – жамойты (они же жемайты, они же жмудины), полностью удовлетворяющая правилам формальной логики;

– термин давно прижился в историографии, встречается повсеместно как устойчивое базовое понятие.

Историческая ценность термина Аукштайтия

Историческая ценность термина Аукштайтии минимальна, что доказывается следующими фактами:

– в историческом плане введен очень поздно, только в 1326 году при ретроспективном описании событий 1294 года;

– введен автором, некомпетентным в этом вопросе;

– введен при попытке объяснения совершенно иного понятия, в результате чего получилась двойная логическая нестыковка;

– термин не прижился в летописях, встречается в единичных случаях и только при попытке географического уточнения термина Жамойтия;

– получил популярность лишь в XX веке и только в Республике Летува;

– за пределы нынешней Республики Летува был импортирован только после 1918 года, то есть после провозглашения ею независимости;

– этногеографическая связка Аукштайтия – аукштайты появилась очень поздно, в XX веке;

– в смысловом контексте всех исторических документов она всегда являлась только частью единого целого.

Логическое объяснение цитаты

Давайте поставим все на свои места.

(1) Была ли на самом деле Аукштайтия? Видимо, Аукштайтия во времена Петра реально существовала, так как деление обширной Жамойтии на условные географические зоны должно было иметь место.

(2) Само название Аукштайтия он мог услышать только от жамойтов, не от пруссов, не от тевтонцев, не от рутенов, не от кривичей, не от литвинов. Во-первых, если Петр, сидя у себя в Мальборке, мог с кем-то контактировать из

«Литвинской коалиции», так только с соседними жамойтами. Во-вторых, Аукштайтия – жамойтский и никакой другой термин.

(3) Как и зачем он его ввел? Для ответа на этот вопрос применима самая простая логика: Петр слышал, что историческая Литва расположена где-то в верховьях Немана. Литвины приходят оттуда, а жамойты говорят о расположенной там же Аукштайтии. И он решил совместить два этих понятия.

(4) Эту логическую цепочку доводов подтверждают параллели из той же «Хроники земли Прусской», где:

– Жамойтия и Кривичская земля остались без своих этносов, но являлись «землями Короля Литовского»;

– одновременно все этносы Пруссии четко «расселены» по своим географическим зонам: самбы в Самбии, погезане в Погезании, барты в Бартии и так далее без исключений.

Таким образом, цитата об Аукштайтии и летописной Литве это неудачная попытка связать одно свое незнание – Аукштайтию – с другим незнанием – исторической Литвой. Получилась нелепица: литвины жили в Аукштайтии (а также в Рутении, Криве и Жамойтии), но только не в Литве.

Общий вывод

На основании всего вышеизложенного мы делаем вывод: в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга описание событий, связанных с жизнью Литвы и литвинов в XIII–XIV веках страдает многочисленными неточностями. Слухи преобладают над фактами. Эта «Хроника» не может служить надежным источником для изучения истории Великого Княжества Литовского.

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКАЯ ВОЙНА 1507–1508 гг.

Владимир Волков

Международное положение Московского государства резко изменилось после поражения его армии под Казанью летом 1506 года*. В том же году крымский хан Менгли-Гирей обратился к великому князю Литвы Александру Казимировичу с предложением начать совместные военные действия против Москвы. Его ярлык, присланный в Вильню с королевским послом Якубом Ивашенцевым гласил:

«Ино на московского, на Иванова сына, с вами заодно, неприятелем хочем быти ему».

Тогда же в Литву приехал казанский посол Аикимбердеи, известивший Александра Казимировича о разгроме московской рати под стенами Казани и о желании своего хана Мухаммед-Эмина вести войну против Московии в союзе с Крымским ханством и польским королем. Казанский хан писал:

«Как весна будет, вы бы есте войско свое на московскиго послали, а мы сами своею головою со всем своим воиском на него пойдем, бо я люди свои вси в готове держу».

Но Александр Казимирович не успел воспользоваться тяжелым положением нового московского государя Василия III. Он умер 19 августа 1506 года в возрасте 45 лет. Реализовать планы реванша решил его брат и преемник Сигизмунд (Жигимонт) I «Старый» (1467–1548), младший из пяти сыновей Казимира IV Ягеллончика. Он был коронован 20 января 1507 года. Заручившись обещанием помощи от крымского хана Менгли-Гирея и рассчитывая на поддержку казанского хана Мухаммед-Эмина**, не дожидаясь окончания срока действия Благо-

---

Из книги В. Волкова «Ратные подвиги Древней Руси». М., 2011, с. 105–110. Автор, как это принято у российских шовинистов, в своей работе повсюду употребляет термины «русские воины», «русское государство» и т.п., хотя в начале XVI века не было никакой России. Московское государство стало называться Россией только через 200 лет, при Петре I. Поэтому я заменил эти термины на «московские», «московское», «московиты». – *Ред.*

* Независимое Казанское ханство возникло в 1437 году на основе автономного улуса Золотой Орды. В 80-е годы «царевич» Мухаммед-Эмин пытался свергнуть с казанского престола своего родного брата Али. При помощи войск великого московского князя Ивана III в июле 1487 года ему удалось это сделать. Однако за 29 лет правления Мухаммеда-Эмина (он умер в декабре 1516) Казань и Москва не раз конфликтовали. В 1506 году дело дошло до войны. – *Прим. ред.*

** В послании Сигизмунда I в Казань, которое повез литовский посол Сорока, содержался четкий план действий против великого князя московского Василия III, предусматривающий одновременное нападения на Московию литовских, крымских и казанских войск: «И наперед тебе, брата нашого жадаем, абы еси сего пришлого лета со всеми людьми своими на конь вседши, землю его казил с одное стороны, а мы, Бога въемши на помочь, з братом нашим царем Мендли Кгиреем також вседши на кон[ь], хотим поити на него з другое стороны и обиды брата нашого, короля и великого князя Александра мстити». // Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499–1514), № 23, s. 59.

вещенского перемирия 1503 года, Сигизмунд 2 февраля 1507 года добился от литовского сейма решения начать войну с Московией.

В Москву же было отправлено посольство в составе маршалка господарского Яна Радзивилла «Бородатого» (ок. 1474–1522) и наместника высокодворского Богдана Сапеги (ок. 1449–после 1512). От имени своего короля они потребовали возвращения отторгнутых ранее земель. Однако литовский ультиматум не испугал московские власти. Новый великий князь Василий III (с октября 1505 года) начал переговоры о мире с казанским ханом Мухаммед-Эмином, благодаря чему получил возможность перебросить освободившиеся войска с восточных рубежей на западные. Литовский ультиматум был отвергнут и война стала неизбежной*.

О выступлении в поход Сигизмунд I сообщил крымскому хану Менгли-Гирею в послании от 20 июля 1507 года, которое повез в Крым толмач (переводчик) Ромодан. Литовские войска были сосредоточены на трех направлениях. В Смоленске собирались хоругви войска под командованием подчашия литовского Альбрехта Мартыновича Гаштольда (ум. 1539). В Полоцке сосредоточились полки маршалка дворного и воеводы полоцкого Станислава Глебовича (ум. 1513), а в Минске – наивысшего гетмана Станислава Кишки (ум. 1514).

Король и Великий князь Сигизмунд I (Жыгiмонт) (правил в 1506–1548 гг.)

Эти войска Сигизмунда совершили ряд рейдов на территорию Московии, а также разорили окрестности Брянска и сожгли Чернигов. В ответ на эти нападения летом 1507 года в поход против Литвы выступили два войска московитов. Федор Петрович Кривой-Сицкий воевал южное литовское порубежье, а наступавшая со стороны Дорогобужа рать князя Ивана Михайловича Телятевского действовала на смоленском направлении.

Нападение крымских татар в июле 1507 года на южные уезды (они пришли к городам Белев, Одоев, Козельск, Калугу) отвлекло туда значительную часть московских сил. Встревоженный новой опасностью Василий III немедленно направил против крымского войска, которым командовал «Зяньсеит-мурза, Янкуватов

* Виленский сейм в феврале 1507 г. принял решение о необходимости возврата земель, захваченных Москвой в ходе войн 1492–94 и 1500–03 гг. Литовские послы напомнили Василию III Ивановичу, что его дед, великий князь московский Василий II Васильевич и литовский великий князь Казимир IV Ягайлович в 1449 году заключили договор о «вечном мире». И что Казимир, а после него Александр ни в чем не нарушили этот договор, а Москва нарушила. После этого они потребовали вернуть Литве ее города и земли, захваченные Иваном III.

Но Василий III в ответ на литовские обвинения в нарушении условий «вечного мира» и захвате чужих территорий надменно ответил: «Ино мы городов и волостей, и земль, и вод его отчины за собою никоторих не держим, а з Божиею волею держим городы и волости, и земли, и воды, свою отчину, чем нас пожаловал и благословил наш отец наш князь великии и что нам Бог дал, а от прародителей и вся русская земля наша отчина. // Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499–1514), № 31.1, s. 67. – *Прим. ред.*

сын» своих воевод. Иван Иванович Холмский двинулся к Белеву, а Константин Федорович Ушатый – к Калуге. В боях с татарами участвовали и местные ополчения во главе с Василием Семеновичем Швихом-Одоевским, Иваном Михайловичем Воротынским, козельским наместником Александром Ивановичем Стригиным. Объединившись, воеводы 9 августа 1507 года настигли возвращавшихся из набега татар на реке Оке, разбили их и преследовали до реки Рыбницы, правого притока Оки, впадающего в эту реку южнее современного города Орла. Новых нападений не последовало, видимо не только из-за осложнения крымско-ногайских отношений, но главным образом вследствие удачных действий московских воевод. Активность татар возобновилась только в 1512 году.

Московский Великий князь Василий III (правил в 1505–1533) со своей второй женой Еленой Глинской

Отразив крымский набег 1507 года, московские войска вновь вторглись в Литву, оказавшуюся в этот момент без союзников. Казанский хан Мухаммед-Эмин заключил мир с Московией; направленная Менгли-Гиреем к московской границе орда под командованием его старшего сына Мухаммеда-Гирея тогда же была повернута против ногайцев; Ливония, несмотря на многочисленные просьбы и обращения литовской стороны, отказалась вступать в войну с Мос-

ковским государством. Вскоре своего посла прислал к Сигизмунду крымский хан Менгли-Гирей. Забыв о прежних обещаниях, хан сообщал королю о намерении направить в Москву посла и предлагал своему союзнику сделать то же самое.

Литва оказалась в трудном положении. Москва поспешила воспользоваться этим и нанесла быстрый удар. 14 сентября начался поход на Мстиславль и Кричев рати под командованием Василия Даниловича Холмского и Якова Захарьича. Овладеть этими крепостями московским воеводам вновь не удалось. Единственным заметным событием в упомянутом походе стала гибель московского воеводы Михаила Васильевича Образцова, застреленного из пищали в бою с литовцами под Кричевом.

Резко обострил обстановку в Литве и на полях сражений с московитами мятеж князей Глинских. Самым видным представителем этого рода был князь Михаил Львович Глинский (ок. 1470–1534), прозванный «Дородным», один из наиболее доверенных советников Александра Казимировича. Он служил в армии саксонского курфюрста Альбрехта, а позже прославился победами над татарами, особенно в сражении под Клецком в 1506 году. Михаил Львович принял католичество, но втайне вынашивал планы по созданию под своей властью отдельного Русского государства со столицей в Киеве, образование которого планировалось на восточных и южных землях Великого Княжества Литовского.

Сигизмунд I, осознавший, не без помощи недругов Михаила Львовича, исходящую от князей Глинских угрозу для своей власти, принял необходимые меры. В начале января 1507 года он отобрал у старшего из братьев Ивана Львовича Глинского (по прозвищу Мамай) Киевское воеводство, дав ему взамен воеводство в Новогородке (Новогрудке). Поднявшие голову враги Михаила Львовича и первый среди них воевода трокский, наместник гроденский и волковысский Ян Юрьевич Заберезинский (ок. 1440–1508) – обвинили его в измене. Попытки оправдаться, предпринятые Глинскими, не имели успеха, поэтому они взялись за оружие. Во главе отряда из 700 человек Михаил Львович 2 февраля1508 года напал на владения Яна Заберезинского и убил его. Вслед за этим князь Глинский попытался захватить содержавшегося в Ковно хана Шейх-Ахмета (Шиг-Ахмада), но нападение его отряда на этот замок было отбито.

Воевода Даниил Щеня

В Москве внимательно следили за событиями в Литве и поспешили направить в Туров, где укрепились Глинские, своего гонца – коломенского сына боярского Дмитрия Губу Моклокова с предложением военной помощи. Глинские, увидев, что их выступление не поддержано другими князьями, обратились к Василию III, «чтоб пожаловал их князь великий, взял их к себе на службу». Не дожидаясь подхода московских войск, армия Глинских выступила из Турова и начала занимать литовские города. Один

Дубровно в старину

из родственников Глинских воевода Якуб Ивашенцев сдал им Мозырь. Младший среди братьев Василий Львович Глинский (по прозвищу Слепой) в конце марта осадил Житомир и Овруч, сам Михаил Львович в апреле 1508 года занял Клецк, жители которого еще не забыли спасительную для них победу Глинского над татарами, одержанную князем за полтора года до этого – летом 1506 года.

Стараясь использовать сложившуюся ситуацию, московские войска перешли в наступление по всему фронту. 10 марта 1508 года в поход в направлении Смоленска отправилось войско воеводы Якова Захарьича. Из Великих Лук к Полоцку выступила новгородская рать во главе с Даниилом Васильевичем Щеней и Григорием Федоровичем Давыдовым. Оба войска соединились под Оршей, за-

Конные воины Московии начала XVI века

ново укрепленной литовцами после войны 1500–1503 гг., ибо в отличие от легкого успеха московских войск в 1502 году, на этот раз осада города затянулась.

В мае 1508 года из Северских земель на помощь князю Михаилу Львовичу Глинскому, осадившему Минск и Слуцк, выступили князья Василий Иванович Шемячич, Иван Семенович Одоевский (по прозвищу Сухорукий), Иван Михайлович Воротынский и Андрей Васильевич Сабуров. Несмотря на их помощь, овладеть этими городами Михаилу Львовичу не удалось. Более успешным был поход Глинского и Шемячича на Друцк. Гарнизон крепости сдался, а друцкие князья присягнули Василию III. Сообщая о своих успехах в Москву Михаил Львович писал, что его отряды доходили почти до Вильни, действовали за Клецком и под Слонимом и везде «огонь пускали и шкоды чинили, и полону на колькодесят тысеч взяли».

Встреча Михаила Глинского и Василия Шемячича

Успехи Глинского и продолжающаяся осада Орши вынудили Сигизмунда I предпринять ответные действия. Собрав большую армию, в которой помимо литовского ополчения находились отряды наемных жолнеров, король двинулся на помощь Орше. 13 июля его армия подошла к месту расположения московских полков. Не вступая в сражение с литовцами, Д.В. Щеня (рать Якова Захарьича стояла под Дубровной), с присоединившимися к его войску полками Глинского и Шемячича 22 июля ушел за Днепр, к Дубровне. Посланные воеводами отряды начали опустошать окрестности Мстиславля и Кричева.

Литовская армия (до 15 тыс. чел.), во главе с бежавшим из Московии гетманом Константином Ивановичем Острожским, двинулась к границе и овладела городами Белая, Торопец и Дорогобуж*. Но укрепиться здесь литовцам не удалось. Д.В. Щеня, получивший приказ Василия III вернуть захваченные города, в начале сентября 1508 года выбил их из Торопца и занял превращенные в пепелище Белую и Дорогобуж**.

* Князь К.И. Острожский попал в плен к московитам 14 июля 1500 года после своего поражения в битве на реке Ведроша. Иван III содержал знатного пленника в Вологде. В 1506 новый великий князь Василий III предложил ему перейти на московскую службу. Не видя иного выхода, Константин Иванович присягнул на верность Василию, однако использовал полученную свободу для бегства при первом же удобном случае. В сентябре 1507 он вернулся в Вильню. – *Прим. ред.*

** Дорогобуж сожгли сами московиты при подходе врага. Стоявший здесь смоленский воевода Станислав Кишка пытался вновь укрепить его, но едва успел бежать при подходе московского войска. Литовских мастеров, строивших новую крепость, московиты убили. Их работу закончили присланные из Москвы розмыслы во главе с Варфоломеем и Мастробаном.

Несмотря на несомненный успех, достигнутый войсками Сигизмунда I на смоленском направлении, положение в Великом Княжестве Литовском оставалось крайне сложным. Во всех захваченных Глинским крепостях находились его гарнизоны. Союзник Литвы крымский хан Менгли-Гирей после неудачного нападения 1507 года так и не послал войска на московские «украйны».

Литовское посольство на границе Московии (худ. М. Горелик)

В этих условиях король решил начать мирные переговоры с Москвой, и в столицу московитов прибыло посольство во главе со Станиславом Глебовичем. Мир литовцам нужен был во что бы то ни стало, поэтому они пошли на важные уступки, признав по условиям нового «вечного мира» (договор был подписан 19 сентября 1508 г.) прежние завоевания Ивана III. Оба монарха обязались совместно выступать против «всех недругов», в том числе против крымских татар.

Глинским пришлось отказаться от своих литовских владений и уехать в Москву, куда им и их сторонникам был гарантирован свободный проезд.

Таким образом, эта война не принесла желаемых результатов ни одной из сторон.

ВОЙНА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ СО ШВЕЦИЕЙ В 1600–1609 гг. И ПОБЕДЫ ГЕТМАНА ХОДКЕВИЧА

Анатоль Тарас

Причины войны со Швецией

Король Стефан Баторий умер 12 декабря 1586 года (по новому стилю). Трон Речи Посполитой стал вакантным. Естественно, объявились претенденты. Одним из них был австрийский эрцгерцог Максимилиан Габсбург (родной брат императора Священной Римской империи Рудольфа), а другим – 20-летний Сигизмунд Ваза, шведский наследный принц.

В связи с этим шляхта раскололась на две партии – Яна Замойского и Самуила Зборовского. Большинство на элекционном сейме 1587 года проголосовало за Сигизмунда. Во-первых, Ян Замойский (1542–1605) был великим канцлером и великим гетманом Королевства Польского в одном лице. Во-вторых, его кандидатуру поддержала вдова Батория, 64-летняя королева Анна Ягеллонка*.

Но партия Зборовского объявила королем Максимилиана. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, однако штурм был отбит. Тем временем Сигизмунд высадился в Гданьске (Данциге) и с войском пошел к Кракову. Жители столицы открыли ему ворота. Сигизмунд вошел в Краков и немедленно короновался.

Канцлер и гетман Ян Замойский был решительным противником Габсбургов. В сражении под Бычиной в Силезии в 1588 году он разбил войско эрцгерцога Максимилиана, а его самого взял в плен. Лишь в начале 1590 года поляки отпустили эрцгерцога домой, заставив поклясться на Библии не претендовать более на корону Речи Посполитой.

По иронии судьбы, Сигизмунд в дальнейшем сам сблизился с Габсбургами. Его женой стала сначала Анна Габсбург, а когда она умерла, ее младшая сестра Констанция. Это сближение послужило источником постоянного конфликта между Замойским и королем.

Однако на элекционном сейме 1587 года отсутствовали представители Великого Княжества Литовского. Поэтому новоизбранный король с целью приобретения поддержки литовцев издал 28 января 1588 года привилей, которым утвердил Статут ВКЛ, подготовленный комиссией во главе с Львом Сапегой.

В ноябре 1592 года, после смерти отца, короля Юхана III Ваза, Сигизмунд получил еще и шведскую корону. Так возникла личная уния Речи Посполитой со Швецией. Между тем новый король, воспитанный иезуитами, был фанатичным католиком. Заняв престол в своем отечестве, Сигизмунд попытался проводить

* Сигизмунд (1566–1632) был племянником Анны, сыном ее сестры Екатерины и шведского короля Юхана III Вазы, внуком короля Сигизмунда (Жигимонта) I «Старого».

Король Речи Посполитой
Сигизмунд III Ваза

Герцог Карл Сёдерманландский
(он же шведский король
Густав IX)

в Швеции политику восстановления позиций католической церкви. Но эти попытки встретили яростное сопротивление широких слоев шведского общества. На риксдаге в Сёдерчёпинге в 1595 году шведские дворяне-протестанты избрали правителем страны Карла, герцога Сёдерманландского (1550–1611), младшего сына короля Густава I Вазы (Карл приходился Сигизмунду дядей).

В 1597 году в стране началась гражданская война между сторонниками и противниками Сигизмунда. Сначала ни одна из сторон не имела перевеса. Но 25 сентября 1598 года Карл разбил при Стонгебру войска короля, высадившегося в Швеции. Сигизмунду вместе со своими приверженцами 30 октября пришлось вернуться в Гданьск (Данциг). Однако, несмотря на поражение, он не отказался от своего титула короля Шведов, Готов и Вендов.

В июле следующего 1599 года риксдаг обявил о низложении (детронизации) Сигизмунда и объявил преемником его 4-летнего сына Владислава. Но выдвинул два условия: королевича в течение 6 месяцев привезти в Швецию и перекрестить в лютеранскую веру. Одновременно риксдаг назначил Карла Сёдерманландского регентом. Сигизмунд счел эти условия неприемлемыми. Так окончилась краткая личная уния между Польшей и Швецией. А через пять лет (в 1604 г.) по решению риксдага регент Карл стал королем Карлом IX.

С 1599 года и почти до конца жизни Сигизмунд безуспешно пытался вернуть себе шведскую корону. Из-за этого он втянул Речь Посполитую в затяжную войну со Швецией, продолжавшуюся (с перерывами) с 1600 по 1629 год.

Война в 1600–1609 гг.

Свой план по возвращению шведской короны Сигизмунд начал осуществлять в 1599 году, подтвердив условия *pacta conventa* – обязательств, которые он взял на себя при избрании королём Речи Посполитой. В этом документе он также пообещал присоединить шведское герцогство Эстляндия (северную часть нынешней Эстонии) к Республике Обоих Народов. А на Сейме 12 марта 1600 года король объявил о присоединении. Это послужило непосредственным поводом для объявления ему войны Швецией.

Шляхта Речи Посполитой, поддержав претензии короля, полагала, что война ограничится только Эстляндией, и ожидала приобретений в виде новых земельных владений. Вдобавок шляхтичи были невысокого мнения о шведах и не думали, что война может быть долгой или трудной. Они считали, что Речь Посполитая легко отразит любые атаки шведов. Население Республики составляло почти 10 млн. человек, тогда как Швеции – 1 млн. Но при этом в Речи Посполитой было самое маленькое в Европе отношение численности армии к численности населения. И еще шляхта не понимала, что Швеция способна собирать крупные воинские контингенты быстрее Речи Посполитой ввиду более централизованного устройства государства.

Великий гетман литовский
Криштоф Радзивилл «Перун»

Речи Посполитой пришлось сражаться на два фронта: на юге ее войска принимали участие в войнах молдавских феодалов, поэтому шведская армия быстро достигла численного превосходства 3 : 1. В начале войны, в 1600 году, несмотря на то, что армия Республики под командованием Криштофа «Перуна» Радзивилла, атаковав первой, смогла нанести шведским силам несколько поражений в открытом поле, шведы взяли под свой контроль не только Эстляндию, но и большую часть Ливонии (Инфлянты).

Великий гетман польский
Ян Замойский

Сейм Республики отреагировал, увеличив ассигнования на войну и отозвав войска и командиров с южного фронта (считая его менее важным, поскольку боевые действия шли вне территории Речи Посполитой) на север, подвергшийся явной угрозе.

Радзивилл «Перун» разбил шведов 23 июня 1601 года под Кокенгаузеном (Кокнесе), а в июле того же года взял Венден (Кесь).

Вскоре после этого на помощь ему прибыли Ян Замойский и Ян Ходкевич, еще не остывшие от побед над молдаванами, с 12 тысячами войска и 50 орудиями. Герцогу Карлу Сёдерманландскому пришлось отступить. Но при отступлении он оставил гарнизоны во многих захваченных крепостях в Ливонии. Замойскому пришлось заниматься их осадами. Вскоре он взял Волмар (Валмиера) и Феллин (Вильянди).

К 1602 году шведы контролировали только Гапсаль (Хаапсалу), Пернау (Пярну), Дерпт (Тарту) и Ревель (Тарту). Но в это время Замойский, которому было 60 лет, заболел и вскоре уехал на юг (он умер 3 июня 1605 года). Ходкевич

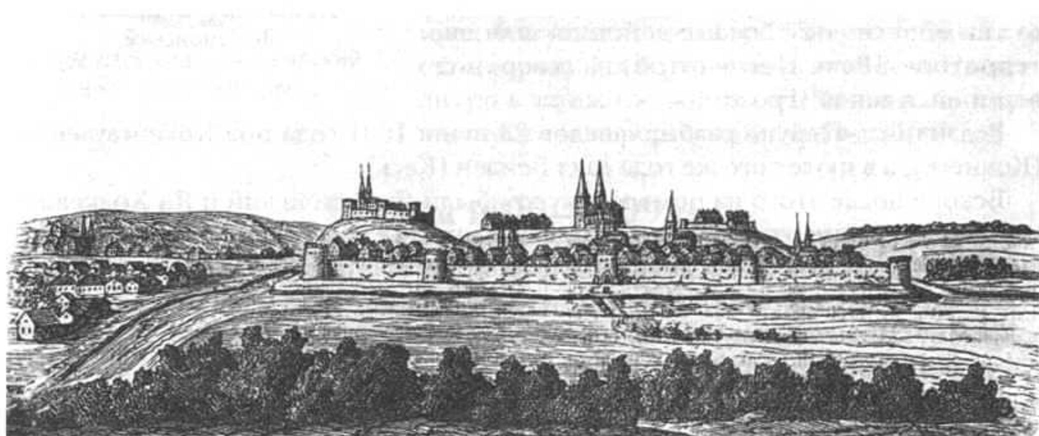

Город Пайде (Белый Камень, Вайссенштайн) в XVIII веке

осаждал в это время Дерпт. У Везенберга (Раквере) он разгромил шведское подкрепление, шедшее на выручку Дерпту, и город вскоре сдался.

Ходкевич, несмотря на недостаток припасов и отсутствие фактической поддержки от Сейма Речи Посполитой и короля Сигизмунда III, блестяще показал себя, захватывая крепость за крепостью и отражая шведские атаки на Ригу.

В 1604 году он снова осадил Дерпт, а 25 августа победил шведов при Пайде (польск. Белый Камень, нем. Вайссенштайн). При Пайде у него было только

Город Дерпт (Тарту) в середине XVI века

2300 человек, но он разбил 6-тысячное шведское войско. В своих мемуарах Ходкевич написал, что это была одна из величайших его побед. Литовское войско потеряло 81 человека убитым и 100 ранеными, тогда как шведские потери убитыми и ранеными составили половину состава – почти три тысячи. Ходкевичу достались 6 вражеских пушек и 26 знамен.

Замок города Пернау (Пернов, Пярну)

Кто такой гетман Ходкевич

Магнатский род Ходкевичей герба «Костеша» владел поместьями и землями в Гродненском, Новогрудском и Оршанском поветах.

По сведениям польского хрониста Мацея Стрыйковского, основателем рода был легендарный средневековый рыцарь Борейка, который в 1306 году прославился своей победой в кулачном бою над татарским великаном. Сын Борейки Ходка стал известен тем, что на руках вынес с поля боя раненого князя. За это он получил во владение лесную пущу между Нарвой и Неманом, а в знак уважения его стали называть Ходкевичем.

В 1568 году Ходкевичи получили графский титул Священной Римской империи и стали титуловаться графами «на Шклове и Мыши». На родовом гербе появился «Грифон с мечом». Фантастическое существо с туловищем льва, крыльями и головой орла считалось символом мощи и непобедимости, бдительности и быстроты.

Родителями Яна Кароля были литовский вельможа Ян Иероним Ходкевич (ок. 1537–1579) и Кристина Зборовская.

Ян Кароль родился в 1560 году. Его детство прошло возле Барановичей. Там, на высоком берегу реки Мы-

Ливония и Эстляндия

«Крылатые» гусары ВКЛ

Товарищ панцирный ВКЛ

шанки, стоял деревянный дворец-замок Ходкевичей, обведенный земляным валом и глубоким рвом. Домашние учителя рано научили будущего полководца читать и писать, занимались с ним историей и арифметикой.

Детские и подростковые годы Яна пришлись на время Ливонской войны (1558–1582). Он был свидетелем военных событий и очень интересовался военным делом, к которому проявил хорошие способности: научился ловко ездить верхом, владеть саблей и рапирой, метко стрелять из лука, рушницы и пистолета.

Дав домашнее образование, родители в 1573 году отправили сына учиться в Вильню, где он окончил иезуитскую коллегию. С 1586 по 1589 год Ян Кароль вместе со старшим братом Александром изучал юриспруденцию и философию в иезуитской академии в Ингольштадте (Германия). Затем он слушал лекции в Падуанском университете, а также побывал на Мальте, где рыцари-иоанниты учили его артиллерии, фортификации и приемам осады крепостей.

В 1590 году он вернулся домой и через два года женился на дочери воеводы подольского Софии Мялецкой.

В 1595 году на Украине началось восстание казаков во главе с Северином Наливайко. В ноябре казацкие отряды пришли на Полесье, где занялись грабежами и убийствами. Военную карьеру

Ян Кароль начал осенью 1595 года с командования собственной ротой из 50 всадников. С ней он участвовал в боях против казаков Наливайко, в том числе под Могилевом в войске речицкого старосты Буйвида (в декабре 1595 г.) и под Лубнами в войске гетмана Жолкевского (в июле 1596 г.).

В 1596 – 99 гг. он занимал пост подчашия ВКЛ, с 1599 года – генерального старосты жамойтского.

В 1600 году Ян Кароль воевал в Молдове и Валахии, отличился в сражении под Плоешти, получил титул полевого (польного) гетмана.

После начала войны Речи Посполитой со Швецией великий князь и король Сигизмунд (Жигимонт) III Ваза назначил Ходкевича заместителем (наместником) великого гетмана литовского Криштофа Радзивилла. Когда К. Радзивилл «Перун» умер (20 ноября 1603 г.), монарх доверил Ходкевичу командование всеми войсками Литвы в Ливонии (Инфлянтах).

Армия ВКЛ была значительно меньше шведской, ей не хватало финансовых средств на выплату жалованья, что приводило к низкой дисциплине, грабежу населения и дезертирству. Поэтому Ходкевич занялся наведением жесткого порядка, не останавливаясь даже перед наказанием смертью. Беспокоясь об обеспечении армии провиантом, исправным оружием и лошадьми, он даже закладывал собственные поместья.

В апреле 1603 года войско Ходкевича, после тяжелой осады, принудило сдаться шведский гарнизон в эстонском городе Дорпат (современный Тарту). Трофеями стали 80 пушек. В том же году он стал администратором Ливонии.

Как уже сказано, 25 августа 1604 года его войско одержало победу около Белого Камня (современный Пайде). Причем у Ходкевича было только 2300 воинов, тогда как шведское войско насчитывало свыше 6 тысяч человек.

В марте 1605 года за заслуги в войне со Швецией Ходкевич получил от Сейма Речи Посполитой булаву великого гетмана.

Но Сейм по-прежнему не уделял должного внимания войне и оставался глухим к просьбам нового гетмана о присылке подкреплений, припасов и денег на выплату жалованья солдатам.

Тем не менее, Ходкевич успешно действовал против шведов. Он ввёл новые методы ведения боевых действий, основанные на использовании отборной гусарской кавалерии, в результате шведы терпели поражение за поражением в открытом поле. Сначала его гусары атаковали шведскую кавалерию, а после этого – деморализованную пехоту, которая вообще не умела отступать, поэтому солдаты гибли пачками.

Великий гетман литовский
Ян Кароль Ходкевич

Кирхгольмское сражение

Бітваў суровых так шмат... І вось гэтыя рукі нярэдка
Зброю трымалі ў вайне і не раз здабылі перамогу.
Шведы разбіты ў васьмі папярэдніх ваенных сутычках.
Страшная бітва была, бо адзін дзень не бачыў ніколі
Столькі забітых – яны напаўнялі лівонскія землі.
Трупы імгненна тады засцялілі палі пад Кірхгольмам!
...Поўніцца трупамі ўсё, разліваюцца рэкі крывёю
Высяцца горы забітых жаўнераў гаротнага войска.
Памяць баіцца пра гэта згадаць нават нам, пераможцам.
Выгляд жахлівы такі выклікае нязменныя слёзы.
Хто ж не заплача, убачыўшы рэкі крыві хрысціянскай?
...Сведкі мне – гэтыя слёзы й прарочыя ў небе сузор'і.
Ні на мяне, ні на войска маё не спадае адказнасць
Мужна ахоўваць Радзіму і ворагаў гнаць з яе межаў
Бог дазваляе й прырода, ніводны закон не пярэчыць.

(Из героической поэмы Криштофа Завишы «Кароломахия»,
посвященной победе Я.К. Ходкевича под Кирхгольмом. Вильня, 1606 г.)

Новый шведский король стремился к реваншу в Прибалтике. В 1605 году шведский риксдаг выделил большие деньги на вербовку наемников, а московский царь Борис Годунов предоставил шведам крупную финансовую помощь. Он хотел, чтобы Швеция и Речь Посполитая были связаны борьбой между собой в условиях кризиса в Московии. Шведы смогли нанять много наёмников, а также военных инженеров в Европе.

Летом 1605 года в Эстляндии, в нескольких милях от Ревеля, высадился пятитысячный корпус под командованием Андерса Леннартсона из Форстены. Ходкевич отправился навстречу Леннартсону, но тот не решился на сражение в открытом поле и отступил в ревельскую крепость.

Через несколько дней ещё один шведский корпус (около 4000 чел.) под началом графа Фредерика Иоахима Мансфельда, высадился неподалёку от Риги и осадил крепость Динамюнде (Даугавгрива) в устье Двины, но безуспешно. После этой неудачи шведы, получив морем подкрепление, с 23 сентября осадили Ригу. Они надеялись захватить этот важнейший портовый город, который был единственным выходом ВКЛ из Подвинья и Поднепровья в порты Западной Европы.

Гетман Ходкевич собрал свои войска в лагере под Дерптом и утром 25 сентября повел их форсированным маршем на Ригу, чтобы выручить рижский гарнизон. Двухдневный 80-км поход закончился вечером 26 сентября недалеко от деревни Киргхольм (ныне город Саласпилс в 15 км от Риги) на северном берегу Западной Двины (Даугавы). Он сам по себе стал беспрецедентным для смешанного подразделения (конница, пехота и артиллерия), вынужденного передвигаться по плохим лесным дорогам.

Получив известие, что на кораблях к Риге приближается Карл с очередным корпусом (около 5 тыс. человек), Ходкевич приказал своим воинам создать вагенбург. Карл прибыл к Риге 23 сентября. Утром 26 сентября он узнал, что вой-

ско Ходкевича находится неподалёку и единолично, не считаясь с мнением своих военачальников, повел вечером почти все войско к Кирхгольму, оставив под Ригой только небольшие силы для поддержания осады*. Он хотел уничтожить врага решительной атакой соединенных сил. Шведы двинулись к Кирхгольму.

Шведские пикинеры

Литвины хорошо отдохнули за ночь, их кавалерия состояла из прекрасно обученных «крылатых» гусар в латах, вооруженных копьями и саблями. Шведская кавалерия была хуже подготовлена, на плохих лошадях. Вдобавок за время ночного марша шведы промокли до нитки и замерзли.

Сведения о силах сторон в сражении, приведенные в разных источниках, существенно различаются между собой. Наиболее правдоподобна следующая:

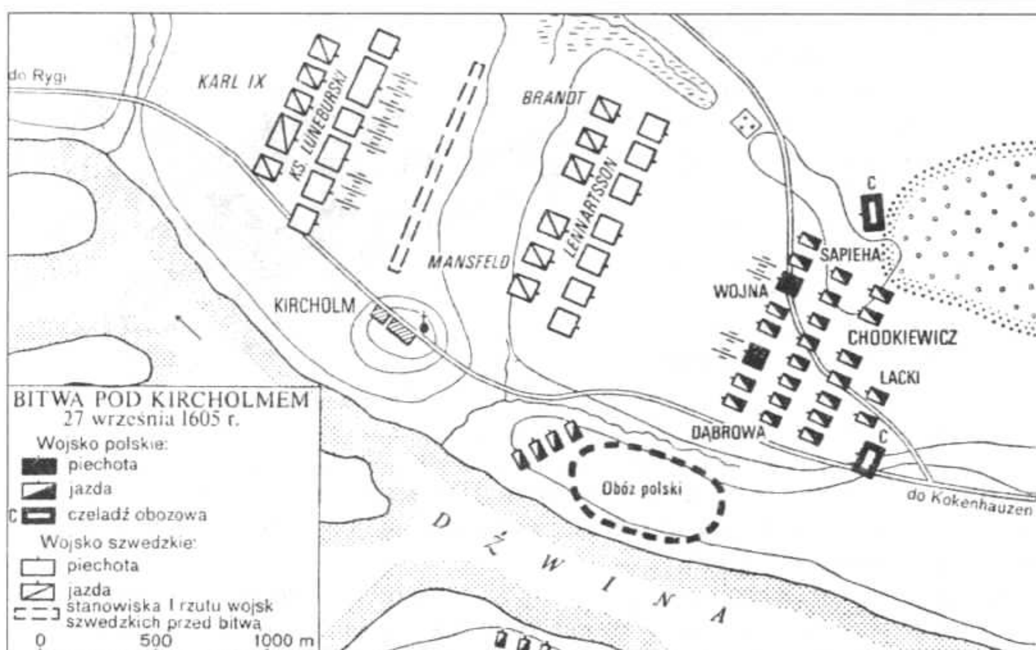
У Ходкевича – 3310 конных воинов (в т.ч. около 700 татар и запорожцев) и 1490 пеших, а всего 4800 человек при 5 пушках. У Карла 11368 человек (8868 пеших, 2500 конных) при 11 пушках. Соотношение сил 1 : 3,43 в пользу шведов.

Как видим, главную силу шведского войска составляла пехота (две трети ее – пикинеры, треть – мушкетеры), подкрепленная артиллерией, и кавалерией – рейтарами (всадники на тяжелых конях, каждый из которых был вооружен двумя пистолетами и палашом). В этом войске было несколько тысяч немецких и голландских наемников и даже несколько сотен шотландцев.

Шведский рейтар

Почти все гусары Ходкевича были из ВКЛ, только 200

* Вагенбург – полевое укрепление из повозок, поставленных четырехугольником и скрепленных цепями. Повозки обычно закрывали досками и щитами, из-за которых вели стрельбу лучники и арбалетчики, а перед ними выкапывали ров. Вагенбург широко применяли германцы, крестоносцы, гуситы и казаки.

Битва при Кирхгольме (польская карта)

из 2600 (7,7 %) – из польского коронного войска. Большинство из них – наемники или близкие союзники Ходкевича. Татар и запорожцев гетман использовал для разведки и охраны лагеря.

Карл поставил свои силы на склонах холмов в четыре линии. В первую – пехоту (спереди пикинеров, за ними мушкетеров). Во вторую – тяжелую конницу: финских рейтаров на левом крыле, шведских – на правом. Третья линия – опять пехота с частью королевской гвардии. Четвертая линия состояла из оставшихся рейтар, имевших задачу не допустить попытки окружения, а при необходимости и самим зайти во фланг противника.

Ходкевич свое войско построил тремя колоннами, по три линии в каждой. В центре стояли гусары самого Ходкевича во главе с ротмистром Винцентом Войной. Справа – гусарский полк Яна Петра Сапеги. На левом фланге – гусарский полк Томаша Дубровы, дополненный отрядом легкой кавалерии. Третью линию образовали пешие хоругви Яна Кишки, Адама Тальвоша и Станислава Белозора, а также вооруженная челядь. Обоз был превращен в вагенбург из возов. В резерве Ходкевич оставил две хоругви гусар Тодора Ляцкого, а возле обоза – четыре конные хоругви татар и казаков.

Перед началом сражения гетман обратился к своим воинам с речью, призывая их к мужеству и самопожертвованию, но когда сказал им о численном перевесе противника, то услышал в ответ: «Атакуй, гетмане, – посчитаем сразу, как побьем»...

Битва началась в середине дня, после мелких стычек. Имея меньше сил, Ходкевич использовал маневр, чтобы выманить шведов с выгодной позиции на холмах. Он послал полк Т. Дубровы в атаку на шведский левый фланг, с последую-

щим притворным отступлением. Король решил, что враг начал отступать и бросил в погоню за ним свою кавалерию, а вслед за ней и пехоту.

Именно этого ждал Ходкевич. Его пехота и артиллерия (5 пушек) открыли огонь по наступавшим, нанося шведам потери, а гусары быстро перегруппировались и устремились на шведов. Шведские мушкетеры смогли сделать только один залп, после чего примерно 300 гусар из хоругви Винцента Войны вклинились в центр боевых порядков шведской пехоты. Гусары Т. Дубровы в это же время перешли в контратаку и отбросили рейтаров Карла на левый фланг собственной пехоты. Эта часть шведской кавалерии смяла свою пехоту и обратилась в бегство.

Левое крыло пехоты шведов было разгромлено, а в это время на правом крыле вступили в бой гусары Яна Петра Сапеги. Карл испугался, и бросил на правое крыло весь свой резерв – рейтаров из четвертой линии. Это был решающий момент сражения. Ходкевич понял, что у шведов не осталось резервов, и направил в бой гусарскую хоругвь Ляцкого. Она незаметно обошла заросшее деревенское кладбище и ударила во фланг королевского резерва. Этого удара рейтары не выдержали и обратились в бегство. Затем гусары Ляцкого обрушилась с тыла на шведско-немецкую пехоту, в результате чего исход битвы был решен.

Шведы и немцы сражались стойко, умирая с оружием в руках. А тех, кто обратился в бегство, настигла легкая кавалерия – татары и запорожцы. На девять километров от Кирхгольма в сторону Риги поля и дороги устилали трупы шведских ратников. Еле спасся бегством и сам шведский король, под которым была

Ходкевич в битве при Кирхгольме

убита лошадь. Еще утром он говорил придворным: «я уверен, что литовцы побегут», а вышло точно наоборот.

За три часа яростной битвы шведское войско потеряло до 6 тысяч убитыми и ранеными, около 500 человек пленными, все 11 пушек, 60 знамен и весь обоз. Литовцы (беларусы) потеряли чуть более 100 человек убитыми и около 200 ранеными – эти цифры привел гетман в своем донесении о сражении королю Сигизмунду (Жигимонту).

Битва при Кирхгольме стала самой выдающейся среди многих побед Ходкевича. Весть о его победе над шведами разнеслась по всей Европе. Яна Кароля письменно поздравили не только король Речи Посполитой Сигизмунд III, но и папа римский Павел V, германский император Рудольф II, английский король Яков I, даже персидский шах Аббас Великий и турецкий султан Ахмед I.

Дальнейшие события

После поражения под Кирхгольмом шведскому королю пришлось снять осаду Риги и уплыть в Швецию, отказавшись от контроля над Латвией. Однако ни литовцы, ни поляки не смогли воспользоваться плодами этой блестящей победы.

Следующие пять лет Речь Посполитую сотрясали внутренние раздоры. Войско Ходкевича годами не получало жалованья. Не имея средств, солдаты не могли покупать провиант и фураж, порох и одежду, новых лошадей взамен павших. В конце концов они почти все разбежались, и занялись грабежом поместий политических противников короля. Гетман остался с горсткой наёмников, которым он платил из своего кармана и карманов своих друзей. Но и с этими крошечными силами Ходкевич предотвратил шведское вторжение в Латгалию.

Ян Петр Сапега

Тем временем в Речи Посполитой разгорелась гражданская война. Дело в том, что Сигизмунд III пытался установить в Речи Посполитой абсолютную монархию с передачей трона по наследству вместо выборов пожизненного короля и, сотвественно, свести до минимума роль палаты депутатов от шляхты (посольской избы). Но эти его усилия вызвали в 1606 году «рокош» шляхты, направленный против злоупотребления короля доверенной ему властью. В рокоше участвовали и католики, и протестанты, и православные. В Польше их возглавил краковский воевода, коронный гетман надворный Николай Зебжидовский, в ВКЛ – подчаший Януш Радзивилл.

Рокошане хотели устранить Сигизмунда с трона, требовали религиозной веротерпимости, аннулирования Брестской

церковной унии, проведения политики в интересах Речи Посплитой, разрыва союза с Германской империей.

Ходкевич остался среди магнатов, верных королю. В сентябре 1606 года он осудил оппозицию королю на съезде шляхты ВКЛ в Новогрудке. А в июле 1607 года королевское войско под его командованием в битве возле Гузова разбило войско рокошан.

Тем не менее, Сигизмунду пришлось пойти на серьезные уступки шляхте. В 1609 году Сейм объявил амнистию всем участникам рокоша, подтвердил шляхетские вольности и нерушимость принципа выборности короля, постановил необходимость постоянного контроля со стороны сенаторов за действиями монарха.

Битва при Киргхольме

В этом вооруженном противостоянии проявились не только политические и религиозные противоречия в обществе, но и личное соперничество двух известных представителей магнатских родов Литвы – Ходкевичей и Радзивиллов. Помирить их удалось только благодаря дипломатическому таланту самого влиятельного человека в стране, великого канцлера Льва Сапеги.

Внутренний разлад в Речи Посполитой облегчил положение шведов в Прибалтике. Они возобновили боевые действия в 1608 году вторжением своих войск под командование графа Мансфельда в Ливонию (Инфлянты). Мансфельд захватил Динамюнде, Феллин и Кокенгаузен.

Но в январе 1609 года Ходкевич вернулся, собрал двухтысячное войско и быстро изменил ситуацию в свою пользу.

Сначала великий гетман, после 200-километрового перехода в февральские дни 1609 года, ночным штурмом взял Пернау (или Парнавай, ныне Пярну в Эстонии), а потом вернулся к Риге, где разбил передовые отряды корпуса графа

Мансфельда, заставив его отойти от Риги. Затем воины Ходкевича заняли крепость Динамюнде.

В марте 1609 года в список побед Ходкевича вошла и водная фортуна. Узнав, что около портового городка Салис (современный Салацгрива) в устье Двины стоит шведский отряд, гетман принял смелое решение. Используя два корабля, захваченные у шведов под Пернау и несколько больших лодок, купленных у морских торговцев, войско Ходкевича неожиданно атаковало противника. Ночью в сторону шведской эскадры были направлены несколько лодок, нагруженных бочонками с порохом и смолой – брандеры. Незаметно приблизившись к противнику, управлявшие лодками смельчаки сцепили их двумя вражескими кораблями, зажгли фитили пороховых зарядов, а сами отплыли на небольших лодках. Порох взорвался, пылающая смола подожгла вражеские корабли. При свете пожара по шведской эскадре был открыт артиллерийский огонь с трофейных кораблей. Шведам пришлось искать спасения в открытом море.

Далее он окончательно разгромил корпус Мансфельда в бою у реки Гауя.

Победы Ходкевича способствовали заключению перемирия в том же 1609 году.

Тем временем оба противника начали интервенцию в Московское государство. Поэтому в апреле 1611 года Швеция и Речь Посполитая подписали перемирие сроком на 9 месяцев. В октябре того же года умер Карл IX. Королем Швеции стал Густав II Адольф. Швеция терпела неудачи в войне с Данией, а Сигизмунд III увяз в Московии. Поэтому обе стороны в апреле 1612 года продлили перемирие ещё на 10 месяцев, а 20 января 1614 года заключили соглашение о прекращении огня на срок свыше двух лет, до 29 сентября 1616.

Далее война продолжалась в 1617–18, 1621–22 и 1625–29 годах. В конечном счете она завершилась победой Швеции, которую закрепило перемирие, подписанное 26 сентября 1629 года в прусском городе Альтмарк (ныне польский Новы Тарг).

Литература

Грыцкевіч А. **Ян Кароль Хадкевіч** // Славутыя імены Бацькаўшчыны. Вып. 1. Мн., 2000.

Чарняўскі М. **Правадыр крылатых вершнікаў: Ян Кароль Хадкевіч.** Мн.: «Тэхналогія», 1998. – 64 с.

Podhorodecki L. **Jan Karol Chodkiewicz, 1560–1621.** Warszawa, 1982, 1997.

Wisner H. **Kircholm, 1605.** Warszawa: MON, 1987. – 150 s.

Wisner H. **Rzeczpospolita Wazow. Tom 2: Wojsko Wielkiego Ksienstwa Litewskiego.** Warszawa: «Neriton», 2004. – 322 s.

ГОЛОВЧИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (1708 г.)

Максим Петров

Местечко Головчин расположено в нынешнем Белыничском районе Могилёвской области Беларуси. В начале XVIII века оно принадлежало Доминику Слушке и насчитывало 262 «дыма» («дым» – хозяйство одной семьи или общее хозяйство двух-трех родственных семей)*.

Здесь 3 июля 1708 года произошло крупное сражение между войсками шведского короля Карла XII и московского царя Петра I. Все биографы шведского короля (и он сам) единодушно считали произошедшее здесь сражение вершиной его полководческого искусства. По словам шведского историка Кнута Лундблата, возле Головчина «в последний раз взошла звезда счастья Карла XII».

Знаменитый французский философ, историк и писатель Вольтер написал в 1731 году в своей книге, посвященной шведскому королю-воину:

> «Из всех данных им сражений, это было самое славное, в нем он испытал наибольшую опасность и выказал наибольшую искусность». В память о нем была выбита медаль с надписью на одной стороне: «Silvae, paludes, aggeres, hostes victi»; а на другой следующий стих Лукана: «Victrices copias alium laturus in orbem»**.

Но если мы откроем 4-й том «Советской Исторической Энциклопедии», изданный в 1963 году, то увидим, что после статьи «Головнин» идет статья «Голодед», «Головчин» отсутствует. Зато в 8-м томе «СИЭ» (1965 г.) помещена статья «Лесная», посвященная разгрому обоза генерала Левенгаупта 28 сентября того же 1708 года. Ее объем – 40 строк, не считая карты.

«Военный энциклопедический словарь» (издание 2001 г.) сообщает в маленькой статье (12 строк), что под Головчиным русские войска (12 тысяч конницы, 10 тысяч пехоты, 4 тысячи казаков), не имевшие единого командования и четкого взаимодействия, подверглись удару превосходящих сил шведов (18 тысяч конницы, 12 тысяч пехоты) и отступили. Выходит, что шведов было больше на 4 тысячи человек.

Российский автор Н. Шефов пишет в книге «Битвы России» (Москва, 2002 г.), что в этом сражении у русских было 28 тысяч человек, у шведов – 30 тысяч. Опять-таки, численное превосходство на стороне шведов, правда, не на четыре тысячи, а на две. Если учесть великолепную выучку шведских войск, их огромный боевой опыт и высокий моральный дух, становится совершенно непонятным, почему речь идет «о вершине мастерства полководца».

Секрет прост. На самом деле численное превосходство было на стороне русских, притом весьма значительное, как минимум на 10 тысяч человек! Кроме

* Доминик Слушка (ок. 1655–1713) – в разное время был старостой речицким, суражским, борисовским. С 1686 – воевода полоцкий.

** Вольтер. «История Карла XII, короля шведского». /Пер. с франц. Н. Кранихфельд/ СПб.: кн. т-во «Деятель», 1913, с. 132.

Руины имения Б. Слушки

Река Вабич сегодня

того, они занимали выгодную оборонительную позицию. Но, несмотря на это, потерпели серьезное поражение и не отступили, а в панике бежали, открыв шведам путь на Могилёв и к Днепру.

Чтобы установить количество шведских войск в сражении 3 июля, сделаем простейший расчет. После Головчина король Карл 7 июля занял без боя Могилёв, оттуда 5 августа вышел по направлению к Смоленску. Не дойдя 14 верст до него, он повернул на Стародуб и неспешно двинулся в Украину по маршруту Батурин – Ромны – Гадяч – Веприк – Полтава.

27 июня следующего 1709 года состоялась Полтавская битва. В ней Карл XII использовал 8200 шведских пехотинцев и 7800 кавалеристов, а также Валашский конный полк (1000 сабель). В осадных укреплениях вокруг Полтавы находились 2,5 тысячи шведов; вне поля битвы (на Ворскле) – 1800 шведских кавалеристов; в обозе 200 кавалеристов и 50 пехотинцев, в лазаретах 2250 раненых и больных. Всего шведских солдат и офицеров, округленно – 22.800 человек. Кроме них, под Полтавой было 11 тысяч казаков, присоединившихся к шведам в украинских землях, а также 6800 гражданских лиц (чиновники, конюхи, денщики, рабочие, жены и дети военных)*.

Итак, у короля Карла было при Полтаве менее 23 тысяч соотечественников в пехоте и кавалерии. И это после того, как генерал Адам Людвиг Левенгаупт привел к нему 12 октября 1708 года от Лесной около 6500 человек! Никаких других подкреплений шведскими войсками король с момента выхода в поход из

* По подсчетам шведского историка П. Энглунда, приведенным в книге «Полтава: Рассказ о гибели одной армии», изданной в Москве в 1995 г.

Гродно не получал. Если мы учтем потери при Головчине убитыми, умершими от ран, искалеченными (до 500 человек), а также потери от стычек и болезней с августа 1708 года по июль 1709 (максимум 500 человек), то получим, что при Головчине было около 19,5 тысяч шведских кавалеристов и пехотинцев, но никак не 30 тысяч.

Это и есть главное обстоятельство. Имея значительно меньше сил, чем противник, король решительно атаковал русских, занимавших выгодную укрепленную позицию, разбил их и обратил в бегство!

Российские авторы специально преуменьшают численность русских войск и увеличивают число шведов, чтобы картина победы противника выглядела менее впечатляющей.

* * *

Так что же произошло на самом деле?

Армия Карла XII выступила из Минска. 18 июня, переправившись через Березину ниже Борисова, она двинулась по дороге на Могилёв. За ней следили разъезды русской кавалерии генерала Г. Гольца. Между ними и авангардом шведов происходили небольшие стычки. Гольц предложил перекрыть путь шведам на удобной для обороны болотистой местности вдоль реки Бабич (или Вабич) у местечка Головчин. Предложение было принято, и командующий генерал-фельдмаршал граф Б.П. Шереметев приказал:

> «...для удержания пассов при Головчине отправить А. Меншикова, дивизию А. Репнина, отряд Л. Алларта, бригаду генерала Флюка (...) и те пассы от неприятеля держать по всякой возможности».

Русская армия расположилась вдоль левого болотистого берега неширокой реки Бабич (или Вабич), укрепив свои позиции рогатками и шанцами*. Линия фронта растянулась на 10 километров, она закрывала дороги на Могилев, Шклов и Копысь. Два интервала между центром позиции и флангами составляли до тысячи метров каждый. В интервалах находились болота.

Король Карл XII

В центре (напротив Головчина) стояли – пехотная дивизия Б.П. Шереметева (5 тысяч человек) и конная бригада князя Александра Даниловича Меншикова (4 тысячи); на правом фланге (напротив деревни Сурды) – пехотная дивизия генерала Л. Алларта и пехотная бригада генерала Флюка (около 9 тысяч); на левом фланге (в районе деревни Гнездин) – пехотная дивизия генерала князя Аникиты Ивановича Репнина (5 или 6 тысяч) и 10 драгунских полков фельдмаршала-лейтенанта Г. Гольца (до 8 тысяч конницы). Позади русских войск был лес. Левее

* Рогатки – противопехотные заграждения в виде бревенчатых опор с прибитыми к ним накрест заостренными кольями; шанцы – неглубокие окопы с земляными брустверами.

Битва под Головчиным (карта XVIII века)

Гольца, в верховье реки Бабич, находился конный отряд казаков князя Михаила Михайловича Голицына (4 тысячи). В общей сложности русских войск было, как минимум, 35 тысяч, а не 26.

Они перекрыли плотину с двумя мостами у Головчина, мост напротив деревни Сурды и брод у деревни Гнездин. Однако единое командование тремя группами войск и связь между ними отсутствовали.

Карл XII скрытно сосредоточил свои силы напротив центра русских войск. Применив военную хитрость, шведский король отправил в лагерь русских двух своих лазутчиков с ложной информацией. Поверив данным «перебежчиков» о планах шведов, русское командование укрепило свой правый фланг. Шведы же нанесли главный удар по центру и частично левому флангу русских.

Шведские солдаты

В ночь со 2 на 3 июля шел сильный дождь, сменившийся туманом. Под прикрытием темноты и непогоды шведские солдаты навели понтонный мост к заболоченному участку противоположного берега, где русские не ждали опасности. Здесь находилась дивизия князя Репнина.

В три часа ночи пять пехотных полков во главе с королем Карлом, под прикрытием артиллерийского огня, устремились через мост в атаку. Форсировав болото, считавшееся непроходимым, они отрезали дивизию Репнина от кавалерии Гольца. Бой длился около трех часов. Он проходил в густых при-

брежных зарослях, мешавших управлению войсками, а также действиям конницы и артиллерии. Дивизия Репнина не выдержала шведского натиска и побежала в лес, бросив все 10 пушек. К счастью для русских, болотистая местность затруднила шведам преследование. В бою Карл XII едва не погиб. Его лошадь увязла в болоте, и шведские солдаты с большим трудом вытащили короля из трясины.

Вслед за пехотой по мосту переправилась шведская кавалерия и атаковала конную дивизию Гольца. После жаркого боя конница Гольца тоже обратилась в бегство по дороге на Могилев. В его группе наибольшие потери понесли Белозерский, Троицкий и Санкт-Петербургский драгунские полки. Знамя Белозерского полка досталось врагу. Царь не простил драгунам такого позора и приказал расформировать полк.

Бой между шведской и русской кавалерией

Войска русского центра отступили к Шклову, войска Алларта и Флюка – к Копыси.

Вот как описал это сражение Вольтер:

«Карл превозмог все препятствия и неуклонно продвигался к Борисфену /Днепру/. На своем пути он встретил московитов, укрепившихся в местечке Голоссин /Головчин/, за болотом, к которому можно было подойти, лишь перейдя реку. Чтобы напасть на них Карл (...) бросился в воду во главе своей пешей гвардии. Он перешел через реку и болото, часто находясь по плечи в воде. Наступая таким образом на не-

Шведская победа

Мемориальный знак
в память о Головчинском сражении

приятеля, он приказал своей кавалерии обойти болото, чтобы ударить на врага с фланга. Удивленные тем, что никакие преграды не могут их защитить, московиты подверглись одновременно нападению и короля с пехотой и шведской кавалерии. Пробившись сквозь ряды неприятеля, кавалерия соединилась с королем среди боя»*.

Энглунд дал яркое описание картины на поле у Головчина сразу после сражения. После того как противник бежал, пехотинцы смогли сесть и отдохнуть, а маркитантки пробрались к ним с водкой и хлебом. Священники ходили по полю боя, причащая умирающих воинов. Шведы разбили палатки прямо на поле боя, представлявшем ужасное зрелище: груды мертвых людей и лошадей, пушки, ружья, ранцы, медные котлы и сломанные повозки в едином жутком сумбуре среди мокрой глины.

Своих павших солдат шведы похоронили в братских могилах, оказав воинские почести, но большинство русских остались лежать без погребения. В летнюю жару вскоре над местностью распространился смердящий дух гниения. Кругом бегали одичавшие собаки, пожиравшие голые раздувшиеся останки людей и лошадей, разбросанные повсюду...

Для Головчина это сражение обернулось сожжением

* Вольтер. Цит. соч., с. 131–132.

почти всех домов и разрушением замка, который в дальнейшем так и не восстановили.

В сражении при Головчине русские потеряли, по разным данным, от 1300 до 2700 человек убитыми и ранеными, около 630 – пленными.

Потери шведов царь Петр значительно преувеличил. В письме генерал-адмиралу Федору Матвеичу Апраксину он сообщил, будто бы погибли генерал Врангель и два полковника, около сотни офицеров, тысяча рядовых, а раненых еще больше. Это ему так хотелось. Энглунд на основе рапорта главного врача шведской армии привел в своей книге точные цифры: 255 убитых, 1219 раненых. Часть раненых позже умерла.

* * *

Брать число убитых врагов «с потолка» и молчать о своих поражениях – такова старая традиция российских авторов. Например, если вы прочтете в российских источниках описание войны 1654–1667 гг., когда армия московского царя Алексея Михайловича вторглась в земли Великого Княжества Литовского (ВКЛ), вы не обнаружите в них ни одного упоминания о победах литвинов и поляков. И у вас может возникнуть впечатление, что московиты, разбив противника, принудили его к миру на выгодных для себя условиях, после чего спокойно ушли домой.

Между тем, цель войны заключалась в присоединении ВКЛ к Московии! Однако московиты на втором этапе войны (уже после захвата Вильни) потерпели ряд сокрушительных поражений: на реке Полонка (июнь 1660 г.), на реке Бася (октябрь 1660 г.), под Кушликами (сентябрь 1661 г.), под Брянском (январь 1664 г.). Кроме того, провалилась осада Ляхович и Старого Быхова, в Могилёве восставшие жители истребили московский гарнизон (февраль 1661 г.). А на всей оккупированной территории ВКЛ действовали отряды партизан, изматывавшие войска оккупантов непрерывными нападениями на обозы и мелкие подразделения. Но в сочинениях русских историков об этом нет ничего.

БЕЛАРУСКАЯ КРЕСТЬЯНКА НА РОССИЙСКОМ ТРОНЕ

Анатоль Тарас

Как известно, шведский король Карл XII в ходе Великой Северной войны 14 мая 1702 года занял Варшаву – несмотря на то, что Речь Посполитая соблюдала нейтралитет в этой войне (войну со шведами вел король Август II силами своей родной Саксонии). А в феврале 1704 года Карл XII добился того, что съезд шляхты в Варшаве объявил о низложении короля Августа II и вместо него избрал королем конфедеративного государства Станислава Лещинского. Но после разгрома шведов под Полтавой 27 июня 1709 года последнему в сентябре пришлось бежать во Францию.

Потеряв трон, Станислав Лещинский жил в Париже. Там беглому королю в 1725 году удалось выдать свою дочь Марию за 15-летнего французского короля Людовика XV. (Кстати говоря, один из отпрысков Марии Лещинской и Людовика XV через восемь лет после смерти дедушки Станислава, умершего 23 февраля 1766 года на 89-м году жизни, стал французским королем Людовиком XVI).

Этот брак в Петербурге восприняли как оплеуху. Ведь французский король взял в жены дочь врага. К тому же, в предыдущем 1724 году царь Петр I пытался женить юного Людовика на своей дочери Елизавете.

Справка: Людовик XV (1710–1774) был провозглашен королем в 1715, в возрасте пяти лет. До 1723 регентом являлся герцог Филипп Орлеанский. В 1726–43 государственные дела вел кардинал Флёри, а Людовик занимался охотой, театром и пирами. После смерти кардинала реальную власть осуществляли фаворитки короля – сначала маркиза Жанна де Помпадур (1721–1764), затем графиня Дю Барри.

Елизавета Петровна (1709–1761) стала русской царицей в 1741, в результате дворцового переворота. Людовик XVI (1754–1793) царствовал с 1774 на протяжении 18 лет. Ему сильно не повезло. В июле 1789 началась французская революция. В августе 1792 он лишился престола, а 21 января 1793 его казнили вместе с женой, австрийской принцессой Марией Антуанеттой.

Получив отказ, Петр предложил Елизавету герцогу Шартрскому, намекнув, что их будущий сын может стать королем Речи Посполитой. Но и тут его дипломатия потерпела фиаско. Мало того, французы оскорбительно указали московскому деспоту на «сомнительное происхождение» матери невесты.

Отметим, что они были совершенно правы.

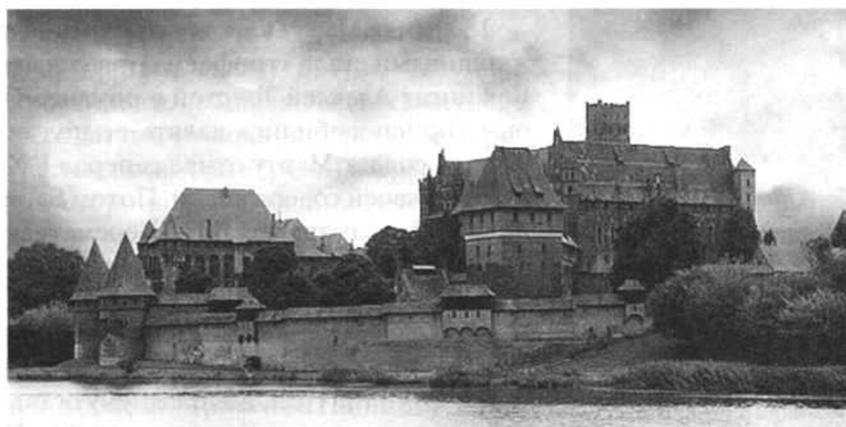
Во-первых, царь Петр осенью 1698 года заточил в монастырь законную супругу Евдокию Лопухину, мать царевича Алексея*. Позже он вступил в брак со своей любовницей Екатериной, не разведясь с Евдокией.

* Княжна Евдокия Федоровна Лопухина (1670–1731) состояла в браке с Петром Алексеевичем с 1689 по сентябрь 1698 года. За эти 9 лет она родила троих сыновей: Александра, Павла и Алексея. Первые двое скончались младенцами.

Во-вторых, Екатерина тоже не была разведена со своим законным супругом.

В-третьих, новая царица была, как тогда говорили, «подлого происхождения» — из крестьян!

Ее настоящее имя — Марта Самуиловна Скавронская (по другой версии — Веселевская). Родители, литвинские (беларуские) крестьяне жили в одной из деревень Полоцкого воеводства, принадлежавшей магнатам Сапегам*. Оттуда они бежали в Ливонию, где арендовали фольварк возле города Мариенбург (ныне Алуксне в Латвии). Там Марта и родилась 5 апреля 1684 года. При рождении ее крестили по католическому обряду.

Вид местечка и крепости Мариенбург (ныне Алуксне)

Отец и мать умерли от эпидемии чумы в 1697 году, когда девочке было 13 лет. Марту взял на воспитание Э. Глюк, немецкий пастор из Мариенбурга. Он перекрестил ее из католичества в лютеранство**. Впрочем, слово «воспитание» не очень подходит. В доме пастора Марта исполняла обязанности служанки. Ее даже не научили грамоте.

Симпатичная девушка отличалась легким характером и свободным поведением. Попросту говоря, рано начала жить с мужчинами. От одного из сожителей Марта родила дочь, умершую в младенчестве. По одной версии, этим сожителем был некий местный дворянин; по другой — сын самого пастора Глюка. После смерти ребенка пастор решил положить конец любовным похождениям своей воспитанницы. В августе 1702 года он выдал ее замуж за шведского трубача Иоганна Краузе (по другой версии, за драгунского унтер-офицера Раббе). Но

* Напомню, что два главных «родовых гнезда» магнатов Сапег находились в Ружанах (ныне посёлок в Пружанском районе Брестской области) и в Чарее (ныне деревня в Чашникском районе Витебской области).

** После того, как Екатерина стала супругой царя, специально посланные агенты выкупили всех ее братьев и сестер и вывезли в Россию. Известно о встрече Марты (Екатерины) со старшим братом Карлом. Фамилий у них не было, только прозвища — Сковороцкие, Сковорощенко, Скавронские. Теперь они получили фамилии и дворянство.

В 1727 г. Екатерина выдала замуж за князя Петра Павла Сапегу (1701–1771) свою племянницу Софию Скавронскую, дочь брата Карла. После смерти царя Петра I братья Екатерины либо их дети получили графские титулы от императрицы. Так появились аристократы Гендриковы, Ефимовские и Скавронские. Вот уж действительно — «из грязи в князи!»

Марта (Екатерина) в молодые годы

уже в начале сентября того же года, когда к городу подошли войска Б.П. Шереметева, Краузе (или Раббе) бежал вместе со всем гарнизоном.

По одной версии, Иоганн Краузе (или Раббе) попал в плен под Полтавой, откуда его вместе с партией пленных отправили в Сибирь, где он и умер в 1718 году. По другой версии, царь Пётр решил позаботиться о бравом драгуне и приказал найти его, но поиски не увенчались успехом.

18-летняя Марта вместе с другими местными женщинами стала «трофеем» русских драгунов. Как писал Алексей Толстой в романе «Петр I», они «приспособились валять ее под возами». Затем у солдат Марту отнял генерал Р.Х. Бауэр и сделал своей содержанкой. Потом Бауэр «уступил» ее фельдмаршалу Б.П. Шереметеву; у него Марту отобрал князь А.Д. Меншиков.

В доме Меншикова Марта жила долго (до весны или лета 1705 года), вместе с сестрами Арсеньевыми и Анисьей Толстой. Эти три женщины составляли общий гарем Меншикова и царя Петра Алексеевича, тогда как Марту царь «закрепил» исключительно за собой. К марту 1705 года, по-прежнему оставаясь во дворце царского фаворита, она родила от царя уже двоих сыновей – Петра и Павла. А всего с 1704 по 1723 год, за 20 лет, Марта Скавронская родила 8 детей! Правда, почти все они умерли в младенчестве, выжили только Анна (1708–1728) и Елизавета (1709–1762).

Потом царь отправил ее в Москву. Официально она числилась ...женой придворного повара! Но жила в специально купленном для нее доме, выглядевшем снаружи скромно, а внутри роскошно отделанном и меблированном. Марта приняла православие и получила при крещении имя Екатерина Алексеевна. Блондинка от природы, она теперь красила волосы в черный цвет. В 1710 году Екатерина получила придворное звание фрейлины.

Дочери Анна и Елизавета

Итак, до того как стать супругой царя Петра (официально – весной 1711 года, перед Прутским походом) и императрицей Екатериной I (коронация состоялась 26 мая 1724 г.), Марта волею судьбы была шлюхой. Это общеизвестный факт.

Впрочем, несмотря на восьмерых детей, рожденных

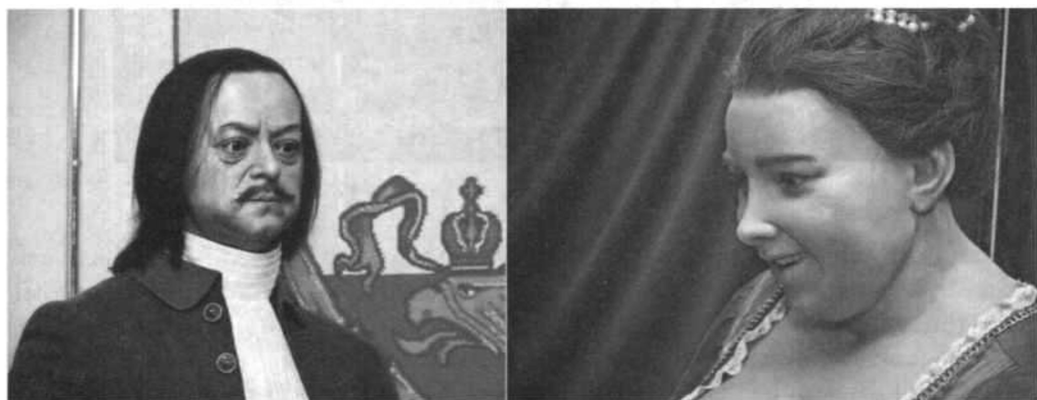
от царя Петра, шлюхой она осталась до конца жизни. Напомню, что в 1724 году (уже после коронации) была раскрыта ее любовная связь с собственным камергером Виллимом Монсом*. Царь приказал Монса казнить, а Екатерина висела буквально на волоске от развода и пострижения в монахини. Однако Петр был уже серьезно болен: Монсу отрубили голову 16 ноября 1724 года, тогда как царь умер 28 января 1725 года, всего через два с половиной месяца.

Камергер Виллим Монс

Историки-монархисты (первым – Н.М. Карамзин) придумали сказку о том, что царь сильно простудился, спасая на Ладожском озере баркас с солдатами (по одной версии) или рыбаков у Лахты (по другой версии) и в результате умер от двусторонней пневмонии (воспаления легких).

На самом деле он был болен гонореей, лечить которую тогда не умели (триппер он подцепил то ли в Германии от проститутки, то ли дома от какой-то русской шлюхи). С течением времени эта болезнь привела к гнойному воспалению мочевого пузыря, сопровождавшемуся сильными болями. В конце концов придворный врач вскрыл пораженный орган и удалил гной. Но антисептиков и антибиотиков тогда не существовало, поэтому через день воспаление еще больше усилилось. Агония растянулась на сутки, царь от боли непрерывно кричал. От его жутких воплей придворные спрятались кто

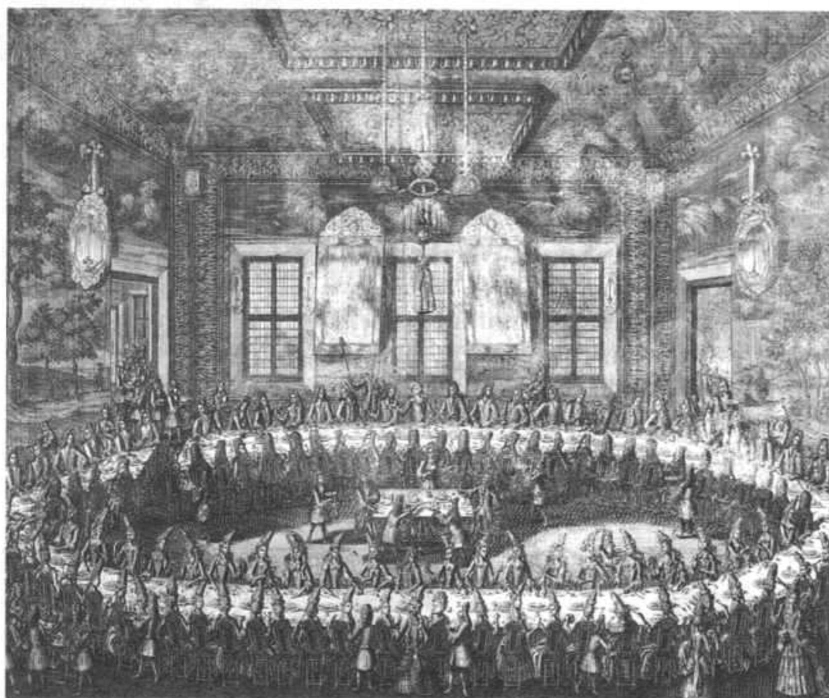

Царь Петр и Марта-Екатерина (восковые фигуры)

* Виллим Монс был братом Анны Монс, прежней любовницы царя Петра. После разрыва царь выдал ее замуж за генерала Балка. Традиционно Монсов называют «немцами», но в действительности они были голландского происхождения. После казни брата Анне дали 5 ударов кнутом и сослали в Сибирь. Как только царь умер, Екатерина вернула ее в Петербург.

куда, Петр умер в полном одиночестве. Все это хорошо описали свидетели его кончины в своих записках «не для печати».

Царицу-крестьянку спасло коллективное заступничество «новых» аристократов, группировавшихся вокруг нее – Александра Меншикова (1673–1729), Алексея Макарова (1675–1750), Андрея Остермана (1686–1747), Петра Шафирова (1669–1736), Павла Ягужинского (1683–1736), а также примкнувших к ним «старых бояр» – генерала-адмирала Федора Апраксина (1661–1728) и главы Тайной канцелярии графа Петра Толстого (1645–1729). Остерман и Толстой на коленях умоляли царя не делать суд над Монсом открытым, аргументируя это тем, что в таком случае никто не захочет взять в жёны его дочерей от Екатерины – Анну и Елизавету.

Свадьба Петруши и Катюши 19 февраля 1711 года

Напомним по этому поводу, что П.П. Шафиров и П.И. Ягужинский были выходцами из Литвы (Беларуси). У князя А.Д. Меншикова литвином (беларусом) был отец, умерший в 1695 году. Вот что пишет современный российский исследователь: «В дипломе царя Петра I на пожалование Меншикову княжеского достоинства Римской империи и Ижорского князя Российского государства (...) сказано, что Меншиков происходил «из фамилии благородной литовской»*.

После смерти венценосного супруга 28 января 1725 года (преемника царь либо не назначил, либо его завещание было уничтожено), эта компания в тот же день возвела Марту-Екатерину на трон. Свежеиспеченная императрица

* См.: Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. Москва, 2005, с. 26.

щедро наградила своих заступников. Например, А.В. Макарову она пожаловала чин тайного советника и крупные поместья.

Теперь она дала волю своему темпераменту! Почти все 26 месяцев ее правления (за исключением двух последних) стали сплошным кутежом. Утро царица начинала с нескольких рюмок водки, вечером неизменно шумело застолье, а ночь государыня проводила с одним из своих многочисленных любовников. От столь беспощадного режима здоровье быстро расшаталось. В марте 1727 года царица заболела, и 6 мая умерла в возрасте 43 лет.

За несколько дней до смерти она подписала завещание («тестамент») о передаче престола Петру II, внуку Петра I. Этого добился от царицы «светлейший князь» Александр Данилович Меншиков, сыгравший главную роль в возведении ее на трон. Как известно, «Данилыч» фактически сосредоточил в своих руках высшую власть. Теперь он планировал женить юного царя (12 лет!) на своей дочери Марии. 25 мая 1727 года, через 18 дней после смерти царицы, состоялось обручение.

Да вот беда, мальчишка невзлюбил всесильного временщика за грубое обращение. Вдобавок, его подстрекали князья Долгорукие. Дальнейшее известно. Долгорукие подготовили указ, венценосный подросток поставил на нем свою закорючку и вот «по указу царя» Меншикова арестовали 8 сентября того же года и сослали, поначалу в Раненбург.

Марта (Екатерина) всегда умела утешить Петра...

Справка: Петр II Алексеевич (1715–1730) был сыном царевича Алексея Петровича (1690–1718), тайно убитого в тюрьме по приказу своего отца, и принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694–1715). Освободившись от назойливой опеки А.Д. Меншикова, он по наущению Долгоруких приказал перевести царский двор в Москву. Обручение с Марией Меншиковой было объявлено недействительным. Царь обручился с Е.А. Долгоруковой. Однако во время подготовки к коронации он 18 января 1730 года умер от оспы. С его смертью прекратился род Романовых по мужской линии.

Кутеж в царском дворце

А затем решением Верховного тайного совета (здесь постарался граф П.А. Толстой, создавший этот совет в феврале 1726 года специально для противодействия Меншикову) у него отобрали все богатства, накопленные за 40 лет усердной службы, сочетавшейся со столь же усердным воровством, и отправили в ссылку подальше от Петербурга – в Березов, в Сибирь*. Там он и умер 12 ноября 1729 года в возрасте 56 лет.

Нам эта история интересна тем, что главное действующее лицо в ней простая женщина, вышедшая из беларуских крестьян. То есть – наша землячка и соплеменница.

---

* Богатства А.Д. Меншикова были таковы: огромные земельные владения в России, Речи Посполитой, Пруссии и Австрии (90 тысяч душ крепостных!); города Батурин, Копорье, Ораниенбаум, Почеп, Раненбург, Ямбург; 5 млн рублей наличными; 9 млн рублей в банках Англии и Голландии; огромное количество драгоценностей (в т.ч. ювелирные изделия и золотая посуда), а также много всякой «мелочи»: дворцы, «доходные дома», дорогое оружие и т.д.

Часть II. БЕЛАРУСЫ В XX ВЕКЕ

ГОМЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ (Стрекопытовский мятеж в марте 1919 г.)

Юрий Витьбич

Среди антибольшевистских выступлений на территории Беларуси гомельское восстание, или «Стрекопытовский мятеж», занимает исключительное место. Несмотря на то, что в этом восстании принимала определенное участие часть гомельчан и местная (речицкая) рота, все же его можно считать беларуским лишь потому, что оно вспыхнуло на территории Беларуси. Основными его участниками были мобилизованные красноармейцы, часть их – крестьяне и рабочие Тульской губернии, а часть – палехи (так называются жители брянских лесов – племя, переходное по своему языку и обычаям от беларусов к русским).

Типы палехов удачно описаны И.С. Тургеневым в «Записках охотника» и В.П. Семеновым в «Живописной России». От русских они, по утверждениям этих авторов, отличаются настолько, что после нескольких оброненных слов в палехе можно узнать «человека совсем особой породы». Они физически крепкие, трудолюбивые и энергичные. В их обычаях, характере и языке есть много интересных особенностей.

Воззвания политического штаба восстания – Полесского Повстанческого Комитета – свидетельствуют о том, что восстанием руководили эсеры. Между ними и военным руководителем мятежа М. Стрекопытовым (от его фамилии и название восстания) был тесный контакт. Достаточно сравнить воззвания Комитета с приказами Стрекопытова, чтобы убедиться в этом. Вероятно, что и сам Стрекопытов был эсером. Этим гомельское восстание напоминает симбирское эсеровское июльское восстание 1918 года во главе с Медведевым.

Кратко история симбирского восстания такова. 30 июня 1918 года в Симбирск (нынешний Ульяновск) начали прибывать войска с Восточного фронта. Они заняли почту, телеграф, правительственные здания. На улицах были установлены броневики и пулеметы. Командующий этими войсками левый эсер Михаил Муравьев 10 июля в своей телеграмме за № 2883 предложил войскам Красной армии по всему фронту от Самары до Владивостока «повернуть эшелоны и

По книге «Антыбальшавіцкія паўстаньні і партызанская барацьба на Беларусі» (Нью-Йорк, 1996), с. 51–69. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

перейти в наступление» на Вятку, Саратов, Балашов и Москву. Попутно он предложил разогнать советы, которые желали мира с Германией, и опять объявить ей войну. Однако его солдатам совсем не хотелось снова воевать с немцами. Это обстоятельство сразу же использовали большевики и повели среди солдат соответствующую пропаганду. В конце концов, латышские «интернациональные» военные части блокировали дезорганизованные войска Муравьева, а сам он был убит в момент ареста.

Михаил Муравьев (на фото 1916 г. он — подполковник царской армии)

Между прочим, это тот самый М.А. Муравьев, что раньше сформировал в Харькове красноармейский отряд количеством пять тысяч человек и двинулся оттуда по железной дороге на Киев. Возле станции Круты он сломил героическое сопротивление украинской молодежи и уничтожил ее, а после этого занял Киев, нанеся тем самым последний удар Украинской Раде, которая перед этим подавила в городе восстание рабочих завода «Арсенал». Зверства Муравьева в занятом им Киеве не поддаются описанию. Он уничтожал здесь не только всех схваченных офицеров, но и каждого, кто простодушно предъявлял красный листок – свидетельство об украинском гражданстве. Все же киевские зверства Муравьева блекнут по сравнению с его же зверствами в занятой позже Одессе, где он живыми закапывал в землю связанных офицеров Белой армии.

Попутно гомельское восстание напоминает и московское эсеровское восстание. В Москве 6 июля 1918 года, в день убийства эсером В.Г. Блюмкиным германского посла графа В. Мирбаха, восстал против большевиков матросский отряд левого эсера Д.И. Попова. Заняв часть города около Покровских казарм, матросы окопались, построили баррикады, надеясь на помощь красноармейцев, которые находились в казармах. Однако эти красноармейцы выставили караулы для охраны казарм и объявили нейтралитет.

Красноармейцы в 1919 году

Среди них пошли слухи, что «братишки» (так называли матросов во время гражданской войны) поймали Троцкого, им осталось только захватить Ленина. Причиной этих слухов послужил, видимо, арест накануне эсерами главы «чрезвычайки» Ф. Дзержинского. Восстание подавила латышская дивизия И.И. Вацетиса – именно «красные латыши» дважды спасли боль-

шевиков в 1918 году. Бой продолжался более пяти часов. Почти все матросы, сумевшие выйти из окружения, разбежались, оставив в тот же день Москву.

* * *

Следует заметить, что в Беларуси гомельскому восстанию предшествовал ряд выступлений военных. Так, 14 марта 1919 года солдаты размещенных в Рогачеве частей 10-го пограничного полка убили своего комиссара, латыша В. Циммермана. Этот мятеж после шестичасового сопротивления был ликвидирован курсантами Могилевских командных курсов и батальоном ЧК.

Вскоре после этого 2-й Полесский полк, который прибыл из Бобруйска в Рогачев для переформирования, отказался разоружаться и стал требовать пропуска дальше по железной дороге. Командные курсы разоружили и этот полк.

Гомель до революции
(здание мужской гимназии)

Несколько раз местные власти разоружали дезорганизованные воинские части, которые проходили и через станцию Гомель. Однако коммунисты не смогли подавить Стрекопытовский мятеж, который не случайно вспыхнул именно в Гомеле. К началу мировой войны шумный Гомель числом жителей намного превзошел свой губернский центр – тихий чиновничий Могилёв*. Его быстрому росту (с 1897 по 1913 год на 61,4 тыс. чел.) способствовало пересечение здесь Либаво-Роменской и Полесской железнодорожных магистралей, через него протекает широкий и глубокий Сож, в который неподалеку впадает другая большая река – Ипуть, к тому же через город проходит шоссе Петербург – Киев.

Не удивительно, что захват этого железнодорожного, водного и шоссейного узла имел исключительное стратегическое значение. В начале весны 1919 года этому стратегическому пункту стал угрожать недалекий польско-украинский фронт. В связи с этим в Гомель прибыла 2-я Тульская бригада 8-й стрелковой дивизии в составе 67 и 68 полков, сформированная в ноябре 1918 года. Нет сведений, кто ею командовал, известно лишь, что комиссаром бригады был Ильинский, командиром 67-го полка – Лазицкий, комиссаром того же полка – Сундуков, командиром 68-го полка – Мичигин, командиром артиллерийского дивизиона – Куманин, начальником хозяйственной части – бывший прапорщик М.А. Стрекопытов. Ввиду недостатка места в казармах и отсутствия топлива бригаду пришлось разместить на частных квартирах.

Местные коммунисты торжественно встретили 2-ю бригаду, подчеркивали на митингах «традиционную революционность» тульских пролетариев, но после восстания они не жалели черных красок для характеристики бойцов бри-

* В 1913 г. население Гомеля составило 104,5 тыс. чел., Могилёва – 69,9 т.ч. – *Прим. ред.*

гады. Так, И. Драгунский в своих воспоминаниях, хранившихся в архиве Гомельского бюро Истпарта, писал:

> «Могу сказать, поскольку мне довелось наблюдать повстанческую массу, что почти никакие политические вопросы ее не интересовали, в ней господствовало желание награбить и поехать домой. Темные рядовые повстанцы даже стояли за советскую власть, но без евреев».

Далее он продолжает:

> «Главной причиной, благодаря которой полки бригады стали благоприятной почвой для контрреволюционной агитации, которая в конце концов привела к восстанию, был острый продовольственный кризис в Гомеле, в связи с чем армия плохо обеспечивалась провиантом. Кроме того, красноармейцы в результате неудовлетворительного состояния казарм (результат хозяйничания немецких оккупантов в 1918 г.) были расквартированы на частных квартирах. Эти обстоятельства умело использовали владельцы домов – черносотенцы, которые натравливали красноармейцев на советскую власть и евреев».

В этих цитатах дважды предъявляется обвинение повстанцам в антисемитизме, но этому противоречит ряд проверенных фактов, о которых будет сказано позже. Что до утверждения, будто причиной восстания было плохое обеспечение красноармейцев провиантом, то И. Драгунского опровергает другой гомельский коммунист – ответственный за питание войск уездный комиссар В. Селиванов, который свидетельствует:

> «Военные отряды, несмотря на все трудности, всем необходимым, хотя и не наилучшим образом, были обеспечены».

Окончательно запутавшись в своих безосновательных обвинениях, И. Драгунский почти находит причину восстания, когда вспоминает:

> «Возник подпольный поначалу Полесский Повстанческий Комитет, который имел связь с центральными белогвардейскими организациями, а также имел своих агентов среди командного состава Тульского отряда».

Драгунский прав, когда говорит о руководящей роли Полесского Повстанческого Комитета, но он ошибается, подчеркивая связь комитета и повстанцев (вообще) с черносотенцами и белогвардейцами. Ни один черносотенец или белогвардеец никогда не подписался бы под воззваниями Полесского Повстанческого Комитета и под приказами Стрекопытова. Еще ближе, чем И. Драгунский, подходит к истине Г. Лелевич, подтверждая, что красноармейцы бригады в значительном большинстве были активными участниками тульского антибольшевистского восстания 1918 года, к тому же «их семьи не всегда были достаточно обеспечены и имели массу неприятностей от действий некоторых головотяпских низовых представителей власти»*.

---

* Г. Лелевич (наст. Лабари Калмансон; 1901–1937) – партработник. Автор брошюры «Стрекопытовщина: Страничка из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны» (1923 г.). – *Прим. ред.*

* * *

Однако, дав слово большевистским свидетелям восстания, вернемся к восставшим против них красноармейцам. Увы, неизвестно, кто входил в состав Полесского Повстанческого Комитета (ППК), но можно почти наверняка считать, что его членами были и Стрекопытов, и другие командиры бригады*. Наличие ППК полностью исключает возможность обвинения Стрекопытова в стремлении стать военным диктатором. Вместе с тем надо учесть, что Стрекопытов был не только исполнителем воли Комитета, но и одним из его руководителей.

18 марта 1919 года Тульскую бригаду после торжественного митинга отправили на Калинковичский участок польского фронта, занятый петлюровцами. Уже по дороге на фронт бригаду в достаточной степени распропагандировали эсеры. Как только части прибыли на передовые позиции, штаб фронта решил на рассвете 20 марта начать силами Тульской бригады наступление на Овруч.

Петлюровский бронепоезд

Приняв такое решение, штаб явно переоценил свои возможности и недооценил возможности петлюровцев. Следующим утром 21 марта части красных не выдержали шквального артиллерийского огня, под прикрытием которого перешли в контрнаступление пехота и конница Петлюры. Красноармейцы начали в беспорядке отступать к станции Бережесть. 22 марта артиллерийский огонь петлюровцев стал еще сильнее. Вдобавок подошел их бронепоезд и в упор обстреливал красных. Бригада отступила к станции Славечна, раскинувшейся вдоль одноименной реки, но и этот природный рубеж она не смогла использовать для обороны. Поэтому нет ничего странного в том, что 22 марта насильно мобилизованные бойцы, распропагандированные эсерами, собрались на стихийный митинг. Комиссару Ильинскому, пытавшемуся задержать бойцов на позициях, они не дали сказать ни слова. Со всех сторон слышались угрозы: «Расстрелять его! Взять заложником! Выдать Петлюре». Бойцы решили немедленно оставить фронт.

Большевистский свидетель Селиванов утверждает, что «на этом собрании были назначены коменданты поездов, полученных под угрозой расстрела от железнодорожной администрации» Возможно, стрекопытовцам и не понадобились угрозы, так как во время восстания симпатии железнодорожников были явно на их стороне. В тот же день началась погрузка полков в вагоны. Если не хватало машиниста или кочегара, их заменяли машинисты и кочегары из числа красноармейцев – бывших тульских рабочих. Повстанцы перечеркнули график-расписание движения поездов, и эшелон за эшелоном, рискуя столкновениями

* Полесский повстанческий комитет был конспиративно создан в Гомеле после того, как в город 14 января 1919 вошли войска «красных». – *Прим. ред.*

и авариями, направились с фронта в тыл. Когда Ильинский еще раз попытался задержать красноармейцев в Мозыре, то они вознамерились сбросить его с моста в Припять, но их отговорил командир артдивизиона Куманин.

В ночь с 23 на 24 марта на Полесский вокзал в Гомеле начали прибывать эшелоны повстанцев. Как свидетельствует тот же Селиванов, «повстанцы не хотели выгружаться в Гомеле и добивались скорейшей отправки их в Брянск, чтобы там разойтись по домам». Нелогичность этого утверждения более чем очевидна. Если повстанцы с применением силы, как рассказывает Селиванов, или по-хорошему, не прибегая к силе, доехали до Гомеля, то что могло помешать им таким же образом доехать до Брянска? Непонятно также, отчего они, «направляясь домой», везли с собой пушки, минометы и пулеметы. Несомненно, что ППК и значительная часть командного состава бригады пользовались среди повстанцев большим авторитетом. А повстанцы были не настолько легкомысленны, чтобы не понимать, что, если они разделятся по одному, их легко выловят чекисты и как дезертиров да еще вдобавок повстанцев, расстреляют.

Красноармейцы на вокзале в ожидании поезда (1919 г.)

Когда Гомельский уездный комитет РКП(б) узнал о приходе мятежных полков, он направил большевиков Билецкого, Комиссарова, Селиванова и Володько для переговоров с повстанцами. Однако, доехав до Либавского вокзала, парламентеры увидели выставленные пулеметы и, своими глазами убедившись, что имеют дело не со стихийным, а организованным восстанием, повернули назад. После их информации в уездном комитете был создан военный штаб, в который вошли: председатель ревкома С. Комиссаров, председатель ЧК И. Ланге, редактор «Известий Гомельского Ревкома» Н. Билецкий, чекисты Гул и Я. Фрид.

Выяснилось, что в городе для борьбы с повстанцами нет регулярных войск, за исключением местного караульного батальона, «на который ни в коем случае нельзя было опереться». Действительно, через какое-то время он объявил себя нейтральным и постановил не выступать ни на стороне советской власти, ни на стороне повстанцев. В распоряжении созданного штаба оказалось 300 коммунистов, милиция и интернациональный отряд ЧК.

Большевистский штаб и его основные вооруженные силы разместились в гостинице «Савой», выставив в городе караулы. Отсюда он послал телеграмму «Всем, всем, всем...» о катастрофическом положении большевиков в Гомеле с просьбой о помощи. В это же время немец из интернационального отряда коммунист Краузе организовал в «Савойе» пулеметную команду, и ему же большевистский штаб доверил общее руководство военными действиями.

Вечером 24 марта повстанцы двинулись от Полесского вокзала к Либавскому и заняли его. Возле вокзала они окружили клуб железнодорожников, где арестовали нескольких коммунистов. Затем они начали последовательно занимать город – почту, телеграф, учреждения, дворец князя Паскевича, разоружив при этом милицию, которая не оказала особого сопротивления. (Штаб повстанцев разместился в здании бывшей городской управы, где также находилась городская телефонная станция. – *Прим. ред.*).

Около 10 часов вечера повстанцы захватили тюрьму и освободили политических заключенных или, как позже говорили большевики, «разный контрреволюционный сброд». Главные же части повстанцев ночью с 24 на 25 марта окружили гостиницу «Савой». В здании в это время было около 150 большевиков. Начался бой, упорный с обеих сторон.

Надо отдать должное героизму большевиков, оставшихся в гостинице и вошедших в историю как «гомельские коммунисты». Правда, они защищали свою жизнь, но возможно также, что они были готовы идти на смерть в борьбе за господство своей идеологии над народом.

Яков Блюмкин (1900–1929), один из многих чекистов-евреев

После нескольких часов обстрела гостиницы из пулеметов и винтовок, повстанцы открыли минометный и артиллерийский огонь. Они поставили в парке князя Паскевича две пушки и повели обстрел «Савойя», продолжавшийся четыре часа. Попутно действовал миномет, установленный на углу Троицкой улицы. Выпустив несколько десятков мин и снарядов прямой наводкой по зданию, артиллеристы и минометчики пробили крышу и потолок третьего этажа, разрушили большинство стен, поставив все здание под угрозу обвала.

Большевики сдались. Утром 25 марта «Савой» был занят повстанцами. Когда большевиков, оставшихся в живых, вывели из гостиницы, их стали избивать гомельчане. Больше всего досталось ненавистному жителям города председателю ЧК латышу Ланге. С большим трудом защитив сдавшихся от самосуда, по-

встанцы отвели их к тюрьме и бросили в камеры*. Сюда же отправляли всех арестованных в городе коммунистов и подозрительных.

Повстанцы заняли город. Еще до капитуляции «Савойя», судьбу которого легко было предугадать, они 24 марта в 23 часа 10 минут отправили телеграмму под № 1078 с таким содержанием:

> «Всем железнодорожникам по всей сети железнодорожных дорог.
>
> Военная власть большевиков в городе сброшена. Движением руководит Полесский Повстанческий Комитет. Арестовывайте членов чрезвычайных комиссий, комиссаров и всех врагов народа. Не пропускайте большевистские эшелоны. При необходимости разрушайте железные дороги.
>
> Доведите это обращение до сведения населения и действуйте смело и энергично. Налаживайте связь в действиях. Сообщайте на станцию Гомель.
>
> Полесский Повстанческий Комитет».

В тот же день Стрекопытов издал приказ № 1, в котором говорилось:

> «Сегодня, 24 марта, я, по поручению Полесского Повстанческого Комитета, принял на себя обязанности командующего войсками Гомельского округа, которые восстали против правительства Троцкого и Ленина.
>
> Командующий войсками
> Гомельского округа
> Стрекопытов».

Антибольшевистский плакат периода гражданской войны

Комендантом Гомеля был назначен один из командиров Тульской бригады Стёпин, бывший полковник царской армии.

* * *

Программа повстанцев нашла отражение в воззваниях ППК и в приказах Стрекопытова. Как уже отмечалось, эти воззвания и приказы настолько характерны для восстания, что заслуживают пристального внимания и анализа. До нас дошли только несколько документов, и они должны быть сохранены для истории. Первый из них, адресованный всем слоям общества, таков:

* Ян (Иван) Ланге (1894–1919) – уроженец Пскова. С 1915 – на Западном фронте. С марта 1917 член Гомельского совета рабочих и солдатских депутатов. С ноября 1917 военный комиссар Гомеля и начальник гарнизона. С января 1919 председатель ЧК Гомельского уезда. Отличался особой жестокостью. – *Прим. ред.*

«Граждане!

Советская власть умирает. Петроград накануне падения. В Москве только ждут сигнала, чтобы сбросить насилие каторжников и негодяев. В Туле неспокойно. Минск окружен. Принудительно мобилизованные повсюду отказываются воевать. Вести о революционном движении в странах содружества /Антанты – *Ред.*/ раздуты и подтасованы большевиками. Теперь не лето 1918 года, и Гомель – не Ярославль.

Мы – крестьяне и рабочие в солдатских шинелях, наши враги – отбросы всех слоев населения, объединенные жаждой власти, той власти, которая дает им легкую и вольготную жизнь. Эти преступники иногда умны, иногда хитры, но все же преступники – враги человеческого рода. В пламени революции эта социальная грязь всегда всплывает наверх. Теперь пришло ей время снова осесть на дно.

Граждане! Отбросьте гипноз. Оглянитесь, подумайте, поймите – светает. Приближается яркий день. Большевики кажутся вам сильными, ибо вы стоите на коленях. Встаньте с колен!

Наши лозунги:

1. Вся власть Учредительному Собранию.
2. Соединение частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности, в зависимости от реальных потребностей хозяйственной жизни страны.
3. Железные законы охраны труда.
4. Осуществление гражданских свобод.
5. Земля – народу.
6. Присоединение Российской Республики к Лиге Наций.

Полесский Повстанческий Комитет».

Специальное воззвание было адресовано крестьянам:

«Крестьяне!

Ваши братья и дети, мобилизованные Троцким и другими преступниками, сидящими на нашей шее, восстали против советской власти и прогнали ее слуг из города и уезда. Большевики разбиты и бегут. Россия объявлена Народной Республикой.

Создается новая, народная власть.

Никто не посмеет с этого времени отбирать у вас хлеб, никто не посмеет более облагать вас чрезмерными налогами.

Мы окончили войну и заключили мир.

Никто не погонит больше ваших братьев и детей на бойню.

Крестьяне! Бейте в колокола, гоните советскую мерзость из ваших селений, задерживайте подозрительных, организуйте повстанческие комитеты в селах, деревнях, местечках и передавайте им временно всю власть.

Командующий 1-й армией Народной Республики
Стрекопытов».

С учетом того, что Гомель – город промышленный, с высоким процентом рабочих, в другом воззвании, обращенном именно к ним, достаточно ясно разъяснялось отношение повстанцев к проблемам рабочего класса.

«Ко всем профессиональным союзам.

Мы боремся за право свободного труда, за право свободного пользования плодами труда своих рук.

Мы уверенны, что только организованностью рабочие всех профессий смогут добиться освобождения от тех, кто обманом присвоил себе право говорить от имени рабочего класса.

Потому мы приветствуем профессиональные союзы и призываем вас, товарищи, – идите к нам и помогите нам вашими знаниями и практикой.

Повстанческий Комитет Полесья».

И, наконец, с политической точки зрения заслуживает не меньшего внимания следующий документ:

«Обращение к партиям.

Если вам дорога Россия, если вы боретесь за свободу, закон и мир, если вы стремитесь улучшить и облегчить жизнь рабочего класса, если вы хотите дать землю со всем тем, что на ней растет, работникам земли, если ваша цель – прогресс и расцвет творческих сил страны, – то знайте: мы с вами.

Мы всеми силами поможем вам и, в свою очередь, обращаемся к вам за помощью в распространении наших идей среди народных масс. Знакомьте народ с нами, разделите нашу тяжелую ношу борьбы против ярых хищников – и освобождение страны будет обеспечено.

Гомель, 1919 год.
1-я армия Российской Республики».

Как видим, эти воззвания и приказы пронизаны идеями эсеров, в них отразилась программа партии эсеров. Документы дают основание сделать вывод, что именно эсеры руководили гомельским восстанием, и можно убедиться, насколько необоснованны большевистские обвинения стрекопытовцев в связях с черносотенцами. Ни один из белогвардейцев и черносотенцев, стремившихся к реставрации дореволюционного положения вещей, не подписался бы под этими воззваниями.

* * *

В Гомеле тем временем было относительно спокойно. Попытки части горожан и, главным образом, пригородных крестьян организовать еврейский погром комендатура пресекла в самом начале. Характерно в этом отношении воззвание:

«К населению города Гомеля.

Во время переворота в городе были случаи грабежа мирных жителей. Против нарушителей порядка приняты самые строгие меры. Будьте уверены, что новая власть сумеет защитить жизнь и имущество граждан.

Комендант города Гомеля полковник Стёпин».

Действительно, комендатура расстреляла нескольких повстанцев, виновных в грабежах и насилиях среди населения.

Как утверждает большевистский свидетель Г. Лелевич, «повстанцы занимались разгромом советских учреждений, рвали и жгли документы, разбили несгораемые шкафы в продкоме и совнархозе, нагружали возы провизией со складов продкома и райсоюза и отправляли их на Полесский вокзал».

Надо отметить, что ликвидация стрекопытовцами советских учреждений была вполне логичной. Однако тот же Лелевич, вопреки тенденциозным обвинениям некоторых поздних советских историков, вынужден признать, что «к счастью, стрекопытовцы не успели в полной мере проявить скрытый в них талант громил». Еще более характерна передававшаяся в то время из уст в уста

фраза местного богатея-домовладельца, которому принадлежал и отель «Савой», Б.Ш. Гуревича: «Правда, они вернули мне мои дома с разбитыми окнами, но все же вернули».

В своем приказе № 2 полковник Стёпин объявил, «что с этого дня в городе дозволяется свободная торговля всякими товарами», что сразу же использовали горожане.

Все же надо сказать, что преимущественное большинство гомельчан отнеслось к стрекопытовскому перевороту более или менее безразлично. Наибольшими симпатиями повстанцы пользовались у значительной части железнодорожников, служащих почты и уездного продовольственного комиссариата, где работали офицеры бывшей царской армии Михайлов, Иванов, Михеев и другие.

Казалось, что в городе все затихло, но тем временем над ним собиралась прогреметь новая буря. Когда весть о восстании дошла до губернского центра – Могилёва, губком РКП(б) и губисполком объявили стрекопытовцам войну и организовали губернскую «тройку» по борьбе со стрекопытовщиной, в которую вошли председатель губисполкома Сурта, губернский военный комиссар Капман и комиссар командных курсов (фамилия неизвестна)*. Прежде всего они обратились с воззванием к рабочим и крестьянам Гомельщины и отдельно – к красноармейцам восставших 67-го и 68-го полков.

Речица в 1918–22 гг.

Надо отметить, что даже в советских исторических источниках нет упоминаний о том, что рабочие, крестьяне и красноармейцы встретили эти воззвания с энтузиазмом. Поэтому, попутно с воззваниями, из Могилёва направили против повстанцев кавалерийский эскадрон и курсантов командных курсов вместе с артиллерией. В район Мозыря прибыл отряд из Смоленска, во главе с губернским военным комиссаром А. Адамовичем, который должен был не допустить объединения стрекопытовцев с петлюровцами. Против повстанцев были также направлены отряды коммунистов из Бобруйска, Почепа и других городов. И наконец, из Брянска отправилась к Гомелю целая стрелковая дивизия с артиллерией.

Повстанцы, имея намерение расширить свою территорию, попытались идти на Могилёв, оставив основные силы в Гомеле. По пути они сначала уничтожили немногочисленные большевистские заслоны, однако потом столкнулись с силь-

* Иван Сурта (1893–1937) в 1918 кончил медицинский факультет 2-го Московского университета. В 1918–19 гг. был председателем Климовичского и Гомельского исполкомов советов, в 1920–26 гг. служил в органах ВЧК и ОГПУ. В 1933–36 зам. наркома, в 1933–36 нарком здравоохранения БССР. В 1936–37 президент АН БССР. В августе 1937 арестован органами НВД и в декабре казнен как «враг народа». – *Прим. ред.*

ным сопротивлением возле станции Уза. Тогда, внезапно изменив первоначальный маршрут, 26 марта они заняли город Речицу, где на их сторону перешел местный караульный батальон. Сохранилось несколько документов о пребывании стрекопытовцев в Речице, которые полностью выявляют их отношение к народу. Характерен в этом плане следующий:

«Приказ № 1.

Доводится до сведения граждан города Речица, что в результате ухода партии коммунистов гражданская власть в гор. Речица и уезде перешла к Городской Думе и Земской Управе, а до их формирования гражданская и военная власть принадлежит начальнику гарнизону.

С этого дня выход на улицу после 9 часов вечера, по старому времени, строго запрещается.

Служащим всех учреждений оставаться на своих рабочих местах.

Мирным гражданам гарантируется неприкосновенность личности и собственности.

Штаб гарнизона находится на Успенской улице в помещении бывшего ревкома (Успенская, 109).

Начальник гарнизона (подпись неразборчива)
Начальник штаба Метельский
Адъютант (подпись неразборчива)
26 марта, 1919 г.»

Не менее характерно другое объявление, встреченное населением с энтузиазмом:

«Объявление.

Временный комитет по управлению городом Речица и уездом на заседании своем от 27 марта этого года, беря во внимание почти полное отсутствие предметов первой необходимости и, главным образом, продуктов, постановил:

разрешить свободный ввоз продуктов в город, в том числе и нормированных, заверив, что никаким реквизициям они не подлежат. Перекупка со спекулятивными целями будет строго наказываться.

Временный комитет по управлению городом Речица и уездом».

О том, что всякие реквизиции действительно отсутствовали, свидетельствует очередной текст:

«Воззвание.

Граждане, охрана города возложена на местную караульную роту, благодаря которой пала власть коммунистов. Рота находится в бедственном положении: нет обуви, белья и другого. Кто сочувствует теперешнему перевороту, откликнитесь и принесите необходимое для защитника-солдата.

Пожертвования будут приниматься с благодарностью в хозяйственной части штаба, размещенного на Успенской улице, дом № 109.

Штаб Речицкого отряда».

И наконец, политический облик речицких стрекопытовцев определяет следующий документ:

«В типографию Бэра.

Срочно изготовить печать круглую с двуглавым орлом без короны с текстом: Речицкий отряд Российской Республики.

Начальник штаба Метельский
Адъютант (подпись неразборчива)».

Тем временем большевистские военные части и отряды «красных партизан» постепенно окружали Гомель. Однако и среди них не было единодушной симпатии к большевикам. Так, например, могилевская артиллерия получила приказ: не доходя трех верст до Гомеля, занять позицию и начать обстрел Полесского вокзала, чтобы помешать эвакуации повстанцев. Этот приказ не был выполнен в результате, как утверждает Г. Лелевич, «контрреволюционности некоторых лиц командного состава артиллерии». Две роты 71-го пехотного полка, присоединенные к могилёвским курсантам, тоже отказались наступать, более того, как свидетельствует тот же Лелевич, «стали поговаривать о переходе на сторону бандитов».

Район Овруч — Мозырь — Речица — Гомель

С другой стороны, и сами стрекопытовцы оказали решительное сопротивление. Они отражали непрерывные атаки партийцев и курсантов на Полесский вокзал, нанося им при этом значительные потери в людях.

Но утром 28 марта дивизия из Брянска заняла гомельское предместье Ново-Белицу и повела артиллерийский обстрел города. Бой тянулся целый день. В 4–5 часов дня стрекопытовцы приступили к эвакуации, продолжая вести бой. Когда они покидали Гомель, дворец князя Паскевича – украшение города и памятник искусства – был охвачен пламенем. Большевики винят в его поджоге повстанцев, но трудно поверить в это. Скорее они подожгли бы вокзалы, имевшие важное военное значение, чем дворец. Вероятнее всего, что дворец загорелся от артиллерийского обстрела большевиков, продолжавшегося целый день. Во

всяком случае, обслуга замка утверждала, что причина пожара не вандализм стрекопытовцев, а снаряд брянской артиллерии, попавший в закрытый верхний этаж здания*.

29 марта Красная армия вошла в город. Она освободила из переполненной тюрьмы местных коммунистов, которых стрекопытовцы не расстреляли при отступлении. Исключением стали 24 ответственных партработника. Повстанцы еще вечером 26 марта вывели их из тюрьмы и взяли под караул в вагоне около Полесского вокзала. В день отступления их вывели из вагона и убили. Вот имена казненных: Б. Ауэрбах (Подгорный), Н. Билецкий, С. Бочкин, П. Качанская, С. Комиссаров, И. Ланге, З. Песина, Ф. Сундуков, Л. Файншмит, Я. Фишбейн, Я. Фрид, Гертнер, Грозный, Каменко, Капильницкий и 9 неопознанных. Их похоронили в общей могиле на одном из гомельских бульваров. На памятнике, поставленном позже на могиле – прочувствованная надпись, вместо которой более подходящей была бы такая: «Здесь лежат те, что пожали посеянное».

Достойную характеристику председателя ЧК Яну Ланге дает Г. Лелевич, признавая, что «все контрреволюционные элементы города его ненавидели, виня в жестокости». Чекистами были также Файншмит, Фишбейн, Фрид и другие. Что до С. Комиссарова и Н. Билецкого (Езерского), то им более подошла бы эпитафия: «Здесь лежат большевистские герои, которые избежали ежовых рукавиц». Комиссаров, прежде чем перейти на сторону большевиков, был активным меньшевиком, Билецкий родился в семье генерал-лейтенанта Езерского, участника турецкой и японской войн.

Стрекопытовцы были несравненно более милосердны к своим врагам, чем позже эти враги по отношению к ним. Гомельская и Могилевская тюрьмы были переполнены повстанцами. Уже 1 апреля в Калинковичах выездная сессия Реввоентрибунала Западного фронта рассмотрела дело восьми повстанцев и осудила их на расстрел. В числе этих восьми был командир 68-го полка Мичигин, смело заявивший, что является одним из организаторов восстания.

В Могилеве Реввоентрибунал вынес смертные приговоры 62 участникам восстания, главным образом из командного состава. В течение трех месяцев, вплоть до июля 1919 года, в Гомеле заседала губернская тройка ЧК, почти ежедневно осуждая на расстрел участников и соучастников восстания. Среди приговоренных к смерти были и ранее названные служащие продкома Михайлов, Михеев и Иванов, но потом расстрел им заменили на десять лет ссылки. «Однако, – как с сожалением отмечает Г. Лелевич, – Стрекопытов, Стёпин, зверь и палач Криденер и большинство вожаков мятежа со значительной частью повстанцев спаслись от карающей руки пролетарского правосудия».

* * *

Преимущественное большинство стрекопытовцев избежало мести большевиков. Прорвав заслон «красных» вокруг Гомеля, они соединились со своей же

* В газете «Гомельская правда» от 26 марта 2009 г. напечатана статья об истории дворца Паскевича. Вот выдержка из нее: «...Справа Сож, слева 4 орудия орловской батареи. Ухают батареи и броневик, посылая снаряды на станцию Гомель. Приказ бить по замку Паскевича, где находится штаб Стрекопытова. Попадания удачны».

На самом деле штаб М.А. Стрекопытова, как уже сказано выше, находился в центре города, в здании бывшей управы. Но большевики думали, что штаб – во дворце. – *Прим. ред.*

частью, которая ранее заняла Речицу. Затем Тульская бригада направилась к фронту, разгромив при этом смоленский отряд Адамовича, несмотря на то, что его поддерживал своим огнем присланный из Мозыря бронепоезд. Далее стрекопытовцы ударили в тыл отряда своего бывшего военного комиссара Ильинского, прорвали таким образом советский фронт и перешли в районе местечка Хойники на сторону петлюровцев.

Позже они ушли на территорию, контролируемую польскими войсками. Поляки их разоружили и интернировали в лагере возле местечка Шолково. Летом 1920 года газета Бориса Савинкова «Варшавское Слово» поместила большую статью «Русско-Тульский отряд» в связи с приездом в Варшаву полковника Стёпина. Но еще раньше большинство повстанцев вместе со Стрекопытовым после освобождения из лагеря переехали из Польши в Эстонию и частично вошли в состав армии Юденича, а частично в Отдельный добровольный народный отряд БНР генерала Булака-Балаховича. После окончания военных действий они работали в Эстонии на лесоразработках. «Позже, – вспоминает Г. Лелевич, – мне довелось прочесть в одной из мелких варшавских газет за апрель 1922 года, что стрекопытовцы сыграли немалую роль в последующих бандитских налетах на территорию БССР, организованных Савинковым»*.

Чем объяснить, что хорошо вооруженная, с достаточной военной подготовкой Тульская бригада только пять дней удерживала в своих руках Гомель? (тогда как плохо вооруженные и неопытные бойцы Слуцкой дивизии БНР сдерживали натиск большевиков в течение месяца). Чем объяснить, что великолепные воззвания Полесского Повстанческого Комитета остались «гласом вопиющего в пустыне», не дойдя до антибольшевистски настроенных крестьян, а через год 15 тысяч их примкнули к Добровольной армии Булака-Балаховича?

На эти два вопроса может быть только один ответ. В программе стрекопытовцев, отраженной в их воззваниях, отсутствовал очень важный момент – национальный, что характерно именно для эсеров**. Стрекопытовцы не знали или не хотели знать, что еще в декабре 1917 года Гомельщина приняла самое активное участие в Первом Всебеларуском Конгрессе в Минске и имела на нем широкое представительство. Стрекопытовцы даже представить себе не могли, что через семь лет в результате настойчивых просьб местных жителей большевики вынуждены будут присоединить Гомельщину к БССР.

---

* Автор статьи в польской «Википедии» утверждает, что стрекопытовцы перешли на сторону поляков в районе Луцка. Поляки переправили их в Ригу, где они вступили в «белую» Северо-Западную армию генерала Александра Родзянко. Из них сформировали 1-й Тульский полк (600 человек) в составе Тульской дивизии. Однако вскоре полк пришлось расформировать ввиду низкой его боеспособности. – *Прим. ред.*

* Один из лидеров российских эсеров Виктор Чернов (1873–1952) писал в своих мемуарах, что только в эмиграции, в Праге, где ему довелось тесно общаться с деятелями беларуского и украинского национального движения (тоже эмигрантами), он осознал принципиальную ошибку российских социалистов-революционеров: неспособность понимать и учитывать интересы других народов империи, кроме русского. – *Прим. ред.*

ПОЛЬША И ИДЕЯ БЕЛАРУСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 1919–1920 гг.

Андрей Чернякевич
(Гродненский университет имени Янки Купалы)

Накануне польско-советской войны Беларусь переживала сложный и неоднозначный процесс становления собственной государственности. И хотя Беларуская Народная Республика (БНР) не успела в полной мере сформироваться в качестве самостоятельного субъекта международной политики, тем не менее, создание ее представительных структур закрепляло политическую целостность беларуских земель и препятствовало их вхождению в одностороннем порядке в состав соседних с ними государств.

Можно дискутировать относительно причин и обстоятельств принятия Радой БНР «Третьей Уставной Грамоты», однако бесспорно, что именно провозглашение независимости Беларуси в конце марта 1918 года и стало в итоге рождением идеи беларуской государственности, а этих нескольких строк текста оказалось достаточно, чтобы открыть новый раздел в истории беларуского народа [19, с. 151].

Антон Луцкевич (1884–1942)

Другое дело, что сама она появилась на свет «после долгих и бурных споров» и, по сути, была результатом интеллектуального творчества узкой политической группы [20, с. 104–105]. Отсюда – ощущение неуверенности в реализации собственных деклараций, сомнения и постоянный поиск геополитических партнеров, которые были бы заинтересованы в соседстве с новым государством. Даже Антон Луцкевич, один из «отцов» беларуского национального возрождения, в конце апреля 1918 года в виленской газете «Гоман» задавался вопросом: «...Имеют ли беларусы достаточно сил, необходимых для организации своей отдельной государственности?» [10, с. 1].

Проблема осложнялась тем, что среди народов бывшего Великого Княжества Литовского не было ни одного, который бы не мечтал о собственном госу-

Из сборника «Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами». Брест, 2011, с. 30–38.

дарстве в границах, широко трактуемых с этнографической точки зрения. Учитывая же общую слабость беларуского национального движения даже на фоне ближайших соседей, надеяться на равноправный диалог не приходилось.

За короткий промежуток времени беларуские политические деятели с той или иной степенью успешности успели опробовать несколько подобных проектов, начиная от посылки известной телеграммы на имя германского кайзера Вильгельма II и заканчивая созданием Министерства беларуских дел при правительстве Летувы. Только польский вектор в общем направлении дальнейшего развития беларуской государственности с самого начала оставался почти незадействованным.

УСТАУНАЯ ГРАМАТА

РАДЫ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ.

Год назад народы Беларусі разам з народамі Расіі скінулі ярмо расійскаго царызму, які найцяжэй прыціснуу быу Беларусь; ні пытаючыся народу, ен укінуу наш край у пажар вайны, якая чыста зруйнавала гарады і вескі беларускіе.

Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, скідаем з роднаго краю апошняе ярмо дзяржаунай залежнасьці, якое гвалтам накінулі расійскіе цары на наш вольны і незалежны край.

Ад гэтаго часу Беларуская Народная Рэспубліка обвешчаецца Незалежной і Вольной Дзяржавой. Самі народы Беларусі, у асобі свайго Устаноучаго Сойму, настановяць аб будучых дзяржауных зьвязях Беларусі.

На моцы гэтаго трацяць сілу усе старыя дзяржауныя зьвязі, якія далі магчымасьць чужому ураду падпісаць і за Беларусь трактат у Берэсьці, што забівае на сьмерць беларускі народ, дзелючы зямлю яго на часткі.

На моцы гэтаго урад Беларускай Народнай Рэспублікі мае уваймсці у адносіны з зацікауленымі старанамі, прапануючы ім пераглядзіць тую часьціну Берасьцейскаго Трактату, якая датычыць Беларусі, і падпісаць міравую умову з усімі ваюючымі дзяржавамі.

Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе жыве і мае лічбенную перавагу беларускі народ, а ласьне: Магілеушчыну, беларускія часьці Меншчыны, Гродзеншчыны (з Гродной, Беластокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смоленшчыны, Чарнігоушчыны і сумежныя часьці суседніх губерняу, заселеныя беларусамі.

Беларуская Народная Рэспубліка падцьверджывае усе тыя правы і вольнасьці грамадзян і народау Беларусі, якія абвешчаны Устауной Граматай ад 9 сакавіка 1918 году.

Абвешчаючы аб незалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі, Рада яе пакладае свае надзеі на тое, што усе любячые волю народы дапамогуць беларускаму народу у поунай меры здейсьніць яго палітычна-дзяржауные ідэалы.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі.

Дана у Менску-Беларускім
25 сакавіка 1918 году.

Третья уставная грамота БНР (1918 г.)

Тем временем, если накануне Первой мировой войны идею воссоздания польского государства в пределах прежней Речи Посполитой подавляющее большинство самих поляков воспринимало как абсолютно нереальную, то уже в конце 1918 года Польша на практике приступила к ее воплощению. Как заметил историк А. Новак, «на пороге 1914 года (это) было всего лишь политической фантазией, а на исходе 1918 года могло воплотиться в реальной действительности» [11, с. 20].

В историографии принято выделять две основные политические доктрины, сложившиеся среди польских элит по проблеме включения территории бывшего ВКЛ в состав возрожденного польского государства.

Первая – идея инкорпорации, разработанная Романом Дмовским и его соратниками, предусматривала раздел спорных территорий между возрожденной Польшей и демократической Россией. Дмовский писал:

> «Разрешение проблемы границы между Россией и Польшей, справедливое и в соответствии с интересами обоих народов, не может быть достигнуто ни при опоре на историческую традицию, которой придерживаются некоторые поляки, ни путем реализации хищнических претензий русских националистов. Значительная часть исто-

рической Польши должна остаться за границей польского государства, которая, однако, должна охватывать те территории, где западная (польская) цивилизация пустила глубокие корни, где численность польского населения довольно значительна, или где большинство жителей – католики. Ни одно другое государство было бы не в состоянии дать этим землям эффективного управления и обеспечить им развитие...» [3, с. 43]*.

Вторую концепцию предложил Юзеф Пилсудский. В отличие от Дмовского, для него главной целью являлось максимальное ослабление России, чтобы тем самым на будущее обезопасить Польшу от борьбы на два фронта: с Берлином и Москвой. Но при этом открытым оставался вопрос, каким способом Польша сможет объединить в рамках одного государства несколько наций и при этом не повторить судьбу бывшей метрополии. В то, что будущая федерация будет носить добровольный характер, верилось с трудом. К тому же никто в лагере федералистов не представлял, как ее реализовать на практике. Сам Ю. Пилсудский в интервью Станиславу Лауданскому 10 февраля 1924 года признался:

«Если вы думаете, что я знал, что следует предпринять, то вы глубоко ошибаетесь. Я тоже не знал, но был достаточно умным, чтобы это тщательно от всех скрывать. Я воздействовал на психику окружающих, внушая им убеждение, что поскольку я сохраняю молчание, значит, имею представление о том, что нужно делать дальше».

Роман Дмовский (1864–1939)

Вряд ли кто из польских политиков всерьез ожидал получить от западных держав согласие вернуть на карту Европы государство из прошлой эпохи. Тем не менее, в преддверии Парижской мирной конференции (1919 г.) было три возможных пути установить польскую восточную границу:

1) с помощью дипломатической интервенции стран Антанты;

2) через сотрудничество с немецкими оккупационными властями;

3) собственными военными силами.

Забегая вперед, нужно сказать, что все они оказались, в той или иной мере использованными, но в конечном итоге инициатива в решении «восточного вопроса» перешла полностью в руки польских военных. Приоритеты своей внутренней и внешней политики Ю. Пилсудский сформулировал одной фразой: «Когда я буду иметь армию, я буду иметь в своих руках все» [12, с. 21]. Позже он писал в книге «1920 год»:

«...Уже в 1918 году независимо ни от кого, для себя самого, я поставил перед собой целью войну с Советами...» [9, с. 26].

---

* Р. Дмовский (1864–1939) – один из создателей и лидер национально-демократической партии. Автор статьи «Мысли современного поляка» (1902 г.), ставшей ее идейной программой. Злейший враг беларуского народа. Утверждал, что земли Беларуси – это восточная часть Польши, и что всех беларусов необходимо ополячить и окатоличить. – *Прим. ред.*

В результате с конца 1918 года польско-советские отношения превратились в определяющий фактор восточноевропейской политики, а военное столкновение между обеими сторонами стало неизбежным. В таких обстоятельствах поиск союзников и партнеров по реализации своих планов стал принципиальным вопросом и для Пилсудского. Нельзя было добиться возвращения Польше роли восточноевропейской державы, способной на равных противостоять угрозе и с запада, и с востока, не имея при этом опоры среди населения Украины, Беларуси и Летувы, а как раз получить такую поддержку оказалось невероятно сложно. Мало было, чтобы Российская империя раскололась по «национальным швам». Теперь следовало найти рецепт, как собрать хотя бы часть этих осколков вместе и соединить их в достаточно прочном союзе, чтобы со временем Польше самой не пришлось латать эти же «швы».

Юзеф Пилсудский

Проблема осложнялась тем, что у народов бывшего ВКЛ не было ни одной партии, которая бы последовательно отстаивала ориентацию на Польшу. Скорее напротив, общими являлись полонофобские настроения национальных элит, являвшиеся, по сути, лишь отражением антипольских настроений, царивших среди крестьянских масс Украины, Беларуси и Летувы. Однако, учитывая общую слабость беларуского национального движения, в Бельведере /дворец в Варшаве, резиденция Пилсудского. – *Ред.*/ могли вполне обоснованно надеяться, что в той мозаике, которую Польше надо было сложить заново, Беларусь станет самым легким звеном. Как ни странно, поиск соответствующего партнера на беларуской стороне оказался неожиданно трудным.

Нельзя согласиться с тезисом польского историка Ю. Левандовского, будто в это время «за Польшу высказывались тем или иным образом все известные беларусы». Точно так же требует дополнения и тезис историка К. Гомулки о том, что «большинство беларуских политиков выступало против всяких политических союзов с Польшей» [5, с. 93].

В ноябре 1918 года был создан новый кабинет министров БНР во главе с Антоном Луцкевичем, которому предстояло наладить контакты с возрожденной Польшей. Первая, неудачная попытка привлечь беларускую сторону к идее федерации, была предпринята Польшей уже в январе 1919 года, когда в Гродно состоялась встреча премьер-министра БНР А. Луцкевича с комиссаром польского правительства в бывшей Гродненской губернии Станиславом Ивановским. При этом в качестве главного условия для ведения переговоров беларусы потребовали официального обращения польского правительства к правительству БНР, что de fakto означало бы признание независимости Беларуси со стороны Варшавы [21, с. 170, 180].

В результате С. Ивановский совершил сознательный подлог. Он инспирировал «открытое» письмо от имени несуществующей Беларуской краевой народной рады с просьбой о присоединении Беларуси к Польше. В качестве подстав-

ных фигур С. Ивановский использовал двух местных беларуских деятелей: недоучившегося студента Краковского университета, бывшего члена Минского беларуского народного представительства и Рады БНР Казимира Цвирку-Годыцкого и командира одной из рот беларуского полка полковника А. Янсона. Позже именно этот фальшивый документ дал возможность И. Падеревскому поставить под сомнение полномочия беларуской делегации, прибывшей на Парижскую мирную конференцию. А один из лидеров эндеков Стефан Грабский на заседании польского Сейма 3 апреля 1919 года заявил, будто бы беларусы прислали петицию с 70 тысячами подписей от имени почти 400 тысяч человек с просьбой о присоединении к Польше [7, с. 159].

Весной 1919 года Польша начала на беларуских землях прямую военную экспансию, тем самым превратив беларусов в заложников своей «политики свершившегося факта». Накануне Виленской операции перед Пилсудским остро встала необходимость выработать практический план воплощения федералистской идеи в конкретные государственные формы. Поэтому 8 февраля он как Начальник государства издал декрет, по которому с момента начала военных операций на землях Летувы и Беларуси устанавливается польское военное управление, а сами они переходят в ведение Генерального комиссариата восточных земель, созданного при штабе Литовско-беларуского фронта. Несколько позже было также создано Гражданское управление восточных земель.

«Обращение к жителям бывшего Великого княжества Литовского» (22 апреля 1919 г.)

22 апреля 1919 года Пилсудский издал «Обращение к жителям бывшего Великого княжества Литовского». В нем глава польского государства свел задачи, стоявшие перед Генеральным комиссариатом и Гражданским управлением, к трем основным:

1) предоставить возможность населению высказаться о своих нуждах и дальнейшей судьбе края через представителей, избранных на основе равного, тайного, всеобщего и прямого голосования;

2) оказать необходимую помощь в обеспечении продовольствием, следить за сохранением мира и порядка, поддержать производительный труд;

3) окружить опекой всех, независимо от национальности и религиозного вероисповедания.

По сути, виленское обращение констатировало провал практической реализации федералистской концепции. Если первоначально Гражданское управление планировалось как орган временной гражданской администрации при поль-

ской армии, подлежащий постепенной замене местным административным аппаратом, то в новой ситуации Пилсудский попытался трансформировать его в самостоятельную политическую единицу. Вдобавок, появление «Обращения» обострило внутриполитическую борьбу вокруг проблемы территорий бывшего ВКЛ в самой Польше.

Тем временем одну из главных ролей в польско-беларуских отношениях стал играть Павел Алексюк, до этого возглавлявший беларуские организации на Гродненщине. Уже в конце апреля в Варшаву отправилась делегация Гродненской беларуской центральной рады, а 10 мая переговоры продолжились в Вильне [17].

Павел Алексюк
(1892 — после 1928)

Одновременно с целью добиться от Польши фактического признания независимости Беларуси в начале мая 1919 года в Варшаву прибыл вице-премьер БНР Аркадий Смолич, который цель визита описал кратко: «Вырвать, что удастся». Он даже представил проект соглашения от имени правительства БНР, по которому Польша должна была признать правительство БНР, а взамен беларусы обещали действовать под контролем поляков [1, с. 162]. Примерно тогда же в Варшаве организовались Беларуский национальный комитет и Польско-беларуское товарищество, которые должны были способствовать взаимному сближению обеих сторон [15, с. 248].

Между тем большинство беларуских деятелей продолжало рассматривать любую попытку сотрудничества с Польшей как предательство национальных интересов. Наиболее ярко это проявилось во время беларуского съезда Виленщины и Гродненщины 9–10 июня 1919 года. От него польская сторона надеялась получить, наконец, долгожданные слова поддержки своей восточной политики, но в результате съезд «с треском провалился». Под давлением беларуских эсеров, занимавших неприкрытую антипольскую позицию, собравшиеся подтвердили свою приверженность идее независимости беларуского государства, отвергнув всякую возможность федерации с Польшей. Правда, это не помешало представителям созданной на съезде Центральной Рады Виленщины и Гродненщины всего через неделю встретиться с Пилсудским в Варшаве, но и на этот раз разговор не пошел дальше общих деклараций о взаимном сотрудничестве [23, с. 105–106].

И все же Варшава не отказалась от неформальных контактов непосредственно с представителями БНР. Была даже предпринята попытка создания собственного марионеточного беларуского правительства во главе с Романом Скирмунтом. Наконец, в июле 1919 года в Париже прошла неофициальная встреча А. Луцкевича с польским премьер-министром И. Падеревским, на которой был выработан очередной проект соглашения о союзе Польши и БНР [16, с. 459–460].

В конце августа 1919 года польская армия вступила в Минск, что вновь подняло вопрос о признании независимости БНР. Но вместо этого польская сторона ограничилась контактами на разном уровне с представителями местных

беларуских организаций, в первую очередь с Временным беларуским национальным комитетом [22]. Более того, когда А. Луцкевич в начале сентября прибыл в Варшаву, рассчитывая на конкретные договоренности, он не застал здесь польского премьер-министра, который за день до этого выехал обратно в Париж, а вице-министр П. Скшинский от переговоров на тему федерации уклонился [16, с. 459].

Правда, вскоре А. Луцкевича принял сам Ю. Пилсудский, но о парижских договоренностях речь уже не шла. Беларуский премьер по-прежнему настаивал на признании независимости БНР в качестве основного условия для дальнейших переговоров [16, с. 448].

Аркадий Смолич (1891–1938)

К концу 1919 года Пилсудский был окончательно готов представить свой план решения «беларуского вопроса». На состоявшейся 20 ноября 1919 года новой встрече с А. Луцкевичем он заявил, что согласен искать компромисс с беларуской стороной и предложил, чтобы декрет о выборах в представительный орган земель бывшего ВКЛ базировался на решениях Всебеларуского съезда и Рады БНР. Но сами выборы, по его мнению, следовало провести только после окончательного поражения Белой армии А.И. Деникина от Красной армии и достижения соглашений Польши с Украиной и Летувой.

Вместо передачи беларусам полномочий местной администрации Пилсудский настаивал на более активном их участии в органах временного польского управления и сотрудничестве не только с польскими социалистами, но и с «Товариществом стражи крэсовой» и «краёвцами», чтобы найти решение земельного вопроса, приемлемое для крупных землевладельцев [16, с. 507–509]. Тогда же впервые прозвучала формула «беларуского Пьемонта», которая буквально означала отказ от политически нереальных требований независимости БНР в обмен на автономию беларуских земель в составе польского государства [13, с. 648].

21 ноября 1919 года, то есть на следующий день после беседы с беларуским премьер-министром, Пилсудский писал в своем письме Генеральному комиссару Восточных земель Ежи Осмоловскому, что посоветовал беларусам отказаться от стремлений к независимости и ограничиться культурной автономией [6, с. 6].

Еще два года назад, в конце 1917 года, требование автономии Беларуси в составе Российской республики составляло программу-максимум беларуского национального движения. Теперь же подобное предложение из уст главы польского государства большинство беларуских политиков воспринимало как посягательство на независимость! В результате к концу года резко обострились отношения между политическими группировками внутри беларуского движения. Беларуские деятели, и так немногочисленные, разделились на полонофилов и противников любого сотрудничества с Польшей.

13 декабря 1919 года произошел раскол Рады БНР, фактически спровоцированный польской политикой, и был создан пропольский центр в лице так называемой Наивысшей Рады*. На короткое время это привело к активизации части пропольски настроенных беларуских политиков, ожидавших взамен за отказ от прежних требований реальных уступок со стороны Варшавы. Уже 30 декабря председатель Варшавского Беларуского национального комитета Л. Дубейковский обратился к Е. Осмоловскому с меморандумом, в котором требовал удовлетворить культурные и общественные потребности беларусов, для чего предлагал создать согласительный комитет из представителей обеих сторон. Однако Генеральный комиссар отверг это предложение.

3 января 1920 года в Варшаве прошла очередная встреча А. Луцкевича и Ю. Пилсудского. Пилсудский вновь говорил о плебисците, но на этот раз на всей территории Беларуси. По его мнению, для окончательного решения беларуского вопроса оставалось около года. За это время беларусы должны были провести большую работу в культурно-просветительском направлении и пропаганде, в чем польские власти готовы им помочь. Однако Пилсудский отложил встречу с делегацией Наивысшей рады, туманно заявив, что возможно в ближайшем будущем он будет готов предпринять более решительные шаги для решения беларуского вопроса.

Вацлав Ивановский
(худ. С. Герус)

Буквально на следующий день, 4 января 1920 года, вернулся с советской территории Вацлав Ивановский, наравне с А. Луцкевичем и В. Ластовским считавшийся одним из патриархов беларуского национального движения**. Это совершенно изменило ситуацию. Появился человек, которому не только доверяла польская сторона, но и который обладал авторитетом среди значительной части самих беларусов. Он сразу же встал во главе Наивысшей Рады и всего полонофильского крыла. С этого момента П. Алексюк как главный полонофил отошел в тень, а возглавляемая им Беларуская Войсковая Комиссия уступила место Наивысшей Раде.

Одновременно с политической сцены, как фигура слишком самостоятельная, был устранен Антон Луцкевич: 12 января он обратился в МИД Польши с нотой, в которой сообщал о новом составе Рады и правительства БНР, однако через несколько дней нота была возвращена без ответа, так как формально принятие

* Антипольская фракция (50 чел.) образовала Народную раду БНР во главе с Петром Кречевским (федералист) и кабинет министров с премьером Вацлавом Ластовским (эсер). А полонофилы (37 чел.) создали Наивысшую раду БНР во главе с Иваном Середой (бывший федералист) и свое правительство с премьером А. Луцкевичем (социал-демократ). – *Прим. ред.*

** В. Ивановский (1880–1943) – один из создателей БСГ. В 1918 был министром просвещения в правительстве БНР. В декабре 1918 остался в Минске, надеясь создать коалиционное правительство БССР. В мае 1919 был арестован советскими властями и интернирован в Смоленске. После освобождения работал в Минске в органах наркомата просвещения Лит.-Бел. ССР. – *Прим. ред.*

ее означало бы признание Польшей БНР. С начала февраля 1920 года А. Луцкевич по сути оказался интернированным в Польше, в связи с чем ему пришлось уйти в отставку с поста премьера БНР [16, с. 596, 652–653].

Ежи Осмоловский, польский генеральный комиссар Восточных земель (на возвышении)

Во время визита Пилсудского в Вильню в феврале 1920 года глава польского государства имел продолжительную беседу с Ивановским, и тогда же появился проект создания Генерального комиссариата по беларуским вопросам. Вскоре после визита, в конце февраля, в Минск прибыл политический посланник Пилсудского Матей Глогер, который встретился с представителями беларуского движения: Кузьмой Терещенко, Симоном Рак-Михайловским, Язепом Лёсиком и Вацлавом Ивановским. После возвращения Глогер представил Пилсудскому рапорт о результатах поездки [14, с. 27, 31–33].

Своеобразным результатом наметившегося сближения стало подписанное 24 марта беларуско-польское соглашение. Представители Наивысшей Рады получили ряд гарантий в области национально-культурного развития, а взамен беларуская сторона поддержала требование Польши к России отказаться от посягательств на земли, лежащие западнее границы 1772 года. Эти переговоры фактически положили начало созданию беларуской культурной автономии, и уже 22 апреля премьер-министр Польши Л. Скульский выступил с речью на заседании Комиссии по иностранным делам в Сейме, призвав предоставить беларусам самоуправление [16, с. 742].

Позицию Польши в «беларуском вопросе» ясно выразил Эдвард Войнилович, который на заседании Беларуско-польского товарищества в Варшаве в середине мая 1920 года заявил:

> «Так как Беларусь для возвращения своего суверенитета не дала ни одного гроша, ни одного солдата, абсурдно ожидать, что это вместо нее сделает Польша... Поэтому следует сразу отказаться от независимого существования, стремиться к союзу с Польшей на основе широкой автономии, которую в зависимости от условий существования можно будет сужать или расширять – в зависимости от обстоятельств. Лучше сразу передать решение судьбы Беларуси правительству Польши, чтобы тем самым избежать превращения в разменную монету на польско-русских переговорах» [15, с. 279].

* * *

Почти угасшую федералистскую идею на короткое время реанимировали события польско-советской войны лета – осени 1920 года, когда стратегические изменения на фронте и давление со стороны западных держав заставили Пил-

судского и его окружение вернуться к планам создания беларуского государства. «Большая или маленькая, но ваша родина будет!», – заявил граф М. Замойский в ответ на обращение министра иностранных дел БНР Евгена Ладнова от 3 августа 1920 года к польскому послу во Франции с предложением об установлении дипломатических отношений. В августе 1920 года Л. Василевский на встрече с К. Терещенко и В. Ластовским в Риге высказался за то, чтобы форсировать вопрос о предоставлении независимости Беларуси [16, с. 851, 855].

Учитывая непопулярность как среди беларусов, так и внутри самой Польши политически изжившего себя Гражданского управления Восточных земель, вместо него было организовано Управление прифронтовых и этапных территорий. Косвенно за сменой вывески скрывалось стремление Пилсудского вновь, как и полтора года назад, получить отсрочку для принятия окончательного решения о политическом статусе оккупированных областей. 1 сентября 1920 года В. Ивановский и Б. Тарашкевич были на приеме у Пилсудского, где шла речь о создании польско-беларуского коалиционного правительства [16, с. 872, 950]. Одновременно Беларуский политический комитет П. Алексюка и В. Адамовича-старшего достиг договоренности с Комитетом обороны крэсов по вопросу широкой автономии Беларуси в составе Польши.

27 сентября 1920 года представитель правительства БНР Янка Черепук обратился к заместителю председателя польской делегации на мирных переговорах с РСФСР Леону Василевскому с предложением начать беларуско-польские правительственные переговоры. В результате 2 октября в Риге состоялась первая неофициальная встреча беларуской и польской делегаций.

Леон Витан-Дубейковский (1869–1940)

Но политические противники Пилсудского предпочли в сложившейся ситуации ускорить заключение польско-советского прелиминарного мирного соглашения и тем самым предрешить вопрос об инкорпорации беларуских областей, после чего беларуско-польские переговоры были прерваны. А уже 11 ноября беларуский премьер-министр Вацлав Ластовский в Ковно подписал соглашение с правительством Летувы о совместной борьбе против Польши.

Операция генерала Л. Желиговского по захвату Вильни и Виленского края, а также провозглашение генералом С. Булак-Балаховичем 12 ноября 1920 года в Мозыре независимости Беларуси были только попыткой Пилсудского авантюристическими методами осуществить федералистскую концепцию весны 1919 г. [16, с. 881, 899–907; 18].

Янка Черепук (1896–1957)

Польская оккупация явилась поворотным моментом в беларуско-польских отношениях. Именно эти два года, начиная с обращения Пилсудского в апреле 1919 года до подписания в Риге весной 1921 года мирного договора, завершили собой целую эпоху, окончательно перечеркнув идею возрождения федеративного государства, которое заняло бы место бывшей Речи Посполитой на политической карте Восточной Европы.

Источники

1. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. T. II: 1919–1921. Wrocław etc., 1974.
2. Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawę. Wojskowe Biuro Historyczne 400, 3194. Relacja Stanisława Iwanowskiego z jego udziału w pracach Samoobrony w Lidze i Grodnie oraz z działalności w Komisariacie Rządu w Grodnie.
3. Chojnowski A. Zasady białoruskiej polityki Piłsudczykyw. // Połska – polacy – mniejszosci narodowe. Polska mysl polityczna XIX i XX wieku. Ossolinieum, 1992. Tom VIII, s. 269–278.
4. Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy 1918–1919. Warszawa, 1969.
5. Gomułka K. Ignacy Paderewski wobec kwestii białoruskiej w okresie Konferencji Wersalskiej. // Studia i skice z Dziejyw Najnowszych. Warszawa, 1987.
6. Gomułka K. Rozmowy polsko-białoruskie (marzec 1920 r.) // Dzieje najnowsze. 1988. Rocznik XX.
7. Karpus. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920. Toruń, 1999.
8. Lewandoski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI.1918–IV.1920). Warszawa, 1962.
9. Lukomski G., Polak B. W obronie Wilna, Grodna i Mińska 1918–1920. Koszalin – Warszawa, 1994.
10. Miełeśka I. Budawa nie dzierzaunaha zyćcia. // Homan. 3.IV.1918. № 28.
11. Nowak A. Polska i trzy Rosje: studium polityki wschodniej Jyzefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Krakyw, 2001.
12. Okulewicz P. Koncepcja «międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Jyzefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. Poznań, 2001.
13. Pacuk J. Polityka panstwa polskiego wobec ludności białoruskiej w latach 1919–1926. / Praca doktorska/. Uniwersitet Warszawski, WNPiD 20.1980.
14. Srebrakowski A. Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja. Wrocław, 1995.
15. Woyniłłowicz E. Wspomnienia 1847–1928. Wilno, 1931.
16. Архівы Беларускай народнай рэспублікі. Кніга 1, том 1. Вільня – Нью-Ёрк – Менск – Прага, 1998.
17. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Фонд 3. Оп. 1. Д. 152. Л. 18–18 об.
18. Грыцкевіч А. Заканчэнне савецка-польскай вайны у другой палове 1920 г. і постаць Булак-Балаховіча. Ш. Беларусь у савецка-польскай вайне // «Спадчына», 1995, № 5, с. 90–115.
19. Кароткі нарыс беларускага пытаньня // «Arche», 2007,№ 11.
20. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху: Выбраныя творы. Мінск, 2003.
21. Луцкевіч А. Дзённік. // «Полымя», 1991, № 5.
22. НАРБ в Минске. Фонд 368, д. 1а, л. 3–15, 23.
23. Аўтабіяграфія Браніслава Адамавіча Тарашкевіча // «Спадчына», 1996, № 4.

ОТНОШЕНИЕ БЕЛАРУСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ К РИЖСКОМУ МИРУ (1921–1929 гг.)

Ольга Зубко

Подписание Рижского мирного договора в марте 1921 года явилось рубежным событием в истории беларуского национального движения. С этого момента борьба за пересмотр его положений стала одним из основных направлений деятельности беларуской политической эмиграции.

Беларуская политическая элита, ядро которой составляли социалисты различных «оттенков», на момент подписания Рижского мирного договора сумела не только разъединиться, но и воссоединиться вновь. Так, 13 декабря 1919 года сторонники Беларуской партии социалистов-революционеров и Беларуской партии социалистов-федералистов выразили недоверие А. Луцкевичу, главе правительства БНР. Последний и его соратники покинули заседание Рады и создали Верховную (Найвышэйшую) раду БНР, председателем которой был избран И. Середа. А их политические оппоненты создали Народную раду БНР во главе с П. Кречевским и новое правительство во главе с В. Ластовским.

Но в 1921 году в Каунасе (Ковно) члены Верховной рады БНР признали верховенство Народной рады БНР и таким образом присоединились к борьбе за независимость и неделимость Отчизны. Работа обеих Рад была хорошо налажена в Латвии, Летуве и Чехословакии, куда выехало значительное число беларусов.

Антон Луцкевич (1884–1942). Фото 1939 г.

1921 год

Отношение беларуской политической эмиграции к Рижскому мирному договору с самого начала было крайне негативным. Еще 25 марта 1921 года в обращении «Усяму культурнаму свету» эмиграция подчеркнула, что «мир, разрывающий на части живой организм, никогда не будет признан беларуским народом, что народ Беларуси будет бороться до конца за свою независимость и территориальное единство» [1, л. 43].

Из сборника «Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами». Брест, 2011, с. 268–273.

В июле того же 1921 года Исаак Лурье – представитель БНР в 1920–1922 гг. в странах Балтии (Дании, Летуве и Латвии), шеф Беларуского пресс-бюро, – в интервью литовским журналистам отметил:

«...События последних лет – мировая война, революция, смена оккупационных властей, польский террор и, наконец, раздел Белоруссии по Рижскому мирному договору – все это способствовало укреплению в белорусском населении сознания, что вне независимости Белоруссии нет спасения от польского гнета, от помещичьего произвола в Западной Белоруссии и от экономического хаоса в Восточной Белоруссии, занятой большевиками... Рижский мир, в основу которого лег раздел Белоруссии, уже дает трещины. Польша и Россия все еще находятся в крайне враждебных и натянутых отношениях, и последняя нота Чичерина ясно показывает, что на растерзании Белоруссии Польша и Россия не смогли построить прочного мира... Вопрос Белоруссии не есть вопрос одного белорусского народа. Это проблема всех народов Восточной Европы...» [2, л. 130].

В конце сентября 1921 года Беларуская Рада в Праге организовала Первую Всебеларускую конференцию, на которой присутствовали 37 делегатов от беларуских партий, организационных структур БНР, беларуских национальных организаций из Западной Беларуси, Германии, Латвии, Летувы, Польши, Чехословакии. Конференция приняла несколько резолюций: о государственном строительстве Беларуси, о ее экономическом положении, о Слуцком вооруженном выступлении, о деятельности групп С. Булак-Балаховича и Б. Савинкова, по виленскому вопросу и против еврейских погромов, о культурно-образовательной секции и секции помощи беженцам и голодающим.

В ходе работы Первой Всебеларуской конференции была также принята резолюция о Рижском мирном договоре. Делегаты конференции обратили особое внимание на то, что Беларусь должна существовать как независимое государство «трудового беларуского крестьянства, рабочих и трудовой интеллигенции в этнографических границах» [3, л. 9].

Иван Красковский (1880–1955)

О том, что представительство БНР мобилизовалось и с удвоенной энергией продолжило на международной арене борьбу за независимость Беларуси свидетельствует и письмо посла БНР в Украине в 1918–1919 гг. Александра Цвикевича, датированное ноябрем 1921 года, к главе Украинской дипломатической миссии на Кавказе в 1918–1920-х гг., известному украинско-беларускому деятелю Ивану Красковскому:

«Бэрлін – 21.11.1921 г.
Паважны Іван Ігнатавіч!

Тая прапазіцыя, якую Вам рабілі у Вільні (калі добра зразумеў Вашу адкрытку), – ідзе ад нас. Цяперашні міністр па беларускім справам у Літве п. Семашко нікольки ня здольны для гэтай працы чалавек, але проста шкадлівы. Тармозіць усе добрае, што толькі мы пачынаем ці думаем пачынаць. У той час, калі працы на Літве беларускай – шмат і працаваць

можна. Былі-б толька адпаведныя людзі і ахвота. Вось таму і прапануецца Вам гэтая служба.

Страшэнна шкода, калі Вы ня можаце як найхутчэй кінуць Вену і ехаць у Коўна для заняцьця гэтай пасады. Самі знаеце – які сённяка час: што дзень, то рожные навінкі. Калі мы прапусьцім цяперашнюю магчымасць паставіць Вас на гэтае месца, дык за заўтрашні дзень ні[чч]а паруччыца ня можна.

Адкажьце мне – як доўга прыдзецца Вам ліквідаваць старые справы? Ці ня можаце Вы адразу выехаць у Коўну для перагавораў з літоўскім урадам?

Я стала жыву у Бэрліне. Мой адрэс, па якому прашу пісаць:

Berlin, Ioachim Fridrichstrasse, 6

Сённяка – выязджаю на нараду у Коўну. Пасля звароту маю надзею мець ад Вас той чы іншы адказ.

Не думайце доўга – хутчэй пасьпявайце нам на дапамогу. Цісну Вашу руку.

З пашанай А. Цьвікевіч» [4, л. 82].

1922 год

В начале 1922 года руководство БНР попыталось заинтересовать беларуской тематикой участников Вашингтонской конференции, направив меморандум с просьбой о признании правительства БНР в эмиграции*.

А в апреле В. Ластовский и А. Цвикевич попытались добиться рассмотрения вопроса о Беларуси на Генуэзской конференции**. Однако делегация БНР смогла лишь передать руководителю конференции, премьер-министру Италии Л. Факто меморандум, отражавший проблемы беларуского национального движения, но добиться признания независимости и пересмотра Рижского мирного договора ей не удалось.

Александр Цвикевич
(1883–1937)

1923 год

В 1923 году органы БНР оказались в состоянии кризиса, вызванного международным признанием в марте 1923 года территориального раздела Беларуси и провалом попыток организации вооруженного сопротивления на территориях, которые в 1921 году вошли в состав Польши.

Обострились разногласия между деятелями БНР и летувисами, претендовавшими на включение Вильни в состав Летувы без учета позиций беларусов. Позиция значительной части деятелей БНР относительно беларуских территорий была такова: последние должны находиться в составе Летувы лишь временно, до момента их освобождения от «русских» и «польских» «оккупантов», после

* Международная конференция в столице США Вашингтоне заседала с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 года. Считается, что она «зафиксировала новое соотношение между силами империалистических государств, сложившееся после Первой мировой войны». – *Прим. ред.*

** Международная конференция в Генуе заседала с 10 апреля по 19 мая 1922 г. В ней участвовали представители 34 государств. В основном обсуждался вопрос о долгах России странам Европы по займам и компенсации за национализированную большевиками иностранную собственность. – *Прим. ред.*

чего на спорных территориях следует провести под контролем Лиги Наций плебисцит относительно их принадлежности. В такой ситуации В. Ластовский – сторонник сохранения союза БНР с Летувой, подал в отставку.

Новый глава правительства БНР А. Цвикевич выступил против безоговорочной ориентации на Летуву и отказался поддерживать притязания летувисов на Вильню. Поэтому в ноябре 1923 года органы БНР были вынуждены переехать из Ковно в Прагу.

1924 год

В 1924 году на базе Украинского педагогического института имени М. Драгоманова (УПИ) в Праге была создана первая за рубежом кафедра беларусоведения. Глава пражского Украинского общественного комитета (основателя УПИ), лидер украинских социалистов-революционеров Никита Шаповал, поддерживая контакты с идеологом беларуских эсеров В. Ластовским, по просьбе последнего рекомендовал руководству вуза «укрепить кафедру» Т. Грибом и Я. Станкевичем. Янка Станкевич к преподаванию так и не приступил, зато Томаш Гриб проработал на кафедре все десять лет существования УПИ. Тему Рижского мирного договора Т. Гриб затронул в 1925 году в «Тэзісах аб культурна-нацыянальным аб'яднаньні беларускага студэнцтва ў Празе»:

Томаш Гриб (1895–1938)

> «...Беларуская вызвольная рэвалюцыя 1917–1922 г., выставіўшая покліч дзяржаўнай незалежнасьці Беларусі, узброенай сілай чужынцаў была жорстка задушана. Урады велікадзяржаўнай – імпэрыялістычнай Масквы і Варшавы, Рыскай дамовай разарваўшы Беларусь на часьці, зьнявечылі права беларускага народу на вольнае самаазначэньне, разьбілі еднасьць і суцэльнасьць беларускага народу, зьніштожылі беларускія вызвольныя, культурныя, сацыяльна-эканамічныя ды палітычныя цэнтры у краі. Забраны край стогне ў капцюрах чужацкай няволі...» [5, л. 142].

В 1924 году А. Цвикевич посчитал возможным опереться в борьбе за объединение Беларуси на поддержку СССР, возлагая при этом большие надежды на перерождение диктатуры пролетариата в БССР в ходе проведения политики НЭПа и беларусизации. Представители БССР и СССР охотно пошли на контакт со своей стороны, поставив ему единственное условие: прекращение деятельности органов БНР. Напротив, В. Ластовский, который оставался противником ориентации на Советский Союз, выступая в сентябре 1924 года на V Ассамблее Лиги Наций в Женеве заявил, что Беларусь не будет по-настоящему независимой ни в союзе с Польшей, ни в союзе с Россией (СССР). Реализовать свою государственную независимость она сможет только в союзе с демократическими крестьянскими народами Летувы и Украины.

1925 год

Тема Рижского мирного договора была поднята 27 января 1925 года в работе Международной социалистической конференции в Париже. Украинская делегация во главе с Н. Шаповалом, получившая на руки меморандум Заграничной группы Беларуской партии эсеров от Томаша Гриба, Николая Чарнецкого и Сергея Бусла, ознакомила с ним мировую общественность. Меморандум был написан на французском языке. 11-й его раздел так и назывался: «Рижский мир и раздел Беларуси на части».

Весной того же года в Украинском доме – клубе «адпачынку і ідэйнага гуртаваньня», созданном Украинским общественным комитетом в Праге в 1923 году, Цвикевич прочитал лекцию «Беларуское национальное движение». В частности, лектор отметил:

> «...Бальшавіцкі бізун і польская шляхецкая нагайка нагадалі, што толькі незалежнасьць дасьць мажлівасьць вольна жыць і развіваць сваю культуру. Тая незалежнасьць прынесе вызваленьне беларускаму народу...» [6, с. 1–4].

Но уже 14 августа 1925 года ЦК КП(б)Б признал целесообразным проведение группой во главе с А. Цвикевичем Второй Всебеларуской конференции – при выполнении ряда условий. Главным среди них были предварительная, еще до конференции, передача полномочий БНР правительству БССР в форме декларации, признание Минска единственным культурным и политическим центром Беларуси, отказ от ориентации на Лигу Наций. 10 сентября президиум ЦИК БССР решил оказать содействие проведению Второй Всебеларуской конференции.

А пока суть да дело, 2 сентября А. Цвикевич потребовал от председателя Рады БНР П. Кречевского созвать конференцию для обсуждения проблем взаимоотношений с Летувой. Его предложение поддержали беларусы Вильни. Таким образом, почва для проведения Второй Всебеларуской конференции была полностью подготовлена.

Конференция состоялась в октябре того же года в Берлине. На ней были представлены беларуские организации из Латвии, Летувы и Чехословакии, присутствовали член ЦИК БССР Д. Жилунович и заместитель полномочного представителя СССР в Польше А. Ульянов, которые должны были принять мандаты БНР.

Берлинская конференция констатировала: Рижский мир, разделивший Беларусь на части, является несправедливым. Участники конференции призвали все сознательные беларуские силы продолжить борьбу за объединение Беларуси. Они подчеркнули, что вопрос о принадлежности Вильни должен решаться путем организации плебисцита на спорной территории.

Основным вопросом конференции стало обсуждение доклада политической секции «Об

Петр Кречевский (1879–1928), председатель Рады БНР в 1919–1928 гг.

общем политическом положении Беларуси». В принятом постановлении отмечалось, что БССР является единственной реальной силой, способной освободить Западную Беларусь из-под польского ига. Исходя из этого, участники конференции считают необходимым признать Минск единственным центром беларуского возрождения, а любые попытки борьбы против него «предательством дела освободительного беларуского движения».

15 октября члены правительства БНР приняли два постановления: о признании Минска центром национально-государственного возрождения и о прекращении деятельности правительства БНР во главе с А. Цвикевичем. 25 ноября постановления Второй Всебеларуской конференции поддержал ЦИК БССР, который выразил готовность использовать все средства для поддержки и усиления борьбы за воссоединение Западной Беларуси с БССР.

1926–1929 годы

Решение о прекращении деятельности правительства Цвикевича не привело к полному прекращению деятельности органов ВНР в эмиграции. Руководство БНР (П. Кречевский, В. Захарко) и часть членов Рады (Т. Гриб, П. Бодунова, Н. Вершинин) отказались признать законность принятых решений и вернуться в БССР.

В 1926–1929 гг. они пополнили членство созданной в Праге Социалистической Лиги Нового Востока – организации, альтернативной Лиге Наций и призванной «создать такую морально-политическую атмосферу, которая необходима для решения мирным путем национального вопроса на Востоке Европы» [7, с. 433–434]. Участники Лиги признавали принцип равноправия всех без исключения наций, их право на самоопределение, право на полную политическую независимость. Но вместе с тем они же отмечали и то, что четкого отношения к Рижскому мирному договору среди коллег по Лиге, за исключением украинцев, так и не было выработано.

В 1927 году в БССР вернулся В. Ластовский, который изначально не участвовал в работе Берлинской конференции и поначалу даже не признал ее решения. Возвращение Ластовского, а также Берлинская конференция нанесли существенный удар по престижу БНР, усилив кризисные явления среди беларуской политической эмиграции. Хотя до конца 1920-х гг. в Праге оставалась государственная печать и архив БНР, работа дипломатических органов БНР за рубежом практически сворачивалась.

В 1929 году работа Социалистической Лиги Нового Востока была признана не только неэффективной, но и бесперспективной. Виной тому было не только дальнейшее игнорирование национального вопроса европейским сообществом, но и надвигающийся на Европу экономический кризис 1929–1933 гг.

* * *

До 1919 года в беларуской эмиграционной среде в целом бытовало четкое убеждение о кратковременности «своего» пребывания в изгнании, чему способствовали в первую очередь новая экономическая политика в СССР и процесс беларусизации в БССР. Когда же в Советском Союзе ликвидировали НЭП и свернули процесс беларусизации в БССР, прибегнув при этом к репрессиям про-

тив «возвращенцев» (Ластовского, Цвикевича и др.), то эмиграция, отбросив «концепцию быстрого возвращения», перестроила тактику со стратегией. Было признано, что «эмиграция» – явление продолжительное, требующее рассчитать дальнейшую работу «на годы».

Таким образом, анализ Рижского мирного договора беларуской политической эмиграцией в 1920-е годы был осуществлен в контексте ее главной задачи – помощи в национальном возрождении своего народа и защиты подлинных народных нужд и прав перед лицом мировой общественности.

Источники

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 325. Оп. 1. Д. 115.
2. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 175.
3. Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства. Фонд 3. Оп. 1. Д. 169.
4. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в Киеве. Фонд 3696. Оп. 3. Д. 48.
5. НАРБ. Фонд 459. Оп. 1. Д. 3.
6. Лекцыя Аляксандра Цьвікевича «Беларускі нацыянальны рух» і дыскусія пасьля яе, што адбыліся ва «Українскай хаце у Празе» вясной 1925 г. / «Спадчына», 2002, № 5.
7. Зубко В. Сацыялістычная Ліга Новага Усходу // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 6., кн. 2. Мінск, 2003.

БЕЛАРУСКИЕ ПАРТИЗАНЫ НА «КРЭСАХ ВСХОДНИХ»

Войцех Слешинский

Пробуждение национального сознания народов, населяющих Средне-Восточную Европу, в XX веке значительно ускорилось в результате Первой мировой войны и двух российских революций. Этот процесс происходил и в беларуском обществе, хотя в значительно меньшей степени, чем у других народов Восточной Европы. Идея создания независимого беларуского государства противоречила интересам как российского, так и польского государства. В случае польско-беларуского конфликта, помимо национальных мотивов столь же важными (а в определенных условиях и более важными) являлись противоречия социально-классового характера, так как на землях «крэсов» привилегированная прослойка общества однозначно отождествляла себя с поляками*.

Политическая ситуация, складывавшаяся с конца 1918 года, все более ясно показывала, что на территории бывших западных губерний Российской империи главными политическими силами станут новое польское государство и та государственная структура, которую постепенно создавали большевики после падения царского режима. Как польская сторона, так и российские большевики хотели заполучить беларусов для проведения в жизнь собственных идей. Польская Республика предлагала активистам беларуского движения расплывчатую идею конфедерации, тогда как большевики обещали провести радикальные социальные реформы. Обе эти концепции противоречили интересам созданного 25 марта 1918 года правительства Беларуской Народной Республики, стремившегося к созданию собственного независимого государства.

В 1919 году была учреждена /в связи с польской оккупацией территории Беларуси. – *Ред.*/ временная польская административная структура – Гражданское управление восточных земель (Zarz d Cywilny Ziem Wschodnich). По идее, она должна была заняться реализацией плана Юзефа Пилсудского по федеративному устройству новой Речи Посполитой. Однако повседневная практика деятельности этой новой администрации заставила пересмотреть исходный план. Гражданское управление восточных земель (ZCZW), созданное как инструмент осуществления федералистских концепций Пилсудского и его сторонников, в действительности оказалось абсолютно неготовым исполнять эту роль.

Автор – польский историк из Белостока. Статья опубликована в журнале «Arche» под названием «Барацьба дзяржаўных органаў міжваеннай Польшчы зь беларускай дывэрсійнай дзейнасьцю на паўночна-ўсходніх землях (1920–1925 гг.). Перевод и редакция А.Е. Тараса. Список источников снят. Те, кому они нужны, могут обратиться к публикации в «Arche». Авторский текст при редактировании был сокращен.

* «Крэсы», «крэсы всходни» (окраины, восточные окраины) – так поляки называют земли бывшего Великого Княжества Литовского, составлявшие восточную часть конфедеративного государства Речь Посполитая. – *Ред.*

Польское сообщество на «крэсах» не считало нужным делиться приобретенными позициями ни с какими другими национальностями. Создание польско-литовско-беларуской федерации оно воспринимало как бессмысленное ослабление польского элемента в этой части Польской республики. Структуры Гражданского управления, которое, по замыслу Начальника государства (т.е. Пилсудского), должно было стать мостиком к соглашению между разными народами, населявшими Северо-Восточные земли, почти полностью заняли чиновники польской национальности.

Да и сама федералистская концепция тоже преследовала интересы польского государства, что не совпадало с надеждами политической элиты Беларуси и Летувы. Польская политика в 1919-м и в первой половине 1920 года в отношении беларуского населения была в значительной степени отражением внутрипольских политических споров (столкновения федералистской концепции с инкорпоративной). Поэтому в практических мероприятиях недоставало последовательности. С одной стороны, подавлялись проявления беларуского национального сознания, а с другой – разрешалась деятельность Беларуской войсковой комиссии, «целью которой являлось создание для борьбы с большевиками беларуской национальной армии, подчиненной польскому командованию»*.

Структуры Гражданского управления – вопреки названию – местное население воспринимало как учреждение оккупационного характера, и это подтверждало поведение части чиновников и прежде всего действия польской армии. В рапорте, подготовленном 2-м отделом Генерального штаба, сказано:

> «Поляки часто злоупотребляли своей властью, используя ее для расправы с крестьянами за уничтожение своих владений во время большевистской оккупации. Тем самым они дискредитировали своим поведением польскую администрацию».

Надежду на принятие новой власти широкими массами общества перечеркивало и то, как обращались с ними польские силы правопорядка. Вместо того, чтобы защищать население от злоупотреблений, жандармерия и полиция сами участвовали в них. Реквизиции, которые самовольно делали местные командиры, вместе с отсутствием учреждений, способных сдержать нарастание грабительского промысла, способствовали только пробуждению ностальгии по «добрым царским временам» и невольно способствовали пролитовской пропаганде, а особенно – пробольшевистской**.

К концу 1919 и в начале 1920 года стало зарождаться беларуское партизанское движение левого толка, основанное на соглашении между Беларуской партией социалистов-революционеров и Российской коммунистической партией (большевиков). По этому соглашению предполагалось развернуть в тылу польских войск партизанские отряды и активизировать среди беларусов агитацию за антипольское восстание. Хотя в некоторых местах во время отступления

---

* Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Wydawnictwo Oddziału II Sztabu Generalnego. Warszawa, 3.11.1928 r. S. 86.

** Резко отрицательная оценка ситуации на землях под руководством ZCZW содержится, в частности, в брошюрах: Антонов И.Г. Воспоминания о польской оккупации Гродненщины в 1919–1921 г. 1921; Луцкевич А. Польская оккупация в Беларуси. Вильно, 1920. Последняя, как сказано в рапорте 2-го отдела Генштаба, использовалась беларускими учителями Виленщины и Гродненщины для антипольской пропаганды.

польских войск действительно происходили нападения на солдат и поместья, эти действия не сыграли значительной военной роли во время советского летнего наступления 1920 года, зато способствовали еще большим разногласиям в польско-большевистских отношениях.

Польские солдаты устанавливают пограничный столб

Победа польской армии в 1920 году и заключение Рижского мира весной 1921 года не могли удовлетворить национально сознательные беларуские группировки. Конец польско-советской войны означал раздел беларуских земель, а построение собственного государства с опорой на польские государственные интересы в новых политических условиях стало невозможным.

В союзе с Летувой

С возникшей политической ситуацией не хотела соглашаться значительная часть беларуских деятелей, желавших продолжать борьбу за образование независимого государства. В новой политической ситуации естественным союзником беларуских устремлений стало литовское государство, которое активно протестовало против оккупации Виленщины польскими войсками. Старый польско-литовский конфликт создавал риск повторной вспышки военных действий, в которых беларуский вопрос мог сыграть важную роль. В координированных выступлениях национальных меньшинств, населявших земли польского государства, литовское правительство видело возможность изменить невыгодные политические решения и вернуть Вильню.

Беларуские круги, объединенные вокруг правительства БНР Вацлава Ластовского, начали сотрудничать с правительством Летувы в Ковно. Это встретило поддержку со стороны Германии, которая тоже стремилась ослабить позиции молодого польского государства. Правительство Ластовского получило от немцев на поддержку своей деятельности ссуду в 40 млн марок. Деньги предназначались для организации борьбы против Польши. Руководить этой борьбой и координировать ее должна была Летува, а все беларуские отряды, находившиеся на ее территории, подчинялись приказам летувисского командования.

«Незалежницкие» беларуские группировки считали врагами идеи построения своего независимого государства и Польшу, и советскую Россию. Это отразилось, между прочим, на созванной в сентябре 1921 года в Праге Беларуской национально-политической конференции. Однако на практике выявилось, что успешные действия можно вести только против польского государства. Способствовала тому политическая ситуация – враждебная позиция Летувы и Германии к Польше, а также то, что часть беларуских деятелей (например, члены Белару-

ской партии социалистов-революционеров, эсеры) считала Россию страной культурно более близкой и менее враждебной к беларуской идее.

Правительство Летувы, имея нерешенную проблему границы с Польшей, весьма активно и щедро поддерживало действия правительства Ластовского. Взамен за это летувисы выступали на международной арене как защитники преследуемого в Польше беларуского народа. В новой политической ситуации, возникшей после окончания польско-советской войны, Летува казалась группировкам беларуских националистов наилучшей поддержкой.

Задачей беларуского правительства в Летуве (в Ковно) являлась организация вооруженных сил, которые должны были начать основные действия в момент начала вооруженного польско-литовского конфликта. Во главе военной структуры стоял Главный беларуский штаб, подчиненный командованию Штаба армии Летувы. Наряду с подразделениями, создававшимися на территории Летувы, в Польше были организованы четыре повстанческие группы: I – виленская, II – ошмянская, III – браславская, IV – гродненская. Польская разведка установила, что фактическую деятельность вели II группа (штаб в Утенах) и IV группа (штаб в Мерочи), тогда как I и III группы существовали в основном на бумаге. Во главе командования фронта, которому подчинялись диверсионные отряды, действовавшие на территории Польши, стоял подполковник Усперский [Uspierwski].

Создание отрядов инспирировали эмиссары, присланные из Летувы, однако их фактическое развитие в наибольшей степени зависело от позиции местного беларуского населения. Вооружение доставляла литовская сторона. Делалось это легко, так как польско-литовская демаркационная линия (с нейтральным поясом) охранялась слабо*.

Однако беларуские повстанческие отряды, которые создавались в расчете на будущую войну между Польшей и Летувой, чаще всего начинали диверсионную деятельность сразу после формирования. На Белосточчине и Гродненщине они нападали на полицйские посты («постерунки»), лесничества, поместья, а также на магазины. Однажды подожгли склад древесины в Беловежской пуще.

* Разумеется, диверсионные действия в приграничье вели также летувисские группы. Нестабильная пограничная ситуация должна была поддерживать надежду местных жителей на исправление линии границы и присоединение к Летуве Вильни и Виленского края. Поддержка состояния напряженности на нейтральной полосе и в районах, непосредственно прилегавших к ней, подтверждало неприятие местным населением тогдашних политических решений. Особенно опасными были 1922 год и начало 1923-го, когда новый вооруженный конфликт казался реальным. Среди летувиского населения, проживавшего по обеим сторонам демаркационной линии, велась антипольская пропагандистская кампания. Она усиливала и без того свойственную летувисам антипатию к полякам. Часть местных крестьян заявляла о желании вступить в партизанские отряды. Недоверие к Польше был отмечено также среди летувисской молодежи, которая эмигрировала в Летуву с целью пополнить антипольские формирования, которые там создавались.

Постепенное угасание диверсионной деятельности произошло после 15 марта 1923 года, когда Совет послов Антанты, не обращая внимания на протесты правительства Летувы, признал тогдашнюю демаркационную линию фактической границей. Летува, значительно более слабая в военном плане чем Польша, без поддержки международного сообщества не могла рассчитывать на успех в военном конфликте. Ей пришлось изменить тактику. В 1924 году и впредь на территории Летувы создавались повстанческие группы, но единственной их целью было провоцировать конфликты и вооруженные инциденты без надежды на начало войны. – *Авт.*

Наиболее показательной акцией было нападение группы во главе с Яном Грицюком (кличка «Черт») в ночь с 27 на 28 апреля на местечко Клещели, где убили двоих полицейских, а также владельца местного ресторана и его мать.

Партизанский отряд Луки Семяника

Естественными районами действий были крупные лесные массивы. В перечень обычных задач партизан входило ведение шпионажа, заключавшегося главным образом в разведке передвижений армейских подразделений и полиции, локализации мостов, укреплений и военных складов.

С началом военных действий беларуские партизанские отряды должны были приступить к диверсиям в тылу действующих польских войск (уничтожать линии телефонной и телеграфной связи, мосты, железнодорожные пути, военные склады) и вести среди местного населения антипольскую агитацию. Планы, перехваченные польской разведкой, предполагали также покушения на высших командиров, отравление воды и продовольствия для армии, заражение коней сапом.

Беларуское эмигрантское правительство утверждало, что ему удалось набрать в подпольных структурах до 12.000 законспирированных бойцов, готовых выступить по приказу. Среди этой группы преимущественное большинство составляли крестьяне, которые, скорее всего, никогда не участвовали ни в каких вооруженных акциях и слабо ориентировались в политических нюансах того периода. Среди тех, кто состоял в партизанских отрядах, только часть действовала исключительно из патриотических соображений о создании независимой Беларуси. Для других «партизанщина» давала возможность отомстить за унижения, которым подвергалось беларуское население со стороны польских солдат, полицейских и чиновников.

На территории Польши эсеры, связанные с правительством Ластовского, вели активную деятельность во время избирательной кампании 1922 года в рамках Беларуского центрального избирательного комитета. После окончания кампании на базе местных избирательных комитетов была создана легальная организация (Беларуское товарищество помощи жертвам войны) которая, помимо благотворительной деятельности, вела агитационную работу. Она помогала нелегальному Повстанческому комитету организовывать Братства беларусов, которые должны были стать центрами антипольского сопротивления.

В 1922 году диверсионную деятельность, рассчитанную на падение польского государства, вела также другая беларуская организация – Союз крестьянской самообороны (СКС), сотрудничавшая с коммунистическими властями в Минске. Ее диверсионные группы действовали на территории Виленского и Ошмянского поветов. Эта организация выдвинула идею построения беларуского государства на «крэсах» /т.е. в Западной Беларуси. – *Ред.*/ и объединения его с остальными беларускими землями, входившими в состав БССР.

Диверсионные отряды СКС (их называли «закордонными») создавались здесь уже с конца 1921 года. Организаторами боевых отрядов СКС были бывший царский полковник Щеткин (русский) и Генрик Янсен (латыш). Наряду с диверсиями они вели также шпионскую и пропагандистскую деятельность. Военный аспект работы координировал штаб советского Западного фронта в Смоленске. Советские власти умело использовали национальные устремления беларусов, поддерживая их в борьбе с польским правительством.

Несмотря на то, что политические руководители беларусов в Ковно и Москве имели разные политические цели, их объединяло общее желание ослабить польское государство. Командиры отдельных беларуских отрядов не понимали всех нюансов этой политической игры. Но общая пропагандистская риторика, призывавшая выбросить поляков за Буг и Нарев, была близка беларусам, собранным как в «ковенских», так и «советских» отрядах. Главной целью их действий было освобождение беларуских земель от польского господства. В январе 1923 года начались активные консультации беларуских политиков с целью координации диверсионной деятельности. Переговоры велись в Ковно, Минске и Москве. Польская разведка не исключала, что это могло быть согласованием общих действий перед планируемым нападением на Польшу*.

Однако до совместных военных действий дело не дошло, а летувисская сторона (после признания 15 марта Советом послов Лиги наций демаркационной линии между Польшей и Летувой в качестве государственной границы) начала отходить от прежней политики, направленной на дестабилизацию ситуации в Польше с помощью отрядов беларуских партизан и повстанцев.

Атаман Герман Шиманюк («Скоморох») с женой Елизаветой

Лишенные политической и военной поддержки, эти отряды все более успешно ликвидировались польскими властями. Для этого вместе с полицией использовались воинские части. В мае 1923 года в Белостоке состоялся первый многочисленный (судили 45 человек) процесс национально-политического характера. Во время процесса подчеркивалась провокационная роль Германии и Летувы. Двадцать человек были осуждены на наказание от одного года каторжных работ до пожизненного заключения (среди этой группы

* Власти Летувы считали слабым местом польского государства большое количество национальных меньшинств в его составе. По их плану, массовые волнения на территории всего государства (диверсионные отряды должны были войти на территорию Польши с баз в Летуве, Германии, Чехословакии и РСФСР) должны были поддержать действия регулярных летувисских войск. Однако этот план остался на бумаге. Единственными диверсионными отрядами, создававшимися в рамках этого замысла, были литовские и беларуские.

был депутат сейма Сергей Баран, осужденный на 6 лет), а остальные 25 подсудимых были оправданы*.

После того, как летувисы перестали поддерживать идею беларуского восстания, а польские власти ликвидировали диверсионные группы на Белосточчине и Гродненщине, идею объединения беларусов /западных и восточных – *Ред.*/ продолжали использовать Советы. Поэтому сохранившиеся беларуские национальные конспиративные организации все большую надежду возлагали на польско-советскую войну и беларуское восстание*.

Постепенно коммунистическое движение на северо-восточных землях Польской республики начало естественным образом привлекать, а затем и поглощать беларуские диверсионные группы, которые ранее функционировали под эгидой Братства беларусов, Союза крестьянской самообороны или Беларуской революционной организации. С середины 1923 года единственной серьезной силой, вдохновлявшей и организовывавшей диверсионную (партизанско-повстанческую. – *Ред.*) деятельность с использованием беларуских лозунгов, был Советский Союз.

Солдаты беларуской роты в армии Летувы

* Большинство подсудимых были членами партизанских отрядов из соединения Германа Шиманюка («Скомороха»), действовавшего во всех поветах Белостокского воеводства и в Беловежской пуще. Нескольких арестованных партизан поляки расстреляли до суда. – *Ред.*

** После 1923 года летувисы развивали свою государственную идеологию независимо от общей истории народов многонациональной шляхетской Речи Посполитой (не только поляков, но и беларусов), что выразилось в трактовке ими Великого Княжества Литовского как исключительно летувского (жамойтского) государства.

В единстве со Страной Советов

В 1921 году на северо-восточных землях не существовало никакой официальной коммунистической организации. Это объяснялось тем, что коммунистическое движение не имело единого видения политики на землях под контролем Польши. Завершение военных действий Рижским миром привело к тому, что земли, населенные в большей части беларусами и украинцами, вошли в состав двух государств – Польши и большевистской России*.

На территории Польши функционировала созданная в 1918 году Коммунистическая рабочая партия Польши – КРПП (с февраля 1925 г. Коммунистическая партия Польши), тогда как в большевистской части Беларуси – Российская коммунистическая партия (большевиков). Северо-восточные земли польского государства должны быть стать полем действий КРПП. Но она имела большую проблему с созданием своих структур на землях, населенных беларусами, которые в своем большинстве были крестьянами. Это требовало иного подхода, нежели в центральной Польше, где коммунистическое движение базировалось главным образом в рабочей среде. В руководстве польских коммунистов не было никого, кто мог бы взяться за создание партийной организации среди беларуского населения. Центральный комитет КРПП в 1922 году обращался к своему представителю в Минске Вацлаву Богуцкому с просьбой прислать им хотя бы одного беларуса для организационной работы.

Но отсутствие коммунистических организационных структур на северо-восточных землях Польской республики не означало прекращения коммунистической деятельности. С коммунистической идеей столкнулись беженцы времен войны, возвращавшиеся из России, а также служившие в 1920 году в Красной Армии жители «крэсов». Возможно, что пропагандируемые российскими коммунистами лозунги братства и благополучия в 1920 году, во время агрессии большевиков, звучали не слишком убедительно. Однако с течением времени они стали выглядеть намного привлекательнее, чему способствовал новый опыт, связанный с деятельностью сформированной поляками администрации, и прежде всего – тяжкие реквизиции польских военных.

Первые попытки консолидации коммунистического движения были сделаны в 1922 году. Это была отчасти вынужденная политическая ситуация, связанная с избирательной кампанией, которая тогда велась. Коммунисты понимали, что если они не примут соответствующих мер, то другие партии овладеют потенциальным электоратом**. Первой серьезной коммунистической организацией, обратившейся к беларускому населению, стала Беларуская революционная организация (БРО), которую называли также Беларуской революционной партией (скорее всего, это было неформальное представительство КРПП на тер-

* В Рижском договоре (18.III.1921) говорилось о признании обеими сторонами независимых беларуского и украинского государств. Коммунисты, создавая Беларускую Советскую Республику, видели в ней важный инструмент политической борьбы с Польшей.

** Сераковский писал о результатах выборов в сейм в 1922 году в Лунинецком повете: «...самым коммунистическим поветом в Польше оказался не Лодзинский, не Домбровецкий, но именно Лунинецкий с его 13 жителями на километр и без единой хоть какой-то фабрички».

ритории земель, где жило беларуское население). Основателями БРО были Язеп Логвинович, Леопольд Родзевич и Арсений Канчевский.

Отсутствие документов не позволяет утверждать, насколько активную деятельность вела эта организация на территории «крэсов» и принимала ли она участие в инспирированной минскими властями диверсионной работе, развивавшейся здесь с 1922 года. Формально она прекратила деятельность в декабре 1923 года, когда вошла в состав вновь созданной Коммунистической партии Западной Беларуси. Скорее всего, на северо-восточных землях в 1921–22 году возникло больше самостоятельных групп, исповедовавших коммунистическую идеологию; они составили те кадры, которые в будущем пополнили ряды КПЗБ.

Изменения, происходившие в коммунистическом движении на «крэсах», были тесно связаны с ситуацией, сложившейся в политической жизни Советского Союза. Присутствовавшая в коммунистической идеологии 1920–1923 годов надежда на скорый экспорт революции в другие страны Западной Европы должна была означать новый вооруженный конфликт с Польшей. Разумеется, нападение на Польшу было не самоцелью советской политики, а только средством для осуществления идеи революции во всей Европе. Соответственно, использование беларуских национальных лозунгов служило приобретению поддержки населения, отрицательно относившегося к польской действительности, а не удовлетворению его фактических национальных устремлений. Надежду на экспорт революции поддерживала все еще неустойчивая ситуация в Германии, которая, казалось, по-прежнему дает шансы на продолжение революции. И, хотя мировая революция с течением времени становилась все менее вероятной, большевистская власть была заинтересована в поддержке самой этой идеи.

С этой целью коммунистическое движение на «крэсах» ловко использовало присущее крестьянам недовольство господством польской администрации. Культурная близость с Россией; ощущение временности новой администрации, разжигавшееся коммунистической пропагандой; потребность в радикальных социальных изменениях; полуфантастические слухи о жизни в БССР, – все это способствовало тому, что значительная часть населения (преимущественно православного) без особых сантиментов распрощалась бы с польским государством.

Коммунистические власти понимали социально-политическую ситуацию, господствовавшую на «крэсах», и рост значения тех партий, которые провозглашали лозунги радикальных социальных реформ (Польская народная партия «Освобождение», Польская социалистическая партия, Партия беларуских социалистов-революционеров, Беларуская социал-демократическая партия). Отсутствие централизированной организации практически лишало коммунистов эффективного средства воздействия на массы. Поэтому согласно с директивами из Москвы, а также с постановлением II съезда КРПП (1923 г.), все коммунистические организации, действовавшие на северо-восточных землях Польской республики, должны были войти в состав учрежденной в декабре 1923 года Коммунистической партии Западной Беларуси*. И хотя формально она считалась ав-

* Организаторами КПЗБ были Вацлав Богуцкий (руководил деятельностью КПЗБ из Минска), Леопольд Родзевич, Арсений Канчевский, Соломон Миллер, Станислав Мертенс, Язеп Логинович. КПЗБ имело 6 округов: Белостокский, Виленский, Брестский, Пинский, Гродненский и Барановичский.

тономной структурой в рамках КРПП, большая часть директив приходила на «крэсы» прямо из Минска. Причины этого были обусловлены как политическими факторами, главным образом связью КПЗБ со структурами компартии в БССР, так и легкостью контактов, ибо польско-советская граница охранялась слабо.

Хотя КПЗБ создали люди, связанные с рабочим движением, благодаря политической ситуации она быстро приобретала сторонников среди крестьян. К концу 1924 года партия насчитывала около 2500 членов, а в первой половине 1925 года – 2800, организованных в 800 ячейках в 53 регионах. Быстрому увеличению количества членов и сторонников способствовала надежда на политические перемены, которые должен был принести ожидаемый польско-советский конфликт. Активизации беларуских групп способствовала также новость, которая повторялась повсюду, что скоро поднимется беларуское восстание, на помощь которому придет Красная Армия. Этот слух, казалось бы, подтверждался умножением числа партизанско-повстанческих отрядов, и активизацией нападений, особенно в 1924 году, на лица и учреждения, отождествлявшиеся с польским господством (помещики, чиновники, полиция, административные здания, комиссариаты). Пробужденные у беларуских крестьян националистические настроения смешивались с коммунистическими лозунгами. Даже разбойное нападение, если оно направлялось на польского владельца, приобретало значение политической манифестации.

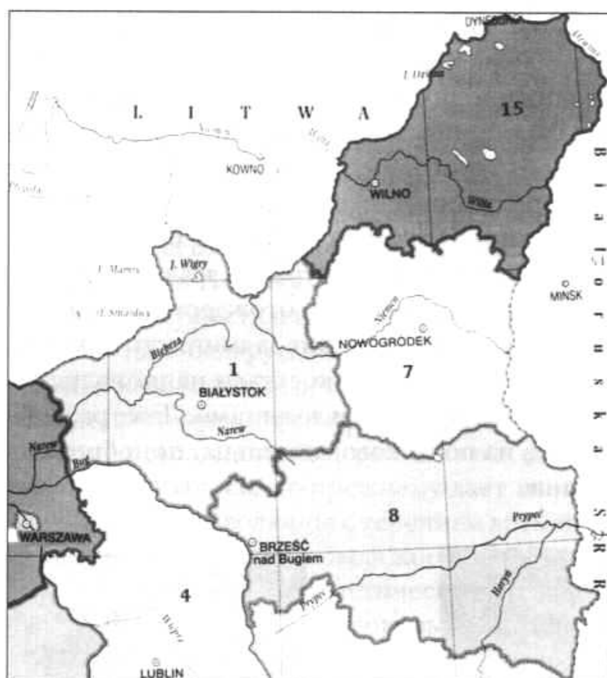
Слева направо: создатели КПЗБ Леопольд Родзевич (1895–1938), Язеп Логинович (псевдоним Павел Корчик; 1891–1940), Арсений Канчевский (1901–1931)

Диверсионное движение, пользовавшееся поддержкой среди части местного населения, инспировали и активно поддерживали советские власти. По данным польской разведки, всей советской диверсионной работой на восточных землях Польши руководил Иностранный отдел ГПУ в Москве при посредничестве секретных оперативных отделов ГПУ в Минске и Харькове. Зона их деятельности была разделена на четыре участка: беларуский, полесский, волынский и галицкий.

Беларуский плацдарм делился на две группы: борисовскую и слуцкую. Командование находилось в секретном оперативном отделе в Минске, а на местах диверсионные отряды создавались командованием пограничных войск ГПУ.

Военные аспекты курировал штаб Западного округа в Смоленске*.

Секретный оперативный отдел ГПУ в Минске состоял из трех групп, ответственных за диверсионную работу на территории Польши: 1) пропагандистской, 2) оперативной, 3) информационной.

Беларуские воеводства в составе Польши:
1 — Белостокское; 7 — Новогрудское;
8 — Полесское; 15 — Виленское

Пропагандистская группа занималась ведением агитации, организацией курсов для подпольщиков и партизан-диверсантов, поддерживала отношения с коммунистическими организациями на территории Польши.

Оперативный отдел готовил и утверждал планы операций, вел учет и инспекцию подчиненных ему боевых групп. Информационная группа отвечала за сбор разведывательной и контрразведывательной информации.

Во главе каждой диверсионной группы стояли командир (атаман) и представитель ГПУ. Кроме нескольких постоянных групп (отрядов), создавались временные отряды (группы), которые после выполнения задания расформировывались. С началом войны или восстания постоянные отряды должны были войти в состав беларуской повстанческой армии.

Участники и сторонники коммунистического движения на «крэсах» состояли в так называемых «ячейках». На их основе формировались боевые отряды (до десяти ячеек в каждом) – основа будущей повстанческой армии.

Коммунистические ячейки (они же – диверсионные группы) вели работу по пяти направлениям: 1) пропаганда, вербовка новых членов, 2) сбор шпионских сведений о дислокации польских войск, 3) проведение войсковых учений, 4) переброска членов партии и эмиссаров из БССР и в БССР, 5) поддержание постоянной связи с командованием, находившимся на территории БССР.

Задачей тайных подпольных и диверсионных групп (комъячеек), функционировавших на территории «крэсов», было, помимо подготовки к ожидаемому

* До 14 апреля 1924 года существовал штаб Западного фронта. С этой даты он был преобразован в штаб Западного военного округа СССР. – *Прим. ред.*

в ближайшем будущем восстанию, проведение разовых диверсий (нападения, поджоги), дестабилизировавших социально-политическую ситуацию. Этот тип действий особенно привлекал молодых людей, которым коммунисты обещали скорое улучшение условий жизни и доходные должности в будущей советской администрации. Перспектива построения собственного государства, соединенная с обещанием реформ и удовлетворением возникших национальных устремлений, была весьма привлекательной.

Явный спад активности диверсионной деятельности коммунистов произошел под конец 1925 и в начале 1926 года. Он был тесно связан с событиями, происходившими в СССР – с установлением личной диктатуры Сталина и отказом от концепции немедленного экспорта революции на Запад. Отныне первоочередной задачей стало очищение партии от враждебных или неугодных Сталину «элементов». Изменения в политике Сталина отразились также на ситуации на польских землях.

Критика деятельности КПЗБ прозвучала на III съезде Польской компартии, состоявшемся в январе-феврале 1925 года под Москвой. Компартию Западной Беларуси и компартию Западной Украины обвинили в том, что они чрезмерно увлекаются национальными особенностями, вместо того чтобы теснее соединять борьбу на территории «крэсов» с освобождением трудящихся в самой Польше*. А освобождение беларусов не может произойти без революции во всей Польше. Новое направление в политике стало отчетливо видно в КПЗБ на ее III конференции, состоявшейся в Москве в январе 1926 года. После окончания заседаний один из создателей КПЗБ оценил итоги конференции следующим образом: «...она разработала и объяснила ряд основных вопросов, без решения которых нельзя было даже говорить о серьезном и правильном руководстве революционным движением в Западной Белоруссии».

«Правильное направление» на самом деле означало изменение национальных лозунгов применительно к беларусам, которые использовались в пропаганде КПЗБ. Это было связано также с очисткой рядов компартии от лиц, несогласных с новой линией политики Сталина (в том числе от бывших эсеров). Надежда на подъем беларуского восстания и присоединение в близкой перспективе северо-восточных земель Польши к БССР в новой реальности оказалась несбыточной. Но деятели, работавшие на местах, не понимали политических изменений, происходивших в Москве, и по-прежнему ждали приказа о начале выступления. Часть диверсионных отрядов на советской территории тоже не хотела распускаться. Советским властям пришлось использовать в отношении их силу**.

Но изменения, начавшиеся в политике Москвы в 1925 году, не были замечены беларускими национальными деятелями. Все большее число беларуских поли-

* Изменения в политике СССР отразились на внутрипартийных отношениях в КПЗБ уже в 1924 г. Из нее вышла часть деятелей, желавших вести независимо от Москвы вооруженную борьбу против польского государства. Однако созданная ими Краевая коммунистическая партия не сыграла никакой роли, ибо уже в сентябре и октябре 1924 г. ее организации на территории Белосточчины и Виленщины (там было больше всего сторонников) разгромили польские службы безопасности.

** В августе 1925 г. произошли инспирированные советскими властями стычки между диверсионными группами в Дзержинске (на границе БССР с Польшей), что окончательно привело к ликвидации таких групп.

тиков по-прежнему считало БССР полноправным беларуским государством. Бронислав Тарашкевич, создавая в 1925 году Беларускую крестьянско-рабочую громаду (БСРГ), фактически принял решение о тесном сотрудничестве с КПЗБ, видя в деятельности коммунистов единственный шанс на осуществление национальных устремлений беларусов, волею судьбы оказавшихся жителями Польши. Коммуно-национальные лозунги привлекали также и беларуских эмигрантских деятелей, и часть их (в том числе В. Ластовский) решила переехать в Минск. Полное разочарование постигло их только в 30-е годы, когда беларуские национальные деятели, находившиеся на территории СССР, стали жертвами политических процессов, и в конечном итоге были физически уничтожены.

Борьба польских государственных органов с диверсионной деятельностью

Военое командование очень интересовало отношение местных сообществ к польскому государству и органам, которые его представляли. Главным источником информации о настроениях, господствовавших среди гражданского населения, были рапорты представительств 2-го отдела, действовавшие при армейских штабах*. В этих рапортах чаще всего повторялись выводы о благосклонном отношении к польскому государству местных поляков, и безразличном либо отрицательном – беларусов и евреев, а также о решительно враждебном отношении летувисов.

Армия стремилась выявлять те группы, которые вели интенсивную антипольскую агитацию. Таким примером могла служить деревня Мокрова на Полесье, где появилась банда, которая пряталась в лесах, а вечерами приходила в деревню и агитировала крестьян, чтобы собирали как можно больше оружия, ибо скоро уже наступит конец польскому господству: «скоро засветит солнце» тем, кто против польского господства.

Гражданские и военные власти с момента окончания военных действий считали основным условием безопасности на «крэсах» борьбу со всеми подрывными организациями, и особенно – с коммунистическими. Полесский воевода в письме, направленном старостам в мае 1921 года, подчеркивал, что «надо со всей энергичностью вести себя особенно в отношении тех элементов, явная коммунистическая деятельность которых будет раскрыта». Повсеместным явлением среди поляков стало возложение ответственности за дестабилизацию ситуации в восточной части государства на коммунистов. В «Ziemi Wile skiej» в номере за 1921 год читаем:

> «Никогда в наших краях не слышали про такие преступления, которые сегодня чинятся ежедневно – а это результаты безбожной агитации, которая изо всех сил старается вырвать страх Божий из сердца нашего народа».

Решение ситуации польские власти видели, с одной стороны, в активной борьбе со всякой подрывной деятельностью, с чем было связано развитие госу-

* 2-й отдел польского Генерального штаба («двуйка») занимался разведкой и контрразведкой. – *Прим. ред.*

дарственных структур, особенно службы безопасности, а с другой – в суровых наказаниях виновных. Так, дисненский староста в ноябре 1921 года предложил Новогрудскому воеводе в качестве превентивных осуществить следующие меры:

– ввести чрезвычайное положение на определенное время;
– расширить компетенцию административных властей;
– сделать более жестоким наказание за нелегальный переход границы и обладание оружием;
– удалить ксендзов, проводящих беларускую агитацию;
– ввести эффективные дисциплинарные наказания для полицейских, злоупотребляющих своими правами;
– разместить воинские части в тех районах воеводства, где ведется наиболее активная антигосударственная агитация.

Не все меры можно было осуществить решением воеводы, часть из них, например, введение чрезвычайного положения, требовала утверждения центральными властями, однако определенные меры, ограничивавшие гражданские свободы, местные власти могли применять. Например, в Пинске в начале 1921 года тамошний староста Я. Гловацкий ввел запрет передвигаться с 22 до 4 часов без соответствующего пропуска.

Польско-советская граница. Лето

Польско-советская граница. Зима

С самого начала становления польского государства на «крэсах» власти (стремясь бороться с подрывной деятельностью, которую вели представители национальных меньшинств) отдавали предпочтение репрессивным мерам, которые – по их мнению – являлись наиболее эффективной профилактикой антигосударственных выступлений. Глубокий анализ социальных причин такого положения вещей делался редко. Чаще всего помимо политических причин обращали внимание на плохую экономическую ситуацию. Редко отваживались на такой анализ, который можно найти в размышлениях Людвика Экерта:

«Государство в данный момент само подталкивает эти массы к конспиративной антипольской работе тем, что закрывает перед ними все официальные учреждения,

усложняет легальную культурную работу, ограничивает поле их нормальной гражданской деятельности. Тем самым оно создает целые массы доведенных до отчаяния людей, недовольных своей обезоленностью, причина которой – в их национальной принадлежности. Некоторые из них идут в конспиративный лагерь».

Угрозу для безопасности в 1921 году, кроме деятельности диверсионных групп, видели также в массовой демобилизации солдат. Деморализованные военными действиями, нередко лишенные вне службы средств к существованию, бывшие солдаты образовывали группу граждан, способную пополнить диверсионные отряды*. Комендант округа № XIV полиции в Бресте на Буге подинспектор Владислав Голе советовал государственным учреждениям, чтобы они при посредничестве войтов и солтысов сообщали полиции о каждом мужчине, вернувшемся из армии, его имущественном положении, роде занятий, наличии средств для жизни и т.д. Полиция должна была установить контроль прежде всего за лицами, не имевшими соответствующего денежного обеспечения.

Другой попыткой овладеть ситуацией была практика (вместе с армией) облав как после совершения преступления, так и в профилактических целях, например, для поиска нелегального оружия. В профилактических целях полицию должны были поддерживать граждане в специально организованных ночных патрулях. С одной строны, это делало более эффективной работу служб правопорядка, а с другой – побуждало население к сотрудничеству для улучшения состояния безопасности**.

Наряду с репертуаром репрессивных средств, использовавшихся в борьбе с агитацией и антигосударственными выступлениями, советовалось также пристальнее следить за лицами, «которые бродили» по деревням. Войтов и старост наделили полномочиями, и они имели право позволять гражданским дружинникам задерживать подозрительных для доставки их в ближайший полицейский участок.

Методом подавления антигосударственных настроений должна была стать деятельность временных судов. Как уже сказано, решение ситуации власти видели, прежде всего, в эскалации репрессивных средств. Временные суды начали свою деятельность с 1 августа 1922 года. На «крэсах» особый акцент в тексте плакатов-оповещений делался на участие осужденных в организованных преступных группах /партизанские отряды поляки, как и большевики, называли «бандами». – *Ред.*/.

Само пребывание в группе наказывалось заключением не менее 8 лет, а участие в диверсиях, направленных против железных дорог, поездов, костёлов и правительственных зданий, могло наказываться даже смертью. Смертью наказывалось также убийство лиц, исполнявших публичные функции. Постановления временных судов были окончательными, осужденный не имел права на ап-

* Автор имеет в виду беларусов и украинцев, служивших в Войске Польском в 1919–20 гг. и сражавшихся вместе с поляками против большевиков. Когда нужда в них отпала, их выбросили из казарм, не обеспечив никакими льготами, не оказав помощи в трудоустройстве, не выплатив денежного пособия. – *Прим. ред.*

** Автор умалчивает о том, что в таких патрулях участвовали местные жители только польской национальности. – *Прим. ред.*

пеляцию. Приговоры, которые выносились во время судебных процессов, были суровыми и нагнетали страх*.

Решение основать временные суды было принято в ответ на активизацию в 1922 году деятельности диверсионных групп. Хотя военные действия закончились два года назад, на «крэсах» не произошло ожидаемого улучшения безопасности. На деморализацию военного периода стала все более ощутимо накладываться работа диверсионных отрядов, инспирированных летувисскими либо советскими властями. Зигмунт Даманский так вспоминал условия, в которых приходилось жить чиновникам в первый период установления польской власти на «крэсах»:

> «Приехав в Несвиж как гражданские чиновники, мы волей-неволей определенное время исполняли обязанности военного гарнизона. Это трудно определить иначе, ибо мы непрерывно, особенно ночью, должны были иметь при себе оружие и быть готовыми ко всему. Сначала останавливались на более длительный или более краткий постой самые разные воинские части, но в любой момент они могли уйти в связи с непрерывными передислокациями и частичной демобилизацией. Перемена к лучшему произошла только тогда, когда появились сначала квартирмейстеры, а потом весь 27-й уланский полк».

Шансы контролировать ситуацию на «крэсах» виделись также в уплотнении государственной границы. Таможенные батальоны, занимавшиеся охраной границы, в 1922 году усилили за счет воинских подразделений. Так, обеспечением безопасности приграничных уездов Новогрудского воеводства занялось командование 9-й конной бригады. В приказе командира бригады полковника Варашкевича от 17 июня 1922 года сказано:

> «Задачей отделов (эскадронов), направленных на помощь таможенным батальонам, будет защита населения от нападений, а также преследование и уничтожение дотла советских банд, которое должно производиться как можно более энергично, быстро и безжалостно».

Проверка документов в пограничной зоне

Последующие годы показали, что на крэсах происходит дальнейшая эскалация диверсионных акций, которая должна была путем нападений бандитского характера деста-

* Наши историки на множестве конкретных примеров доказали, что приговоры были не только чрезвычайно жестокими, но и во многих случаях необоснованными. Вся деятельность так называемых «временных судов» была пронизана поистине звериной ненавистью польских судей к беларусам. — *Прим. ред.*

билизировать внутреннюю ситуацию в этом регионе. В этой связи следует напомнить, что хотя в 1922 году было отмечено наибольшее число грабежей и разбоев, устроенных «бандами (всего на территории Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств было 313 таких случаев), наихудшими в плане общественной безопасности стали 1923–24 годы (в 1923 – 228, в 1924 – 178 нападений) – с учетом масштаба диверсий. Значимым для общественного восприятия был также тот факт, что диверсионные акции, продолжавшиеся уже ряд лет, не только дестабилизировали ситуацию, но и ставили под сомнение престиж и силу польского государства.

Легендарной фигурой на «крэсах» был атаман банды, скрывавшийся под псевдонимом Муха (Михальский). Бывший вахмистр Войска Польского, дезертировав, создал группу хорошо организованных преступников, которая осуществила множество разбойных нападений. Сам Муха в рассказах местного населения выступал одновременно и бандитом, и героем. Подчеркивалось, что его группа, совершая нападения, использовала огнестрельное оружие только в крайнем случае. Деятельность Мухи обрастала своеобразными легендами о «подвигах» бандита. Один из анекдотов повествовал о том, как во время отхода банда, желая запугать местного ксендза, положила ему на спину картофелину вместо гранаты и запретила двигаться. Священник терпел в неудобной позе несколько часов, прежде чем его нашли верующие. «Популярность» Мухи на грани 1922 и 1923 годов была столь велика, что практически все устроенные в тот период нападения на Виленщине приписывались именно ему.

К концу 1922 года ситуация стала выходить из-под контроля административных властей. Отряды полиции, кроме ежедневных служебных действий, направлялись на охрану мостов и железнодорожных линий. На особо опасных участках полиция перед проходом поезда контролировала состояние трассы, убирая с колеи различные предметы, которые могли привести к крушению состава (например, в Барановичском повете неизвестные разложили на путях железнодорожные костыли).

В диверсиях участвовали как лица, заброшенные из БССР, так и местное население. Система действий была двоякой: либо границу переходила целая группа, либо – что встречалось чаще и являлось более эффективным методом действия – к людям, заброшенным с той стороны, в течение двух-трех дней присоединялись местные добровольцы. Диверсанты, заброшенные из БССР, стремились после осуществления нападения как можно скорее покинуть территорию Польши, тогда как местные обычно возвращались домой.

Целью нападений диверантов были главным образом лица польской национальности – владельцы поместий, крупных земельных хозяйств. Нападениям подвергались и так называемые «американцы» – богатые земледельцы, которые вернулись из США в родной край и купили здесь земельные участки. Выбором зажиточных поляков достигался двойной эффект: благодаря этому нападение приобретало политический характер, а с другой стороны – позволяло грабить поместья богачей. В результате такой тактики уголовные нападения одновременно становились проявлением политической воли. Умелое соединение классового и национального антагонизма служило главным козырем в действиях беларуского коммунистического движения.

Местное население, по оценке служб безопасности, не оказывало достаточной помощи властям в борьбе с диверсантами. Особенно заметно это было в отношении православных, которые явно сочувствовали коммунистическому движению и партизанским группам. Во время преследования они вводили в заблуждение полицейские или воинские части, направляя их в сторону, обратную той, в которую направилась диверсионная группа.

Польский пограничный пост

Советские власти умело использовали тогдашний антагонизм, рассчитывая на то, что усиленная диверсионная деятельность склонит польские власти к массовым репрессиям против беларуского населения, благодаря чему будет легче добиться поддержки здешних жителей для новых выступлений против Польши. Приобретая таким образом поддержку населения, советское правительство облегчило бы себе задачу в случае начала военных действий.

Участие советских государственных учреждений (в частности ГПУ) в организации диверсионных групп, не вызывало сомнений у польских властей. Об этом свидетельствовала разведка, а также то, что нападающие всегда уходили в сторону границы с СССР, где могли рассчитывать на помощь советского пограничного караула, заботившегося о том, чтобы после перехода пограничной линии группа оказалась в безопасности. Советская сторона принципиально не выдавала Польше членов диверсионных отрядов.

* * *

Последние месяцы 1923 и начало 1924 года, несмотря на временное сокращение (с учетом поры года) числа нападений, укрепили убеждение администрации в том, что для контроля над ситуацией необходимо задействовать большое число воинских частей. Совет министров 16 апреля 1924 года уполномочил министра внутренних дел и министра военных дел поручить руководство акциями по охране безопасности и общественного порядка: 1) генералу Эдварду Рыдз-Смиглому как инспектору армии в Вильне и Виленском административном округе, а также в Белостокском, Полесском, Новогрудском воеводствах и 2) генералу Яну Ромеру как инспектору армии в Волынском, Тарнопольском и Станиславовском воеводствах.

Им предписали координировать действия военных и гражданских должностных лиц в сфере безопасности. Речь шла о как можно лучшем использовании наличных сил для борьбы с подрывными действиями. Было сочтено, что от успешности действий в этой сфере зависит не только текущая безопасность на «крэсах», но и престиж государства. Жесткая и решительная реакция должна

была действенно отбить желание у населения от участия в антигосударственных акциях, а также показать соседним государствам решительность польских властей в борьбе с партизанско-диверсионным движением.

Генерал Рыдз-Смиглы начал энергичные действия в конце мая 1924 года. Он приказал воинским командирам и начальникам гарнизонов координировать все их действия с гражданскими властями. С этой целью посредством офицеров связи командиры особых отрядов поддерживали контакт со старостами воеводств.

Однако ситуацию было непросто взять под контроль даже с помощью армейских частей. Одной из причин была большая протяженность границы, а также активное участие советской стороны в поддержке и организации диверсионного движения. Поэтому в августе 1924 года территорию действия вспомогательных воинских частей пришлось разделить на эскадронные подучастки. В компетенцию командиров подучастков входили: организация взаимодействия всех прикомандированных вспомогательных подразделений, поддержание контактов с гражданскими властями, организация разведки и контрразведки, общее командование всеми наличными силами в случае нападения диверсантов.

Вспомогательным подразделениям, проводившим рейды на польской территории, категорически запрещалось совершать попытки перехода границы. Тем самым власти хотели избежать конфликтов международного характера. Если в акции кроме армии брала участие также полиция, то преследованием всегда командовал офицер армии. По рекомендациям генерала Рыдз-Смиглого, в типично полицейских действиях, например, обысках, армия не должна была участвовать. Военные должны были ограничиваться окружением деревень, «придавая своим присутствием больший вес и авторитет отношениям с населением».

Диверсией, заставившей Совет министров снова заняться делами безопасности на восточных землях, стало нападение на Столбцы 4 августа 1924 года. Группа около 100 человек в половине третьего ночи напала на уездное местечко, атаковав здания государственных учреждений и почту. Были также атакованы резиденция староства и пост полиции. Ядро группы составили диверсанты из БССР. Ими командовал Кирилл Орловский (позже дважды герой Советского Союза). Заранее были перекрыты коммуникации, заняты пути подъезда к местечку, а сама атака проведена по-военному умело. Отряд польской кавалерии, который, прибыв на помощь, хотел въехать в город кратчайшим путём, был задержан на мосту пулеметным огнем. Диверсионная группа почти через час грабежа отступила с нагруженными возами в сторону границы с БССР. Большинству нападающих удалось покинуть территорию Польши. Полиции и армии удалось задержать не более десяти человек, подозреваемых в участии в нападении, и вернуть лишь часть украденных вещей.

Большевистский организатор партизанского движения Кирилл Орловский

Размах и масштаб проведенной акции напугали не только местные власти, но и центральные. Министр военных дел генерал В. Сикорский уже через день после нападения на Столбцы предложил Совету министров начать через Министерство иностранных дел широкую дипломатическую кампанию, разоблачающую действия Советского Союза в отношении Польши. Генеральный штаб должен был предоставить материалы, раскрывающие систему советских баз подготовки диверсантов. Это должно было дискредитировать в глазах международного сообщества (через Лигу Наций) советское правительство.

Среди причин, влиявших на дестабилизацию ситуации на «крэсах», генерал Сикорский упомянул слабость структур гражданской администрации и деморализацию чинов полиции (повсеместное пьянство), что, по его мнению, подрывало авторитет государства среди местного населения. Он рекомендовал ввести чрезвычайное положение, милитаризовать пограничную полицию и дать воеводам особые полномочия, что позволило бы им очистить «крэсы» от вражеских элементов. Вывод министра военных дел был таков:

> «Никакие суждения политического или экономического характера не могут в данный момент играть в этом деле серьезной роли, поскольку сегодня восточная граница Польши находится в настоящей опасности».

Но, вопреки требованиям генерала Сикорского, политический комитет Совета министров был против резкой дипломатической кампании, которая могла привести к войне с СССР, чего правительство хотело избежать. Замысел ввести чрезвычайное положение на «крэсах» тоже не нашел поддержки. Был выдвинут аргумент, «что чрезвычайное положение, кроме права на депортации и задержания, по своей сути не расширит тех полномочий, которые правительство имеет в борьбе с бандами. На основании постановления Совета министров от 16 апреля полномочий генерала Рыдз-Смиглого вполне достаточно».

На заседаниях политического комитета Совета министров 8, 21 и 22 августа 1924 года были приняты новые решения: разместить в казармах и милитаризовать отряды пограничной полиции, увеличить силы связи, усилить разведку на территории противника. Было признано, что события на «крэсах» имеют признаки вооруженной борьбы, потому должны встретить соответствующую реакцию вооруженных сил. И премьер, и президент согласились с тем, что армия может действовать самостоятельно, а генерал Рыдз-Смиглы может отдавать приказы не только армейским подразделениям, но и формированиям полиции. Зато премьер категорически отверг любые мысли об акциях возмездия на советской территории в ответ за нападение на Столбцы. Премьер заявил:

> «Такая акция не только могла бы способствовать распространению бандитизма среди местного населения, но и, что важнее, использование советских методов, даже только для мести, несовместимо с авторитетом польского государства»*.

---

* Несмотря на категорический запрет премьера, поляки такие акции все же проводили. Их организовали офицеры 2-го отдела Генштаба (представительство № 1 в Вильне). Одной из них стала неудачная вылазка на Дзержинск в ночь со 2 на 3 октября 1924 г. «Нападение, – информировал Новогрудский воевода, – было организовано достаточно плохо, поскольку в Рубежевичах перед вылазкой уже говорили про нее. (...). Нападавшие наткнулись на большевистскую засаду, в результате чего их обстреляли. С нашей стороны полегли трое, с большевистской, видимо, несколько раненых».

Однако, несмотря на особые меры Совета министров для нормализации состояния безопасности, на «крэсах» и впредь происходили атаки диверантов. Очередной громкой акцией, которая приобрела широкий резонанс, стало нападение 25 сентября 1924 году на поезд Брест – Лунинец. В своих воспоминаниях тогдашний премьер Владислав Грабский, вспоминая августовскую атаку на Столбцы и сентябрьское нападение на поезд, писал: «Самым известным было нападение на Столбцы, наиболее унизительным было нападение на воеводу Довнаровича». Унизительным – поскольку бандиты оставили полесского воеводу Довнаровича и окружного коменданта полиции Бреста Менсовича без одежды. Других пассажиров избили либо ограбили, например епископ Лозинский лишился золотого креста. Вместо отобранной одежды и другого имущества пассажиров нападающие оставили расписку с подписью «Украинско-беларуское товарищество».

Польский антипартизанский патруль

«Kurier Wilenski», описывая происшествие, не миновал поиздеваться над обоими высокими государственными чиновниками, которые «не сумели защитить ни своей чести, ни чести государства». Среди других заголовков в прессе красовалось название «Голый факт». Пикантности добавляло то, что кроме воеводы и окружного коменданта полиции в поезде ехали нескольких полицейских и офицеров армии – вместе, как подсчитали журналисты, около 20 вооруженных мужчин, которые без сопротивления подчинились приказам бандитов. Во время нападения погиб еврейский торговец скотом Гезейр, защищавший свои деньги, и смертельно ранен при сопротивлении участковый полицейский Дмовский*.

Этот унизительный для государственных чиновников высокого ранга факт послужил очередным импульсом к изменениям в приграничной политике государства. Кроме назначенного ранее Новогрудским воеводой генерала Янушайтиса, полесским воеводой вместо Довнаровича 7 октября 1924 года назначили бригадного генерала Казимира Младеновского. Воеводы в чине генералов получили полномочия командовать всеми армейскими частями, присланными на их территорию для вспомогательной работы. Получая новые полномочия в управления вспомогательной работой, воеводы-генералы приняли на себя часть задач, которые до сих пор входили в компетенцию генерала Рыдз-Смиглого.

По новым принципам организации вспомогательной службы, Новогрудчина и Полесье были разделены на участки безопасности, соответствовавшие зонам отдельных воеводств. Так, на территории Новогрудского воеводства выделили

* Восемь офицеров армии, которые пассивно вели себя, предстали перед судом чести. Участковый Дмовский посмертно был награжден Крестом Заслуги.

районы Глубокое и Лида, которые в свою очередь разделили на округа: район Глубокое – на округа Вилейка, Дуниловичи, Дисна, район Лида – на округа Лида и Воложин. В Полесский участок безопасности вошли районы Лунинец, Столин и Пинск.

Командиры округов выделили армейские части в распоряжение воевод-генералов. Командир IX корпуса передал 6 ноября 1924 года следующие отряды для вспомогательной службы с указанием района их действий:

> Комбинированный кавалерийский полк: Лунинец;
> 25-й уланский полк: Кожангородок;
> эскадрон 15-го уланского полка: Денисковичи – Груднин – Лактыши;
> эскадрон 25-го уланского полка: Пружаны (114).
> эскадрон 27-го уланского полка: Мокроть – Ленино – Микашевичи;
> эскадрон 36-го уланского полка: Ганцевичи – Маньковичи;
> рота 35-го пехотного полка: Столин – Давид-Городок;
> рота 82-го пехотного полка: Брест;
> рота 83-го пехотного полка: Кобрин;
> рота 84-го пехотного полка: Лунинец;
> рота 84-го пехотного полка: Пинск.
> Командование III корпуса направило на вспомогательную службу следующие отряды:
> эскадрон 4-го уланского полка – место дислокации Прозароки;
> эскадрон 13-го уланского полка – Обвадовцы;
> эскадрон 23-го уланского полка – Сервеч;
> полубатальон 77-го пехотного полка – Лида;
> две роты 77-го пехотного полка – Воложин, Першаи,
> взвод 86-го пехотного полка – Шипки.

Предназначенные для вспомогательных действий воинские части должны были всегда находиться в готовности к акциям преследования. Связь между ними поддерживалась с помощью осветительных ракет. Условные знаки сигнализировали о начале боя с обнаруженной группой диверсантов или просьбу о помощи. Командование рекомендовало отказаться от использования телефонов и телеграфов, поскольку коммунисты подслушивали и информировали условными световыми сигналами диверсионные группы. Во время боя с обнаруженной группой воинская часть не могла удовлетвориться только возвращением украденных вещей. Настоящим успехом считалась полная ликвидация банды. Если окруженные не хотели сдаваться, армия использовала всю огневую мощь для их уничтожения.

После нападения на поезд 25 сентября 1924 года для охраны безопасности пассажиров тоже были направлены армейские части. По поручению командира IX корпуса генерала Рыбака командиры 9-й отдельной кавалерийской бригады и 30-й пехотной дивизии должны были выделить солдат для охраны поездов. Те должны были ездить в определенном купе или специально прицепленном для этого пассажирском вагоне. С точки зрения армии наиболее подходящими для этих целей были просторные вагоны российского типа (старые) или новые немецкие. Тесные вагоны, без выхода на обе стороны, делали практически невозможным ведение обороны (это был один из аргументов, использованных для

оправдания офицерами, обвиненными в пассивности во время нападения на поезд 25 сентября). К советам командира IX корпуса прислушался министр военных дел, который в ноябре 1924 года дал указание присоединять к каждому пассажирскому составу в восточных воеводствах бронированный вагон и более десяти солдат сопровождения.

Охраной безопасности пассажиров во время поездки должна была заняться и полиция. На самых опасных участках специальные отряды полиции стали проверять пути за час до прохода поезда. В Гродненском повете определенным полицейским постам поручили контролировать соответствующие участки трассы, а в Полесском воеводстве, в Бресте, Лунинце и Сарнах создали полицейские группы по 20 человек, в Жабинке – из 10 человек. Их задачей была охрана определенных участков наиболее опасных трасс.

После нападения на Столбцы произошли перемены и в охране городов. Власти хотели предотвратить повторение дерзкой акции в Столбцах. Лидский староста в письме от 6 октября 1924 года поручил тамошнему поветовому коменданту полиции принять следующие профилактические меры:

> «Город Лида должен охраняться ночью караулами, которые полицейский участок (...) выставит за городом (...). Размещение караулов должно приспособляться к местности и погоде. При тумане во время дождя караулы должны быть более плотными, а патрулирование более интенсивным. Караулы имеют одного командира, который отвечает за их исправное функционирование. В случае нападения линия караулов сдерживает нападающих от вторжения в город. Отдельные патрули поднимают тревогу выстрелами. Командир караулов должен держать наготове специальную группу, которую использует в случаях нападения для укрепления линии караулов, окружения нападающих и преследования».

Во второй половине 1924 года нападения диверсионного характера стали отмечать не только в приграничных поветах, но и в глубине Новогрудского и Полесского воеводств. Такой размах свидетельствовал о хорошем знании территории и подготовленности действий. Повсюду ходили слухи о готовящемся крупном скоординированном вооруженном выступлении.

Отношение местного (беларуского) населения к нападающим было либо благосклонным, либо пассивным, что чаще всего объяснялось опасением за собственную безопасность. Те, кто сотрудничал с властями, должен был считаться с репрессиями со стороны диверсантов, значительную часть которых составляла местная молодежь, хорошо осведомленная в местных делах.

Одной из мер противодействия расширению нападений, стала крупная облава 1 апреля 1925 года на восточных землях. Так, на территории Новогрудского воеводства в ней приняли участие 1700 полицейских и 4000 солдат. Планировалось арестовать 292 человека и провести обыск у 1382 человек, а фактически было задержано 350 человек и сделано 1634 обыска, во время которых нашли: 10 ручных гранат, 17 винтовок, 21 револьвер, 400 патронов, 100 штук старых коммунистических воззваний и газет*.

* Результат, прямо скажем, ничтожный. В среднем, одна единица оружия на 34 обыска, а фактически еще меньше, т.к. у тех, кто имел оружие, обычно изымали несколько единиц такового, не говоря уже о патронах ! – *Прим. ред.*

Полиция более энергично занялась вылавливанием лиц, переходивших границу.

Стараясь как можно скорей овладеть ситуацией, власти на «крэсах» осуществляли инвестиции в развитие средств связи. Так, в 1924 году в Новогрудском воеводстве было построено 400 км телефонных линий, а в 1925 планировалось провести еще 1500 км. На съезде старост Новогрудского воеводства обсуждалась возможность вооружения военных колонистов (осадников), которые, объединенные в отряды во главе с офицерами, образовали бы вспомогательные воинские формирования.

После зимнего периода, мешавшего активным действиям, уже с ранней весны 1925 года начались новые нападения. По-прежнему практиковалась проверенная тактика атаки, которая заключалась в одновременном ночном штурме главных административных зданий города или селения. Дестабилизация ситуации на «крэсах» в первой половине 1925 года стала способствовать увеличению числа разбойных нападений и в Белостокском воеводстве. Достаточно крупный диверсионный отряд действовал на территории Беловежской пущи.

До службы безопасности доходили сведения о переброске на территорию Западной Беларуси подготовленных агентов, специализировавшихся на диверсиях. Велась массовая вербовка прокоммунистически настроенной молодежи. В начале 1925 года повсюду ходили слухи о подъеме весной беларуского восстания. Лучше других к выступлению были готовы, как считалось, коммунистические организации в Белостокском, Бельском, Гродненском, Кобринском, Новогрудском, Пинском и Слонимском поветах.

Подтверждения о планируемой акции приходили также из польского посольства в Москве; британская разведка передала польским дипломатам информацию о прибытии в командование Красной Армии в Москве двух членов «Беларуского комитета действия» – Старункевича и Рызоя, которые доложили о ситуации на северо-восточных землях Польши. Из их рапорта следовало, что весна – лучшее время для вооруженного выступления. Беларуское население враждебно настроено к польской администрации и помещикам, потенциальные силы повстанцев оценивались в 40 тысяч человек. Как утверждалось в рапорте, в будущем переброска групп из БССР в Польшу значительно осложнится, что связано с организацией нового армейского формирования – Корпуса охраны границы. Это тоже была одна из причин, из-за которой рекомендовалось начать восстание как можно скорее. План действий предусматривал одновременный удар по всем польским поселениям на «крэсах», что уже в начале действий должно было привести к их полному уничтожению.

Беспокойство гражданских властей относительно беларуского восстания не разделяли армейские круги. Из подготовленного в конце 1925 года военным командованием анализа ситуации ясно следовало, что оно не ожидало беларуского восстания. В рапорте утверждалось, что «Беларусь с точки зрения повстанческих организаций наименее подготовлена».

Местное беларуское сообщество легко поддавалось влиянию антигосударственной пропаганды, ибо не верило в прочность польского государства. Оно охотно слушало всякие новости о возможности восстания или политических перемен, надеясь, что тем самым улучшится его положение, однако на самом

деле было далеко от массового вооруженного выступления. Работа коммунистических агентов, в значительной мере основанная на действиях бандитско-уголовного характера, не способствовала созданию сплоченной повстанческой организации. Значительно легче, чем организовать скоординированные повстанческие действия, было склонить обнищавшее население – даже посредством политических лозунгов – к выступлениям уголовного характера, направленным преимущественно против ненавистных социальных и профессиональных групп – помещиков, чиновников, полицейских.

Улучшение состояния безопасности стало заметным в 1925 году. Стало сокращаться среднее число нападений. Это позволило освободить армейские части от постоянной вспомогательной службы. В Новогрудском воеводстве последний отряд отправился в свой гарнизон 28 мая 1925 года. В 1926 году число нападений резко упало. Прекращение массовых диверсионных акций завершило наихудший в плане общественной безопасности период в истории северо-восточных земель межвоенной Польши.

* * *

Причин окончания действий диверсионных групп в 1925 году было несколько. Одна из них – активная деятельность временных судов, выносивших приговоры за подрывную деятельность. Сообщения о деятельности таких судов, помимо плакатов, появлялись в местной печати. Власти, хорошо понимая роль прессы, рекомендовали публиковать в газетах новости о ликвидации очередных групп, о процессах и приговорах временных судов. Особое впечатление производили сообщения о смертных приговорах, тем более что такой приговор исполнялся в течение 24 часов.

В репортажах прессы подчеркивался уголовный характер действий осужденных. Так, автор статьи в «Glosie Wilenskim» о процессе над 70 членами «большевистско-беларуской банды» подчеркивал, что хотя инспирация исходила от советской и летувисской агентуры (за немецкие деньги), ни о каком восстании не могло быть и речи, все кончилось обычными грабежами. При этом жертвами нападений и грабежей бывало и беларуское население. Показания свидетелей неоспоримо доказали, что все обвиненные – не «идейные беларусы», а обычные бандиты, готовые за хорошую плату жечь и убивать любого.

Все большие результаты давала деятельность служб безопасности, выявлявших и арестовывавших активных коммунистов. Хорошо исполняло свою задачу новое формирование – корпус охраны приграничья, успешно блокируя наплыв неугодных элементов из БССР.

Однако главная причина прекращения диверсионной деятельности находилась на советской стороне. Сталин отложил экспорт коммунизма в западные государства на более поздний срок. Внутренняя борьба в партии, которая в будущем привела к массовым репрессиям, исключала в ближайшей перспективе конфликт с капиталистическими государствами, в том числе и с Польшей.

Поэтому содержание постоянных диверсионных отрядов в советской Беларуси перестало быть целесообразным, тем более что они легко могли начать искать добычу на территории БССР. В качестве повода для ликвидации групп советские власти использовали конфликты между отрядами и спровоцировали в

августе 1925 года стычки в Дзержинске между ними. Фактически это стало завершающим актом организованной деятельности диверсионных групп, забрасываемых в Польшу из СССР.

Массовые выступления против лиц и учреждений, считавшихся символом польского господства, снова произошли только после 17 сентября 1939 года. Тогда, услышав новость о вступлении Красной Армии, спокойное и лояльное до той поры беларуское население начнет по инспирации советских эмиссаров, а также стихийно создавать вооруженные группы, и расправляться, часто жестоким способом, с чиновниками, полицейскими, военнослужащими и землевладельцами.

Преступления, совершенные организованными группами на территории Новогрудского, Полесского и Виленского воеводств в 1921–1926 гг.

Год	Воеводство	Грабеж и разбой в бандах	Убийства в бандах
1921 (51)	Новогрудское	44	нет сведений
	Полесское	7	нет сведений
1922 (241)	Виленское	66	18
	Новогрудское	120	30
	Полесское	7	нет сведений
1923 (268)	Виленское	52	21
	Новогрудское	49	12
	Полесское	127	7
1924 (217)	Виленское	42	10
	Новогрудское	33	13
	Полесское	103 16	
1925 (110)	Виленское	10	5
	Новогрудское	14	6
	Полесское	67	8
1926 (49)	Виленское	9	2
	Новогрудское	9	3
	Полесское	21	5

(Источник: Rocznik Statystyczny Rzeczy Pospolitej Polskiej, 1922–1927)

ГОЛОД В БССР В 1946–47 гг. И РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ирина Каштелян

Первое послевоенное десятилетие остается малоисследованным периодом в беларуской истории. В тех немногих монографиях, которые посвящены восстановлению Беларуси после войны, вопрос голода 1946-47 гг. не поднимается. Беларуским ученым полезно было бы осмыслить нашу составную этой темы в контексте советской и мировой истории. Комплексному рассмотрению может способствовать анализ через восприятие данного явления простым маленьким человеком, а не теми, кто формулировал данную проблему как «наличие трудностей в связи с засухой и неурожаем», но не упоминал о голоде, основываясь только на макрособытиях и мифах советской историографии.

Официально поддержанных исследований ждать не приходится, ибо эта тема идет против идеологической политики властей по идеализации советского прошлого. Им это невыгодно, так как освещает еще одно великое преступление со стороны советской власти – обречение на голодную смерть тысяч простых людей. В других странах, где осуждаются преступления режима в СССР, пострадавших от голода 1946–1947 гг. называют безосновательно репрессированными.

Особенности повседневной жизни

После войны в БССР сложилась очень тяжелая экономическая ситуация, так как территория республики подверглась наибольшим разрушениям в СССР. Большие потери мужского состава привели к серьезному дисбалансу в соотношении полов. По БССР, особенно в деревне, было много неполных семей и сирот, незаконнорожденных детей от солдат и матерей-одиночек. На плечи женщин легла основная забота по борьбе семьи за выживание при отсутствии кормильца. Несмотря на официальные заявления о поощрении многодетности, количество продуктов на детей было недостаточно, чтобы вырастить их здоровыми. Все дети были полураздеты и полуразуты, ведь на них не было карточек для получения промышленных товаров. Очень часто при большом числе детей был только один работающий в семье, нередко низко оплачиваемый [18, с. 36, 67–68].

Большинство граждан жило в домах без удобств, в антисанитарных условиях. В городе не хватало продуктов, самых необходимых товаров и лекарств. Это приводило, как и на селе, к высокой детской смертности и распространению эпидемий. Дефицит стал постоянной частью системы. Общая экономическая

ситуация характеризовалась задержками в выплате заработной платы, высокими ценами, принудительными государственными займами, увеличением налогового давления.

В необходимом объеме получали продукты только Москва и другие столицы союзных республик, но при этом даже в Минске не хватало хлеба. В магазины сельской местности хлеб завозили реже одного раза в неделю, не говоря о других товарах. Местное население в поисках выхода заводило огороды, держало мелкий и крупный скот, за хлебом, сахаром и другими продуктами селяне ездили в отдаленные места.

Проживание в той или другой местности было обусловлено наличием местной прописки, без которой невозможно было найти жилье, трудоустроиться, вступить в брак и т.д. Для сельского населения это означало двойной контроль, ибо колхозники жили без паспортов, что прикрепляло их к колхозам. Выезд на другое место жительства мог происходить только с получением паспорта, что делалось по разрешению руководства колхоза и сельсовета, которые, как правило, в этом были не заинтересованы [6, с. 59]. Таким образом крестьяне не могли свободно получить новое место работы, место жительства, для несогласных с коллективизацией людей ограничивались возможности избегать работы в колхозе.

Существенным фактором, который усложнял жизнь простого человека, был постоянный поиск властями врагов – бывших колаборантов, антисоветчиков, которыми могли стать даже те, кто не платил своевременно налоги. Изменения в законодательстве, принятие разных инструкций и директив высшим руководством приводило к тому, что волн репрессий было много.

Голод

Голод 1946–1947 гг., вызванный засухой и неурожаем, в отличие от РСФСР, Украины и Молдовы затронул в БССР только южные районы, но стал шоком для всех слоев населения этого региона. Для фронтовиков он по времени совпал с демобилизацией, когда тысячи бывших солдат и офицеров остались без работы. У них не было другого выхода, как только скрывать свою инвалидность и ранения, чтобы трудоустроиться и иметь за что жить им и их семьям [5, с. 51]. Иногда они были вынуждены попрошайничать.

Но особенно тяжелая ситуация сложилась в беларуской деревне, где в 1946 г. только немногим более 10 % колхозов производили натуральную и денежную оплату труда колхозников [1, с. 91]. При этом государство сохраняло высокие требования по выплате налогов и ссуд государству. Трудность ситуации подчеркивало наличие случаев каннибализма из-за голода. Например, в д. Пирки Комаринского р-на Полесской обл. в июне 1947 г. был установлен факт убийства двух детей и употребления их мяса в пищу жительницей этой деревни [12, лист 32].

Содержательная информация содержится в сверхсекретных на то время отчетных документах по ситуации с голодом. Вот характерные выдержки из докладной записки секретаря областного комитета КП(б)Б И. Карасёва от 22.03.1947 о положении в Полесской области:

«Засуха 1946 г. поразила почти все районы области. Урожайность оказалась низкой...

Со своих приусадебных участков колхозники во многих районах тоже почти ничего не получили.

Запасы продовольствия у колхозников с каждым днем иссякают. Если по состоянию на 1 февраля 1947 г. в области было свыше 7000 семей колхозников, находящихся в полуголодном состоянии, то сейчас по произведённым подсчетам таких семей насчитывается более 20000, или до 70000 человек терпят острую нужду с продовольствием. Такое тяжелое положение усложняется еще и тем, что многие из этих семей не имеют в личном пользовании молочного скота и каких-либо других источников питания.

Ряд семей для приобретения продуктов питания уезжают в районы западных областей БССР и там нанимаются в батраки. В связи с создавшимися материальными трудностями более 4000 детей перестали посещать школу. В Комаринском районе есть случаи смертности на почве недоедания.

Обком КП(б)Б просит Вас выделить возможное количество продуктов для оказания продольственной помощи семьям колхозников Полесской обл.».

На записке имеется резолюция секретаря Н.И. Гусарова (26.03.1947), которая сообщает, что помощь была выделена (по другим документам 350 тонн зерна) и надо проконтролировать ее использование работниками района [8, лл. 115–116]. Простая арифметика показывает, что в лучшем случае на руки голодающим выдавалось до 5 кг (из расчета 150 грамм на человека на день). Сходные документы есть по Гомельской обл. [8, лист 119], где насчитывали до 25 тысяч голодающих. Отметим, что положение по всей Восточной Беларуси было сложным, о чем свидетельствуют материалы про выделение зерна по всем областям (в небольшом количестве – например, 600 тонн на 7 областей на вторую половину апреля – первую половину мая 1947 г.), семьям, которые голодали из-за фактически полного отсутствия продуктов и средств для их приобретения. Например, по Витебской области таковых было зарегистрировано около 8500 человек [8, лл. 141–142, 155].

В некоторой степени Беларусь спасли поступления гуманитарной помощи от Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА), которую получала БССР как одна из самых пострадавших частей СССР (на 61 млн. долларов с 19 апреля 1946 по 31 марта 1947 г.). В поставки входили продукты питания, семена, сырье для мыловарения, промтовары, промышленное и медицинское оборудование. Питание и промтовары рыночного назначения продавали населению по единым ценам нормированного обеспечения через государственную и кооперативную торговую сеть. Больницам, детским садам, детским домам и яслям, домам инвалидов и престарелых товары передавались бесплатно [3, с. 47–48; 17, с. 216–217]. Несмотря на значительные злоупотребления номенклатурных чиновников при распределении этой помощи, немалая ее часть все же досталась и малоимущим слоям населения.

Но большинство решений властей несли не помощь населению, а скорее были направлены на усиление уголовной ответственности тех, кто мог помешать выполнению планов по заготовке хлеба. Во второй половине 1946 г. СМ СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба: от 27 июня «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущении его разба-

заривания, хищения и порчи» и от 25 октября «Об обеспечении сохранности государственного хлеба» [5, с. 45]. Разбазариванием считалась выдача хлеба авансом, из семенного фонда в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета с государством по обязательным поставкам. Фактически постановление ударило и по тем колхозным работникам, кто расплачивался с односельчанами за работу в колхозе, чтобы те могли иметь пищу. Аналогичные решения принимались и позже. Например, постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 14.01.47 «О мерах полного обеспечения засыпки семян зерновых и других сельскохозяйственных культур к весеннему севу в колхозах» контролировало, чтобы не происходило расхищение и разбазаривание семян, но таких фактов было много.

Упомянутые выше постановления об охране хлеба и семян вызвали много дел против председателей колхозов и колхозного актива, особенно в районах, пострадавших от неурожая.

Голодные горожане разделывают павшего коня

Например, к уголовной ответственности были привлечены председатель колхоза им. Кагановича, Ветковского р-на Гомельской обл. И.Г. Минков и председатель ревизионной комиссии С.М. Минков, которые зимой 1946/47 гг. раздали колхозникам в счет задолженности по трудодням из семенного фонда 2504 кг зерна [11, лист 221]. По обвинению в разбазаривании зерна во второй половине 1946 г. в БССР были привлечены к уголовной ответственности 345 председателей [5, с. 48], в большинстве случаев необоснованно.

Вынужденные признать это власти приняли постановление ЦК ВКП(б) от 14 июня 1947 г. «О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов», которое привело к постепенному сокращению числа преданных суду председателей, сокращению сроков их наказания, и спасло часть председателей от действия Указа от 4.06. 1947 года [4, с. 104].

Негативную роль на положение населения во время неурожая сыграло и принятие в сентябре 1946 года решения Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) – в рамках кампании по экономии хлеба – о повышении пайковых цен в среднем в три раза и сокращении контингента населения, находившегося на нормированном обеспечении. Цены на продовольственные товары стали в целом выше довоенных и, за исключением самого необходимого, недоступными для большинства населения. Карточная система стала исключительно городским явлением. Отсутствие нормированного обеспечения сельской местности продуктами питания усилило страх людей перед голодом, искусственно усилило криминогенную обстановку [5, с. 45–46]. Неурожай увеличил количество преступников, в т.ч. детей.

Стратегии поведения населения

Стратегии противодействия варьировались от пассивной, ненасильственной до активной, террористической формы. Психологические особенности человека были определяющими при выборе формы сопротивления. Каждый мог совершить свой выбор. Кто-то от нехватки пищи ел крапиву и лебеду, кто-то уходил работать в город, кто-то грабил и убивал за кусок хлеба.

Голод дифференцировал людей. Те, кто более приспособился, имели больше шансов на выживание, ибо помощь в первую очередь шла советским активистам. Всех остальных система ломала своей законодательной и налоговой базой, репрессивную силу которых во много раз увеличил голод. Значительное число людей выбрало активное приспособление к советскому режиму как форму выживания, особенно в Восточной Беларуси, которая находилась в составе СССР на 20 лет больше, чем Западная.

Чаще всего в архивных документах сопротивление регистрируется в высказываниях. Власти констатировали в БССР наличие отрицательных политических настроений, связанных с засухой 1946 – 1947 гг. Как отмечалось, это делали отдельные люди, главным образом политически отсталые, так как не верили во временность и преодолимость имеющихся трудностей. Например, политической отсталостью было посчитано высказывание младшего сержанта Кудрявцева, что информация в газетах о выполнении и перевыполнении плана – неправда, так как ему приходили письма от матери, где та писала, что все они ходят голыми и босыми, ни у кого ничего нет. И другие служащие говорили, что им тяжело смириться с тем, что из писем родных они узнавали о том, что их родные умирают от голода, в то время как то, что они зарабатывают им не выплачивают, а выращенную продукцию отправляют на нужды других республик СССР [9, листы 63–68].

Таких свидетельств много, были и другие виды сопротивления. В колхозе им. Ворошилова в Лоевском р-не колхозники отказались выходить на работу 5.12.1946. В результате было проведено собрание, на котором колхозники заявили: «Дайте нам картошки сейчас, а не весной, ибо мы умираем с голоду». Председатель колхоза сказал, что его за это в Сибирь сошлют, а колхозницы ответили: «Пусть тебя одного сошлют, зато мы все будем сыты».

Чтобы достать продукты, голодающие ехали в другие регионы СССР, где не было неурожая. В это время констатируется увеличение дел по дезертирам из оборонной промышленности, которые убегали, чтобы достать еду. Так, в западные области БССР за хлебом и картошкой ездили даже на подножках и крышах вагонов. В отчетах органов милиции отмечалось, что за счет лиц, бежавших из областей, пострадавших от засухи, на железной дороге увеличилось число краж и грабежей [11, лл. 111–112; 12, л. 62].

Среди рассматриваемых уголовных деяний, преобладавших в отчетах органов милиции, были хищение социалистической собственности, спекуляция и самогоноварение. Это основные методы выживания в условиях голода и постоянной нехватки самого необходимого, которые расценивались как преступления и карались по закону.

Борьба с самогоноварением велась не столько в целях сокращения пьянства, сколько для экономии зерна. Потому резко возросло внимание к этому виду преступлений после принятия соответствующих постановлений по охране хлеба.

Нехватка необходимых для существования товаров приводила к распространению так наз. «спекуляции», когда люди пользовались ситуацией дефицита и через собственную выгоду делали обеспечение общества товарами более равномерным. Основными методами раскрытия фактов спекуляции были агентурные данные и наблюдение за спекулянтами на рынках и станциях железной дороги. Милиция систематически проверяла поезда, вокзалы и стационарные рынки, чтобы выявлять и задерживать спекулянтов [11, л. 191].

Главными видами спекуляции являлись скупка продуктов и скота в западных областях и перепродажа их в восточных, закупка продуктов в деревне или дефицитных товаров в центральных городах СССР. Среди людей, занимавшихся этим, было много тех, кто делал это чтобы не умереть с голода. Ряд их был оторван от своей социальной группы – крестьяне, которые переселились в город под влиянием коллективизации; инвалиды; семьи без кормильца и т.д. Большая часть привлеченных к ответственности не имели определенных занятий (около 70 %) и даже собственного имущества, которое можно было бы конфисковать по судебному приговору [12, лл. 258, 338].

Сокращение поставок хлеба на внутренний рынок и рост цен весной 1947 г. привели к увеличению краж зерна и хлебо-булочных изделий. А государство вместо борьбы с истинной причиной – голодом, сделало более жестокими наказания. С этой целью были приняты указы от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за кражи государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» – взамен постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» и соответствующих статей Уголовного кодекса БССР [12, л. 176].

По указу об ответственности за кражу государственного имущества кража, присвоение или другое хищение государственного имущества наказывались заключением в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) на срок от 7 до 10 лет с конфискацией имущества или без конфискации. Повторное хищение государственного имущества, или совершенное организованной группой, или в крупных размерах наказывалось заключением в ИТЛ на срок от 10 до 20 лет с конфискацией имущества. На практике минимальный срок составлял от 7 до 10 лет, а за повторное преступление – до 25 лет исправительно-трудовых работ (ИТР).

Указ об ответственности за кражу личного имущества граждан предусматривал заключение в ИТЛ на срок от 5 до 6 лет. При осуществлении группой лиц или повторно уже на 6–10 лет [16, с. 430–431]. Направленность работы карательных органов показала, что наибольшее внимание уделялось борьбе с хищениями именно государственной собственности.

Официально декларировалось, что более мягкая мера предусмотрена для тех, кто совершил преступление впервые; без корыстных целей; под влиянием сильного нервного волнения; в состоянии голода, нищеты и вообще под влиянием тяжелых личных или семейных условий; по несознательности; несовер-

шеннолетним или беременной женщиной и т.д. [20, с. 11]. Однако на практике эта норма не работала. Прокурорские работники стремились выносить протесты преимущественно по причине так наз. необоснованного оправдания или слишком мягкой меры наказания. Например, мягким посчитали приговор по делу А. Каско, которую за кражу 2 кг колосьев ржи осудили на 5 лет, но освободили от отбытия наказания ввиду малозначимости преступления и отсутствия опасности для общества, так как она уже была условно осуждена в 1946 г. за кражу колхозного имущества [14, лл. 49–50].

Крестьяне пашут землю: вместо коня – женщины

Эти указы резко увеличили количество уголовных дел и осуждений на территории БССР. Если в 1946 году было завершено 39.975 дел, по ним преданы суду 48.974 лица, то в 1947 году 43.015 дел и отданы под суд 54.045 чел. Немногим более половины из них были завершены милицией, остальные прокуратурой. Число дел возросло главным образом по хищениям «социалистической собственности» (27,1 % от общего числа дел) и по кражам личного имущества граждан (21 %) [14, лл. 168–170].

В конце 1947 года соответствующие органы сообщали партийно-советскому руководству БССР о серьезных недостатках в применении указа от 4.06.1947 года. Несмотря на резкое увеличение количества лиц, преданных суду за такие преступления, по мнению Прокуратуры БССР не было достигнуто значительного снижения краж, а по некоторым системам и ведомствам показатели даже увеличились. Большинство дел было по мелким причинам, только 105 по крупным растратам и кражам.

Преимущественное количество дел возникло в колхозах по хищению зерна во время уборки (в 3-м квартале 1947 г. 51,3 % от общего числа привлеченных), и по мелким кражам на промышленных предприятиях. Показателен рост числа привлеченных к ответственности по данному виду преступления. По сравнению со 2-м кварталом (когда ответственность была по закону от 7.08.32) в 3-м квартале 1947 г. в колхозах привлекли на 2003 человек больше (рост на 1353 % – 2045 чел.), на промышленных предприятиях на 377 чел. больше (рост на 380 % – 393 чел.) [13, лл. 359, 369].

Большое количество осуждений за кражи хлеба должно было показать руководству о высоком уровне борьбы за сохранение государственного хлеба. Но именно по этому виду преступления были установлены многочисленные факты необоснованных привлечений к ответственности и лишения свободы, неправильной квалификации действий обвиняемых. Большинство осужденных являлись колхозницами, которые обвинялись в стрижке колхозных колосьев. Например, в Кормянском р-не Гомельской области была привлечена к уголовной

ответственности колхозница Короткевич за то, что ее малолетний сын сорвал горстку колосьев [14, л. 225].

Стремление показательно выполнять указы приводило нередко к нарушению законности, особенно в колхозах и сельсоветах. В ряде случаев должностные лица при ненахождении похищенного колхозного имущества проводили повальные обыски у всех «подозрительных лиц» или даже у всех колхозников. Например, 13.08.1947 из-за кражи картошки с приусадебного участка колхозницы колхоза «III-ий решающий» Логойского р-на депутат сельсовета Ф. Тиханович и председатель райкомиссии колхоза В. Тиханович сделали обыск у всех колхозников [14, лл. 58–59].

Стремясь снять с себя ответственность за растраты и хищения руководство могло пойти на обвинение в осуществлении вором кражи в больших размерах, присоединить к его делу обвинение по другим потерям, которые имелись в хозяйстве. Например, суд Крупского р-на приговором от 30.09.1947 осудил к 4 годам заключения в ИТЛ колхозника И.И. Саковича за кражу клубней с 10 кустов колхозной картошки, хотя это не соответствовало действительности. Сакович возвращался с грибами из леса и проходил через колхозное поле, вырвал куст картофеля, чтобы посмотреть урожай. 8 картофелин он положил в корзину, после чего был задержан бригадиром колхоза. 10 кустов картофеля выкопал неизвестно кто, но за это осудили Саковича [14, лл. 53–54].

Обвинить и осудить могли даже по подозрению в осуществлении преступления. Так, народным судом Лепельского р-на В.С. Латышев и И.А. Вертинский были осуждены 8.10.1947 на 3 года лишения свободы, со взысканием в пользу колхоза 1200 рублей за то, что будто бы И.А. Вертинский, как бригадир, а В.С. Латышев – сеяльщик весной 1946 г. при посеве украли семена вики и льна. Подозреваемые были задержаны в Чашниках на рынке в июле 1947 г. с 16 кг вики, принадлежность которой колхозу не была установлена. Областной суд 29.10.1947 дело прекратил. Латышев и Вертинский содержались под караулом 20 дней [15, лл. 417–418].

Государство в первую очередь волновало сохранение его собственности. Иная ситуация наблюдалась с заботой о личной собственности граждан. По этому виду преступлений была характерна низкая раскрываемость, что в значительной степени являлось результатом того, что в течение всего 1947 г. по большому количеству заявлений и сообщений о совершенных преступлениях органы милиции не принимали никаких мер по 4–5 и более месяцев, и большое количество дел, возбужденных по заявлениям граждан, через 5–6 месяцев заканчивались, как правило, прекращением из-за ненахождения преступников, которые часто не проживали по месту осуществления преступления (так наз. «гастролеры»).

Большинство краж личного имущества были связаны с дефицитом продуктов. Весьма распространенными были кражи скота. Но после выхода указа от 4.06.1947 проявилась тенденция к снижению их количества. В 1946 г. были зафиксированы 1413 случаев угона скота, в 1949 – 332, в 1952 – только 89 [2, с. 72]. И по этому виду дел были случаи повышенного стремления привлечь к ответственности. Тесно с выполнением данного указа об охране личной собствен-

ности граждан была связана борьба в городах (особенно областных) и на железных дорогах с «карманными» кражами.

Анализ репрессивной практики советской власти показал, что органы МВД, которые не могли справиться с особо крупными грабежами, делали свои отчеты на маленьких преступлениях, совершаемых женщинами и детьми из-за голода и нужды [4, с. 106]. Усиление ответственности за кражи и повышение требований по их выполнению со стороны советского руководства привело к переполнению осужденными лагерей и тюрем. Жестокость законодательства вызвала сопротивление даже судебных органов, которые стремились не судить женщин и несовершеннолетних, ища им оправдание или останавливая дело по малозначимости. Об этом свидетельствует статистика по Указам от 4.06.1947, которая фиксировала с конца 1947 по 1951 год неуклонное снижение числа осуждений по этой категории преступлений, особенно женщин, детей, стариков и инвалидов [19, с. 415]. Но насколько глубоким было это сопротивление остается вопросом, ведь смягчение практики могло быть санкционировано сверху из-за многочисленных фактов недовольства населения.

Указы от 4.06.1947 были не единственной репрессивной мерой, направленной на контроль крестьян в рамках проведения политики власти. Среди других – указ в июне 1948 г. о выселении из деревни без суда и следствия так наз. «паразитического элемента» – тех, кто не выполнял минимума трудодней (чаще всего не оплачиваемых).

Действия местных властей

Последствия неурожая могли бы быть другими, если бы государство реально помогло людям. Однако для высшего руководства СССР было гораздо важнее преследование своих геополитических интересов. Скрывая тяжелое внутреннее положение, оно отказывалось от международной помощи и даже наоборот направляло зерно, нужное своим гражданам, в страны социалистического лагеря.

Власти предусмотрели помощь голодающим БССР, но только в форме ссуды с процентами – льготной в 2 центнера или обычной в 10 центнеров начисления на каждые выданные 100 центнеров при возвращении из очередного урожая, в виде редкого исключения с рассрочкой на два года [3, с. 44].

Какой была помощь, показывает следующий пример. Председатель СМ БССР и первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко в письме «О весеннем севе 1947 г. в колхозах Белоруссии» от 13 февраля 1947 г. сообщил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о том, что многие колхозники в начале года не имели хлеба, питались суррогатами и просил зерновую ссуду. По вине центрального и местного руководства помощь пришла с опозданием на полгода (!) и предназначалась ввиду своего малого размера партийно-советскому аппарату. В июле зерно было выделено целиком, ибо количество было невелико – 500 тонн ячменя и овса, но на условиях возвращения из урожая 1947 г. под 10 %. В западных районах БССР помощь давали в основном активистам сельсоветов и колхозникам, чем власти пытались показать, что для единоличников спасение только в колхозах [4, с. 140].

Несмотря на голод, выполнение планов государства ставилось выше интересов его граждан. СМИ продолжали печатать письма Сталину от колхозников с обязательством досрочно выполнить государственный план хлебозаготовок к 30-й годовщине Великого Октября. Вместо реальной помощи голодающим их вынуждали отдавать деньги взаймы государству, но деньги эти никогда не возвращались, что еще более ухудшало положение населения.

Для того, чтобы выполнить планы в западных областях Беларуси, заготовители хлеба включали как можно больше хозяйств, в т.ч. середняцких, в списки кулацких, чтобы обложить государственными поставками по завышенным нормам. Голод затруднил выполнение определенных государством обязательств, но за их невыполнение грозило привлечение к суду с возможным приговором в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет [4, с. 31, 33]. Формой протеста крестьян стало нежелание сеять, так как они ждали, что хлеб все равно заберут. Это отразилось на посевной кампании 1947 г.

Сверхсекретные документы того времени свидетельствуют, что руководству республики докладывали про ситуацию на местах, хотя скорее всего, преуменьшая масштабы голода. Деятельность представителей местных органов власти находилась под сильным влиянием настроений и ожиданий населения, тех событий, которые происходили на региональном уровне. Они не могли не учитывать и указания вышестоящих структур, но действовали в их рамках скорее формально, так как для стабилизации ситуации и укрепления статуса советской власти должны были опираться и на поддержку местного населения, отягощенного послевоенными трудностями в западных областях БССР. Часто местные чиновники самостоятельно принимали решения о выборе методов достижения планируемых результатов, которые определялись служебными возможностями и личными особенностями должностных лиц.

Главный организатор голодовок и репрессий

В период уборки урожая и хлебозаготовок 1946 г. в отдельных районах БССР имели место случаи обмана государства со стороны служебных лиц «Заготзерно», колхозов, совхозов и крестьян-еди-

ноличников при представлении в вышестоящие органы сведений про уборочные площади, заготовленный хлеб и другие сельхозпродукты. Так, отдельные работники «Заготзерно» выписывали фиктивные квитанции колхозам, единоличным крестьянским хозяйствам на якобы принятый от них хлеб, в то время как на государственные склады он не поступал. Были случаи, когда колхозы, совхозы выдавали расписки заготовительным пунктам, а от них получали приемные квитанции на несданный государству хлеб. В целях прекращения данной практики ЦК КП(б)Б дал указание секретарям РК КП(б)Б установить строгий контроль в 1947 г. за работой заготовительных пунктов, а работников виновных в предоставлении ложных сведений привлекать к ответственности перед законом [12, л. 10].

Органы прокуратуры БССР в октябре – ноябре 1946 г. провели 855 проверок в местах хранения зерна. В результате были привлечены к уголовной ответственности за порчу, кражу и разбазаривание государственного хлеба 340 человек. Например, заведующий складом Барановичской реализационной базы «Заготзерно» Крамченко, бывший заведующий тем же складом Потоцкий и заведующий складом той же базы Струнин разворовывали зерно через выдачу фиктивных квитанций, за что получали деньги и продукты. Таким путем они украли 3500 кг зерна различных культур. Все они были осуждены. Крамченко и Потоцкий по закону от 7.08.1932 первый к высшей мере наказания, а второй к 10 годам лишения свободы, Струнин по статье 196-1 Уголовного кодекса БССР (злоупотребление служебным положением) к 6 годам лишения свободы [10, л. 12].

Выводы

Первые послевоенные годы характеризовались постоянным дефицитом самого необходимого. Неурожай 1946 года (в особенности пострадали южные районы БССР) осложнил положение сельского населения, которое практически не получало заработок по трудодням в колхозе и в то же время было окончательно лишено обеспечения хлебом по карточкам. Сельская жизнь еще более обесценилась, ведь в городе было легче выживать и репрессивные факторы там действовали меньше.

Нищета и голод толкали обычных людей на нарушение законов, искусственно делали их преступниками. Они увеличили количество краж, а действие указов от 4.06.1947 показало, что рост их произошел за счет тех, для кого это /кража/ была единственная возможность выжить в сложных условиях.

Реальной помощи голодающим от государства не было, так как выполнение планов ставилось выше интересов граждан. Чтобы сохранить хлеб для государства, власти проводили активную карательную деятельность, вводили более жестокую ответственность. Репрессии совершали и различные административные должностные лица в границах их возможностей, часто чтобы отвести от себя угрозу наказания. Во время проверки дел по данным указам даже в то время были установлены многочисленные факты необоснованного осуждения, особенно в отношении несовершеннолетних.

Список использованной литературы

1. Белязо А.П. Беларуская вёска ў пасляваенныя гады (1945 – 1950). Мн., 1974. – 176 с.
2. Есть такая служба (Воспоминания. Очерки. Публицистика). Мн., 2002. – 478 с.
3. Зима В.Ф. Голод в России 1946–1947 годов // «Отечественная история». М., 1993, № 1, с. 35–52.
4. Зима В.Ф. Голод в СССР в 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996. – 266 с.
5. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946 – 1947 гг.) // «Отечественная история» 1995, № 5, с. 45–59.
6. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества, 1917–1996 гг. Сыктывкар, 1996. – 346 с.
7. Кожевников М.В. История советского суда (1917 – 1956 гг.) М., 1957. – 384 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4. Опись 29. Дело 566.
9. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 598.
10. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 600
11. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 601.
12. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 602.
13. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 603.
14. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 686.
15. НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 843.
16. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952). М., 1953. – 464 с.
17. Снапкоўскі У.Е. Аб дапамозе ЮНРРА Беларусі (1945 – 1947) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). Матэрыялы канф. Ч. 1. Мн., 1994, с. 214–219.
18. Советская жизнь: 1945–1953. М., 2003. – 720 с.
19. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. – 464 с.
20. Уголовный кодекс БССР. Мн., 1949. – 96 с.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1949–1952 гг.)

Ирина Каштелян

События сентября 1939 г., которые привели к включению западных белорусских территорий в состав БССР, привнесли в жизнь местного населения много нового, часто непонятного и отрицательного. Политика советских властей во всех сферах повседневности вызвала неоднозначную реакцию жителей Западной Беларуси. Часть их не хотела признавать советский строй и вела с ним силовую и пропагандистскую войну. Для борьбы с сопротивлением в органах внутренних дел были созданы специальные подразделения, в том числе Управление по борьбе с бандитизмом (1).

В западных областях БССР, с некоторыми оговорками, проводилась перестройка экономики по образцу восточных областей. В том числе началась коллективизация, которую временно приостановила война с Германией.

После войны колхозы в Западной Беларуси в основном перестали существовать и восстанавливались медленно, для сельской местности были характерны единоличные хозяйства. До 1949 года создание колхозов велось преимущественно путем агитации. Незначительность результатов такой работы весьма показательна.

Но довоенная коллективизация западных областей БССР не могла сравниться с той, которая началась после того, как XIX съезд КП(б)Б (10–12 февраля 1949 г.) принял постановление о необходимости сплошной коллективизации страны и завершения колхозного строительства в западных областях БССР.

В западных областях на 15.12.1948 года имелись 772 колхоза, из них 553 были организованы в 1948 году, в своем большинстве – за осенние месяцы. А уже через год было 4454 колхоза, объединявшие 208.169 хозяйств или 35,3 % от их общего количества. При этом власти заявляли, что «во многих колхозах проявляется нетерпимая медлительность в обобществлении основных средств производства» (2).

3 марта 1950 года ЦК ВКП(б) издал постановление «О серьезных недостатках в колхозном строительстве западных областей Белорусской ССР». Признавая свою вину в медленных темпах коллективизации, первый секретарь ЦК КП(б)Б Николай Гусаров говорил в докладе о том, что на 15 мая 1950 года только 54,2 % хозяйств коллективизировано в западных областях (317.742 хозяйства). Благодаря ускорению темпов, к ноябрю 1951 года было объединено уже 89,7 % (521.138 хозяйств) (3), а до конца 1952 года 95 % хозяйств вошли в колхозы (свыше 540 тысяч) (4). XX съезд КП(б)Б отметил в сентябре 1952 года, что коллективизация в основном завершена.

Понятно, что для обеспечения темпов коллективизации, требуемых высшим партийным руководством, местным советским чиновникам пришлось идти на разные меры.

Так, процент коллективизации пытались повышать за счет присвоения единоличной земли (например, в Радошковицком и Ошмянском райисполкомах это произошло с 291 хозяйством (5)). С крестьянином-единоличником перестали считаться, его права часто игнорировались. Показателен в этом плане случай, когда у хуторянина И.Х. Воронецкого участок земли, находившийся на границе с колхозом, был включен в колхоз без согласия хозяина. Крестьянин обратился с жалобой в ЦК КП(б)Б, но его заявление не удовлетворили, мотивируя тем, что коллективные интересы важнее индивидуальных (6).

***

Репрессивные меры являлись неотъемлемой частью проведения политики коллективизации. Так называемые «перегибы» носили массовый характер. Об этом свидетельствуют информационные материалы, поступавшие в ЦК КП(б)Б из обкомов. Пример тому – рассмотрение на заседании Барановичского обкома КП(б)Б 22.04.1949 года вопроса «О грубых нарушениях советских законов и издевательстве над отдельными крестьянами со стороны некоторых работников Любчанского района». Было установлено, что пропагандист Любчанского райкома КП(б)Б А.М. Адамович и заведующий районным отделом социального

Беларуская деревня в первые послевоенные годы

обеспечения А.А. Савицкий, командированные Любчанским райкомом в колхозы «Герой труда» и «Заря коммунизма» для помощи в подготовке к весеннему севу, «допустили издевательства к отдельным крестьянам, не вступившим пока в колхоз». Бюро обкома КП(б)Б исключило Адамовича из партии и предложило областному прокурору привлечь его к судебной ответственности, Савицкому вынесли строгий партийный выговор. Кроме этого было решено выехать в колхоз «Герой труда» и сообщить колхозникам и крестьянам-единоличникам, что виновники наказаны, а также провести разъяснительную работу, чтобы организовать только добровольный прилив крестьян в этот колхоз.

В то же время отмечалось, что данный случай не единственный пример издевательств. Так, в ряде колхозов Любчанского района крестьян-единоличников принудительно привлекали на колхозные работы, а в отдельных селах крестьянам, которые не вступили в колхоз, не отводили земли (7).

Методы пропаганды сочетались с принуждением, которое провоцировало сопротивление и, как результат, репрессии. В деревне Кантиненты Шеметовского сельсовета Свирского района И.В. Хоревич отказался записаться в колхоз. Районное руководство вызвало его и письменно предписало за это ему и его сыну сдать 100 кубометров дров. В деревне Сивица Сморгонского района для того, чтобы собрать крестьян-единоличников на собрание по вопросу образования колхоза, угнали с выгона их скотину. Среди крестьян прошел слух, что за каждую корову будут брать штраф. Тогда хозяева бросились забирать свое имущество. Возникла драка с представителями власти, во время которой заместитель председателя райисполкома Ф.Г. Сидорович смертельно ранил жительницу деревни Сивица В.В. Жилевич (8).

За запугивание, оскорбления и побои крестьян, не желавших вступать в колхоз в Жукойненском сельсовете Свирский райком принял решение об исключении из партии председателя сельсовета Ф.И. Манько и заведующего Жукойненским домом культуры М.Л. Царава, а также о возбуждении по факту уголовного дела и предания суду уполномоченного райотдела МВД Занковича (9).

Часто собрания крестьян с целью создания колхозов превращались не в агитацию общей массы пришедших, а в борьбу с отдельными выступлениями против, что приводило к плачевным результатам. Так было, например, в деревне Рогачи Бытенского района Барановичской области, где при создании колхоза практиковались индивидуальные беседы. Крестьянина Зубика, пытавшегося спрятаться, задержали на целую ночь, это подействовало и он подписал заявление о вступлении в колхоз. А затем стал писать жалобы, заявляя, что сделал это под угрозой расстрела и вышел из колхоза. В деревне Свайгини Свирского района с крестьянами проводили индивидуальные разговоры по 2–3 часа, во время которых людей заставляли вступать в колхоз. Бывало, что неграмотных обманом заставляли подписывать заявления о вступлении в колхоз (10).

Мероприятия по организации массового колхозного движения проходили, по терминологии того времени, в обстановке «острой классовой борьбы» (11). Как и в 30-е годы, коллективизацию неразрывно связывали с борьбой против кулаков, т.е. против всех мало-мальски зажиточных крестьян – лучших хозяев. Еще 6 сентября 1947 года Совет министров республики принял Постановление «О налоговом обложении кулацких хозяйств западных областей БССР». Опре-

деление «кулака» было очерчено в 8 пунктах данного документа: систематическое использование наемного труда, эксплуатация сельскохозяйственных машин в других хозяйствах за плату, получение прибыли от мельницы, сушилок и т.д. (12). Но формулировки этих пунктов давали возможность местным партийным и советским органам по-своему определять «кто есть кулак». В каждом районе власти составляли списки кулаков и членов их семей, отмечая не только использование наемной рабочей силы и машин, но и занятия ремеслами, связь с немецкими оккупантами и прочее, что взбредет в голову.

Все должны вступить в колхоз!

И хотя крупных землевладельцев после войны почти не осталось, кулаков все равно находили. В результате вышестоящим органам власти приходилось потом рассматривать множество дел в связи с «ошибочным» зачислением середняцких хозяйств в кулацкие. Так, в 1948 году 197 из 814 хозяйств (24,2 %) Молодечненской области Совет министров БССР исключил из списка кулацких как неправильно к ним отнесенных; в Кривицком районе – 66 из 116 (56 %), а в Сморгонском 34 из 101 (34 %). В целом, по пяти западным областям (Брестской, Гродненской, Молодечненской /бывшей Вилейской/, Барановичской, Пинской) таковых набралось около тысячи! Совмин отметил, что причиной «ошибок» было то, что жалобы крестьян перед вынесением решения облисполкомы не проверяли (13).

Показательно и то, что составленные еще до войны списки кулаков пересматривались медленно. На республиканском совещании партийных, советских и земельных работников западных областей по вопросам землепользования 27 декабря 1946 года секретарь Ильянского райкома КП(б)Б Шелковский сообщил, что по довоенному списку в районе числится 250 кулацких хозяйств, а наемной силы они используют только 30 человек. Столь большую разницу он объяснил тем, что война разорила кулаков настолько, что они не в состоянии нанять батраков (14).

Неопределенность самого понятия «кулацкое хозяйство» хорошо видна на примере зачисления в таковые тех хозяйств, где семьи физически не могли обрабатывать имеющуюся землю без помощи наемной силы. Например, кулацким было названо хозяйство (8 гектаров) середняка, 63-летнего К.И. Шидловского, жившего с женой 60 лет и 15-летней дочерью. Он имел молотилку, двух лошадей, одну корову с приплодом и три свиньи (15).

Попыткам ликвидировать «перегибы» в борьбе с кулачеством противоречили требования еще более жестко разбираться с «врагами советской власти». Так, на заседании народных судей и судебных исполнителей при управлении юстиции БССР по Молодечненской области 29 октября 1949 года в «атмо-

сфере единодушия» обсуждались «излишне мягкая» карательная политика по отношению к «кулацким элементам», важность вынесения более суровых и скорых приговоров тем, кто не выполняет трудовые нормы в колхозах, чтобы население понимало: нарушение трудовой дисциплины в колхозах – это преступление. А частые оправдательные приговоры участники заседания квалифицировали как порочную практику, дискредитирующую карательные органы.

Обобществление чужого имущества

Правда, попутно пришлось все же отметить, что происходят и незаконные аресты, а жалобы на необоснованное зачисление в число «кулаков» слабо рассматриваются, и что из-за невнимательного рассмотрения документов-доказательств приговоры «иногда выносятся» независимо от того, является ли подсудимый кулаком (!) (16).

В произведениях И.В. Сталина, являвшихся неоспоримым каноном советской идеологии того времени говорилось о том, что государственная политика в отношении кулачества – это ликвидация его как класса, на смену которому должно прийти общественное хозяйство колхозов и совхозов (17). Этот тезис служил руководством к действиям, поэтому использование поначалу экономических мер воздействия – установление повышенного сельхозналога и лесозаготовок – было только поводом для последующих репрессий. Например, крестьянина С.С. Мисуно приговорили к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией имущества как кулака, не выполнившего предписанной ему нормы лесозаготовок (вместо 100 кубометров древесины за 5 месяцев он сдал за 3 месяца 1 кубометр, после чего был арестован). Позже разобрались, что хозяйство его не кулацкое, на основании чего срок наказания сократили до 3 лет лишения свободы без конфискации имущества (18).

Точной информации о числе кулацких семей в западных областях БССР не было. По состоянию на 26.03.1949 года определили 3100 кулацких хозяйств, в отношении которых просили разрешения у ЦК ВКП(б) выселить их вместе с семьями других репрессированных антисоветских элементов – всего 6973 семьи, а также конфисковать их имущество (19).

Кампания выселения в отдаленные районы СССР была назначена постановлением Совета министров СССР от 18.09.1951 года «О выселении кулаков из Белорусской ССР». Соответствующее постановление Совет министров БССР принял 7 апреля 1952 года и утвердил списки кулацких семей, подлежащих выселению – 4431 семья (70 % от общего числа семей, отнесенных к кулацким, в том числе в Гродненской области – 88 %, в Молодечненской – 70 %, в Брестской – 56 %) (20, 21). И это уже после завершения фактически сплошной коллективизации!

Основанием для репрессий также являлась неуплата налогов. Согласно постановлению о налоговом обложении крестьянских хозяйств западных областей от 17 августа 1947 года сельхозналогом облагались следующие виды дохода: выпасы, сенокосы, сады и ягодники, коровы, лошади, козы и быки, пчелы, занятие ремеслами и другими дополнительными приработками. Были также установлены нормы доходности для всех этих видов занятий. Для колхозников – на 25 % ниже, чем для единоличников. Для стариков, инвалидов, малоимущих предусматривался ряд льгот. «Кулацким» хозяйствам никакие льготы не полагались (22).

Но в 1949 году многие крестьяне западных областей уже не могли платить налоги в полном объеме. За это их наказывали и особенно жестоко тех, кто имел несчастье оказаться в списках «кулаков». У них конфисковывали всё имущество, не оставляя даже предметов первой необходимости. А тех, кто сочувствовал неплательщикам, тоже могли ожидать репрессивные действия – начиная с исключения из компартии и кончая отдачей под суд.

* * *

Коллективизация иногда превращалась в чисто формальную регистрацию колхозов: создание их останавливалось на уровне организации инициативных групп. С формализмом пытались бороться. Например, Бюро Молодечненского обкома партии 18.05.1949 года вынесло строгий выговор секретарю Воложинского райкома КП(б)Б Калистратову за то, что он мало контролировал процесс коллективизации, редко бывал в колхозах района. Отмечалось также, что люди записывались в колхозы с той целью, чтобы избежать повышенного налогообложения и репрессий, но жить хотели по-старому. Например, «фиктивным» признали организованный в августе 1948 года в деревне Козарезы Щучинского района Гродненской области колхоз из 30 дворов (23).

Ряд проверок показал, что в колхозы проникают люди, политически ненадежные или сомнительные (по мнению партийного руководства). Таково, например, «дело» пред-

Молодой «кулак» со своей семьей

седателя колхоза «Путь к коммунизму» в Радошковичском районе. Оказалось, что он трижды преступник: был когда-то офицером польской армии, имел во владении 15 гектаров земли и, вдобавок, сотрудничал с немцами! (24)

В связи с «выявленными недостатками» партийные чиновники разрабатывали сложные процедуры избрания председателя колхоза. Например, в декабре 1949 года Молодечненский обком КП(б)Б постановил, что кандидатуру председателя для утверждения на общем собрании колхозников должна рекомендовать первичная партийная организация вместе с «активом» колхоза, а после избрания его должен утверждать (в двухнедельный срок) райком КП(б)Б. Было также запрещено выступать на собрании колхозников с ходатайством о снятии председателя с должности без предварительного согласования этого вопроса с райкомом КП(б)Б. Кроме того, отныне следовало проверять «социальный облик и преданность колхозному строю» счетоводов, кладовщиков, звеньевых и старших конюхов — в трехнедельный срок после избрания их на эти должности общим собранием колхозников. После проверки предусматривалось утверждение избранных исполкомом районного Совета депутатов трудящихся. Всех их ставили на картотечный учет (25).

Самый действенный метод коллективизации

Но проверенных «надежных» кадров для руководства катастрофически не хватало, поэтому председателями часто становились случайные люди. Так, в Молодечненской области по состоянию на середину 1951 года подавляющее большинство председателей имело только начальное образование (1101 из 1245 — 88,4 %), они не прошли специальной подготовки по вопросам руководства колхозом, работали на этой должности не более года (26). Большинство из них до марта 1949 года пришлось снять с должностей как «не справившихся с работой» (27). Высокий процент сменяемости председателей сохранялся в колхозах до самого конца проведения коллективизации, что дестабилизировало положение в колхозах.

* * *

Партийно-советские чиновники воспринимали колхозы как государственные предприятия, и спускали им планы производства сельхозпродукции, которые очень часто не учитывали местные условия. Это приводило к невыполнению планов и влекло наказания. Селян спасали в основном приусадебные участки, которые стали для них главным средством выживания.

Впрочем, руководство БССР и здесь постаралось. Оно добилось пересмотра в западных областях — в сторону уменьшения — размеров приусадебного участка и количества скотины, разрешенного иметь в личном пользовании. Нормой стали, как и в восточных областях БССР: приусадебный участок в пределах 0,25–

0,5 га, 1 корова, до 2-х голов молодняка крупного рогатого скота, 1 свиноматка с приплодом, до 10 овец и коз вместе взятых, неограниченное количество птицы и до 20 ульев пчел (28). Партийное руководство надеялось путем уменьшения участков и сокращения численности домашних животных заставить колхозников больше работать в колхозном хозяйстве. Но поскольку оплата труда в колхозах была крайне низкой, повысить подобными ограничениями заинтересованность крестьян в коллективном труде было невозможно в принципе*.

Оплата труда в колхозах была очень низкой, о чем свидетельствуют заявления о выходе из колхоза в связи с невозможностью существования из-за чрезвычайно плохого материального положения. Кроме того, часто официально начисленные трудодни колхозникам вообще не оплачивали (29). И в то же время тех колхозников, которые без уважительных причин не выполняли установленного минимума трудодней, привлекали к судебной ответственности и приговаривали к исправительно-трудовым работам (в тех же колхозах) на срок до 6 месяцев – с удержанием 25 % заработка в пользу колхоза. Постановление Совета министров БССР от 31 мая 1947 года сохранило практику военных лет: повышенный минимум трудодней (в сравнении с предвоенным периодом) и судебную ответственность за его невыполнение (30). Для подростков 12–16 лет, членов семей колхозников, тоже устанавливался норматив трудодней (31).

Колхозник очень легко мог стать жертвой репрессивной политики – судебная ответственность предусматривалась за невыработку трудодней, за отказ от обобществления личного имущества, за кражу колхозного имущества и даже за смертность скотины в колхозе.

Согласно постановлению Совета министров БССР и ЦК КП(б)Б от 23 июня 1950 года индивидуальные посевы членов колхоза можно было убирать только коллективно. Для тех, кто пытался самолично собирать урожай с обобществленных посевов, была предусмотрена уголовная ответственность. Например, Радошковицкий районный суд именно за это приговорил к 6 годам лишения свободы А.А. Ошмянскую, мать четырех малолетних детей (самому младшему было всего 7 месяцев!). То, что она попыталась сама убрать урожай со своего участка, было квалифицировано как расхищение колхозной собственности (32)!

По Указу Президиума Верховного совета СССР от 4 июня 1947 года за кражу, присвоение, растрату или хищение колхозной, кооперативной или другой общественной собственности предусматривалось заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией и без конфискации имущества. А за недонесение о подготовке такого преступления – заключение на срок от 2 до 3 лет или ссылка от 5 до 7 лет (33). Указ активно проводился в жизнь, о чем свидетельствует высокий процент колхозников, привлеченных к судебной ответственности по таким обвинениям (34).

Очень часто колхозников привлекали к суду в кратчайшие сроки, не вникая в обстоятельства дела. Например, Л.С. Страшневич вступил в колхоз в феврале 1949 г. Он работал председателем Кревского сельпо Сморгонского района и по-

* Обычно расчет с колхозниками производился один раз в год, осенью, после выполнения государственных поставок. Расчет представлял собой выдачу некоторых видов продукта (зерна, круп) за отработанные в колхозе «трудовые дни». Денег колхозникам, как правило, не платили. – *Прим. ред.*

этому не должен был участвовать в колхозных работах. Но после того, как 10 июля его освободили от работы в сельпо, уже 20 июля он получил приговор за невыход на работу в колхозе!

Если местная власть хотела расправиться с тем или иным человеком или семьей, она не задумываясь шла на фальсификации. Например, 10-летнего мальчика, на которого ЗАГС под давлением следователей выдал справку, что ему 12 лет, Ивьевский «народный» суд осудил на 5 лет (это решение отменил по жалобе родителей Верховный суд БССР) (35).

* * *

Усиление темпов коллективизации за счет принудительных мер вызвало подъем сопротивления, которое доходило до единичных вооруженных выступлений и групповой борьбы. Массовой формой протеста стало бегство из деревни.

По всему СССР после войны наблюдался рост антиколхозных настроений. Распространялись слухи о роспуске колхозов и скором начале войны с Америкой. То же самое было и в западных областях БССР. Первый секретарь Молодечненского обкома КП(б)Б Иван Климов на пленуме ЦК КП(б)Б 14 февраля 1951 года сказал:

> «трудящееся крестьянство западных областей в целом значительно отстало в своём развитии от колхозного крестьянства восточных областей... в политическом отношении... Везде и всюду распространяются провокационные слухи о войне».

Например, колхозница Ф.А. Гринкевич была обвинена в антисоветской клевете за то, что говорила о будущей войне капиталистических стран с СССР и выражала недоверие сообщениям советской печати. Ее осудили на 8 лет лишения свободы с частичным поражением в гражданских правах еще на 5 лет после отбытия срока наказания (36).

Далеко не единичными стали террористические акты против колхозного «актива». Так, за 1948 год в Молодечненской области были убиты 25 советских активистов и разгромлены 14 сельсоветов (37). Аналогичная ситуация наблюдалась и в других западных областях (38).

Архивы хранят много «спецдонесений» из западных областей в 1948–49 гг. об убийствах сборщиков налогов, уничтожении их имущества. Разумеется значительную часть их просто ограбили, так как они хранили при себе собранные деньги. Но известны случаи убийств или уничтожения имущества и без ограбления, что свидетельствует о желании отомстить, либо уничтожить сведения о размерах уплаченных налогов (39). Возможность физической расправы с ненавистными проводниками политики советской власти облегчало то обстоятельство, что после войны на местах боев оставалось много оружия и боеприпасов, их было нетрудно добыть (40).

В обращении руководства БССР от 16 марта1949 года в Москву с просьбой разрешить выселение 3000 кулацких семей необходимость этой меры обосновывалась сотнями террористических актов во всех западных областях (41), якобы участившихся после обложения кулацких хозяйств повышенными налогами (42).

Вплоть до 1969 года Устав сельскохозяйственной артели образца 1935 года являлся «основным законом колхозной жизни». Согласно ему, вступив в колхоз и сдав основные средства производства, крестьянин оказывался в экономической зависимости от колхозного руководства, так как он не мог распоряжаться коллективной собственностью. Свободный выход из колхоза Устав не предусматривал. Колхозника можно было исключить решением общего собрания за серьезное нарушение дисциплины или внутреннего порядка (43). Но за такое нарушение одновременно с исключением почти всегда применялось и привлечение к уголовной ответственности.

Представитель власти «промывает мозги» селянам

Негативную реакцию населения вызывала грубая ломка традиционного уклада жизни, особенно – распоряжение их имуществом. Было много случаев, когда перед тем как вступить в колхоз, крестьяне продавали домашнюю скотину или резали ее (44). Иногда крестьяне вообще отказывались передавать свое имущество в колхоз. За это их отдавали под суд. Так, Воложинский суд приговорил М.А. Старокошик к 3 годам лишения свободы за сопротивление обобществлению своего имущества в колхозе и за угрозы председателю Стайковского сельсовета (45).

Протест крестьянства – реакция на широкомасштабное командование сельской жизнью, использование внеэкономических методов ее регулирования. Многообразность форм проявлений социального протеста крестьянства порождалась многообразностью властного «давления» на них (46).

Кампания «борьбы с кулачеством» неизбежно вызывала сопротивление со стороны репрессируемых. Представители местных органов власти отмечали, что «многие главы кулацких семей переходят на нелегальное положение» (47).

Сопротивление колхозному строительству принимало разные формы. Например, крестьяне писали коллективные письма И.В. Сталину и в высшие органы власти с просьбой отсрочить организацию колхозов (48), созывали собрания односельчан, чтобы убедить их не вступать в колхоз (49), запугивали колхозных активистов (50), покидали деревни всей взрослой частью мужского населения перед приездом районных организаторов коллективизации... Несогласие с проводимой экономической политикой звучало и в высказываниях крестьян, за что их тоже судили, квалифицируя это недовольство как антисоветскую агитацию.

Для того, чтобы целенаправленно воздействовать на женщин, активно выступавших против колхозов, при районных и городских комитетах партии в западных областях в 1946 году были созданы специальные женские отделы, существовавшие до 1953 года. Их главной задачей была помощь местным властям в проведении коллективизации (51).

Но основным средством борьбы с любыми формами антиколхозных выступлений служили репрессии. Например, 23-летнего жителя деревни Ивашковцы Сморгонского района И.В. Сташкевича осудили в 1951 году на 10 лет лишения свободы с последующим ограничением гражданских прав за то, что он написал анонимные письма (авторство установила графическая экспертиза) двум колхозникам, содержавшие угрозы в их адрес, если они не выйдут из колхоза. А 17-летнего школьника Б.А. Войцеховича, из деревни Жутино Мядельского района Молодечненской области за стихотворение антиколхозного содержания приговорили к 7 годам исправительно-трудовых лагерей (52).

Деревенская голытьба.
Эти были за колхоз всей душой

Характерной чертой послевоенных репрессий стало увеличение тяжести наказаний. Основные варианты репрессий – лишение свободы, принудительное переселение, лишение права проживания в определенных местностях, административный надзор, лишение свободы и, наконец, смертная казнь (в 1947–50 гг. была заменена 25 годами лишения свободы); дополнительные меры – лишение гражданских прав, конфискация имущества, репрессии по отношению к другим членам семьи (53). Уголовные наказания применялись и к несовершеннолетним – начиная с возраста 12 лет (54).

Уголовный кодекс БССР образца 1949 года предусматривал наказания за такие «преступления» как неисполнение общественно значимых работ, неуплата налогов, распространение лживых слухов. Если судили крестьян, зачисленных в категорию «кулаков», к ним дополнительно применяли конфискацию всего имущества (55). Приговоры можно было обжаловать в Верховном суде БССР путем подачи жалобы через областной суд в течение всего лишь 72 часов после вынесения приговора (56).

* * *

В результате ускоренной коллективизации единоличных хозяйств Западной Беларуси эта кампания была осуществлена в основном за 1949–50 годы, а к лету 1952 года завершена полностью. Таких результатов партийно-советское руководство БССР достигло за счет игнорирования принципа добровольности, активного использования методов принуждения и «раскулачивания», жертвами которого стала даже часть середняков. Антикрестьянская политика толкала доведенных до отчаяния людей на массовое противодействие. Оно выражалось в различных формах – от распространения слухов до террора. Власть реагировала на сопротивление еще большими репрессиями.

Под угрозой суда и ссылки на поля выгоняли инвалидов, стариков и детей. Большинство обращений и заявлений крестьян на несправедливость, допущенную в отношении их, не удовлетворялось. Руководство республики и областей пересылало жалобы на места, требуя «разобраться с вопросом» от тех, на кого жаловались. Это вызывало дополнительные репрессивные меры.

В результате советской аграрной политики пострадали наиболее дееспособные группы населения, что стало причиной глубоких социальных и психологических дисбалансов.

Источники

1. Саракавік І.А. Гісторыя органаў унутраных спраў Беларусі: храналагічны даведнік. Мн., 2003, с. 70.
2. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 1. Л. 112.
3. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 248, 304.
4. Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мн., 2000, с. 233.
5. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 18.
6. Там же. С. 184–185.
7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 3. Л. 245.
8. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 255, 260.
9. Там же. С. 217–219.
10. Там же. С. 225, 253.
11. Коммунистическая партия Белоруссии в решениях съездов и пленумов ЦК. Том 4: 1945–1955. Мн., 1986, с. 317.
12. Адамушка У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мн., 1994, с. 133.
13. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 178, 197, 200–205.
14. Там же. С. 130–138.
15. Там же. С. 167–168.
16. Там же. С. 226–228.
17. Сталин И.В. Ответ товарищам колхозникам // Вопросы ленинизма. (Изд. 11-е) М., 1947, с. 319.
18. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 175–176.
19. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 1. Л. 434-435.
20. Навіцкі У.І. Пасляваенная калектывізацыя заходнебеларускай вёскі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы канф., Мінск, 2000, с. 272.
21. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 322–326.
22. Там же. С. 158–160.
23. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 1. Л. 482.
24. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 4. Л. 296–297.
25. Там же. Л. 302.
26. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 298–299.

27. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д.1. Л. 462а.
28. Там же. Л. 177.
29. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 176, 307.
30. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999, с. 61.
31. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // «Отечественная история», 1999, № 3, с. 83.
32. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 270.
33. Уголовный кодекс БССР. Мн., 1949, с. 47.
34. Есть такая служба (Воспоминания. Очерки. Публицистика). / Сост. Ю.В. Курьянович/ Мн., 2002, с. 78.
35. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 233–234.
36. Там же. С. 243–244, 278.
37. Там же. С. 187.
38. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 20. Л. 173.
39. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 15. Л. 2, 16, 21, 24, 78-79.
40. Есть такая служба (Воспоминания. Очерки. Публицистика). / Сост. Ю.В. Курьянович/ Мн., 2002, с. 69.
41. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 1. Л. 447.
42. НАРБ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 244. Л. 113.
43. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992, с. 19–20.
44. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 20. Л. 172.
45. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 207–209.
46. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства... С. 98.
47. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 17, л. 26.
48. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д.20, л. 173.
49. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 1, л. 481.
50. НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 20, лА.171.
51. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 16.
52. Там же. С. 296-297, 300–301.
53. Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // «Отечественные архивы», 1992, № 2, с. 27.
54. Уголовный кодекс БССР, с. 3–4.
55. Там же. С. 20.
56. Аграрные преобразования в Молодечненской области: 1944–1953 гг.: Документы. Мн., 2003, с. 297.

Часть III. О НАШЕЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БЕЛАРУСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Лев Акиншевич

*І то ёсць нашая вольнасьць, каторую мы межы іншымі
народамі хрысьціянскімі хвалімся, што пана, іж бы водле волі сваей,
а ня водле праў нашых панаваў, над сабою ня маем.*
Канцлер Лев Сапега. Предисловие к «Литовскому Статуту», 1588 г.

*И разве же это православное святое быть под властью и приказаниями рабов...
Там у них цари своим царством не володеют, а как им скажут их подданные,
так и правят. А наши самодержцы с самого начала
над всеми своими господарствами володеют...*
Царь Иван Грозный. Письмо князю Курбскому, 1564 г.

Бесспорная черта новейшей философии истории – ее особое внимание к изучению отдельных комплексов так называемых «культурно-исторических циклов» или «цивилизаций». Это направление оправд.ывается тем, что при более глубоком знакомстве с историей отдельных человеческих обществ, все с большей и большей отчетливостью выступают черты неравномерности, своеобразия, нетождественности исторического развития отдельных групп народов. Все яснее становится, что общий и тождественный путь общего развития всех человеческих обществ трудно найти. Все более четко обозначается и неодинаковость этого исторического развития. Например, даже Марксу и Энгельсу пришлось выделить особый «азиатский способ производства», который они находили в истории Китая и древнего Египта, и этот «способ» явно выделялся из логически стройной схемы «социально-экономических формаций», приходящих в истории мира на смену одна другой.

Однако дело выходит далеко за границы Китая и Египта, так как целый ряд человеческих организаций тоже имеет тенденцию выделяться из схемы общего

Пра «цывілізацыйныя асновы» беларускага гістарычнага працэсу. Запісы БІНіМ. Нью-Йорк, 1953, № 2, с. 70–79. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

и одинакового (в основных чертах) человеческого прогресса. Становится все яснее, что все схемы прогрессивного развития народов мира в действительности опираются на пример истории Западной Европы — «якобы классический». Со временем стало ясно, что и сама история этой последней не является единой и непрерывной, что она соединяет в себе непохожие самостоятельные цивилизационные циклы античного (греко-римского) и модерного (романо-германского) типа.

Лев Акиншевич (1898–1980)

Ряд черт современной западноевропейской цивилизации четко отделяют ее развитие от развития других человеческих обществ. Последние не знали и не знают такого четкого и юридически обоснованного разделения государственной власти, как это было в западноевропейском феодализме. Они не создали на основе достижений феодализма обществ с установленными правами граждан для участия в государственном руководстве и контроля над ним. Они никогда не дошли до того последовательного результата личной свободы, персональной инициативы и твёрдости принципа частной собственности, который создал классические образцы западноевропейского (а за ним и американского) «капитализма». Мы здесь берем только правовые и хозяйственные категории. Но можно и надо говорить и о несходных принципах в общекультурной, религиозной, моральной и другой жизни и прогрессе различных человеческих групп.

Отдельной и особой чертой западной цивилизации американский философ Ф. Нортроп (1893–1992) считает ее римское наследие и, особенно, усвоенные ею концепции твердых и всеобще связывающих все население принципов римского права. В этой мысли есть много правды.

Эта западная цивилизация была и в своей основе является единой, несмотря на пеструю особенность ее отдельных национальных компонентов. Вот как писал об этом российский славянофил Н.Я. Данилевский, один из создателей теории культурно-исторических «циклических типов»:

> «Это, в действительности, история единого целого... Как никто не думает об отдельной цивилизации Афин или Спарты, точно так же нельзя говорить об отдельной истории Франции, Италии или Германии. Такой истории в действительности нет вообще, а есть только история Европы с французской, итальянской, английской или немецкой точки зрения»... («Россия и Европа», с. 110)*.

Господствует ли «классическая» цивилизация Западной Европы на всем европейском субконтиненте? И принадлежат ли к этому цивилизационному комплексу народы, заселяющие обширные пространства востока Европы? На эти вопросы давались разные ответы. Когда российский историк Н.П. Павлов-Силь-

---

* F.S.C. Northrop. The Taming of the Nations. New-York, 1952, p. 186–213.

* Главное сочинение Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» был издан в 1869 г. — *Прим. ред.*

ванский первым заявил о существовании феодализма в России, он тем самым поставил историю России на один уровень с историей Запада*. Если советская историческая наука принимает историческую схему Маркса-Энгельса, то она тем самым снова ставит российскую историю на один путь с историей Запада. Если украинские историки Вячеслав Липинский (1882–1931) и Степан Томашевский (1875–1930) ставят вопрос о западных основах культурного и политического развития украинского народа, они тем самым выделяют этот восточноевропейский народ из круга культурного цикла Восточной Европы.

Что до русского народа, то его культурное своеобразие и особенность исторических путей признаются теперь многими историками как бесспорные. Отброшенные и осмеянные в свое время идеи российских славянофилов и российских народников, веривших в возможность для России избежать капиталистического пути развития, в наше время кажутся во многом уже не такими смешными и голословными.

Российский философ нашего времени пишет:

> «У русского народа огромная сила стихии и сравнительная слабость формы... У народов Западной Европы все намного лучше выяснено и оформлено, все разделено на категории и все неизменно. Россия никогда не была в западном смысле страной»**.
>
> «Русские, – пишет А. Тойнби, – были христианами и многие из них и теперь являются ими, но они никогда не были христианами Запада. Россия была обращена в христианство не из Рима, как Англия, но из Константинополя и, несмотря на их общую христианскую основу, восточное и западное христианства были всегда далеки друг от друга, а иногда – антипатичны и враждебны друг другу». («The World and the West», p. 4)***.

Упомянутый нами Н. Данилевский писал:

> «Россия не принадлежит ни к европейскому добру, ни к европейскому злу, как же может она принадлежать к Европе?» (там же, с. 60–61).

Далее он говорит:

> «Ее не живили ни один из тех корней, через которые Европа вбирала как полезные, так и вредные соки непосредственно разрушенного ею античного мира, не питали ее и те корни, которые черпали живность из глубины немецкого духа. Не была она и частью восстановленной Римской империи Карла Великого, которая создает словно общий ствол, через разделение которого возникло все ветвистое европейское дерево, – не входила в состав той теоретической федерации, которая сменила собой Карлову монархию, – не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во время Карла, так и во времена своего рыцарского расцвета) не имела в себе ничего национального, а была учреждением общеевропейским в полном смысле этого слова.

---

* Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908). Речь идет о его трудах «Феодализм в древней Руси» (изд. в 1907) и «Феодализм в удельной Руси» (изд. в 1910). – *Прим. ред.*

** Книга Николая Александровича Бердяева (1874–1948) «Русская идея» была опубликована в 1946 г. – *Прим. ред.*

*** Книга английского историка Арнольда Тойнби (1889–1975) «Мир и Запад» была опубликована в 1953 г. – *Прим. ред.*

После, когда наступил новый век и начался новый порядок вещей, Россия также не принимала участия в борьбе с феодальным гнетом, результатом которой на Западе было обеспечение той формы религиозной свободы, которая называет себя протестантизмом. Не знала Россия и гнёта, а с другой стороны и воспитательного воздействия схоластики, и не выработала той свободы мысли, которая создала новую науку»... (там же).

Не будем рассматривать здесь вопрос прав ли Данилевский в деталях своего противопоставления России Западной Европе. Нам достаточно признать его частичную правоту, чтобы уже понять во многом иные цивилизационные основы российской культуры.

* * *

Следующим и закономерным будет вопрос: где в этом цивилизационном комплексе кончается Россия и начинается Восточная Европа в целом? Вопрос этот можно поставить во многих плоскостях. Можно, например, отнести к восточноевропейскому культурно-историческому комплексу саму Россию, разве что присоединив к ней ее тюркских, восточно-финских и монгольских подданных. Такой подход мы найдем не только у вышеупомянутых украинских историков, но и в новейших работах на английском языке Оскара Галецкого*.

Литвин (европейский типаж)

Можно, с другой стороны, поставить вопрос о роли других восточноевропейских народов: беларусов, летувисов, украинцев и других. Кому принадлежит их история? Были ли это далеко выдвинутые на восток органические части Западной Европы? Или, наоборот, это были органические части Европы Восточной, только территориально более близкие к Западу и которые по этой причине переняли от Запада ряд его черт и культурных особенностей? Или, наконец, история этих народов является историей глубоких внутренних конфликтов, возникающих вследствие пограничного, «межкультурного» положения их земель?

Все это очень важные проблемы и от их решения во многом зависят и оценка истории этих народов и правильное понимание ее.

Надо сразу отбросить любую попытку подойти к решению упомянутых проблем с позиции тех или иных политических ин-

* Оскар Галецкий (Oscar Halecki; 1891–1973) – польский историк. Акиншевич имел в виду его книгу «Историческая роль Центрально-Восточной Европы», изданную в 1944 г. на английском языке.

тересов нашей современности. Российская империя, которая на целые столетия объединила под своей властью многочисленные и разнородные народы и нации Восточной Европы, имеет горячих защитников и упорных врагов. Именно исходя из этих чувств и убеждений, многие историки Восточной Европы и задают направление своим историческим взглядам. Сомневаюсь, что это правильно.

Российская империя, как и все на свете, явление временное. Восточная Европа могла быть политически несоединенной в единое целое (как это до сих пор имеет место в Европе Западной) и все же теоретически быть единым цивилизационным целым. И наоборот, она может быть соединена в одно государственное тело, но все же быть разнородным в своем общекультурном содержании комплексом. (Таким она уже, без всякого сомнения и бывала, включая в себя безусловно западных финнов или поляков и безусловно дальневосточных монголов или корейцев).

Само объединение восточноевропейских народов, — если уж оно должно было случиться — совсем не обязательно должно было произойти под эгидой русской Москвы. Очень легко политическим центром Восточной Европы мог стать украинский Киев или беларуская Вильня, или татарский Сарай-Берке. Мы знаем, что попытки и борьба за такое первенство других, нерусских народов, действительно имели место.

* * *

Подходя с этой точки зрения специально к истории беларуского народа, надо сказать, что она (история) не дает четкого и априорного ответа на вопрос, органической частью какого «культурно-исторического цикла» было его историческое развитие. А если так, то надо собирать материалы, которые могут нам что-то подсказать для решения этой проблемы. Здесь же, в этой статье, можно затронуть разве что самые общие (и далеко не исчерпывающие) аргументы.

В «княжеские» времена (X–XIII вв.) беларуские княжества, бесспорно, менее чем украинские и российские, имели тенденцию к соединению в единой «русской» целостности. Обычно это объясняют тем, что здесь была отдельная княжеская династия. Это толкование малоубедительно. Нам думается, что они выделялись чем-то другим и в первую очередь видимо тем, что здесь была меньше глубина общих культурных влияний (прежде всего — влияний византийских). Немалую роль играл также момент расовой и культурной близости к старым соседям (а возможно и старым родичам), народам «балтской» группы — к летувисам и латышам. Близость и сила связей с Западной Европой была здесь едва ли не особенно полной.

Московит (азиатский типаж)

Делало ли это беларуские княжества частью Западной Европы, выделяя их из восточноевропейских

комплексов Киевской империи и Суздальской земли? Утверждать это невозможно: княжеская Беларусь находилась, беря ее в целом, все же в круге политических и культурных влияний восточноевропейского, «славяно-византийского» цикла.

Принесла ли качественные изменения новая эпоха, когда организовалась «Литовская империя» и когда (XIV–XVII вв.) беларуская культура и язык стали основной базой политической и культурной связи между отдельными и различными частями великого тела этой империи? Чтобы дать ответ на эту проблему, надо сначала решить некоторые ее части. Одной из них является вопрос об исторических задачах, которые ставил перед собой Литовский государственный союз, другой – вопрос о направлении и путях культурных влияний и ориентаций.

Еще Макиавелли считал, что органической чертой любой государственной организации, если это здоровая государственная организация, является стремление к расширению ее границ*. В наше время с таким взглядом могли бы согласиться немногие. Но наше время – это время победы тенденций сдерживания и ограничения свободной игры в сфере межгосударственных отношений. На это, как известно, есть свои причины. Но мы сейчас говорим о Великом Княжестве Литовском и о временах Макиавелли. Для той эпохи его утверждение не было ошибочным.

Как здоровый и сильный организм XIV–XVI вв. (говорим теперь только об этом периоде) Великое Княжество Литовское вело политику завоеваний. Эта политика долгое время была удачной, а ее направление было четким: оно шло по линии объединения вокруг беларуской Вильни всех главных частей восточноевропейского цикла. Мы знаем, что органическим участником государственной жизни Литвы-Беларуси был, наряду с беларуским, и летувисский народ, позже к ним присоединилась основная часть украинского населения Приднепровья, частично и временно входили сюда и части западнорусских княжеств. Долгое время Виленский князь был наиболее вероятным кандидатом на главу великой восточноевропейской империи, соединявшей в себе все основное пространство Восточной Европы.

Мы говорим об этом процессе потому, что история Восточной Европы не создавала до сих пор возможности сожительства (хотя бы и далеко не мирного) различных национальных самостоятельных государственных единиц, как это было в Европе Западной. Здесь один организм стремился стать гегемоном над другими и, главное, именно здесь он сумел этого достичь.

Мы знаем, что этот великий исторический замысел литовско-беларуских князей – соединить под знаком Виленской Погони всю Восточную Европу – в конце концов завершился неудачей. Великий поход на восток и юг сменился политикой обороны перед востоком и югом, союзом Литвы с Польшей, большими успехами Москвы. Не беларуская Вильня, а российская Москва силой соединила под своей властью народы великих пространств восточноевропейской рав-

* Никколо Макиавелли (1469–1527) – итальянский мыслитель, автор знаменитого сочинения «Государь» (изд. в 1532 г.), одного из первых трактатов по политологии. – *Прим. ред.*

нины. На долгие годы российская культура стала доминантным сказуемым творческих проявлений своеобразного гения восточноевропейских наций.

* * *

Почему так случилось? Нам отвечают: военные неудачи Литвы. Может ли это удовлетворить нас? Материальные ресурсы Великого Княжества Литовского не были меньше ресурсов Московского государства. Говорят еще: социальный антагонизм между шляхтой и крестьянством. Но разве не было этого повсюду в тогдашних государствах? Нам говорят: борьба ополяченной шляхты с народными массами, верными старой культуре, борьба унии и православия. Но отчего имела место эта борьба и в чем причины всего ее накала?

Полагаем, что все эти факты имели свое значение, но основной причиной поражения Литвы стал демонстративный выбор ее элитой западного (а не восточного) пути. Сразу сделаем замечание: этот выбор и этот путь обещали и действительно дали весьма желаемые результаты. Они открыли живой источник более зрелой западной культуры и из этого источника пили и им живились лучшие деятели беларуского и других народов Великого Княжества. И если мы говорим об этом как о причине поражения, то имеем в виду то, что западная культура прививалась к другому культурному «пню». Это делало новое растение, пусть и временно, но слабым. А перед ним стояли другие восточноевропейские общества, все меньше и меньше затронутые западной культурой, далее же на восток незатронутые совсем, органически ему чуждые. Они упорно сопротивлялись западному течению и чем более «западной» делалась Литва, тем более крепкой и упорной была сила их сопротивления.

Чем более полной была вестернизация Великого Княжества Литовского (в основе именно так следует назвать процесс великих политических и культурных изменений XVI–XVIII вв.), тем больший она встречала отпор как внутри страны, так, и в особенности, извне – с юга и с востока. Когда великий князь принял католичество и католический клир получил ряд привилегий, и когда беларуский и летувисский шляхтич заговорил по-польски, – сопротивление приобрело еще большую остроту. Именно в самом процессе все большей и большей вестернизации Литвы мы видим какой-то странный парадокс: чем более полным и, казалось бы, более плодотворным он был – тем слабее и менее сплоченным делалось национальное сообщество.

Правда, такого упорного сопротивления вестернизации, как например на Украине во времена Богдана Хмельницкого, на Беларуси-Литве не было. Но и здесь было в середине XVII века казацкое движение. И здесь была острая борьба между католичеством и унией с одной стороны, и православием с другой. Было бы ребячеством думать, что эта борьба явилась всего лишь проявлением определенных религиозных различий. Ее обостренность и глубина говорят нам о другом – о великой борьбе двух культурных основ.

Время великого Литовско-Беларуского государства стало временем великих культурных достижений. Едва ли не первое среди них – создание совершенной системы правовых норм, собранных в знаменитых Литовских Статутах. Заметим: Литовские Статуты проводили в беларуское (украинское, летувисское) общество великие принципы правовой основательности, правовой ответственно-

сти, значения частной собственности и т. д. Это были великие принципы римской, а позже и западноевропейской цивилизаций. И воспринимали их беларуские правоведы не механически, а творчески перерабатывали на базе старых, исконных правовых обычаев княжеской эпохи. Жизнь, однако, вносила в это теоретически стройное построение юридических правил свою коррективу, часто делая беларуско-летувисское общество страной шляхетских правовых нарушений.

В Великом Княжестве Литовском, как в определенной целостности, мы отчетливо видим общество переходного типа, в котором боролись между собой западные и восточноевропейские цивилизационные влияния. Некоторая, по крайней мере внешняя, победа первых, оттолкнула от беларуско-литовского государства соседние земли с восточноевропейской культурной основой. Это отдало их в конечном итоге в руки Москвы. В самом же государстве борьба двух цивилизационных основ так и не привела к здоровому и органическому их синтезу. В этом была причина того, что в конце XVIII века Великое Княжество, ослабевшее и внутренне исчерпанное, стало легкой добычей России.

Литвины (европейские типажи)

Прошло XIX столетие. В это время беларуское общество не жило творческой культурно-политической жизнью, отдавая свои лучшие силы, своих самых способных сыновей то российской, то польской культурам. Сама же Беларусь оставалась краем, где попытки русификации имели скорее внешние успехи, оставляя страну на всем ее пространстве в том же положении наличия двух — западной и восточной — европейских культурных основ.

Великое движение беларуского национального возрождения первой трети XX века имело перед собой не только задачу возродить или построить национальную народно-беларускую культуру. Перед ним должны были стоять и другие задачи, а среди них одно из важнейших — определение «цивилизационной базы» для такого строительства. В связи с этим наличие «шляхетских» и «крестьянских» течений в беларуской литературе и культуре не говорят об одной только классовой основе этих различий. Наличие «католических» и «православных» тенденций говорят не только о разнице в религиозных взглядах. Культурное «русофильство» или «полонофильство» не были только пережитками «образовательных влияний». Суть дела, бесспорно, была более сложной.

Беларуская культура еще не решила этих проблем. До сего времени на упомянутом пути стояли преимущественно внешние преграды. Надо надеяться, что добыв возможности свободного развития, она достигнет того, чего не удалось великому Беларуско-Литовскому государству XIV–XVIII вв.: здорового, органи-

ческого, до последней грани проведенного синтеза своих цивилизационных основ. И для успеха этого дела есть гарантия: великая любовь и великая жертвенность, которая была основой беларуского возрождения, начиная с его первых шагов.

***Полюса** цивилизаций*

Западная Европа	*Восточная Европа*
Римское право	*Традиционное (обычное) право*
Римская культура	*Византийская культура*
Католицизм и протестантство	*Православие и ислам*
Шляхетская демократия	*Самодержавие*
Буржуа	*Феодал*
Конкуренция	*Монополия*
Латиница	*Кириллица*

Эта любовь и эта жертвенность необходимы для творческого процесса построения всей национальной основы. Достигнув такого своего синтеза, беларуский народ будет иметь перед собой великие творческие возможности. И кто знает, может быть – коренные не только для него одного. Ведь, возможно, они осветят новым светом из беларуской Вильни или Минска и великие пространства других восточноевропейских земель.

Московиты (азиатские типажи)

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Возможно ли быть «беларуским буржуазным националистом» и одновременно таким же «буржуазным», но уже националистом украинским? ОГПУ знало ответ. Историку Льву Акиншевичу в 1933 году было предъявлено именно такое обвинение.

Он родился в семье петербургского юриста-беларуса. Первая мировая война застала Льва студентом юридического факультета Киевского университета.

Вернувшись в 1918 году домой с Румынского фронта, он познакомился с беларуским движением. Как потом напишет Акиншевич в мемуарах, его захватила «справедливость этого дела». В том же году он принял гражданство БНР.

В 1920-е годы досье на сотрудника Украинской Академии наук Льва Акиншевича неуклонно росло. Много страниц в нем было посвящено частым поездкам в Минск, публикациям в журнале «Полымя» и общению с Янкой Купалой и Якубом Коласом...

Попав в опалу, историк смог найти работу лишь в далеком Казахстане, на комбинате «Балхашстрой». Здесь он был юрисконсультом. Однако местный климат плохо переносил Глеб, сын Акиншевича. Поэтому в 1937 году семья переехала в Смоленск.

В августе 1941 года 43-летнего историка-юриста мобилизовали в Красную армию. Но уже 11 сентября он попал в плен, даже не успев надеть военную форму. Через несколько дней немцы отпустили по домам всех, кто был в штатском... А вот Акиншевичу-младшему не повезло. Призванный на военную службу, он погиб в Ленинграде.

После войны Акиншевич эмигрировал в США, где работал в Центре по изучению СССР, одновременно поддерживая связи с Беларуским Институтом науки и искусства (БІНІМ) в Нью-Йорке.

Исследуя историю Великого Княжества Литовского, он писал о величии державы наших предков, однако искал и причины ее исторического упадка, за что некоторые соотечественники упрекали его в «недостаточном патриотизме».

В своих взглядах он был близок к выдающемуся историку и мыслителю XX века Арнольду Тойнби.

Всю долгую жизнь Акиншевича занимали не только конкретные проблемы прошлого, но и философия истории, о чем ярко свидетельствует его работа «О цивилизационных основах беларуского исторического процесса». Ее автор надеялся, что, обретя возможность свободного развития, Беларусь достигнет «здорового органического синтеза своих цивилизационных основ» и в результате построит демократическое общество европейского типа. В XXI веке мы должны убедиться в справедливости этих слов.

Владимир Орлов

КАК ВОЗНИКАЛИ НАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Тимоти Снайдер

Я хотел бы сказать несколько слов о главной теме моей книги, а именно о том, откуда происходят нации Восточной Европы, отчего сложились именно те нации, которые сложились, а не какие-то другие. Этот вопрос по-прежнему остается краеугольным в истории этого региона, вопросом, который далеко не так банален, как кажется, и на который очень трудно ответить. Вот на эту тему я и хотел бы сказать несколько слов.

Тимоти Снайдер (Snyder)

Я буду говорить не обо всем регионе, а только о четырех странах, которые, как считаю, образуют между собой историческое единство. Имею в виду Беларусь, Летуву, Украину и Польшу.

Начну с вещей, которые могут казаться очевидными. Что такое страна? Это может быть объективное, конкретное, географическое понятие. Страной может быть Новая Зеландия или Мадагаскар, и при этих словах у вас не возникает никаких особых чувств, никакой выраженной психологической реакции.

С другой стороны, понятие страны или края может быть субъективным, расплывчатым, сугубо личным. Если один поляк, скажем, в Лондоне говорит другому: «Возвращаюсь в страну», – то у нас не возникает вопроса, в какую именно. Конечно, в Польшу. Похожая двойственность присуща и понятию «нация». Если я, например, скажу другому американцу: «Нация теперь сильно разделена в политическом отношении», – он не станет у меня спрашивать, о какой нации идет речь. Ему будет ясно, что я имею в виду жителей США, американцев, нашу нацию. Это интересная вещь, и это действует, это работает, даже если я этого другого американца совсем не знаю. Таким образом создается магический круг. Я с этим земляком имею нечто общее; и наша нация – через то общее, что мы имеем, – тоже является чем-то целым. Мы, как очень красиво говорят в славянских языках, «наши». Но откуда все это берется, почему мы «наши» в национальном смысле, а не в каком-то другом?

Текст выступления профессора истории Йельского университета (США) Т. Снайдера на презентации беларуского издания его книги „Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999» (издательство «Медысонт»), состоявшейся 19 мая 2010 г. в Минске. Из журнала «Беларускі гістарычны агляд», том 17, с. 117–124. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

В 1943–1944 г., когда Красная Армия освободила Беларусь от нацистов, многие беларусы могли сказать: «Наши возвращаются». Это явление, которое еще не слишком глубоко изучено, – ощущение, что кто-то является «нашим» или «не нашим». Необязательно это происходит по национальному признаку. Русские, армянские, грузинские, узбекские солдаты, которые тогда пришли в Беларусь, были, конечно, совсем не беларусы. Возвращались не беларусы, а советское государство. И вот в этом заключается, может быть, главный вопрос: какую роль в развитии национальной идентичности играет государство?

По мнению известного немецкого социолога Макса Вебера, государство – это механизм, который стремится к монополизированной власти*. Можно также заметить, что государство стремится к монополизированному символическому полю. Именно таково общее направление исследований о возникновении наций у нас, в Америке. Из них вытекает, что национальное тождество, как и другие виды тождества, есть результат определенной государственной политики.

Этот результат может быть побочным, неумышленным, даже нежеланным. Как утверждал Эрнест Геллнер, последователь Макса Вебера, многонациональная империя может совсем не ставить перед собой задач нациотворения, преследуя совершенно иные цели – например, экономический рост**. Империи XIX века вводили всеобщее образование для молодежи и стандартизовали язык для того, чтобы более эффективно готовить себе рабочую силу. Но когда они достигали этого, то население, воспитанное таким образом, вдруг осознавало, что принадлежит к одной нации. Это осознание изначальные планы не предусматривали.

Именно в этом пункте аргументации мои польские коллеги говорят: «Стоп, это не так». Они не соглашаются с утверждением, что империи создают нации. Поляки часто обращают внимание на то, что государства-захватчики /Россия, Германия, Австрия – *Ред.*/ действовали вопреки польскому народу, но, несмотря на это, польский народ продолжал существовать. Что-то в этом, конечно, есть, но если глянуть чуть глубже, то мы увидим не стабильное существование одного и того же старого польского народа, а возникновение нескольких новых наций, в том числе и новой польской нации. Польский народ не существовал беспрерывно в одном и том же виде, а создавал себя заново, а при этом одновременно возникали новые нации – беларуская, украинская, летувисская (жамойтская – *Ред.*).

В XIX веке на территории прежней Речи Посполитой изменилось само понятие нации. Нация стала уже не элитарным сообществом, а массовым. В конце XVIII века, когда Речь Посполитая прекратила свое существование, политической нацией (как говорят теперь) была шляхта. Крестьянин, говоривший по-польски, не был поляком, не считался поляком, и, разумеется, шляхта тоже не считала его поляком. Тот факт, что он говорил по-польски, не имел тогда никакого политического значения. Соответственно, то, что другие крестьяне говорили по-беларуски или по-украински, тоже не имело политического значения.

* Макс Вебер (1864–1920) – немецкий социолог, историк, экономист и юрист.

** Эрнест Геллнер (1925–1995) – английский социолог и культуролог.

В конце же XIX века польские политические деятели уже относились к крестьянину, который говорил по-польски, как к поляку, и такой крестьянин сам мог считать себя поляком.

Но прошу заметить, что такая смена понятия «польскости» повлекла за собой определенные результаты. Массовая польскость была уже не тем самым, чем была польскость элитарная. Польский язык стал отметкой нации, но одной нации вместо нескольких. А что же тогда должно было произойти с населением, которое не говорило по-польски? Очевидно, что большинство людей на восточных просторах Речи Посполитой говорили по-украински, по-беларуски, по-летувисски (по-жамойтски – *Ред.*). И другие политические деятели, не поляки (хотя они могли при случае пользоваться польским языком), рекрутировали таких людей в состав других, непольских наций – беларуской, украинской, летувисской.

В этом пункте наших рассуждений мы сталкиваемся с той опасностью, что государство (в данном контексте – Российская империя) вообще исчезает как нациотворческий фактор. А его роль не хотелось бы упускать из виду. Новая политическая ориентация на народные массы стала результатом поражения традиционной политики. Разгром польских национальных восстаний, и прежде всего восстания 1863–64 гг., показал, что царизм, Российскую империю невозможно победить без союзника – без народных масс. А чем были эти народные массы? Оказалось, что при включении в социальные процессы на их основе образуются совершенно новые сообщества – нации.

Государство участвовало во всем этом другим способом, который не является столь очевидным, и который я теперь попытаюсь раскрыть. Чтобы это сделать, очень полезно обратиться к беларускому примеру. Именно для понимания роли империй XIX века в нациотворении беларуский случай имеет ключевое значение.

Как всем известно, беларусы в XIX веке не сделали никаких решительных шагов по пути образования собственной нации. Именно на этом мы должны сосредоточить внимание. Если бы государственный фактор не имел значения, если бы имело значение только наличие на определенной территории крестьян, говорящих по-беларуски, то беларуская нация наверняка возникла бы уже тогда. Но преградой этому явилась структура государства. Все крестьяне, говорившие по-беларуски, проживали на землях, которые вошли в состав Российской империи. Именно в этом и заключалась проблема – в том, что все крестьяне, говорившие по-беларуски, жили в Российской империи, все были под Россией.

Несмотря на все то, что по-прежнему утверждают национальные историки, и польские историки в первую очередь, шансы национального возрождения значительно лучше, если население того или иного народа разделено между двумя-тремя империями. Тому есть две причины.

Во-первых, всегда может быть так, что одна империя позволяет нечто такое, чего другая не позволяет. Значит, можно добиться чего-то на территории одной империи и потом распространить плоды этой работы на земли другой империи. Классический пример здесь – издательства летувисов, действовавшие в Герман-

ской империи, а потом распространявшие книги на летувисских землях, входивших в состав Российской империи.

Во-вторых, одна империя может хотя бы какое-то время помогать угнетенному народу как фактору конкуренции, фактору борьбы с другой империей. В начале XIX века Габсбургская монархия помогала своей украиноязычной интеллигенции, так как хотела отколоть украинское население Российской империи, и тем самым способствовала росту украинского движения на значительной территории.

Подытожим: национальные разделы могут помогать национальному движению, ибо если народ разделен, ему в паспорт нельзя записать гражданство только какой-то одной империи, одного государства. Польский, украинский, летувисский народы – всем им способствовал национальный раздел. Но для беларуского народа это было невозможно. Вот вам роль государственного фактора, роль границ, то есть роль географии границ. Но это еще и роль случая.

Еще одно случайное стечение обстоятельств вело к тому, что российская политика тормозила развитие беларуского народа. В первой половине XIX века российская образовательная политика поддерживала польскую культуру на землях с преимущественно беларуским населением. Почему? Потому что тогда, в начале XIX века, в западных губерниях Российской империи гораздо больше людей умело читать по-польски, чем по-русски. И когда царь Александр I захотел осуществить определенную реорганизацию этой империи, был смысл в том, чтобы делать это с помощью людей, которые уже получили образование.

Вот таким образом модернизацию Российской империи начали осуществлять поляки, а точнее – шляхта, говорившая по-польски. Например, прежняя Виленская иезуитская академия стала российским университетом с польским языком преподавания. Благодаря такой российской политике польский язык был в Российской империи фактором продвижения по служебной лестнице, правда, в течение только пары десятков лет. В результате за несколько десятилетий та часть населения Российской империи, которая говорила по-беларуски, еще больше ополячилась.

Надеюсь, что вы видите: здесь нам приходится лавировать между двумя теориями происхождения наций. На Западе, в Америке, подчеркивается роль государства. Там часто принято считать, что та или иная нация – это результат некой плановой государственной политики. Здесь, на востоке Европы, все было не так просто. Нельзя, конечно, утверждать, что Российская империя сознательно способствовала формированию польской, украинской, летувисской наций. Но эти нации формировались.

С другой стороны, определенная часть исследователей подчеркивает, что нация – это результат самоотверженной работы национальных деятелей с населением. Разумеется, в этом тоже есть зерно истины. Но работа таких национальных деятелей завершалась успехом только тогда, когда они могли воспользоваться той или иной благоприятной конъюктурой в политике великих держав.

В XX веке основным фактором такой конъюктуры послужила Первая мировая война. Но она не в одинаковой степени помогла всем национальным движениям. Политикам Летувы удалось создать свое национальное государство, а укра-

инским – нет, хотя само по себе украинское национальное движение было гораздо сильнее летувисского, и за независимость Украины сражалось намного больше украинцев, чем летувисов за независимость Летувы.

Иначе говоря, после Первой мировой войны положение наших четырех наций оказалось весьма различным. Рискну, однако, сделать главное обобщение: и для летувисов, и для украинцев, и для беларусов отсутствие национального суверенитета было типичной ситуацией в XX веке, так же, как и в XIX. Тем не менее, в конце XX века, несмотря на множество трагедий, пережитых этими народами, уровень национального самосознания у всех их оказался выше, чем в начале того же столетия. Как это случилось? Хотел бы еще раз подчеркнуть роль государственного фактора – не обязательно сознательных намерений государства, а результатов той или иной государственной политики.

Для полной ясности объясню, что я не собираюсь преуменьшать огромные обиды, нанесенные беларусам или украинцам – например, уничтожение их национальных элит советской властью, голодомор в Украине в начале 1930-х годов, депортации, советский и немецкий террор. Это очень важная тема. Я как раз завершил книгу, посвященную самым разным разрушительным проявлениям советской и немецкой политики.

И все же, несмотря на все это, ясно, что тогдашняя государственная политика была нациотворческой. Например, межвоенная Польша поддерживала национальное самосознание украинцев на Волыни. Почему? Потому что хотела конкурировать с СССР за влияние на украинцев. В 1920-е годы руководство СССР пыталось направить национальную энергию на строительство коммунизма. Правда, это оказалось далеко не простым делом.

Известно, что федеративные принципы устройства Советского Союза были насквозь фальшивыми. Но именно эти принципы обусловили долгосрочные результаты. Взять, например современные границы Республики Беларусь. БССР между Первой и Второй мировыми войнами дважды увеличивалась за счет России, а третий раз – за счет Польши. Постепенно Советы расширили на запад и советскую Украину. Без этой украинской советской государственности трудно представить себе Украину современную.

Правда, как и в XIX веке, эти изменения границ не способствовали беларусам в такой же мере, как другим народам. Классический пример, известный всем присутствующим – судьба Вильни. Накануне Второй мировой войны Вильня принадлежала Польше, а по составу населения была польско-еврейской. То, что после войны она стала городом летувисским, означало для нее невозможность стать беларуской, хотя мы знаем, что Сталин рассматривал и такой вариант. Минск был полностью разрушен во время войны и позже стал скорее обычным советским городом, чем центром беларуской национальной жизни, тем более что сталинский террор в 1937–38 гг. истребил лучших представителей народа, а советские партизаны в 1942–44 гг. убивали местных учителей за сотрудничество с немцами. Потому беларусы возлагали свои надежды на Вильню – город, который они же некогда и основали. Но эти надежды не смогли реализоваться. Таково было решение Сталина.

Но это решение было еще и реакцией Сталина на силу конкретных национальных движений. Беларуское движение было среди них самым слабым, а пар-

тизанское движение национальной ориентации практически отсутствовало. Поэтому необходимость компромисса Москвы с беларусами была гораздо меньше, чем компромисса с летувисами или украинцами.

В 1991 году вопрос границ был, может быть, важнее всех других, так как эти границы стали межгосударственными. И в этот момент, момент распада Советского Союза, немаловажным было то, что Польша, потерявшая так много территорий на востоке, сразу признала эти границы. Такая позиция Польши помогла летувисским и украинским деятелям максимально использовать историческую конъюнктуру того момента.

* * *

Так откуда же происходят нации? Все они новые, и среди них можно выделять только новые и новейшие. Все они имеют свои корни в истории империй, но не всегда в роли повстанцев или жертв. Все нации возникают вместе, в конкуренции за лояльность масс и в общем бунте против совместной истории. Они возникают вместе, и никогда еще ни одна нация не рождалась сама по себе.

ДОЛГАЯ СМЕРТЬ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТВЫ
(к дискуссии о беларуской истории и беларуской идентичности)

Алесь Белый

Французский мыслитель Эрнест Ренан сказал в 1882 году, что нация – это «ежедневный референдум». С той поры это мнение стало трюизмом среди этнологов; имеется в виду, что определение и межчеловеческие границы любой нации – результат ежедневного спора между тысячами и миллионами индивидуальных волеизъявлений.

Один из примеров такого спора демонстрируют Валерий Булгаков и Андрей Казакевич в дискуссии, которую вызвала книга первого*. Среди многочисленных рецензий на упомянутую книгу Булгакова (Г. Семенчук, А. Петкевич, С. Николюк и др.) именно отзыв А. Казакевича («Еще одна история про беларуский национализм») выделяется пристальным наблюдением за противоречиями мысли автора и рационально выстроенными контраргументами. Есть уже и контрответ Булгакова именно Казакевичу под названием «Злые демоны беларуской истории», что еще раз подчеркивает важность дискуссии именно между этими двумя авторами, демонстрирующей почти весь спектр мнений современного общественного мнения Беларуси о смысле предыдущей истории страны, о будущем ее идентичности. Задача автора этих строк – не столько определить правоту или неправоту одного из участников, сколько дополнить сам упомянутый спектр.

Весьма упрощенно суть дискуссии выглядит следующим образом: Булгаков последовательно отрицает участие литвинов в «нациогенезе беларусов», представляя беларуский национальный проект как чисто русинский, западнорусский, по сути – византийский. При этом складывается впечатление, что сам автор последовательно стоит именно на антилатинских позициях.

А. Казакевич, А. Петкевич и некоторые другие оппоненты Булгакова критикуют автора за такой подход, «вступаясь» за честь литвинов.

Попытаемся разобраться, в чем сила и слабость как одной, так и другой позиции. Защищая польскоязычных литвинов от критики Булгакова, Казакевич утверждает:

Из журнала «Arche» 2007, № 12. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Алесь Белый (1968 г.р.) – историк и публицист. Автор более 100 научных и научно-популярных работ по истории Беларуси. Лауреат премии имени Ф. Богушевича беларуского ПЕН-центра 2001 г.

* Булгаков В. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006. – 332 с.

«Если бы не культурная работа по опознанию, сбору информации и мифологизации беларуской народной культуры, проведенная польскоязычными интеллектуалами 1-й пол. XIX века (...) нациогенез беларусов был бы другим, а возможно, никогда бы не вышел на уровень политической репрезентации».

Таким образом, заслуга литвинов перед беларуским народом сводится к сбору и мифологизации «народной культуры» (читай – культуры крепостного, а позже – колхозного крестьянства). Та «жертвенно-благородная» роль, которую Казакевич отводит литвинам (собрать, обработать, легитимизовать беларуский фольклор – и умереть самим, учинить благородное групповое самоубийство как этноконфессионального сообщества или своеобразной корпорации – «чтобы жила Беларусь!») давно обыгрывается в возрожденческой среде. Реальное или придуманное восхищение беларуским фольклором (Адам Мицкевич, Эмилия Плятер и т.д.) – кажется, единственный возможный пароль допуска в привилегированный «клуб благородных духовных предков беларусов».

Валерий Булгаков

Имплицитно подразумевается, что занятия юриспруденцией или участие в промышленной и аграрной революции в Северо-Западном крае XIX века (пусть даже достаточно односторонней и непоследовательной) такого допуска не обеспечивают. (А как же юристы XIX века, потомки адвокатской корпорации Речи Посполитой – «палестры» – сыгравшие важную роль в становлении того, что позже стало называться «беларуским национальным дискурсом»?!).

Критикуя мнение Булгакова, что «режим Лукашенко использует методы [по уничтожению исторической памяти], с успехом опробованные литовскими феодалами» (с. 299), Казакевич иронично замечает:

«Методы литовских феодалов, надо отметить, привели в том числе и к тому, что литовские феодалы забыли собственную историю и культуру раньше русских».

Но это абсолютно не соответствует реалиям XVI века. Именно в то время «политический народ Литвы» (т. е. привилегированная католическая шляхта преимущественно балтского этнического происхождения) окончательно выиграл у «политического народа Руси» (православной русской шляхты) принципиальный спор за первенство в ВКЛ, прочно закрепив свою победу поглощением «политического народа Руси» – но никак не абсолютного большинства русинов, сведенных к положению бесправного большинства. Насколько прочной оказалась такая победа, судить читателю.

Это не Булгаков, «рассматривая (фрагментарно) отдельные эпизоды истории Великого Княжества Литовского, в лучших традициях русофильской историографии, представляет его настоящей «тюрьмой» беларуского народа», как кажется Казакевичу. Именно таким предстает ВКЛ со страниц реальных документов своего времени, а не их романтических интерпретаций беларускими националистами XX века в отношении русинов.

Говорить о «забвении литовскими феодалами собственной истории и культуры» (по Казакевичу) никак не приходится. Именно их версия истории ВКЛ утвердилась в так называемых «беларуско-литовских летописях» благодаря предусмотрительности канцлера Альбрехта Гаштовта /канцлер в 1521–39 гг. – *Прим. ред.*/ И даже относительно примирительная, применительно к затяжному литовско-русскому культурному конфликту, позиция польских иммигрантов в ВКЛ (например, Мацея Стрыйковского) и всего «истеблишмента» Речи Посполитой, объективно была более дружелюбной «политическому народу Литвы» – тому самому, чьих непосредственных потомков в XIX веке мы и называем литвинами на беларуской «мове». Для польскоязычного человека это слово имеет два значения: житель исторического ВКЛ (в стереотипном восприятии тоже польскоязычный) или современный литовец (летувис)*.

Алесь Белый

Здесь перед нами предстает «побочная» линия истории литвинов – «побочная», опять же, только с точки зрения современных беларуских авторов, ибо для самих литвинов она была наиболее существенным моментом их истории: конфликт польскоязычных литвинов (в течение всего XIX века лояльных романтичной версии истории ВКЛ по Теодору Нарбуту) с собственно литовским национальным движением («жмудинским», как они его свысока называли). Не забудем, что это некорректное для нашего времени определение литовцев-балтов придумали тоже польскоязычные литвины XIX века!

Конфликт, апофеозом которого стали знаменитый «бунт» 1-й литовско-беларуской дивизии Люциана Желиговского и создание буферного государства «Средняя Литва» со столицей в Вильне, которое существовало почти 2 года (1920–22) и было, по сути, истинным государством польскоязычных литвинов! Впрочем, многие из них знали и беларуский язык как родной, не исключая Желиговского, да что там! – кажется, и самого Начальника Польского государства, фактического инициатора «Средней Литвы», Юзефа Пилсудского. При том «Средняя Литва» была государством намного более реальным во всех своих атрибутах, чем БНР.

Когда А. Казакевич и А. Петкевич спешат объявить литвинов одними из предков беларусов – зачисляют ли они «Среднюю Литву» в политические предки РБ вместе с БНР и БССР (как считают некоторые, еще и с «Генеральным округом Белорутения» впридачу)? Конфликт с Литвой этнической, балтской, борьбу за Вильню и Виленский край – проиграли именно эти, реальные польскоязычные литвины XIX–XX веков, а не мифические «литвины-беларусы» Павла Урбана – Николая Ермоловича – Витовта Чаропки, в существование которых сегодня не верит ни один серьезный историк.

* В польском языке, наиболее естественном для этих самых литвинов, любая игра со словами «литвин» – «литовец» – «летувис» не имеет смысла – все эти оттенки, реальные или искусственно сконструированные, охватываются одним и тем самым словом «litwin».

Насколько А. Казакевич и А. Петкевич, а также многие другие беларуские патриоты XXI века, воспитанные на сочинениях Короткевича и Ермоловича, согласны считать «своими» других литвинов XIX–XX веков? Например, не таких уже далеких от нас по времени Болеслава Яловецкого, Эдварда Войниловича, Мариана Здяховского, Юзефа Мацкевича, Чеслава Милоша, Констанцию Скирмунт и десятки других имен? Неужели и все они – тоже беларусы?

А что Адам Мицкевич? Если он «тоже беларус», то почему никого из реальных беларусов XXI века, потомков «панов сохи и косы», органически не тянет посетить Заосье (родина Мицкевича под Новогрудком – *Прим. ред.*), и ездят туда почти исключительно польские туристы? Абсолютно натянутым выглядит утверждение солидарного с А. Казакевичем А. Петкевича, будто бы «литвинский, по сути, беларуский патриотизм проявил себя в широком культурно-просветительском движении»*.

Не поспешили ли оппоненты Булгакова со своими декларациями, хорошо ли подумали о той ответственности, которая из них автоматически следует? Кто из них готов взять сторону Мариана Здяховского в дискуссии с Владимиром Самойло 1920-х гг.? Кто хохотал над политической сатирой и бытовыми шутками «Wilenskiej powiesci kryminalnej»? Кто готовит дома по рецептам Винцентины Завадской, а сад устраивает по рекомендациям Струмилы? Кто держит в книжном шкафу альбом графики С. Богуша-Сестранцевича или А. Бартельса? И где вообще можно приобрести на рынке что-нибудь из тех книг и вещей, которые они описывают? Может быть, реверансы в сторону литвинов, основанные на плохом знании реальной литвинской традиции, – безответственная бравада?

У Булгакова, по крайней мере, ее трудно заподозрить. Для него, как и для большинства деятелей беларуского национального движения, польскоязычные литвины – однозначно чужие, «колонизаторы» и «фальсификаторы». И напрасно Казакевич иронизирует над таким подходом, отказывая ему в аргументированности и исторической преемственности. На самом деле, позиция Булгакова – это воссозданная на новом витке истории аутентичная позиция «политического народа Руси» XV–XVII вв.

Впрочем, поправим и Булгакова. «Режим Лукашенко» вовсе не «уничтожает историческую память» реальных русинов (особенно русинов Поднепровья), а наоборот, восстанавливает традиции их исторической памяти, отвергая «компромиссную» (как выяснилось – не адресованную никому и не подкрепленную жизнеспособными культурными реалиями) версию беларуских националистов XX века.

Булгаков вполне корректно замечает, что русский народ в Речи Посполитой не был официально признанной нацией, что вызвало внутреннее напряжение и в результате насильственный раздел государства, а это указывает на хорошее знакомство с проблематикой конкуренции политических народов литвинов и русинов и соответствующий скепсис (достаточно аргументированный) к концепции «Беларуского государства ВКЛ». (Хотя следовало бы уточнить, что до Люблинской унии существование политического народа русинов в ВКЛ признавалось, что хорошо видно по известным привилеям 1432, 1434 и 1563 гг.)

* Пяткевіч А. Ці была ў беларусаў польская сьвядомасьць? // Arche. 2007, № 10, с. 231.

Другой важный пример: он не без оснований обвиняет польскоязычных интеллектуалов XIX века (в частности, Яна Борщевского) в том, что они абсолютно игнорировали русинское (особенно долитовское) культурное наследие земель бывшего ВКЛ:

«...к конструированию основных культурных икон, на которых теперь собственно и держится представление о престиже беларуской нации – Франтишка Скорины, Всеслава Чародея, Рогволода и Рогнеды и т. д. – польскоязычная поэзия (как, впрочем, и историография) 1-й половины XIX века не имеет отношения».

Хотелось бы, впрочем, уточнить, что как минимум Владислав Сырокомля всегда отдавал должное долитовскому периоду истории края, а после восстания 1863 года доля таких среди польскоязычных интеллектуалов заметно возросла (Адам Киркор, Александр Ельский и многие другие), хотя и не стала доминантной. Также надо учитывать, что чисто генеалогически многие польскоязычные роды были преимущественно литовскими (или выходцами из Короны) и, если они жили на землях исторической Литвы, то их внезапный интерес к русскому прошлому был бы плохо мотивирован. Можно в определенной степени согласиться с Казакевичем, что ригористическая позиция Булгакова, ретроспективно требующего от каждого, кто когда-нибудь высказывался насчет будущей Беларуси, соответствия сегодняшнему национальному канону, чем-то напоминает заранее невыполнимые «царские» задачи из сказок:

«Интересно, что должен был написать про Беларусь воспитанный в культурных и социальных условиях XIX века человек, чтобы не быть [по Булгакову – А.Б.] расистом, параноиком, или колонизатором. Говорит о том, что беларусы имели великое политическое прошлое – значит параноик, если обращается к истории ВКЛ – примитивный мифолог, если скажет, что «земля эта бедная, и не имеет права на самостоятельное развитие», то становится расистом».

Однако в целом позиция Булгакова подкреплена аргументами, в том числе из арсенала современных профессиональных историков. Игорь Морзолюк, блестящий знаток средневековой и новой истории Беларуси, подчеркивает, что Адам Мицкевич и другие литвины сознательно и последовательно отделяли себя от тех этнографических беларусов, чьим фольклором интересовались и которым, в большей или меньшей степени, симпатизировали:

«Старобеларуская культурная и языковая традиция, традиции восточнославянской «долитовской» княжеской государственности беларуских земель начинают восприниматься окатоличенной шляхтой как «чужие», как история близкого, но соседнего этноса... Беларуские литвины содействовали культурному беларускому накоплению... но были убеждены, что это история и культура не их, а чужого народа»*.

Отсюда, естественным образом, исходит вывод о нелегитимности литвинской традиции в сегодняшней РБ, ярко беларуском (= русинском) государстве. Симметрично и Булгаков, и Казакевич, при всем различии их позиций применительно к литвинам и литвинизму, являются типичными русинами и, насколько можно судить, сознательно или подсознательно воспринимают литвин-

* Марзалюк І. Людзі Даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII ст.). Магілёў, 2003, с. 105.

скую традицию как чужую. Первый считает тотальное уничтожение самой этой традиции вполне заслуженным наказанием колонизаторов, второй – благородной и сознательной жертвой на алтарь нациогенеза беларусов, но права традиции на продолжение самостоятельного существования не признает ни один.

И тот, и другой прославляют и легитимизуют «смерть литвинов» в пользу беларусов, вынужденную или «добровольную», не спрашивая согласия последних и не сомневаясь в необходимости, желательности и пользе такой смерти. Благо не видно, кто из живых мог бы выступить от имени литвинов с возражениями. При том речь не только о потомках шляхты, политически привилегированного класса, тотально уничтоженного или изгнанного во время известных событий 1917–1944 гг. Молчат и потомки более широких слоев населения. Говоря о преемственности между терминами *русин* и *беларус* (или *украинец*), Булгаков отмечает:

> «В первые десятилетия XIX века интеллектуалы продолжали опознавать как единый русский народ... теперешних беларусов и украинцев, употребляя термины «русины» и «русский язык».

Андрей Казакевич

Заслуга российской имперской науки, как справедливо отмечает Булгаков, в том, что она сумела выработать критерии отличия собственно беларусов и ту терминологию, в которой они опознаются. Единственное, чего не замечает или о чем умалчивает Булгаков, – это о причислении к опознанным в новых терминах беларусам тоже беларускоязычного (в современной терминологии) католического населения северо-запада современной Республики Беларусь, преимущественно литовского происхождения. До определенной поры ни они сами, ни даже российская имперская наука или вообще кто-нибудь, ни беларусами, ни русинами их не считали, как не назывался до конца XIX века Беларусью и регион их расселения. Булгаков не раз упоминает этот факт и в своей книге, и в контрответе Казакевичу, но почему-то рассматривает его как своеобразный курьез, с течением времени исправленный историей*. Факт выявления у этого населения «скрытой беларускости» – российской имперской, а позже беларуской возрожденческой наукой, никоим образом у Булгакова не объяснен, и вряд ли это можно сделать с модернистских, а не с примордиалистских, позиций.

Впрочем, смерть *Славянской Литвы* хотя и не оставила очевидных потомков, но оставила завещание – документально удостоверенную волю ее прежних героев. Даже о Франтишеке Богушевиче мы не имеем надежных свидетельств, что он считал себя беларусом. Речь от имени Мацея Бурачка – это речь от имени литературного персонажа, которого нельзя отождествлять с автором (так же как нельзя отождествлять Дунина-Марцинкевича с персонажем его «Идиллии» Наумом Приговорком). Основатель новобеларуской литературной традиции

* З. Булгакаў В. Злыя дэманы беларускай гісторыі // Arche. 2007. № 9. с. 18–19.

назвал свой сборник 1857 года «Dudarz Białoruski», но никогда, насколько известно, не называл беларусом себя самого. Степень самоидентификации Богушевича с адресатами его программного заявления навсегда останется нам неизвестной, оставляя пространство для фантазии очередного интерпретатора. Многолетний спонсор беларуского движения Эдвард Войнилович всю жизнь отказывался назвать себя беларусом (хотя такие предложения, а скорее — обвинения, в его адрес звучали часто), что удостоверено его мемуарами.

Потому называть беларусами его, Калиновского или Дунина-Марцинкевича (а также десятки других имен), особенно после холодного душа, вылитого на головы романтиков Валерием Булгаковым, Игорем Морзолюком, Олегом Латышонком, а также многими проправительственными историками и публицистами, по сути, значит подделывать их завещания. В традиции латинской цивилизации, к которой с момента Кревской унии 1385 года принадлежали литвины, это считается великим преступлением. Что же касается Романа Скирмунта и горстки других литвинов, которые в конце XIX — начале XX вв. согласились принять имя беларусов (Скирмунт это свое решение позже ревизовал), то это было с их стороны жестом доброй воли, который противоположная сторона не приняла и не оценила.

Все, или почти все собственно литвинские ценности, как материальные, так и духовные, были в XX веке отвергнуты, оклеветаны и большей частью уничтожены — и продолжают интенсивно уничтожаться сегодня. Наиболее символично это выражается в нынешнем целенаправленном и почти ритуальном разрушении старого Гродно. Ирония судьбы: в 1183 году уничтожение наднеманского Городеня литовцами отметило их выход из-под полоцкого протектората и начало самостоятельной политической карьеры; сегодня история применительно к литвинам повторяется с точностью до наоборот.

На самом деле, Богушевич, если и был «отцом» современного беларуского национализма, как считает Булгаков, то сам он явно не был беларуским националистом. Эта роль выпала на долю поколения 1902 года, поколения Громады, избравшей общественный идеал (совершенно фантастический. — *Ред.*) — лишенный разделения труда, классов, денег, торговли, ремесел, городов, граждан и их ассоциаций, частной собственности, автономии личности. Программные документы современного беларуского национализма — это не «Дудка беларуская» и не «Смык беларускі» Богушевича. Это «Прысяга над крывавымі разорамі» Тётки и особенно цикл романов Короткевича об Истинно Мужицком Короле Стахе.

Казакевич абсолютно прав, когда пытается найти у Булгакова суть расхождений его с идеологами Администрации в трактовке этой непрерывной *беларуской* культурной традиции (которые остаются непонятными и любому другому внимательному читателю «Истории беларуского национализма»). По крайней мере, традиции борьбы за освобождение от польско-католического колониального гнёта, к которым все время апеллирует Булгаков, чрезвычайно близки упомянутой Администрации.

Достаточно вспомнить главный национальный праздник Беларуси, День Независимости, отмечающий освобождение беларусов не только и не столько от немецких нацистов, сколько именно от *литвинов*, или от их потомков, для которых 1944 год стал окончательной катастрофой, подвел черту под цепочкой на-

циональных трагедий: 1795 – 1812 – 1831 – 1864. Если добавить сюда планы объявить *национальным праздником* еще и 17 сентября 1939 года, то близость исходных позиций Булгакова и официальной правительственной, по крайней мере, на «антилатинской» платформе, становится еще более очевидной. Ответ Булгакова Казакевичу, выдержанный в довольно злом тоне, этого вопроса его оппонента не снимает, так как по сути ответа на него не дает. Создание массового общественного движения «Белая Русь», которое пришлось именно на время рассмотренной дискуссии, только усиливает этот вопрос.

Поэтому в этом вопросе Булгакову мы присоединяемся к Казакевичу и попытаемся выразить его в своей формулировке: какая политическая или социальная группа *сегодня* наиболее последовательно олицетворяет те идеалы беларуского национализма, которые в их исторической преемственности сформулировал Булгаков? Чем потенциально является «Белая Русь» – политической партией, или политическим народом РБ, сущностно подобным политическому народу ВКЛ?

Ради справедливости следует отметить, что вина за вымирание литвинов лежит не только на беларуско-русской стороне. Не в меньшей степени виновен в нем и польский культурный шовинизм, который настолько примитивен, что бездарно проигрывает шансы на экспансию польскоязычной и «полоноцентричной» культуры на Востоке, или, по крайней мере, шансы на защиту ее от ассимиляции. Один из наиболее вредных стереотипов – упрямое сохранение этнонима «поляк», которое на пространствах бывшего СССР позволяет быстро и эффективно мобилизовывать против его носителей всех противников латинской цивилизации и Речи Посполитой.

Шляхтичи ВКЛ (исторические литвины)

Отметим для сравнения, что франкоязычные квебекцы («кебекуа»), акадийцы и «каджуны» Северной Америки, или голландскоязычные фламандцы и африканеры очень быстро поняли в достаточно похожих условиях, что им не следует называть себя французами и голландцами, и бороться за восстановление политической власти бывшей метрополии. А это позволило им сформули-

ровать более или менее успешные собственные национальные проекты. Как сложилась бы история нашей части Европы, если бы некогда *польскоязычные* и *простоязычные* жители Виленщины настояли на названии литвины? Начиная с критического момента начала 1920-х гг.? Впрочем, и в 1990-х гг., и даже теперь?

Видимо, дело не в техническом несовершенстве польского языка, неразличающем «литвинов» и «литовцев», а в той подсознательной ментальной установке, которая диктует языку именно такое несовершенство. Видимо, постоянно мешает иллюзия близости Польши. Но сопредельность на материке иногда означает большую отдаленность, чем многие тысячи морских миль. Примитивная «геометрическая» география в нашем случае не работает, потому что не учитывает закона притяжения Ньютона. Сегодня, как и столетие тому назад, колоссальная масса восточного полуазиатского соседа выказывает силу своего притяжения даже в странах значительно более отдаленных чем Польша. Борясь с литвинами, литовцами и украинцами, поляки (и местные «поляки») в течение веков забывали об этом. Варшава последние 200 лет была для нас достаточно близкой, чтобы регулярно засылать своих авантюрных эмиссаров с очередными «общеевропейскими» проектами, но не настолько близкой, чтобы понимать реальные нужды местных сообществ, не говоря уже о достаточном обеспечении своих шовинистических утопий материальными ресурсами.

* * *

Главный упрек Казакевича к Булгакову заключается в умышленном стремлении «сократить» беларускую историю. Но что поделать, история африканеров и квебекцев не старше беларуской, хотя связи с историей предшественников этих сообществ отрицать невозможно. И разве не подтверждается тезис Булгакова о запоздалом формировании беларуского национального проекта самой нашей жизнью? По сравнению с украинцами и литовцами формирование беларуской «национальной» идеологии началось слишком поздно, когда уже полным ходом шла промышленная революция, когда внедрялось массовое стандартное государственное образование Российской империи (позже – СССР). Также, по сравнению с украинцами и литовцами, эта идеология декларировала наиболее полный разрыв с бывшей господствующей элитой, объявленной «колонизаторами» (и вовсе не Булгаков первым столь негативно высказывается в их адрес).

В результате «национальная культура» не смогла выработать механизмов самообеспечения и самовоспроизводства, полностью завися от воли и фантазии очередных реальных колонизаторов. На интуитивном уровне, при наличной потребительской альтернативе средний беларус (особенно – платежеспособный) никогда не сделает выбора в пользу тех бесхитростных предметов крестьянской материальной культуры, или традиционных ритуалов земледельцев, или многоэтажных рефлексий на *национальные темы* (биографии мучеников-борцов; ностальгические стихотворения по поводу утраты национальной идентичности, особенно языка; бесконечное псевдопозитивистское исследование мелких деталей этнографических реалий XIX века и т. п.), из которых эта культура складывается.

У литовцев, украинцев и поляков инфраструктура своей традиционной культуры (сущностно аналогичной беларуской, только лучшего качества) значи-

тельно лучше сохранилась и пользуется интуитивным одобрением массового сознания, обеспечивая платежеспособный спрос на ее духовные и материальные продукты. А у беларусов она существует только как декоративный элемент культуры советской, полностью завися от государственных дотаций и обслуживая только государственные нужды в ритуалах легитимизации (но не внутренние, интимные потребности частных лиц).

Поэтому (в отличие от украинцев и литовцев) многие беларуские националисты давно обратились к практике выборочной рецепции ценностей тех самых ненавистных «колонизаторов». Так, уже Максим Богданович легитимизовал Слуцкий пояс (но, парадоксально, без кунтуша и сабли) в качестве одной из базовых беларуских ценностей. Михаил Мошара в послевоенное время добился признания Константина Калиновского «беларуским национальным героем» и т. д.* Этот процесс довольно интенсивно, но алогично и непоследовательно продолжается и в наше время, что очевидно и при рассмотрении дискуссии Булгакова и Казакевича – при том, что критерии отбора и рецепции абсолютно непонятны и бессистемны.

Литвины XVIII века (типажи)

* Михаил Мошара (Міхась Машара; 1902–1976) – беларуский поэт, писатель и журналист. Участник национального движения в Западной Беларуси, член БСРГ, подвергался преследованиям польских властей (отбыл 4 года тюрьмы). Во время войны работал в газетах «Звязда», «Савецкая Беларусь», «Партызанскае слова» и на радио. После войны – в журнале «Полымя» и «Настаўніцкай газеце». Автор 10 сборников поэзии и 5 романов. – *Прим. ред.*

Что конкретно из наследия ВКЛ и Речи Посполитой вызывает страх, ненависть, или стыд и в итоге – отчуждение, у тех, кто такой отбор осуществляет, они обычно не в состоянии рационально объяснить. Булгаков дает достаточно строгий критерий беларускости. Насколько его понял автор данных строк, все, что в упомянутом наследии не может быть опознано как русинское, соответственно не может считаться и беларуским (фактически является «незаконным» на территории РБ).

Для того, чтобы эффективность этого подхода стала понятной недогадливому читателю, его надо протестировать на таких реалиях как *бело-красно-белый флаг* (изобретенный римо-католиком и шляхтичем Клавдием Дуж-Душевским в 1917 году с явной аллюзией на родственность с цветами польского знамени) и герб *«Погоня»* (официально закрепленный в связи с крещением Литвы в католичество). Однако можно гипотетически предполагать, что для некоторых других современных беларусов процесс такой рецепции будет продолжаться и дальше, и что его глубина потенциально может превзойти аналогичные процессы у украинцев и литовцев.

Что же до самой РБ, то наличие официальной «людовой» (советской) культуры и психологическая потребность в дистанцировании от нее именно здесь может вызвать настолько глубокое и, потенциально, массовое (насколько возможно так говорить о меньшинстве населения) обращение к культурным ценностям Речи Посполитой, какое невозможно ни в Литве, ни в Украине. И совсем необязательно эта альтернативная культура сохранит название «беларуской».

Впрочем, для ее носителей было бы фатальной ошибкой претендовать на право выражать и представлять культурные интересы всех, или даже относительного большинства жителей РБ, которые в более близкой исторической перспективе останутся русинами (по терминологии XVII века «беларусцами»). Эпоха безответственных игр в фальсифицированные идентичности, в присвоение себе права репрезентовать других без их согласия и без механизмов обратной связи, которая началась в середине романтического XIX века, явно подходит к концу.

РУССКИЕ В БЕЛАРУСИ: ПОСТИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Павел Терешкович

Если верить данным последней Всесоюзной переписи, в январе 1989 года в Беларуси насчитывалось 1 млн 342 тысячи русских. Это много – 13,2 процента населения. Русские – самая большая группа некоренных жителей республики. Но в то же время и самая неизвестная.

Впрочем, это неудивительно. Как ни парадоксально, но следует признать, что русские, особенно современные – один из наименее изученных этносов мира. Попробуйте, например, найти какую-либо литературу по этнической истории русского народа. По истории русских царей – сколько угодно, особенно в последнее время, а по этой теме – увы. Определенные представления, конечно, есть. Но когда в своей книге «Образ в русской художественной культуре» (М., 1981) литературовед Георгий Гачев делает вывод, что только в начале XX века Россия стала жить действительно общенациональной жизнью, то это вызывает легкий шок.

Предлагаемый текст, как дипломатично принято указывать в научных публикациях для предупреждения возражений оппонентов, «не претендует на полноту» и «не исчерпывает всей глубины»... Это постановка проблемы и, откровенно говоря, в значительной степени компиляция, о степени добротности которой судить читателям.

Хочется сразу оговорить еще одно обстоятельство. С моральной точки зрения писать, а тем более публиковать эту статью, мне совсем не просто. Я вполне отдаю себе отчет в том, что многие приведенные в ней факты едва ли будут содействовать укреплению официально и неофициально узаконенных традиций «многовековой нерушимой дружбы». Кто-то просто обидится, кто-то назовет все это «национализмом, фашизмом, расизмом» и т. д., кто-то наверняка скажет, что «может быть, так оно и было, но зачем нам сейчас вся эта правда?» И укажет на проблемы Карабаха, Южной Осетии, Приднестровья и другие ягодки «ленинской национальной политики». Я совсем не против дружбы народов. Только мне кажется, что в отечестве нашем свободном она более всего декларировалась. У декларированной дружбы был подтекст – опасность быть задушенным в братских объятиях.

Дружба не может основываться на лжи, у такой дружбы – нет будущего.

И еще. Этнографию интересует культура и поведение больших групп людей, а не отдельных личностей. Поэтому в своей статье я не стремился осветить дея-

---

Перепечатка из журнала «Неман», 1992, № 6, с. 164–176.

тельность безусловно выдающихся представителей русского народа, правивших, служивших или просто проезжавших через Беларусь и содействовавших укреплению русско-беларуских отношений. Тем более, что это уже сделано.

* * *

Обычно считается, что русские как этническое меньшинство появились в Беларуси во второй половине XVI века. Это действительно так, хотя и не значит, что переселений не было раньше. В XIV–XV веках, когда династические браки были одним из важнейших элементов «восточной» политики Великого Княжества Литовского, Гедиминовичи нередко брали себе в жены дочерей московских, рязанских и тверских князей. Русские княжны, их подружки, служанки и челядь, вероятно, и были первыми группами русских, появившихся в Беларуси.

История брачных беларуско-русских связей начинается с 1350 года. Именно тогда дочь тверского князя Александра, Юлианна, стала женой освободителя Украины, ревнителя православия в Литве великого князя Ольгерда. Браков, подобных этому, было немало: дочь Дмитрия Донского вышла замуж за сына Ольгерда Лунгвена (Семена), рязанская княжна Анастасия – за его брата Корибута (Димитрия), тверская княжна Анна София – за Свидригайлу. Последний великокняжеский свадебный «поезд» прибыл в Вильню в 1495 году – Иван III выдал за князя Александра свою дочь Елену. Русские княгини сыграли не последнюю роль в истории Беларуси и Литвы. Известно, например, что Юлианна прилагала немало усилий для устройства брака своего сына Ягайлы с дочерью Дмитрия Донского. Брак этот, правда, не состоялся. А вот замужество Елены послужило поводом к войне между Великим княжеством и Московией. Иван III потребовал построить православную церковь для своей дочери. Церквей же в Вильне в то время было не меньше, чем костёлов, поэтому со строительством не торопились. Но именно это промедление и стало поводом. Впрочем, не было бы этого – нашлось бы что-нибудь другое.

Сюжет сей заслуживает особого внимания, ибо в конце XV века сложилась идеология, определившая отношение России к Беларуси на многие столетия вперед. Отметим, что, несмотря на родственные связи, отношения между великими князьями Литовскими и Московскими всегда были далеки от идеальных. Пограничные земли неоднократно переходили из рук в руки. Шаткое равновесие сохранялось до 1492 года, в котором Иван III предъявил свои претензии на Беларусь и Украину. Оснований для этого, как ему казалось, было предостаточно.

Еще в 1472 году князь взял себе в жены племянницу последнего византийского императора Константина Софию Палеолог. Породнившись с правителями несуществовавшей к тому времени империи, Иван III получил в приданое герб – двуглавого орла. Факт присвоения герба жены сам по себе весьма примечателен. Интересен он еще и тем, что герб этот – типичный пример «герба претензий». Двуглавый орел появился как символ «двуединой» поздней Римской империи, имевшей в IV–V веках двух правителей и две столицы. Когда же Рим пал, византийские императоры сохранили одну из орлиных голов, как знак обоснованности своих претензий на владения предков. Одного герба Ивану, или, как он стал себя именовать, Иоанну III показалось мало. При помощи незамы-

словатых генеалогических махинаций (Рюрик был объявлен «четырнадцатым коленом» некоего Пруса, якобы брата римского императора-цезаря-царя Августа) он, как наследник правителей мира, присвоил себе титул царя. Москве же, соответственно, – титул «третьего Рима». Правда, первая же попытка уподобиться оному Риму и ознаменовать рождение новой империи возведением храма увенчалась конфузом – в 1474 году рухнул недостроенный Успенский собор. Русские мастера, как определил позже Аристотель Фиорованти, не умели как следует обжигать кирпичи, а в раствор добавляли слишком много песка. Кончилось тем, что дело списали на «неблагоприятные погодные условия» – на землетрясение – и выписали мастеров из Италии.

Иван III объявил себя не просто царем, а еще и государем «всея Руси». Беларусь и Украину он рассматривал как «из старины от прародителей отчину» и обещал, что воевать будет до тех пор, пока не отвоюет все, «и мира с Литвой не будет, а перемирия нужны лишь для того, чтобы собраться с силами». Эта идея и определяла политику России по отношению к своему ближайшему соседу на протяжении 300 лет, до тех пор пока Екатерина II, по-воровски разделив Речь Посполитую, не заявила: «Отторженая возвратих».

* * *

Только в первой половине XVI века русские войска трижды нападали на Оршу, пять раз штурмовали Витебск, семь раз осаждали Могилев, столько же – Полоцк. На восьмой раз, в 1564 году древнейший беларуский город был взят войсками Ивана Грозного. Учиненный разгром и побоище надолго остались в памяти народа. Но самым страшным стало нашествие 1654–1667 гг. Нападения, как всегда, обосновывались самыми благими намерениями. Русский царь Алексей Михайлович объявил себя защитником православных, и многие в это поверили. В начале войны Могилев, Копысь, ряд других городов и местечек сдались русским войскам практически без боя. На беларуских землях создавались даже целые полки из православной шляхты, формировались отряды из мещан и крестьян.

Отрезвление наступило довольно скоро. Об этом свидетельствует эпистолярное наследие Могилевского шляхтича Поклонского. 22 июля 1654 года он «выехал на государеву сторону», а 5 февраля следующего года – восстал. «С Москвой нам не век жить, знаете, какие она мерзости наделала»,– писал он, объясняя свой поступок. Описания Поклонского не оставляют сомнений в характере войны:

> «Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были, чем теперь живут наши, собственные глаза мои видели, как бездельно поступала Москва с честными женами и девицами», «насмотрелся я над кутеинскими монахами как Москва почитает духовенство и вещи церковные; в церкви престолы сами обдирали и все украшения церковные в столицу отослали, а самих чернецов в неволю заслали, а что с отцом митрополитом и другими духовными делают. Жаль, вместо лучшего в худшую неволю попали».

Обращаясь к сохранявшим верность царю могилевским мещанам, Поклонский писал: «Вырубят вас защитники ваши, так как теперь из Смоленска вывели шляхту и мещан и послали воевать с калмыками». Последнее замечание касалось

не только судьбы жителей Смоленска. Вместе с награбленным добром в глубь России погнали полон – десятки тысяч беларуских мещан и крестьян. О масштабах этой депортации свидетельствует высказывание патриарха Никона о том, что Алексей Михайлович намеревался вывести из Беларуси до 300 тысяч человек. Судьба их сложилась по-разному. Часть, главным образом ремесленники, осели в Москве, большинство было обречено на барщину, немало было и тех, кого продали на невольничьем рынке в Астрахани.

Ощущая нарастающее недовольство и открытое сопротивление со стороны белорусов летом 1655 года, царь Алексей Михайлович, «отличавшийся добротою и мягкостию», отдал приказ своим войскам перейти, по существу, к тактике выжженной земли. Вот типичное донесение А. Трубецкого о боевых действиях по пути от Слуцка до Слонима: «...идучи дорогою, села и деревни и хлеб и сено и всякие конские кормы мы по обе стороны жгли и людей побивали и полон имали, и разоряли совсем без остатку, и потому ж жечь и разорять посылали».

Война 1654–1667 годов стала самой страшной в истории Беларуси. Кроме русских войск на севере действовали шведы, на юге – казацкие отряды. Никогда ранее и никогда после Беларусь не несла подобных человеческих жертв: население сократилось более чем в 2 раза – с 2,9 млн. человек в 1650 г. до 1,4 млн. человек в 1667–1670 гг. В некоторых регионах, например, на Гомельщине, выжил только один из десяти. На восстановление численности населения ушло 200 лет.

И это еще не все последствия войны. Она стала своеобразным водоразделом в истории беларуского народа. До нее – Всеслав, Евфросиния, Грюнвальд, государственный статус языка, Скорина, Будный, Цяпинский. Статуты Великого княжества Литовского, после нее – многовековая, не закончившаяся до сих пор изнурительная борьба за право «людзьмі звацца», называть свой народ народом, язык – языком, говорить на нем, писать и печатать книги, учить на нем детей.

На рубеже XVI и XVII веков натиск контрреформации и полонизации лишил беларусов поддержки собственной земельной аристократии. Но оставалось еще мещанство, в городах действовали братства, школы, типографии. Русское нашествие уничтожило и это. Беларусы превратились в так называемый «малый народ» – этнос с неполной социальной структурой, состоящий почти полностью из крестьян. Именно в это время в сознании беларуса, которому стали вбивать в голову, что язык его – «хамский», «хлопский», начал формироваться комплекс неполноценности – основа будущей манкуртизации.

* * *

В середине XVII века в русской православной церкви произошел раскол. Поводом для него стала реформа патриарха Никона, направленная на еще большее подчинение церкви государству. Сторонников старых обрядов Большой московский собор 1667 года предал анафеме и проклятию «как еретиков и непокорных». Аргументы борьбы со сторонниками двоеперстного крестного знамения плохо согласовывались с библейскими заповедями. Тысячи староверов устремились в места, недоступные царской деснице: кто был беден – на север, в Сибирь, Приуралье, кто побогаче – в Турцию, Австрию, Швецию, но большей частью – в Речь Посполитую, а точнее – в Беларусь. Массовому притоку пере-

селенцев способствовало множество обстоятельств. Именно в это время в Беларуси катастрофически сократилось население. Более половины пахотных земель пустовало, ощущалась острая нехватка рабочих рук. Местные магнаты-землевладельцы покровительствовали переселенцам, брали их под свою защиту, создавали, на первое время, льготные условия аренды земли. Плата за нее взималась грибами, ягодами, орехами. Крестьяне – беглецы из России – становились лично свободными, но самое главное для старообрядцев – это свобода вероисповедания, та уникальная веротерпимость, толерантность, которой Беларусь в то время выгодно отличалась от восточного соседа. Степень автономизации жизни староверов прекрасно характеризует выдержка из документа, составленного в 1771 году при переселении из Ветки и Чонок во владения графа Яна Ходкевича. Переселение скреплялось документом, оговаривающим многочисленные условия. Вот некоторые:

«1. Попов нам своих и по нашему закону и вере примать, чтоб было невозбрано.

2. Церквы в монастырях и по слободам ставить по нашему закону и вере без всякого утеснения от попов, и от ксионзов, и от панов, и от жидов, и от мужиков и от всякого чина...

7. Где прислучится в месте или на торгу, или на ярмарках, когда мы станем рядом, то чтоб жид или мещанин цену не повышал и не перебивал».

Назвать хотя бы приблизительную численность переселенцев сложно. По данным российских властей, только с 1719 по 1727 гг. в Речь Посполитую убежало 198 тысяч человек, в том числе из Московской губернии – 68 тысяч, что составило 3,4 процента ее населения. В Беларуси старообрядцы размещались главным образом в Подвинье и Посожье. Главным старообрядческим центром стала Ветка. Основали ее в 1685 году представители староверческой элиты – москвичи: купцы, мещане, священники. Вокруг Ветки быстро выросли связанные с ней слободы. К 1722 г. их число достигло 23, а население превысило 40 тысяч человек. По свидетельству И. Никольского, ветковские купцы едва ли не полностью монополизировали торговлю между левобережной Украиной и Беларусью. Торговля связывала Ветковскую округу с Калугой, Поволжьем, Доном, Москвой.

Но главное значение Ветки не в этом. Наряду с Керженцом в Приуралье, она стала крупнейшим духовным центром старообрядчества. По мнению Н. Никольского, Керженец и Ветка – «первоначальные иерархические источники и ученая академия поповщины», одного из крупнейших течений в старообрядчестве. «На Ветке же при монастырях,– отмечает он,– было организовано иконописание и устроены склады старопечатных книг, скупавшихся за московским рубежом; иконами и книгами Ветка снабжала весь старообрядческий мир». Здесь есть, правда, небольшая неточность. Староверы не

Старовер из г.п. Ветка

столько скупали, сколько заказывали книги. Печатала их чудом сохранившаяся типография Могилевского братства, а также, что самое удивительное, типографии униатских базилианских монастырей в Вильне и Супрасли. Так, например, в виленском Свято-Троицком монастыре в 1778–1801 гг. было напечатано 58 старообрядческих изданий. При этом беларуские мастера оказали большое влияние на формирование нового облика книги староверов. По мнению екатеринбургской исследовательницы И. Починской, эти издания представляют особый тип книги, соединившей в себе традиции московского, беларуского и украинского книгопечатания. Крайне интересной представляется и еще одна идея этой исследовательницы. Старообрядчество совсем не было консервативным, социально косным явлением, как это нередко нам пытались представить. В известном смысле слова оно сыграло в русском обществе роль, аналогичную протестантизму. Ветка же со своим непререкаемым авторитетом стала тем каналом, по которому влияние европейской культуры распространялось на старообрядческие массы России.

Церковь староверов

Все это, безусловно, не могло не раздражать российские власти. Православные иерархии неоднократно обращались к ним с требованиями разорить «ложную церковь». В 1735 г., в самый пик побегов крестьян в Речь Посполитую, на Ветку была послана карательная экспедиция под руководством полковника Сытина. Разорение общины получило название «выгонка», церкви и монастыри были разрушены, а 14 тысяч человек выселены, монахи разосланы по монастырям в глубину России. Акция эта, впрочем, не принесла ожидаемых результатов – через несколько лет Ветка возродилась. Поэтому в 1764 г. по приказу Екатерины II была произведена вторая «выгонка». На этот раз разорение было почти полным. Большая часть староверов переселилась в Сибирь, на Алтай, на Украину, многие расселились по территории Беларуси. Но и после этого Ветка до конца своего значения не потеряла. Она оставалась крупнейшим старообрядческим поселением в Беларуси. В середине XIX века в Гомельском уезде, в состав которого входила Ветка, русские-староверы составляли 11 % всех жителей. Кроме этого, достаточно многочисленные группы их жили в Витебском (6,6 % жителей), Полоцком (5,8 %), Сенненском (2,9 %), Дисненском (2,3 %), Бобруйском (2,2 %) и Борисовском (1,9 %) уездах. Всего же на рубеже 50–60-х гг. в Беларуси жило 34 тысячи староверов (1,1 % всех жителей).

Политика русских властей по отношению к староверам не была неизменной. В конце XVIII века наметилось некоторое ослабление преследований. Староверам было дано право судебного свидетельства, разрешено занимать обществен-

ные должности, отменено обязательное ношение особой одежды. Тем не менее, по-прежнему существовал надзор, тайная слежка за староверами для «предупреждения вредного влияния на окрестное население». Сохранялось недоверие к властям и со стороны староверов. Неслучайно именно в Ветке на некоторое время обрел пристанище Емельян Пугачев. Особенно возросло взаимное недоверие при Николае I, объявленном старообрядцами антихристом за осуществляемое по его приказу принудительное крещение детей по православному обряду.

Тем более странным в этом контексте выглядит поведение староверов во время восстания 1863–1864 гг. Они поддержали власть, ту самую, которая в течение 150 лет преследовала их, убивала их предков, превращала в скитальцев. Тональность официальных сообщений о старообрядцах сразу же изменилась. В одночасье из «замкнутых и невежественных» (?!) они превратились в «прочный элемент, способствующий обрусению края». По мнению С. Самбук, определенную роль сыграли отношения крестьян-арендаторов с помещиками. Последние после ликвидации крепостного права стали сгонять арендаторов со своей земли. Это обстоятельство и использовал М. Муравьев, главный организатор подавления восстания, закрепив специальным указом права староверов на землю.

Впрочем, по мере «успокоения» Беларуси власти позабыли о неоценимой услуге старообрядцев в борьбе с повстанцами. В 1871 году действие циркуляра было отменено, а идея наделения староверов землей, как водится, утонула в бюрократических дебрях российской администрации. Кроме того, по понятным причинам отношение к старообрядцам со стороны интеллигенции, шляхты, помещиков, участвовавших в восстании или сочувствовавших ему, явно не улучшилось.

Впрочем, нужно отметить, что и взаимоотношения староверов с ближайшими соседями – крестьянами-беларусами, были не совсем простыми. Приведу цитату из «Вестника Западной России»: «Великороссы не только не роднятся с белорусами, литовцами и поляками, не только не берут себе жен из этих племен, но избегают даже знакомств и всяческих сношений с ними. Иные торговцы ведут торговлю, но в приказчики никогда не возьмут из «тутэйшых». Дело, однако, было не только в «высокомерии» староверов. Нежелание поддерживать близкие отношения было обоюдным, «Не за тое маскаля бьюць, што украў, а за тое, што дрэнна схаваў», гласит беларуская пословица. То, что староверы были нечисты на руку, свидетельствуют многие этнографы, например, А. Киркор и Л. Сементовский.

И тем не менее представление об абсолютной замкнутости староверов весьма относительно. По переписи 1897 года свыше 12 % из 68 тысяч староверов назвали своим родным языком беларуский. Вероятность «обращения» беларусов в раскол не исключена, хотя и незначительна. Основную роль, по-видимому, сыграли межэтнические браки. Их существование, хотя и с некоторой неохотой, признавали практически все этнографы второй половины XIX века. Взаимовлияние осуществлялось и другими путями. Могилевский этнограф прошлого столетия А. Дембовецкий указывал, например, что, «несмотря на сохранение старообрядцами чисто русского языка, у них имеется примесь белорус-

ских слов». В то же время Е. Романов отмечал случаи заимствования беларусами через староверов русских песен. Ярким примером взаимовлияния стала так называемая ветковская резьба, соединившая русские и беларуские традиции украшения жилища. Длительное проживание староверов в Беларуси нашло своеобразное отражение в их самосознании. Известно, например, что группа старообрядцев-переселенцев из Беларуси, проживавших в конце XIX века в Хотинском уезде на Украине, называла себя беларусами.

И все же, несмотря на контакты, быт староверов неизменно сохранял традиционные русские черты. Жилище — большая деревянная изба, всегда отличалось своими внушительными размерами, подчеркнутой основательностью. Двор, обнесенный высоким тесовым забором, колодец внутри его — казалось, все отражало стремление к независимости, автономности. В начале XX века богатые купцы-староверы строили дома из нескольких комнат, обставляли их дорогой мебелью. Обязательная принадлежность жилища — отдельная молельня с лампадой, заставленная иконами. Дом разделялся на две половины (стороны); «чистую» и «жилую». В чистой устраивали дощатый пол, ставили хорошую мебель — двуспальную кровать, завешенную коленкоровым или ситцевым пологом, сундук с лучшей одеждой, тут же была печь — «голландка». Чистая сторона использовалась как гостиная, здесь располагались хозяин и хозяйка, в жилой — остальные члены семьи, там занимались и домашними работами.

Генерал-губернатор
Михаил Муравьев,
по определению А.И. Герцена —
«вешатель»

Еще более отличала староверов от беларусов одежда. Мужчины носили длинные кафтаны, шаровары, заправленные в сапоги, сорочки, поддевки, на голове — фуражки. Основу женского костюма составлял сарафан из ситца, штофа, впрочем, как отмечал А. Сементовский, шелка и даже парча тоже были делом обыкновенным. Традиции сохранялись и в пище. А вот табак был под запретом, то же касалось и алкоголя. По мнению М. Довнар-Запольского, староверы «пьют редко или вообще не пьют».

Общественный быт старообрядцев также отличался своеобразием. Особенно это проявлялось у секты беспоповцев, на наш взгляд, наиболее приблизившейся по своему поведению к крайним формам протестантизма. Показательно, что брак у них не сопровождался венчанием в церкви, вся брачная процедура осуществлялась дома при минимальном количестве гостей.

В 1914 году в Беларуси жило 100 тысяч старообрядцев. Что с ними стало после 17-го года, сказать сложно. Жители Ветки до сих пор помнят, как в середине 30-х в одну ночь «забрали» всех иконописцев до единого, а иконами потом две недели топили общественную баню. Из десятков церквей каким-то чудом уцелела одна — в Гомеле. В конце 70-х, когда атеистический вандализм несколько приутих, на основе уникальной коллекции, собранной местным энтузиастом

Ф. Шкляровым, в Ветке был открыт музей народного творчества (о нем. см.: «Неман», 1989, № 4). Экспонатам его, особенно старопечатным книгам XVI – XVIII столетий, изданиям И. Федорова, могут позавидовать многие столичные музеи.

Но сейчас, в 1992-м, можно с горечью констатировать, что Ветка обречена. Мной не случайно приведен договор староверов с Яном Ходкевичем. Есть в этом документе что-то мистическое. Дело в том, что из Ветки и Чонок старообрядцы переселялись в местечко, сегодня известное всему миру под названием... Чернобыль. «Мирный атом» сделал то, что не удалось царским карателям и энкавэдистской чуме. В Ветке жить нельзя. В селах уже почти никого не осталось, пройдет несколько месяцев, возможно, лет, и опустеет Ветка.

На этот раз навсегда.

* * *

«Между 1 и 7 числом наступающего сентября взять в действительное наше владение все под российский скипетр места и земли...» – так начинался подписанный 16 августа 1772 года Екатериной II указ об организации управления на землях Восточной Беларуси, еще не присоединенных юридически, но участь которых была уже предрешена. Пройдет 170 лет, и верноподданные марксистские историки назовут все это «воссоединением Беларуси и России», «свершением вековой мечты белорусского народа».

Просматривая сейчас документы об этом воссоединении, трудно отделаться от мысли, что все они поразительно напоминают протокольную подноготную другого «воссоединения», оговоренного пактом Молотова – Риббентропа. Та же подленькая возня за спиной жертвы, те же способы описания будущих границ и обязательства сохранять содержание договоров в тайне, тот же благородный предлог – защита исконно родного населения, даже пора года – одна. История повторилась в 1793 г., а в 1795 г. Речи Посполитой не стало.

Что же принесло Беларуси мнимое воссоединение или, точнее, банальный захват? Самое главное – это сохранение и даже ужесточение крепостного права. В Польше еще в 1807 г. крестьяне получили личную свободу и право на выкуп земли. В Беларуси же «прыгон» сохранялся еще полстолетия. Крепостным крестьянам, составлявшим не менее 75 % населения, новая власть принесла новые, еще более тяжелые налоги, рекрутскую повинность. На смену полонизации пришла русификация. «... Надо простейшим образом привести их к тому, чтоб они обрусели и перестали глядеть, как волки в лесу», – потребовала Екатерина II.

Впрочем, линия эта проводилась далеко не всегда последовательно. После роспуска в 1773 г. ордена иезуитов папой Климентом XIV Россия стала единственной страной, где его деятельность могла быть легальной. При этом Полоцк, в котором была открыта иезуитская коллегия (университет), стал своеобразной метрополией ордена, куда монахи стекались со всего света. Указ Павла 1, запрещавший православным переходить в католичество, на деле исполнялся формально. При попустительстве российской администрации в первой трети XIX века ополячивание и окатоличивание беларусов только усилилось. Немаловажную роль в развитии этого процесса сыграла и личная дружба Александра I с Адамом Чарторыйским – польским магнатом, попечителем учебных заведений в Беларуси.

Попытки российской администрации таким образом умиротворить местную аристократию и шляхту, однако, успеха не принесли. В 1830 – 1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси вспыхнуло восстание. После его подавления царизм резко изменил свою политику. В Петербурге был создан специальный комитет по делам западных губерний. В 1831 г. был закрыт Виленский университет, на русский язык переводилось делопроизводство и обучение. Некоторые курьезные, на первый взгляд, постановления приводили к упадку традиционных художественных ремесел. Так, запрет на ношение шляхетской одежды в конечном итоге привел к закрытию знаменитой слуцкой мануфактуры – «персиарни».

В конце 30-х объектом репрессивных установлений стали собственно беларусы. Первой ласточкой стал арест в 1838 году виленского альманаха «Bojan» за публикацию стихотворения на беларуском языке. 12 февраля 1839 г. в Полоцке произошло еще одно «воссоединение», на этот раз униатов с православными. Эта акция вызвала сопротивление верующих и администрации, особенно на северо-западе Беларуси, приходилось прибегать к помощи войск. По меткому выражению А. Герцена, Николай I «с благочестивым свирепством высекал униат в православие». Ликвидация унии сопровождалась уничтожением церковной литературы на беларуском языке, памятников искусства, варварской перестройкой униатских храмов. Впрочем, разрушение архитектурного наследия было связано не только с религиозной борьбой. В начале XIX века ради строительства военных крепостей практически полностью были уничтожены два древнейших города Беларуси – Брест и Бобруйск, их снесли вместе с соборами, храмами и монастырями.

Спустя год после ликвидации унии «для уничтожения в жителях Северо-Западного края всякой мысли о самостоятельности действующего у них законодательства, могущего служить какой-либо преградой к слиянию их с коренной Россией», был упразднен Статут Великого княжества Литовского и введен Свод законов Российской империи. А в 1840 году Николай I лично повелел не употреблять «впредь никогда» названия Беларусь и Литва. Вместо них вводился казенный термин «Северо-Западный край», а беларусов стали именовать «западнорусами». Эти события дали толчок к оформлению официальной доктрины национальной политики царизма в Беларуси – концепции западнорусизма. Согласно ее постулатам, беларусы считались не самостоятельным народом, а лишь «ветвью» русских. Этнические особенности, отличавшие беларусов от русских, объяснялись лишь воздействием католицизма и полонизации и подлежали уничтожению ради восстановления якобы «извечно русского характера края». «Простонародному белорусскому языку, – отмечалось в 1835 году в журнале «Молва», – только польское произношение и обороты мешают сделаться таким же языком, каким говорят подмосковные простолюдины».

На какие только ухищрения не шли ретивые администраторы, чтобы доказать правоту своих идей. То, что на идеологии экономить нельзя, понимали задолго до М. Суслова*. В 1839 году в Вильне появилось издание в высшей степени примечательное – «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий бе-

* Михаил Суслов (1902–1982) – с 1947 и до конца жизни секретарь ЦК КПСС, а также с 1955 член Политбюро ЦК. Один из главных идеологов компартии. – *Прим. ред.*

лорусского учебного округа», короче говоря, сборник школьных сочинений. Смысл появления этой книги, неплохо оформленной и вышедшей достаточно солидным для того времени тиражом, очевиден – продемонстрировать успехи в «обрусении края». Отметим, что сочинения сами по себе достаточно интересны, по-юношески возвышенны и искренни. В сборнике этом, кстати говоря, помещен едва ли не первый этнографический «опыт» Адама Киркора. Но есть в книге несколько строк, до сих пор бередящих верноподданнические чувства некоторых жителей Беларуси. Это публикация народных песен, якобы собранных воспитанниками. Процитирую:

Ой, колы б колы,
Москали прышлы,
Москали наши сродныя,
Наши сродныя,
Веры одныя.

Еще в 80-е годы XIX века известный беларуский этнограф Николай Янчук (1859–1921) убедительно доказал, что к народному фольклору эта «верноподданническая песня» никакого отношения не имеет. Это, впрочем, не помешало журналу «Политический собеседник» и через сто лет использовать ее как показатель извечной мечты беларуского народа. О том, что указанная песня – фальшивка, свидетельствует и анализ фольклорных представлений беларусов о русских.

Этнограф Николай Янчук

Расчистка конюшен прошлого нужна для того, чтобы не испортить будущее грузом уже совершенных ошибок. Этнические стереотипы – результат взаимодействия народов, отражение реалий в сознании. С каким же русским – «москалем» сталкивался беларуский крестьянин в XIX веке? Да прежде всего с чиновником, помещиком, солдатом – вот откуда все это взялось.

Российская администрация прилагала немало усилий для привлечения в Беларусь и Литву переселенцев, которые, по её расчетам, «принесут в сей край, наиболее чуждый России, наш язык, обычай и приверженность престолу». Приезжих – помещиков, чиновников и крестьян – наделяли землей, конфискованной у участников восстания 1830–1831 гг.

Желающих оказалось не так много. В 1837 году, например, из России в Виленскую губернию переехало всего-навсего 70 крестьян, а в Минскую – только 40. Крупные землевладельцы русского происхождения сравнительно быстро распродали свои имения и вернулись на родину. Так что первая попытка русской колонизации края в 30–40-х гг. XIX века фактически провалилась. К концу 50-х гг. русских (без староверов) в Беларуси насчитывалось не более 10 тысяч человек.

Ситуация резко изменилась после подавления восстания 1863–1864 гг. Установление военного положения обеспечило русскому языку практически полное

господство во всех сферах общественной жизни. На польском языке, например, запрещалось не только печатать книги и преподавать, но даже разговаривать вне дома и костела. Тяжелым ударом для беларуской культуры стало запрещение издавать литературу на основе латинской графики, преобладавшей тогда в беларускоязычной культуре.

Казалось, под контролем оказалось все – каждое движение, вздох, манера одеваться. Не могу удержаться от того, чтобы не привести весьма характерный пример. Известно, что М. Муравьев – главный организатор подавления восстания, особым циркуляром запретил «лицам польского происхождения носить траурную одежду и революционные значки». И вот в 1866 г. из города Велижа в канцелярию Витебского губернатора поступило донесение о некоей дворянке, шляпка которой «символизирует поражение польского дела». Резолюция была следующая: «Обязать С. подпискою (!) перешить шапочку по такому фасону, который обычно носится дамами».

Сложившаяся ситуация привлекла в Беларусь мутный поток чиновного люда. Переселенцы получали увеличенное на 50 % жалованье, им предоставлялось право почти за бесценок да еще с рассрочкой на 20 лет покупать земельные участки от 300 десятин и больше. Как писала о них газета «Новое время», «хлынула в край всевозможная накипь, всевозможный хлам. У таких людей не могло быть собственной «годности», ни выдержки, ни беспристрастности, и ни умения взяться за дело. Привлеченные в край только для кошельковых расчетов, люди эти, ощутившие вокруг себя простор и свободу, которых они были лишены в местах прежнего жительства, вскоре успели заявить о себе такими бесчинствами и мерзостью, что даже русская псевдопатриотическая пресса заговорила о них». «Многие из великороссов,– отмечал «Вестник Западной России»,– только и думают, как вырваться из этого края. Иные, конечно, спиваются. Нельзя не заметить и того, что некоторые, в ревности к обрусению края, позволяют себе поступки, оскорбительные для местного населения». Для официальных документов того времени упоминание о чиновничьем взяточничестве, вымогательстве, казнокрадстве, пьянстве – явление заурядное. Виленский генерал-губернатор Потапов отмечал, что в Беларусь приехали чиновники, «услугами которых не дорожили вовсе на прежних местах службы и от которых рады были избавиться»*.

Генерал
Александр Потапов

В то время как за последние четыре десятилетия XIX века население Беларуси удвоилось, численность русских (без староверов) увеличилась в 23,5 раза. Согласно переписи 1897 г., их насчитывалось 235 тысяч человек (3,6 % населения). Социальный портрет русской группы достаточно выразителен: ее удельный вес среди купечества был в 3 раза выше, среди дворян – в 5,5 раза, среди

* Генерал от кавалерии Александр Потапов (1818–1886) с февраля 1868 по июль 1874 гг. был губернатором виленским, ковенским, гродненским и минским. – *Прим. ред.*

духовенства – в 16 раз выше, чем в целом по Беларуси. Русские составляли 19 % всех дворян, 10 % купечества, 46 % чиновников и 54 % духовенства. Перепись 1897 г. позволяет выяснить и еще одно обстоятельство – только 90 тысяч русских были переселенцами или потомками переселенцев из России. Остальные 145 тысяч – уроженцы Беларуси и по происхождению беларусы. Это беларуские Иваны, не помнящие родства, для которых «западнорусизм» стал не только идеологией, но и формой этнического самосознания.

О них, о том, что дали они беларуской земле – разговор особый. Еще раз процитирую «Вестник Западной России», для того, чтобы охарактеризовать направленность ментальности «западнорусов»: «В среде местного православного населения есть лица, которые глубоко и страстно ненавидят поляков и евреев, ненавидят от всей души, с болью и наслаждением». Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Просто поражаешься, надо же было так придумать – «ненавидеть с наслаждением». Что ж, школа ненависти даром не прошла. В 1905 г. по городам Восточной Беларуси прокатилась волна погромов. Именно на этих уроках осваивалась теория и практика антисемитизма. Будем искренни, отношение беларусов к евреям никогда не было однозначным, образ еврея в фольклоре, мягко говоря, лишен привлекательности. Но, несмотря на это, конфликтов не было никогда. Более того, еврей Самуил Плавник, известный под псевдонимом Змитрок Бядуля, стал одним из основоположников новой беларуской литературы. Явление это – уникальный феномен, с моей точки зрения, в истории мировой культуры.

Как же получилось, что в Беларуси дело дошло до массовых, зверских убийств? Обращу внимание читателя на то, что погромы произошли на востоке – в Речице, Гомеле, Орше, Полоцке. Именно здесь русификация приобрела наибольшие масштабы: удельный вес русского населения в Витебской губернии, например, доходил до 8 %, в городах до 6 %. Не случайно, что именно в городах Восточной Беларуси в 1917 году возникли многочисленные «западнорусские» организации. Однако вернемся к погромам. Об одном из них, оршанском, была даже издана небольшая брошюра. Содержание ее однозначно черносотенное, но определенное представление о событиях дает.

В 1905 г., после провозглашения октябрьского манифеста, полицейский писарь С. организовал верноподданническую манифестацию – процессия с хоругвями и портретами царя ходила по городу. Она была атакована еврейскими отрядами самообороны. Евреи якобы стреляли из револьверов в упор в колонну но... никого даже не ранили. В то же время патриоты сумели без оружия растерзать 20 человек. В другом месте демонстранты услышали из окна еврейского дома оскорбления в адрес императорской фамилии. Ну кто же такое стерпит – зашли в дом и всех перебили.

Брошюра эта вспомнилась мне в январе 1991 года, когда по телевизору показывали знаменитый опус А. Невзорова о героических «наших», противостоявших в Вильнюсе коварным «не нашим». Апология убийц во все времена одинакова. И тут и там «не наши» напали первыми, и тут и там «не наши» говорили такое, что не убить их было просто невозможно, и тут и там убийцы не понесли наказания. Участники оршанского погрома, правда, попали на скамью подсудимых, но были помилованы лично Николаем II. Нет, не большевики развязали

тот дикий «беспредел», жертвой которого в конце концов стал и сам император. Корни его куда глубже.

В начале XX века «западнорусы» обнаружили, что, оказывается, есть еще кого ненавидеть «с болью и наслаждением» – беларусов. Тех беларусов, которые посмели заявить, что край этот не только не польский, но и не русский, а есть радзіма, Беларусь. «Европейско-масонский план разрушения русского государства», «белорусская белиберда» – вот примеры перлов изящной словесности, обрушенных на головы издателей «Нашай ніві». Вероятно, именно появление нового объекта для ненависти побудило западнорусов создать свои собственные организации. В начале 1906 г. было создано объединявшее виленских чиновников общество «Крестьянин» (!), в 1907 г. – «Русское окраинное общество», в 1908 г. – «Белорусское общество», беларуским в котором было только название. Особенно урожайным на западнорусские организации стал 1917 г.: в Гомеле был создан «Союз белорусской демократии», в Могилеве – «Белорусский национальный комитет», в Витебске – «Союз белорусского народа», в Орше – «Белорусский народный комитет». Программа гомельских демократов, например, предусматривала «введение преподавания на общегосударственном русском языке, родном и потому понятном всем белорусам»...

Впрочем, западнорусизм – явление достаточно сложное и неоднозначное. Степень «манкуртизации» его апологетов была неодинаковой. В нем наблюдались различные течения, по-разному оценивающие и культуру народа, и перспективы его развития. В этом отношении весьма красноречив пример Александра Пщелко (1869–1943) – не лишенного таланта и писавшего в том числе и на беларуском языке литератора, блестящего чтеца-декламатора, собирателя фольклора и этнографических сведений, организатора беларуских любительских театральных представлений. При всем этом А. Пщелко был непримиримым врагом беларуского национального движения, выступал на суде над первой беларуской легальной газетой «Наша доля», позволял себе в своих рассказах глумиться и издеваться над беларуским крестьянином.

Читателю, заинтересовавшемуся происхождением и историей западнорусизма, хочу порекомендовать прочитать фундаментальный труд Александра Цвикевича «Западно-руссизм» (1929 г.), возвращенный из небытия журналом «Спадчына». Себе же позволю еще одну пространную цитату, блестяще характеризующую образ мышления, манеру излагать свои мысли одного из крупнейших представителей западнорусской школы, историка, этнографа, общественного деятеля, автора своеобразного катехизиса западнорусов «Лекций по истории Западной России» Михаила Кояловича. Вот фрагмент из описания Кобрина в его работе «На этнографической границе белорусского и малорусского племен»:

> «Тамошние жиды погружаются в совершенную патриархальность и воскрешают совсем теперь выведенные обычаи... Два ревнителя талмудического учения, живущие на противоположных сторонах улицы, порешили осуществить забытые предписания их закона – устроить шабасовый телеграф между собой и потому, ничего не говоря, протянули через улицу на шестах проволоку от одного дома к другому. Случись вступать кавалерии, особенно с пиками, и нельзя было бы войти иначе, как наклонив не

только пики, но и головы, как это делается при нападении на неприятеля, что было бы уже ни с чем не сообразно в таком мирном городе.

Но это жидовское самозабвение бывает лишь очень кратковременным. Старый и опытный градоправитель, точно предчувствуя эти жидовские поползновения к нарушению городского благочиния, как раз оказывается тут, на самом месте преступления и грозно спрашивает: «Это что? Кто позволил?» И спокойно, без длинной процедуры и каких-либо неудобных последствий все приводится в надлежащий порядок и опять «бысть тишина на всей земле...»

* * *

Как видим, наши представления о русских в Беларуси до 1917-го года далеки от полноты. Как это ни парадоксально, о том, что с ними происходило после, мы знаем еще меньше. И не потому, что сведений нет, просто проблема такая не изучалась. Особенно это касается староверов, переселенцев из России и поборников западнорусизма, оставшихся в 1921–1939 гг. на территории Западной Беларуси.

Аляксандр Цьвікевіч

«Западно-руссизм»

Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.

Обложка книги Александра Цвикевича «Западно-руссизм»

В БССР, как известно, во второй половине 20-х гг. проводилась политика «беларусизации». Как бы мы сейчас ни относились к этому времени, следует все-таки признать, что при всей его неоднозначности это был период, когда беларусы могли наконец вполне почувствовать себя беларусами.

За несколько лет в БССР были созданы Академия наук и система высшей школы, на беларуском языке к концу 20-х гг. обучалось 88 % детей, тираж беларуских изданий перевалил за 10 млн экземпляров, невиданный размах приобрело краеведческое движение.

ЧТЕНІЯ

ПО ИСТОРІИ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

М. О. КОЯЛОВИЧА

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія присуждена за это сочиненіе большая премія императора Петра Великаго.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

Титул книги Михаила Кояловича «Лекции по истории Западной России» (1864 г.)

Естественно, что Беларуси, лишенной долгое время своих университетов, потребовались специалисты. И они приехали – из Москвы, Ленинграда, других городов. В их числе были литературоведы И. Замотин и А. Вознесенский, философ В. Ивановский, химик Н. Прилежаев. Вот те русские в Беларуси перед которыми можно преклониться. В считанные месяцы они овладевали беларуским языком, читали на нем лекции, публиковали свои труды, ибо считали это своим долгом перед народом, на земле которого жили. Когда же в 30-е годы началось тотальное истребление беларуской интеллигенции, эти русские разделили ее судьбу.

Одна из наиболее колоритных фигур этого круга – Николай Николаевич Щекотихин. Москвич, искусствовед, автор монографии об изысканной графике Феликса Валлотона, в 24-летнем возрасте он приехал в Минск. Н. Щекотихин читал лекции по истории беларуского искусства в университете, создал и возглавил Комиссию по истории искусств, работал в Институте беларуской культуры и Академии наук. Своими трудами он заложил основы беларуского искусствоведения, причем есть точка зрения, что уровень его работ до сих пор не превзойден.

Путь Н. Щекотихина и других – не единственно возможный для русского человека в Беларуси в 20-е гг. Беларусизация была явлением достаточно демократичным. Конституция 1927 года предоставляла статус официального языка не только беларускому языку, но и польскому, еврейскому и русскому. В Беларуси были созданы 16 национальных русских сельсоветов, в русских школах училось около 6 % детей, на специальных отделениях в педтехникумах для этих школ готовили учителей, в 1932 году был открыт первый русский театр.

Николай Щекотихин(1896–1940)

Период беларусизации предоставил, таким образом, русской общине непродолжительный, но очень ценный опыт существования в условиях культурно-национальной автономии.

Выступая в 1930 году на XVI съезде ВКП (б), И. Сталин уделил национальному вопросу необычайно много внимания. Строк 20–25 в его докладе посвящены местному национализму; этого вполне хватило для едва ли не поголовного истребления национальной интеллигенции в республиках. Весь остальной текст был направлен против великорусского шовинистического уклона. Ход этот для Сталина был скорее тактическим. Мешал не шовинизм как таковой, а ближайшие соратники, считавшие, что время осуществить на практике лозунг «одна страна – один народ – один язык» уже наступило. Расправившись с ними, Сталин вскоре забыл о вреде шовинизма, но это было позже, а тогда, в начале 30-х, объект охоты был указан и сигнал отдан. Шовинистов, со всеми вытекающими последствиями, нашли и в Беларуси. Сейчас мы уже хоть немного знаем, как уничтожалась беларуская интеллигенция. Кто был причислен к шовинистам и как сложилась их судьба, еще предстоит выяснить.

«Великий перелом» в деревне, как известно, наступил в 1929 г., в этом же году начались массовые репрессии по национальному признаку. А второй «великий

перелом» в «ленинской национальной политике», с моей точки зрения, произошел в 45-м. Именно в этом году было названо своими именами все то, что происходило в национальной сфере на протяжении предыдущих десяти лет. Вот выдержка из тоста И. Сталина на приеме в Кремле 24 мая 1945 г.:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего, русского народа (бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в Советский Союз.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – *руководящий народ* (курсив мой. – *П.Т.*), но и потому, что у него ясный ум, спокойный характер и терпение».

Оговоримся сразу: присвоение званий «руководящего» и «старшего брата» русскому народу счастья не принесло. Более того, это противопоставило его всем остальным народам страны, русская культура (или, точнее, то, что от нее осталось) и русский язык в военно-коммунизированной версии стали орудием стирания национальных различий. Всем стало понятно, что если русский народ – руководящий, то языком руководства должен стать русский. Была и обратная сторона медали – будучи русским, проще стать руководителем. После войны многие беларусы, оставшиеся без документов, старались в новых записаться русскими. И делали они это не только ради карьеры.

Во второй половине 40-х приток переселенцев из России резко возрос. Как это всегда бывает во время войн, в Беларуси в первую очередь пострадали города и городское население. Из 240 тысяч минчан осталось только 50 тысяч. В довоенном Витебске жило 180 тысяч человек, а когда в 44-м в город вошла Советская Армия, на пепелище было всего 11800 человек. Многие из этих военнослужащих, демобилизовавшись, остались в Беларуси. Из России в города приехали преподаватели высшей школы, инженеры, квалифицированные рабочие, строители. Переселенцам 40–50-х гг. изучать беларуский язык уже не было надобности, да и атмосфера тех лет в корне отличалась от существовавшей в 20-е годы. Именно в это время пышным цветом расцвело верноподданническое вранье о прогрессивном характере «воссоединения» Беларуси с Россией, о том, что едва ли не единственной мечтой беларусов, начиная с XIII века, было подпасть под скипетр российских самодержцев, чтобы затем иметь счастье их свергнуть в 17-м. Казалось, что весь смысл существования и предназначение беларусов сводится единственно к тому, чтобы крепко дружить с великим старшим братом. Платой за восстановление вузов стал и постепенный перевод на русский язык преподавания.

На высшую школу стала ориентироваться и средняя, сначала в крупных городах, потом в райцентрах и на селе. Постепенно русскоязычной становилась вся городская жизнь. Беларуский язык вытеснялся в «резервации» творческих союзов, редакций, нескольких театров, отдельных институтов Академии наук. В сознании беларусов, большая часть которых жила в деревне, эта ситуация еще больше укрепляла комплекс национальной неполноценности. Чтобы стать по-настоящему культурным, «городским», как тогда казалось, надо прежде всего отречься от «деревенского» языка. И когда в 60–80-е гг. путы колхозного крепост-

ничества ослабли и Беларусь по темпам урбанизации ставила едва ли не мировые рекорды, произошла настоящая национальная катастрофа – тотальное беспамятство всего народа.

Известно, что люди не рождаются ни русскими, ни грузинами, ни французами. Японцем или финном, поляком или англичанином человека делает звучание родительской речи, песня, сказка, дом, улица, храм, название родного города. Тоталитаризм отобрал у беларусов все – и «мову», и сказку, и книгу...

Когда к концу 70-х архитекторы духовного расцвета уразумели, что уничтожать памятники прошлого при помощи взрывчатки, как Благовещенскую церковь в Витебске, несколько неприлично, они придумали новый способ под названием «охраняется государством», иначе говоря – забвение. Крыша прохудилась, своды рухнули, а там, глядишь, и стены не устоят, а в энциклопедии появится запись: «Помнік не збярогся». Вот так, берег, берег себя и не сберег. Словом, сам виноват. Беларусам, тем, кто очнулся от летаргии в конце 80-х, тоже сказали, что они сами виноваты, хотели и говорили бы себе по-беларуски, ведь никто не запрещал.

Культура, как и деревенский храм, не может существовать сама, без поддержки людей. Но разве до национальной культуры было, если на 1 января 1981 года было назначено пришествие светлого будущего, при котором, как известно, наций не будет. Так зачем их сохранять сейчас, особенно в таком количестве? Ясно, что все народы равны, но некоторые оказались равнее других. Говорят, что, стоя на ступенях Белгосуниверситета, Н.С. Хрущев заявил, что в райские кущи коммунизма первым придет тот народ, который быстрее освоит русский язык.

Н.С. Хрущев со своей любимой кукурузой

Когда на смену барочной осени империи пришла эпоха просвещенного тоталитаризма, именуемая «перестройкой», по степени укорененности русского языка Беларусь уже явно приблизилась к коммунистическим параметрам. Его практически полное господство во всех сферах жизни поставило русское население в привилегированное положение не только по сравнению с поляками, украинцами, татарами и другими группами некоренного населения, но и по сравнению с беларусами. Всего лишь за два года до начала перестройки, 26 мая 1983-го, было принято, пожалуй, одно из последних в длинном ряду подобных декретов, совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных шко-

лах и других учебных заведениях союзных республик». Среди прочего оно предусматривало увеличение числа общеобразовательных школ с русским языком обучения, введение вступительного экзамена по русскому языку и литературе для поступающих в аспирантуру и пр. В школах Беларуси национальный язык в те годы преподавать было несравненно труднее, чем русский, но 15-процентную прибавку «за вредность» к окладу получали в соответствии с постановлением отнюдь не беларусоведы, но учителя русского языка и литературы.

Положение русских в Беларуси в лучшую сторону отличалось от других «национальных» республик, т. к. для адаптации требовались минимальные усилия, точнее – вообще никаких. Их численность стремительно возрастала. За 30 лет, с 1959 до 1989 года, она возросла на 103 процента, за это же время доля русских в общем составе населения увеличилась с 8,2 до 13,2 процента. Численность беларусов за этот период увеличилась только на 21 процент, а удельный вес снизился с 81,1 до 77,4 процента*.

Новый подъем беларуского национального возрождения, неизбежный процесс суверенизации республики ставит русское население в весьма непростую ситуацию. Безусловно, среди русских есть немало людей, которые пошли или еще пойдут по пути, проложенному Н. Щекотихиным и другими. Есть сведения, что на момент проведения учредительного съезда Беларуского народного фронта русские составляли до 20 процентов его участников. Ни в украинском «Рухе», ни в литовском «Саюдисе», ни в других народных фронтах, насколько мне известно, такого не было. Однако в том же 1989 году, по данным социологического опроса, 44,5 процента русских высказались за то, чтобы государственным языком в Беларуси был только русский.

Русским психологически тяжелее пережить крах тоталитарных идеалов, ибо вместе с ними рушатся и представления о всемогущем «старшем брате», а по мере ликвидации «белых пятен» в истории Беларуси герои российской государственности (Петр I, А.В. Суворов и др.) становятся антигероями в глазах белорусов. Анализ ситуации в республиках Балтии и на Украине свидетельствует о том, насколько болезненны эти процессы, а сопоставление положения русских в бывшем СССР и сербов в Югославии – настолько они опасны.

В независимой Беларуси появились полуподпольные «Русь», народно-православный союз «Белая Россия», общество «Отечество», республиканский филиал «Памяти» и т. д. Почитаешь их листовки, газетные публикации и сразу вспоминаешь знакомую физиономию «западноруса». Та же ненависть к беларускому движению, та же готовность в своем оголтелом антисемитизме поддержать любых подонков, вплоть до Саддама Хусейна. Что еще обращает на себя внимание – так это трогательное единение на этой основе с самой ортодоксальной частью беларуских коммунистов. Печально, если именно по этим группировкам сложится представление обо всех проживающих в Беларуси русских.

Какой же может быть дальнейшая судьба «беларуских» русских? Ответить на этот вопрос весьма непросто. Возможна полная «натурализация» части русских,

* По переписи 14–24 октября 2009 г. русские (788,8 тыс. чел.) составили 8,3 % населения республики, а беларусы (7 млн 954,8 тыс. чел.) – 83,7 %. Таким образом, за 20 лет доля русских сократилась на 4,9 % (в абсолютных цифрах – на 553 тыс. чел.), тогда как доля беларусов возросла на 6,3 %. – *Прим. ред.*

особенно сейчас, когда еще многим беларусам самим предстоит стать действительно беларусами. Беларуская культура и ментальность достаточно проницаемы для тех, кто желает их постичь. Но это, видимо, путь для единиц.

Мы же надеемся, что русские, наконец, осознают, что живут они на земле — беларусов. На земле, где есть своя культура, свой язык, свое миропонимание. И с этим нельзя не считаться. Впрочем, посмотрим, что скажут сами русские.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Павел Всеволодович Терешкович (1958 г.р.) — этнолог, историк и культурный антрополог. Кандидат исторических наук, доцент. Автор монографии «Этническая история Беларуси XIX — начала XX веков» и более чем 100 научных статей.

В 1980 году окончил исторический факультет БГУ. В 1986 году — аспирантуру Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Стажировался в Питсбургском (США; 1996) и Оксфордском (Великобритания; 1999) университетах.

В 1995 году читал курсы лекций в Хельсинкском университете (Финляндия), с 1999 по 2004 год — в Люблинском университете им. Марии Склодовской-Кюри (Польша).

Основатель кафедры этнологии, музеологии и истории искусств БГУ. Возглавлял кафедру со времени её создания 30 июня 2001 до марта 2008 г. С сентября 2008 года преподаёт в Европейском гуманитарном университете (Вильня, Летува). В настоящее время директор академического департамента истории ЕГУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАСКОЛОТОГО ОБЩЕСТВА

Сергей Николюк, политолог и социолог

Существует два диаметрально противоположных взгляда на социальную динамику. Первый сформулирован в популярной китайской пословице «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Автор второго – русский поэт Федор Тютчев: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Безусловно, восприятие перемен индивидуально, но в том, что они надвигаются на Беларусь, сегодня уже мало кто сомневается.

Неопределенность, порожденная динамикой, повышает спрос на прогнозы. В предсказателях, казалось бы, недостатка нет, но большинство из них в своем видении будущего опираются или на бытовые представления о настоящем (не говоря уже о прошлом), или на западную теоретическую базу. А без четкого понимания основных характеристик настоящего бессмысленно пытаться заглядывать в будущее. Тут напрашивается аналогия с артиллерией: для точной стрельбы одинаково важны как координаты цели (конечной точки полета снаряда), так и координаты орудия (начальной точки полета снаряда).

Казалось бы, на какую еще теоретическую базу, кроме западной, следует опираться. Однако западные гуманитарные науки (в первую очередь экономика, социология и политология) «заточены»

> «под объяснение определенного типа общества – такого, где власть и собственность обособлены, где четко дифференцированы экономическая, социальная и политическая сферы, а потому базовые единицы их организации – рынок, гражданское общество и политика – легко конституируются в качестве базовых объектов анализа трех социальных дисциплин»*.

При желании подобрать примеры, иллюстрирующие наличие рыночных отношений в беларуской экономической модели, не представляет большой сложности. Нет проблем и с поиском представителей гражданского общества. Имеются и политики (точнее – группа граждан), зарабатывающие на публичном оппонировании власти. Однако за деревьями подобных фактов, пусть достаточно многочисленных, необходимо различать лес, что невозможно без понимания места Беларуси на цивилизационной карте.

На этой карте четко просматриваются очертания двух материков – традиционного и либерального. Расположиться на первом Беларуси не позволяет целый букет формальных признаков: высокий по современным меркам уровень образования населения, его структура занятости и т.д. Но и на материке либеральном место «республики-партизанки», претендующей на развитие в рамках

* http://www.intelros.ru/pdf/synergia_03_09/02.pdf

собственной социально-экономической модели, отыскать не так-то просто. Как говорится, рады бы в либеральный рай, да авторитарные грехи не пускают.

Прямым следствием цивилизационной неопределенности (промежуточного положения) является главная характеристика беларуского общества – социокультурный раскол. Т.е. несоответствие между культурой, сохранившей во многом традиционные, догосударственные черты и социальными отношениями, сформированными «под крышей» вполне сложившегося авторитарного государства.

Каждая крупная социальная система имеет свой системообразующий элемент, выполняющий роль базовой единицы ее организации, без понимания которого анализ системы теряет смысл. В древнеиндийской системе – это каста, в античной – полис (город-государство), в капиталистической – капитал, а вот в беларуской, исходя из вышесказанного, таким системообразующим элементом является раскол. В этой последовательности есть одно «но». Ни по каким параметрам беларуское общество не может быть отнесено к крупным социальным системам.

Процитирую классика цивилизационного анализа Арнольда Тойнби:

> «Действующие силы истории не являются национальными, но проистекают из более общих причин. Взятые в своем частном национальном проявлении, они не могут быть правильно поняты, и поэтому их должно рассматривать только в масштабах всего общества. В то же время различные части по-разному испытывают на себе воздействие одной и той же силы, ибо каждая из них по-своему реагирует на воздействие извне и ответно влияет сама» (2).

В качестве примера Тойнби приводит Англию. Несмотря на ее островное положение, все ключевые моменты английской истории от принятия христианства в конце VI века и до установления индустриальной экономической системы в последней четверти XVIII века были импортированы с материка.

Но вернемся на родную землю. Социальные инновации никогда не осваиваются одновременно всеми членами общества. В любом деле есть лидеры и аутсайдеры, поэтому через раскол прошли все европейские народы на стадии перехода от догосударственной (родоплеменной) организации жизни к государственной. Для первой характерно выстраивание отношений между людьми на эмоционально-личностной основе. Для второй требовалось оперировать абстракциями, т.к. все понятия «большого общества», включая само понятие государства, являются абстракциями.

В силу ряда причин социокультурный раскол имел место в Великом княжестве Литовском с самого начала его существования (подразумеваются такие оппозиции как «русины – литвины – поляки», «православные – католики – униаты», «паны – мужики» и ряд других). Оказавшись в конце XVIII века в сфере цивилизационного влияния Российской империи, беларуское общество до настоящего времени так и не смогло завершить процесс модернизации – в отличие от своих западных соседей. В настоящее время социокультурный раскол разделяет его на традиционалистское «большинство» и прозападное «меньшинство».

* А. Дж. Тойнби. Постижение истории. Москва, 2001, с. 30

Одни — просят на пропой

Другие — борятся за свои права

Раскол многие годы четко фиксировался в ходе социологических опросов по отношению к персонификатору авторитарной власти. Но с осени 2011 года данный индикатор потерял свою актуальность. Многие представители «большинства» отказали главе государства в своей поддержке. Разумеется, структура общества при этом не изменилась. Типичный представитель «большинства» – носитель традиционных ценностей. Он воспринимает государство как большую патриархальную семью, а его персонификатора – в качестве «батьки», но от классического традиционалиста его отличает желание потреблять. Однако уровень своего потребления традиционалист не связывает с личной экономической активностью.

Типичный представитель «меньшинства» – человек, осваивающий западные ценности. Подобно Мичурину он не склонен ждать милости от природы (государства). В советское время его «коллеги» пополняли ряды так называемых «цеховиков», доведя к моменту распада СССР вклад теневой экономики в ВВП страны до 35–40 %. Сейчас в ответ на экономический кризис он пакует чемоданы в поисках «длинного рубля, доллара или евро». (Опросы показывают, что 45 % граждан Беларуси старше 18 лет готовы уехать на постоянное жительство в другие страны!).

Разумеется, типичные представители «большинства» и «меньшинства» – это идеальные типы, в реальной жизни не встречающиеся. Об этом надо всегда помнить. Неспособность «меньшинства» к совместным действиям – тому наглядное подтверждение. У традиционного человека – короткий радиус доверия. Он может всем миром (талакой) помочь соседу построить дом, но для объединения с незнакомыми людьми с целью отстаивания политических требований необходим принципиально иной уровень коллективизма.

«Хромающие решения»

Историк Александр Ахиезир обратил внимание на любопытный факт:

«В расколотом обществе любое значимое решение всегда односторонне и всегда, в силу существования связанного с расколом заколдованного круга, порождает противодействие этому решению, подчас сокрушительное. Это противодействие может происходить в многообразных формах. Попытки замещать только что принятое ре-

шение на противоположное могут складываться в цепочки, принимать форму циклов, т.е. второй акт решения так же, как и первый, ограничивается следующим и т.д.»

Проиллюстрирую логику «хромающих решений» на примере многолетних усилий государства, направленных на повышение эффективности «беларуской экономической модели развития» (БЭМР). В чем тут проблема? Для удержания власти нынешней политической группировке требуется поддержка «большинства». Ее и обеспечивает БЭМР, позволяющая в административном порядке изымать ресурсы у экономически активного «меньшинства» и перераспределять их в пользу «большинства». Для этой же цели используются внешние источники финансирования в виде прямых российских дотаций и кредитов международных финансовых институтов.

Понятно, что такое перераспределение ресурсов не способствует росту экономической эффективности. В современных условиях для этого нужен массовый субъект. Играть его роль бюрократия не в состоянии, но и игнорировать проблему роста экономической эффективности она не может себе позволить, т.к. «большинство» давно и прочно «подсело» на потребление как на своеобразный наркотик. Свою лояльность государству оно демонстрирует лишь в обмен на рост реальных доходов.

Эти женщины обсуждают как лучше вести свой бизнес

Отсюда периодические попытки государства откликнуться на запросы «меньшинства». Напомню, что 2011 год был объявлен Годом Предприимчивости, и начался он с принятия Директивы № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности». В течение года правительство неоднократно пыталось «освободить» цены, делая тем самым шаг от административного способа перераспределения ресурсов к рыночному, но каждый раз под давлением «большинства» отступало.

А эти — возмущаются суммами в жировках

В русле логики «хромающих решений» прошло и обсуждение параметров социально-экономического развития страны на 2012 год. Понимая пагубность продолжения текущей политики, правительство решило отка-

заться от количественных показателей и попыталось сделать упор на «качественный рост экономики». Но качественный рост невозможен при отсутствии массовой частной инициативы и массовой конкуренции. Проблема качественного развития, таким образом, снова уперлась в необходимость учета интересов «меньшинства», из представителей которого только и возможно формирование субъекта развития (субъекта модернизации).

Последовательная реализация планов правительства привела бы к полному демонтажу БЭМР. Но у правительства не было иного выбора. В условиях расколотого общества власть приступает к реформам, лишь столкнувшись с угрозой полной дезорганизации экономической жизни. О том, как это происходит на практике и к каким последствиям может привести, люди старшего поколения имели возможность наблюдать в начале 90-х годов XX века. Не исключено, что в краткосрочной перспективе римейк Перестройки белорусам не грозит*. Снизив почти вдвое цену на газ, Россия позволила главе государства продлить жизненный цикл БЭМР.

На качелях инверсионных переходов

Динамику расколотого общества невозможно понять без использования таких категорий, как медиация и инверсия.

Медиация – это поиск меры между противоположными точками зрения. Механизм поиска меры – диалог. Примеры того, как такой механизм работает «в промышленном масштабе» демонстрируют нам парламенты государств, расположенных на либеральном цивилизационном материке. Медиация есть отказ от крайностей, она стремится к преодолению исходных позиций и за счет этого обеспечивает выход на качественно новый уровень. Медиация создает новые смыслы и в конечном итоге новые пласты культуры.

Эти «новые» беларусы всем довольны

Медиация и диалог являются историческими категориями. Но аборигенам, проживающим на материке традиционной цивилизации, они неизвестны. На этом материке господствует инверсионный тип мышления (от латин.

* Римейк (от англ. remake – переделывать) – повторение или восстановление какого-то прежнего мероприятия, произведения. – *Прим. ред.*

inversion – переворачивание; перестановка). Его обладатели не тратят время на поиск «золотой середины», они не озабочены поиском выхода на качественно новый уровень. Логика инверсии – это логика моментального переосмысления того или иного явления как добра с одновременным переводом его в категорию зла и наоборот. Инверсия выступает как массовый взрыв народного негодования. Она легко узнается в лозунге «Долой!» («Долой самодержавие!», «Долой Временное правительство!», «Да здравствуют Советы без коммунистов!» и т.п.).

Зато шахтеры Солигорска — недовольны

Но вернемся к расколу. Он имеет смысл лишь в том случае, когда существует некоторая жизненно важная его противоположность, которая расколом разрушается. Ахиезир утверждает:

> /Такой противоположностью/ «является нравственная система, составляющая сердцевину культуры, пронизывающая все общество и как элемент культуры, несущая в себе программу воспроизводства общества. Ее воплощение должно обеспечить единство людей, объединенных общей нравственностью, должно воплощать систему интеграторов общества, включая государство».

Условно можно выделить два противостоящих друг другу нравственных идеала: вечевой и соборный, замаскировавшиеся в XX веке под либеральный и авторитарный. Последовательное отторжение/принятие нравственных идеалов в инверсионном режиме порождает сменяющие друг друга циклы. Такую динамику прекрасно передает афористическое высказывание кинорежиссера Павла Чухрая: «В России все меняется каждые 20 лет, и каждые 200 – ничего не меняется».

Проиллюстрирую сказанное на примере. Структура беларуского общества с точки зрения дуальной оппозиции «либерализм – традиционализм» существенно отличается от структуры общества российского. Это хорошо видно при сравнении уровней электоральной поддержки политических сил, выступающих под знаменами западной демократии. Если в Беларуси он никогда не опускался ниже 25 %, то в России электоральный ресурс прозападных политиков уже многие годы не выходит за пределы статистической погрешности. Интересен в этом смысле пример Ирины Хакамады, бросившей вызов Владимиру Путину на президентских выборах 2004 года и получившей всего-навсего 3,84 %. Но почему же тогда первым президентом в России был избран «либерал» Ельцин, а в Беларуси – авторитарный «батька» Лукашенко?

Для ответа на этот вопрос надо вернуться в март 1989 года, когда на пике инверсионной волны (разочаровавшись в авторитарном идеале советского об-

разца, общество качнулось в сторону идеала либерального) москвичи буквально на руках внесли опального Ельцина во власть. На выборах народных депутатов СССР он получил 91,5 % голосов при явке почти 90 %. И это без денег, без команды и без административного ресурса! На первых президентских выборах в 1991 году Ельцин победил достаточно убедительно, но не триумфально (57,3 % голосов от числа принявших участие в голосовании). Такая динамика свидетельствовала об исчерпании прямой инверсии (от авторитаризма к либерализму). В 1996 году для получения нужного результата потребовалось уже «ломать общество через колено», а в 1999 году, когда рейтинг бывшего триумфатора опустился ниже статистического «плинтуса», «семья» убедила царя Бориса подать в отставку. С точки же зрения общества Добро трансформировалось во Зло. Прямая инверсия перешла в обратную. В итоге в президентском кресле «либерала» сменил чекист, пообещавший «мочить в сортире» всех врагов России.

Триумф первого президента Беларуси был не менее впечатляющим, но на дворе стояло лето 1994 года. Деградация экономики, которую население связало с рыночными реформами, достигла предела. Инициаторов реформ – демократов сформировавшееся к тому времени «большинство» стало воспринимать не иначе как дерьмократов. Не было шансов победить на выборах и у «крепких хозяйственников» советского образца. В сложившихся условиях республика была обречена на электоральную контрреволюцию, т.к. «большинство» нуждалось в «сильной личности», способной вернуть его в прошлое и защитить от рынка.

Истинные и мнимые угрозы локализма

Если состояние дискомфорта, в котором оказалось беларуское общество в 1994 году, было спровоцировано неспособностью ослабевшего авторитарного государства перераспределять ресурсы в пользу «большинства», то нынешние экономические проблемы – прямой результат неуемной активности «сильного государства» и его лидера. Как показывают опросы независимых социологов, «большинство» начинает это понимать и потому не за горами время, когда оно будет готово дать адекватный ответ на вопрос «кто виноват?» Что касается «меньшинства», то сомнений при ответе на классический вопрос оно никогда не испытывало.

Отказ «большинства» от авторитарного идеала в пользу идеала либерального сблизит позиции двух частей расколотого общества. В терминах теории инверсионных циклов наступит этап «всеобщего согласия». Его ближайшие исторические аналоги – начальная стадия горбачевской Перестройки и хрущевская «Оттепель». Сроки наступления этапа «всеобщего согласия» напрямую зависят от ресурсных возможностей власти. Интеграционная газовая скидка, предоставленная Россией, данные возможности существенно расширяет.

Приверженность «большинства» либеральным ценностям в наших условиях может быть лишь поверхностной и временной. Являясь носителями догосударственной культуры, представители «большинства» способны воспринимать демократию лишь на соборном (вечевом) уровне. Недаром распад Российской империи завершился «триумфальным шествием советской власти». Советы – это аналог средневекового вече, это орган самоуправления локальных общно-

стей. Решать проблемы большого общества, объединенного под «крышей» государства, они не в состоянии. Вот почему столь успешная советизация, охватившая государство на отрезке времени между Февральской и Октябрьской революциями, привела к его распаду на десятки независимых от центральной власти субъектов, а еще через полгода – к полному экономическому коллапсу. Ответом на него стал очередной инверсионный переход, известный по учебникам истории КПСС как «военный коммунизм».

Распад СССР – еще один пример разрушительного действия соборно-либерального идеала. Не стоит ожидать, что его возможная реинкарнация приведет к распаду Беларуси на шесть автономных областей, но то, что на поверхности будет выглядеть как борьба за либеральные ценности, на деле может оказаться отстаиванием интересов отдельных территорий и даже отдельных предприятий. Шахтеры, стучавшие касками на Горбатом мосту перед Белым домом в Москве – наглядный пример борьбы за локальные интересы под либеральными лозунгами.

От новой управленческой команды, пришедшей к власти на инверсионной волне, многочисленные лоббисты будут ждать удовлетворения своих локальных требований. «Дай!» – таким станет самый популярный лозунг текущего момента. Но даже сдержанные попытки его реализации спровоцируют гиперинфляцию. Способность же противостоять натиску лоббистов, как свидетельствует исторический опыт, определяется не уровнем профессионализма управленцев, а готовностью общества терпеть трудности переходного периода. В Перестройку она оказалась далеко не одинаковой в республиках Прибалтики и в республиках Закавказья. Отсюда и результат.

Граница между экономической, политической и социальной сторонами жизни весьма условна. То, что сегодня фиксируется аналитиками как кризис БЭМР («беларуской экономической модели развития») по сути своей является кризисом традиционного общества, неспособного вписаться в глобализированный рынком мир. Путем механической смены команды или общей стратегии подобные кризисы не преодолеваются.

ТВОРИТЬ БЕЛАРУСЬ!

Александр Бурьяк

Мы хотим представить здесь Белую Русь в ее идеальном облике – очищенной от всего случайного и чуждого. Хотим обсуждать беларуское в ином ключе, чем это обычно принято – бодро и возвышенно. Всё хорошее, что создано людьми, сначала возникало в виде образов, поэтому если мы хотим увидеть когда-нибудь наяву благословенную Белую Русь, надо сначала увидеть ее мысленно: построить из специально отобранных элементов настоящего и прошлого, обогатить желаемыми элементами будущего.

* * *

В основе чувства национальной общности лежит система ключевых образов, формирующая представление о нации. То, как построена эта система, оказывает решающее влияние на качество нации, на ее способность развиваться и защищаться.

Благословенную и желанную Белую Русь сначала надо создать в умах: надо четко представить себе, какими мы хотим быть.

Надо мысленно увидеть Белую Русь будущего, ощутить свою причастность к сакральному акту творения такой ее сущности, без которой она останется неполноценной, а может быть, и обречённой на гибель.

Понятно, что большинству людей («населению») всё это безразлично. Но безразличное большинство (оно же «молчаливое») в таких делах ничего не решает. Принципиально важные решения принимает, может быть, один процент граждан или даже меньше, а все остальные лишь плывут по течению, заданному этим думающим и мечтающим меньшинством.

Александр Бурьяк

Белую Русь надо рассматривать, помимо прочего, еще и как метафизическое понятие. При восстановлении и достраивании метафизических основ «беларускасці» надо идти в глубину: искать остатки арийской культуры в народных обычаях и верованиях. Надо уяснять мировоззренческие представления предков – постигать «космос беларуса». Это очень полезно: в архаике обычно намного больше здоровых элементов («больше истины»), чем в новейших торопливых умопостроениях на основе якобы научных методов.

Белая Русь – отчасти осколок прошлого, отчасти прорыв в будущее. Иными словами, это мост поверх нынешней эпохи нравственного и физического вырождения белой расы.

***

В настоящее время на свете нет ни одного примера такого образа жизни, о котором можно сказать, что он полностью удовлетворяет нас, что он нам доступен, и что от нас требуется лишь желание и сравнительно немного усилий, чтобы себя им осчастливить. Сорвите путы устаревших идеологий (к тому же чужих) со своих умов. Думайте по-беларуски! Живите по-беларуски! Оставьте серый скептицизм, порождённый не мудростью или опытом, а творческим бессилием, трусостью, стремлением приспособиться. Надо не существовать, а восходить к вершинам, понимая свой путь как миссию. Но это еще и жизнь, притом великолепная.

Что значит Беларусь для всего человечества? Это «точка роста», место наиболее вероятного прорыва к новым ценностям.

Беларусь – это восходящая звезда, порыв свежего ветра, чистый источник, гребень волны, остриё копья.

Стань беларусом!

***

Наша суть – консерватизм. Мы – реакционеры Европы. Мы – традиционалисты, хранители духовного наследия арийских предков. Мы являемся ретроградами в лучшем смысле этого слова, последним бастионом истинных европейцев, островком лесной Старой Европы в болоте современного глобализма. Всемирную роль Белой Руси можно представить, среди прочего, как спасение белой расы от морального и физического вырождения: спасение через возврат к старым ценностям. А также спасение остального человечества от деструктивного влияния разложившейся части белой расы.

Это – метафизическая задача-максимум для тех, у кого есть потребность в размышлениях на подобном уровне. На уровне же практической политики перед нами стоят для начала более простые цели: прежде всего, сохранение политической, экономической и культурной самостоятельности Белой Руси. Укрепление и обустройство последнего бастиона, с которого пойдёт наступление на мировое зло.

Само собой разумеется, что против нас ополчатся своры «общечеловеков», разложившихся морально и деградировавших физически. Они не в силах опровергнуть ни один из наших принципов, поэтому занимаются трескучей демагогией. Иногда они будут давить из себя нервный визгливый смех, чтобы хоть както унизить нас в глазах тех, кто ещё не определились с выбором. Всё это неизбежно и не страшно. Они – не мыслители и не воины. Когда будет нужно, мы прорубимся через их рыхлую массу ещё успешнее, чем прорубались на Грюнвальдском поле и под Оршей.

***

Дурное в беларусах – по преимуществу не их исконное, а привитое (особенно в последнее время) и интенсивно поощряемое со стороны – для того, чтобы беларусы не стали самими собой. Потому что если мы станем самими собой, многие нынешние деятели окажутся явно лишними. Попробуйте разглядеть ценное под слоем грязи: обычно так люди и находят сокровища.

Беларуский пейзаж

И вообще, беспощадные критики беларуского народа, беларусы ли вы? Может быть, вы судите о предмете, в котором мало что понимаете и ещё меньше хотите понять. Некоторые из вас чужды нам по крови, по генотипу, а значит, и по инстинктам. Другие – беларусы-по-паспорту – прошли «промывку мозгов» на стороне и теперь пытаются учить нас, «отстающих» (от передовиков вырождения) как нам строить свою национальную жизнь. Вы бы лучше задумались над тем, какие особые достоинства есть у беларусов как этноса. Или, по-вашему, беларуское своеобразие состоит исключительно из недостатков?! Спрашивал ведь беларуский классик:

А ці чуў ты, аб чым там араты пяе?
Дзе і як жывуць гэтыя людзі?

Есть один неоспоримый яркий факт: основной массе беларусов вы не менее чужды, чем она – вам. Вы – асфальтовый сброд, псевдообразованная шантрапа, а они – народ.

* * *

Разумеется, изложенное здесь понимание беларускости не отражает ТИПИЧНОГО состояния умов современных беларусов. Но зато есть основания полагать, что оно отражает АРХЕТИПИЧНОЕ: то, что у здоровой части беларусов хранится в подсознании.

Беларусам нужен МИФ – о беларусах и Белой Руси. Миф «правильный», имеющий определенные основания и привлекательный. Такой миф, который дает возможность чувствовать себя великими при сравнении с другими народами. Такой миф, который побуждает стать лучше. Конечно, сам по себе он ничто. Но без него не может быть ясности, ЗАЧЕМ и КАК предпринимать совместные усилия на этой земле.

Обойтись без мифов невозможно. Мифы – это общие мечты. Люди всегда и везде живут преимущественно мифами: упиваются чьими-то сказками (телеви-

зионными, газетными, книжными...) и лелеют свои иллюзии. Таким образом, речь идёт лишь о том, чтобы рассказывать им захватывающие сказки о них самих, а не чужое «лишь бы что».

Нация изменяется – понемногу, но непрерывно. Поэтому для того, чтобы увидеть нацию такой, какой хочется, надо каждодневно творить её – бережно, но вдохновенно. Сегодня же её каждодневно разрушают, и она держится единственно за счёт инерции. Основной инструмент враждебной деятельности против беларусов – беларуское телевидение. Внешне «народное» и патриотическое, оно на самом деле пропагандирует космополитизм, оглупляет людей, поощряет дурное и мелкое в них. Пока не будет перекрыт этот фонтан мерзости, трудно говорить о становлении национального духа и национального самосознания.

* * *

Хватит заслоняться от своей великой истории. Мы были имперской нацией, создателями крупнейшей империи в Европе – Великого Княжества Литовского. От моря и до моря. Мы вышли победителями во множестве битв. Сегодня нам мешают быть самими собой. Нам навязывают чужое и нездоровое, тогда как исконное наше – жизненное и значительное – отодвигают подальше.

К примеру, Беларусь в живописи. Где она?! Куда подевался наш великий художник Наполеон Орда? Многие ли могут сказать, что способны узнать его картины среди прочих? А кто из прохожих когда-нибудь слышал о потрясающем беларуском художнике Язепе Дроздовиче? Вместо того, чтобы пропагандировать их патриотические художественные работы, пичкают народ мазней извращенцев и уличной рекламой дамского белья.

Зачастую в качестве беларуского нам подсовывают то, что является беларуским лишь по месту жительства автора, по языку, по каким-нибудь другим внешним атрибутам, но в своей сути является местным выражением дурных тенденций современной вырождающейся Европы.

Дворец Пусловских в Косово (Ивацевичский р-н)

Следует выстроить визуальный, музыкальный, литературный, архитектурный образы Беларуси: выбрать лучшее, в наибольшей степени выражающее здоровый беларуский дух, и сказать: вот это – истинно наше, а прочее – это последствия дурного влияния, поверхностного понимания природы вещей, следствие духовного и физического вырождения.

Сегодня самый беларуский фильм – «Огнём и мечом» Ежи Гофмана, самая беларуская книга – «Русская Атлантида» А. Бушкова и А. Буровского, самая беларуская песня – «Заповедный напев» Александры Пахмутовой.

Нация, особенно если она немногочисленная, значительную часть своей культуры может строить на основе заимствований. Национальное начало при этом проявляется в характере выбора и в способе соединения частей в целое. При здоровом подходе имеет место не оттеснение собственной культуры «мировой» культурой, а встраивание элементов «мировой» культуры в систему собственной.

Можно составить базовый набор произведений культуры (не обязательно лишь беларуских «по месту рождения») – 100 книг, 100 фильмов, 100 песен – и сказать: это НАШЕ. То, что рекомендуется каждому беларусу. То, что возвышает нас как нацию в её лучших качествах, а не опускает до уровня вырождающегося сброда, иногда лепечущего по-беларуски.

Произведение искусства, созданное для беларусов и в беларуской манере, можно считать беларуским даже в том случае, если автор не был беларусом по крови. Произведение искусства, созданное беларусом, который вырос в Белой Руси, на беларуской культурной почве, можно считать беларуским, даже если его автор в дальнейшем творил вне Белой Руси и не на беларуские темы.

Нужно слово для обозначения тех культурных феноменов, которые, с беларуской точки зрения, надлежит защищать, развивать и пропагандировать. Оттенки смысла этого слова: здравое, нормальное, конструктивное, базовое, сплачивающее, поддерживающее, мобилизующее, возвышающее, усиливающее, классическое. Можно пока остановиться на слове «образцовое».

Итак, направления деятельности современной беларусизации:

1. Образцовая беларуская живопись.
2. Образцовая беларуская музыка.
3. Образцовая беларуская архитектура.
4. Образцовая беларуская литература.
5. Образцовое беларуское кино.
6. Образцовые люди Беларуси.
7. Образцовые деяния беларуской истории.

Предстоит большая фильтрующая работа: из того, что сегодня есть в наличии, выбросить всё чересчур западное, модернистское, недостойное, посредственное.

Но после этого хоть что-нибудь останется?! ДА.

Эта работа – по преимуществу составительская, редакторская, комментаторская и пропагандистская, то есть такая, для которой нужны «всего лишь» здравый смысл, культура и вкус. И беларускость.

Иначе говоря, эта работа посильна далеко не единицам.

* * *

У меня есть мечта о Беларуси. О том, что появится на свете страна, которую можно будет пройти из конца в конец, не увидев ни одного угрюмого лица в подворотне, ни одного окурка на асфальте.

Страна, где можно выпустить ребенка на улицу, не боясь, что его раздавят автомобилем, изобьют или похитят.

Страна, где немногочисленные заключенные в тюрьмах одеты в опрятные робы, интенсивно проходят трудотерапию, занимаются самообразованием, осваивают здоровый взгляд на мир.

Страна, где люди озабочены не тем, как заработать кусок хлеба или как лучше обмануть ближнего, а выбором из многочисленных привлекательных возможностей, предлагаемых государством.

Страна, где каждый знает, что если он будет честным, справедливым и старательным, то обязательно займет достойное место под солнцем, и для этого не придется перенапрягаться или делать пакости ближним.

Страна, где склонность людей враждовать и их стремление к превосходству над другими получают полезный для общества выход.

Страна, где власть не имеет привычки лгать своим гражданам, а граждане не имеют поводов ненавидеть власть.

Страна, где наконец воплотятся представления лучших людей о лучшем мироустройстве.

В каждом человеке есть и хорошее, и плохое, а то, каким он проявит себя перед окружающими, в решающей степени зависит от условий жизни. Измени условия – и большинство людей станет лучше. Некоторые считают: нам не удастся построить настолько благополучное общество, насколько хочется. На это можно ответить: мы еще не пробовали. Между тем, на пути к такому обществу даже небольшие успехи представляют собой огромную ценность. Если кто-то считает, что это невозможно или слишком трудно, пусть задастся вопросом: не в таких ли, как он, состоит главное препятствие этому?

Человечество всё более погрязает во лжи, вражде и абсурде. Оно всё дальше от благополучия. Оно крайне нуждается в положительном примере, в новых объединяющих и ободряющих идеях. Мы имеем возможность предоставить ему и пример, и идеи.

Мы ещё далеко не так испорчены, как многие другие народы. Мы талантливы. Мы можем всё. Хватит бегать от самих себя, от своей великой судьбы. Хватит мелочиться. Пора расправить плечи. Пора явить миру свое истинное лицо и начать творить свое будущее – с вдохновением, со знанием дела. Мы отторгнем от себя всё наносное и станем самими собой. Мы – лучшие. Мы – новая надежда человечества. Грядущий день принадлежит нам и таким, как мы.

В Европе ТАК уже не могут. Они стары, а мы молоды. Они вязнут в своих условностях, а мы внутренне свободны.

Мы пойдем на прорыв. Мы сбросим цепи косности, сковывающие наше сознание. Мы очистим от пыли и плесени прекрасное здание беларуского духа. Мы – нация, на которую будут равняться Европа и весь мир. Мы призовем и будем услышаны. Мы это сделаем.

Честь. Воля. Дисциплина. Величие. Порыв.

* * *

Беларусизм – течение мысли и направление деятельности, полагающие своим принципом сохранение у беларусов их положительных особенностей в образе жизни и взгляде на мир как имеющих не только национальную, но и общечеловеческую значимость.

Тезисы беларусизма.

1. Человеческий мир принципиально неблагополучен. Большинство населения планеты бедствует. Якобы процветающие народы («развитые страны Запада») на самом деле сокращаются численно и вырождаются генетически.

Природные ресурсы убывают, загрязнение окружающей среды увеличивается.

2. Запад не в состоянии предложить человечеству убедительную и реализуемую программу спасения от приближающейся глобальной катастрофы природопользования. Человечество вполне может захлебнуться в собственных отбросах.

3. Основная причина нарастающих проблем человечества – в западной установке на «экономический рост», на всё больше удовлетворение материальных потребностей за счет ограниченных ресурсов Природы, все новых и новых псевдопотребностей в сфере культуры.

Молодая беларуска

4. Правильное потребление материальных благ – это потребление умеренное, оставляющее потребности частично неудовлетворёнными.

Человек, как и любое другое существо, чтобы сохранять здоровье и способность к выживанию, должен находиться в не вполне благоприятной микросреде. Следует стремиться к оптимуму неудовлетворённости. Общество, которое строится на этом принципе и критично относится к «экономическому росту», называется УМЕРЕННЫМ ОБЩЕСТВОМ.

5. Человечество нуждается в новых идеях, касающихся его организации и образа жизни. Беларусь может стать страной-образцом, моральным лидером: явить собой пример умеренного общества. У неё для этого сегодня есть более значительные предпо-

сылки, чем у какой-либо другой страны. Она подготовлена к этому своим предшествующим развитием.

6. Чтобы сделать Беларусь оплотом и рассадником нового мировоззрения, надо помочь ей посмотреть другими глазами на свою историю и свою нынешнюю суть. Беларусы должны поверить в своё призвание.

7. Если действовать с указанным размахом, нынешние мелкие лидеры беларуского государства полностью утратят моральный авторитет, и сместить их станет возможно простым предложением уйти.

«Беларуский вопрос» — это вопрос творческий. И это вопрос крайне важный. Сегодня Беларусь — наверное, является областью «бифуркации» человечества в целом: от неё может начаться становление того нового и значительного, чего давно уже ждут те люди, которые понимают, что человечество сползает в глобальный кризис. Это звучит странно, претенциозно и, наверное, не убедительно, но сегодня будущее планеты определяется не в Нью-Йорке, Москве, Пекине, Давосе или где-то ещё, а в Минске. И очень жаль, что в такое решающее время «верхушка» беларуского общества представлена почти сплошь личностями без воображения, смелости, самоотверженности, великодушия, размаха — в общем, не способными ответить на вызовы эпохи. Неадекватными ей.

Сегодня человечество нуждается в действительно великих людях, в действительно великих нациях, потому что некому уводить его от катастрофы.

* * *

Хотеть не вредно: вредно всегда получать то, что хочешь. Опровергнуть тезис о полезности умеренного дискомфорта (закаливания холодом, дозированного голодания, обоснованных физических нагрузок и пр.) невозможно.

Поэтому западоиды его и не опровергают. Они его просто игнорируют. Физиологическая основа западоидности — неспособность сказать себе НЕТ, когда чего-то хочется и даже «можется», но на самом деле не надо. Поэтому западоиды не любят копаться в основах (а многие, наверное, и не умеют — по причине узко профессионального развития ума, а то и его недоразвитости: ведь современная система разделения труда позволяет любому дураку найти своё место в производственном процессе). Аксиома западоидности звучит приблизительно следующим образом: это так замечательно, если ты чего-то хочешь и имеешь возможность это получить! А дальше на этот тезис уже накручивается вся чепуха по поводу «экономического роста», «общества изобилия», «прав человека», «общечеловеческих ценностей» и т. п.

Смешно, и печально, но вся идеология современного Запада, кучи заумных книжек по философии, экономике, политологии, социологии и прочему, все эти созвездия звонких имён вытекают из указанного допущения — настолько глупого, что о нём стараются не говорить.

* * *

Гимном Беларуси вполне может быть вот эта песня:

Беловежская пуща
Заповедный напев, заповедная даль,
Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий,

Мне понятна твоя вековая печаль,
Беловежская пуща, Беловежская пуща!

Здесь забытый давно наш родительский кров,
И, услышав порой голос предков зовущий,
Серой птицей лесной из далеких веков,
Я к тебе прилетаю, Беловежская пуща!

Многолетних дубов величавая стать,
Отрок-ландыш в тени, чей-то клад стерегущий,
Дети зубров твоих не хотят вымирать,
Беловежская пуща, Беловежская пуща!

Неприметной тропой пробираюсь к ручью,
Где трава высока, там, где заросли гуще,
Как олени, с колен, пью святую твою
Родниковую правду, Беловежская пуща!

У высоких берёз свое сердце согрев,
Унесу я с собой, в утешенье живущим,
Твой заветный напев, чудотворный напев,
Беловежская пуща, Беловежская пуща!

Задумайтесь над этими словами: «свет, над миром встающий».

Белавежская пуща

* * *

Мы – консервативное нутро Европы. Наш лозунг – как у британцев: to wait and to see («выждать и посмотреть»). Итак, мы выждали и посмотрели, и сделали вывод, что пришло наше время действовать, иначе от настоящей Европы мало что останется.

Хочешь быть беларусом – будь им. Отвергни все вредное и чужое.

Не просто так пришёл ты в этот мир. У каждого сильного человека должен быть свой Грюнвальд. Может быть, только таким, как ты, дано сдержать мировое зло. Готовься к битве. Возблагодарим Бога за то лучшее, что было и есть. Обменяемся тёплым словом друг с другом. А потом – плотными рядами, щит к щиту и – вперёд. К славе и к смерти? Что ж, жизнь все равно не вечна.

Мир будет таким, каким мы его сделаем – если успеем.

* * *

Речь должна идти не о каком-то особом «беларуском пути», а о новом этапе человеческого развития, состоящем в отказе от тех «западных ценностей», которые проявили себя как фактор, неумолимо способствующий физической, интеллектуальной и нравственной деградации народов и разрушению естественной среды обитания. Беларусь может всего лишь раньше других стран вступить на этот путь, потому что меньше других увязла в западном образе жизни. И это не возврат к советскому: советское – смягчённая разновидность западного, проигравшая соревнование с Западом в построении «потребительского общества». Нам надо строить не потребительское общество, а общество безопасного развития, умеренное общество – не разрушающее своей естественной среды обитания. Общество, способствующее в первую очередь развитию не вещей, а самого человека!

Часть IV. ДЕЛА НАШИ ДОМАШНИЕ

КАК НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКИ «ИСПРАВЛЯЮТ» ИСТОРИЮ

Михаил Митин

Три года я назад увлекся изучением истории государства, гражданином которого являюсь – Республики Беларусь. Некоторые люди скажут: на что может рассчитывать пожилой человек без специального образования? И они будут правы, но… не совсем.

Я нашел такой способ изучения истории, при котором и академик и начинающий вроде меня находятся в равных условиях. Это – изучение документов, а не тех работ историков, в которых они осмысливают собранные материалы. Отправной точкой для меня послужили некоторые статьи в газете «Секретные исследования» и исторический интернет-форум на сайте данной газеты.

Реплика из «зала»: «Это же свалка националистов и псевдоисториков! Все давно «разжевано и пережевано» маститыми учеными»! Оставим этот крик души без внимания, помня народную мудрость – «И в болоте можно найти бриллиант».

Тема, которая меня увлекла – происхождение термина «Белая Русь» и трактовка его в книгах Алеся Белого «Хроніка Белой Руси: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы» (2000 г.) и Олега Латышонка «Нацыянальнасць – беларус» (2009 г.)*.

Идея была такова: по возможности проверить источники, на которые ссылаются авторы и сделать соответствующие выводы.

Я собрал примерно 260 упоминаний термина «Белая Русь» и проверил большинство источников, на которые ссылаются авторы. На упреки в том, что это не изучение истории, а целенаправленная критика Латышонка и Белого, отвечаю так: ничего личного – только механика. Обнаружил много несоответствий первоисточникам. Некоторые из них предлагаю вашему вниманию.

* Александр Белый (1968 г.р.) – беларуский историк из Минска. Кроме упомянутой, он также автор книги «Наша страва: Сапраўдная беларуская кухня» (2009) и более чем 100 статей.

Олег Латышонок (1957 г.р.) – беларуский историк из Белостока (Польша). Окончил Ягеллонский университет в Кракове (1980). Автор книги «Жаўнеры БНР» (2009), а также многих статей в научных журналах и сборниках.

1. Алесь Белый

В качестве доказательства тезиса, что название «Белая Русь» издревле применялось для территории современной Беларуси, приведена запись из книги «КИЇВСЬКИЙ ЛІТОПИС ПЕРШОЇ ЧВЕРТІ XVII СТ.»:

> **«Рок АТ҃ЧГ [1393]: Витовтъ, кн҃жа литовскоє, Ѡрши и Витєбска на БѢлои Руси добил, и пустившис Києв и Житомир /666./ и Звиногород взял под кн҃зєм Володимєром, сн҃ом Ст҃ополковым».**

В самом названии источника указано, что он написан (составлен) в XVII веке. Если просмотреть записи до и после цитированной, то увидим интересный числовой ряд: 1248,1264,1393, 989–990, 960, 1241 годы и т.д. Как видим, это не летопись, а сборник исторических материалов. Поэтому он не может служить доказательством тезиса, что в XIV веке термин «Белая Русь» распространялся на Витебск и Оршу.

Александр Белый

Олег Латышонок

На карте в книге Белого приведены даты использования в источниках понятия «Белая Русь» с привязкой к конкретным населенным пунктам. Но тогда возникает вопрос: почему ТОЛЬКО для территории современной Беларуси данное название является ИСТОРИЧЕСКИМ, а при этом исключается территория современной Украины? По моему мнению, все указанные даты находятся в одном временном интервале, а название «Белая Русь» относится не только ко всей упомянутой территории от Витебска до Киева, но и к тогдашней Московии.

2. Олег Латышонок

> «Однако же если в самом начале, в XIII в., названия «белые русины» и «Белая Русь» имели некое символическое значение, то его надо искать не в «цветной» терминологии народов степи или моря, а в символике цветов Католического костёла, канон которой установил папа Инокентий III. В этой символике белый цвет занимал самое высокое место, а название «белые русины» надо объяснять согласно с переносным

значением латинского слова albus – «хороший, дружелюбный». «Белые русины» для католических миссионеров – это «хорошие, дружественные» русины, так как они признают папский примат, в отличие от вражеских русинов-«схизматиков» [1, с. 141].

А при чем здесь католики? И что, в киевской митрополии сосуществовали «хорошие» и «плохие» русины? И как быть с московитами (см. предыдущую карту)?!

3. Белый

«1472 г. С потерей независимости Новгорода европейцы переносят название Белая Русь на Московское государство» [2, с. 190].

Вообще говоря, Новгород вошел в состав Московского княжества после похода великого князя московского Ивана III в 1478 году. Но даже если взять за основу московско-новгородские войны 1456 и 1471 гг., то что нам делать с с Симеоновской летописью, где под 6945 годом со дня сотворения мира (это 1437 год) сказано:

«...яко восточнии земли суть Рустии болшее православье и вышшее християнство Бѣлые Руси, в них же есть государь великы брат Василеи Васильевич, ему же въсточнии царие прислухают и велиции князи съ землями служать ему» [3. с. 178].

4. Белый

«1501. Alba Russia как другое название Московского государства впервые упомянута в официальных документах ВКЛ (инструкция посольству Эразма Телака к папе Александру VI)» [2, с. 190].

Это документы не ВКЛ, а Польского королевства!

5. Белый

«1507. Russia Alba на карте Бернарда Ваповского впервые затрагивает часть территории современной Беларуси (Стародубское княжество, которое в 1500 отошло к Московскому государству)» [2, с. 190].

Цитата из Википедии:

«Точные границы Стародубского удела неизвестны, однако В.А. Кучкин*, анализируя позднейшие земельные акты XV–XVI вв., определяет их следующим образом. По его мнению, княжество занимало относительно большую территорию по обоим берегам Клязьмы, главным образом по ее правобережью, простираясь примерно от нижнего течения реки Нерехты (правого притока Клязьмы), достигая на западе реки Мегера, а на востоке – Клязьмы, где последняя круто поворачивает на юг. Южная граница княжества шла по р. Таре, примерно до её середины, где стояло село Сарыево. На левом берегу Клязьмы западная граница княжества захватывала низовья р. Уводы, пересекая, видимо, верховья р. Тальши, правого притока Уводы».

---

* Владимир Кучкин (1933 г.р.) – доктор исторических наук, автор многочисленных исследований по истории средневековой Руси, исторической географии, генеалогии, древнерусской литературе. В настоящее время (2012 г.) возглавляет Центр по истории Древней Руси Института российской истории РАН.

Отсюда вопрос: какое отношение к территории современной Беларуси имеет Владимирская область России?

Смотрим на указанную карту: В ее правом верхнем углу есть надпись: «Rvsia Alba sive Mosckovia», что означает «Белая Русь ИЛИ Московия». То есть, в данном случае термин «Белая Русь» относится к Московии.

Карта Б. Ваповского

6. Латышонок:

«В 1516 г. Ян Вислицкий в поэме «Прусская война» (Bellum Prutenum) среди народов, над которыми царил Ягайло, упомянул «белых русинов, славных своим мужеством (albos belli celebres virtute Ruthenos)». Это название имело чисто литературный характер и еще долго сохраняло его. Ян Вислицкий также вскользь упомянул о «трояких» русинах, которые обрабатывают безграничные поля (cuius habent triplices uastissima culta Rutheni), не уточняя, однако, термина «трояких». Наверное, как правильно догадывается А. Белый, Иван Вислицкий имел в виду разделение на три Руси Яна со Стабницы. Беларуский исследователь также прав, когда критикует польского издателя «Прусской войны» Я. Смереку (Я. Сьмярэку), который термин «тройная» объяснил как albi, rubri, nigri, а также автора беларуского перевода Якова Порецкого, который вместо этого термина применил формулировку «Черная, Красная, Белая Русь» и название «беларусы» вместо имеющегося в оригинале – «русины» [1, с. 154–155].

Белый приводит примеры «перевода» Я. Порецкого [2, с. 119–120]:

«сеющих смерть белорусов, ловко владеющих луком»
necnon letifero Russos pugnane paratos arcu[361];

«дальше в рядах богатырских шагают вперёд белорусы»
agmine quos alio Russi comitantur atroces[362];

«Ёсць у мяне беларуская німфа, слаўная па ўсіх краінах...»
Est mihi nympha Ruthenorum speciosa sub orbe...[363].

«На неабдымных палетках у князёў беларускіх магутных (жыць ёй даводзіцца сёння)»
Quae modo lata Ruthenorum colit arva potentum[364].

Что именно подразумевал Ян Вислицкий под понятием «трояких» русинов – всего лишь предположение (красные, белые, черные...). Правильное оно или нет, не имеет значения, но переводчик должен переводить текст, а не заменять его своими фантазиями. Кстати, почему Порецкий переводит слово как «*белорусы*», а не «*чернорусы*» или «*краснорусы*»?

7. Richard D. Mallery. «Masterworks of Travel and Exploration».

«Московия имеет также название – Белая Россия (Русь, Руссия)».

Эта книга (издание 1970 г.) составлена из записок английских путешественников. Образец текста взят из книги Ричарда Хаклайта (Ричард Hakluyt) «The Principal Navigations, Voyages, and Discoveries of the English Nation» (1589 г.) о путешествии Ричарда Чанселора в Московию в 1553 году.

134 MASTERWORKS OF TRAVEL & EXPLORATION

and required hostages of them likewise for the more assurance of safetie to himselfe and his company. To whom the Governours answered, that they knewe not in that case the will of their king, but yet were willing in such things as they might lawfully doe, to pleasure him: which was as then to affoord him the benefit of victuals.

• • • • • • • •

journey, (for they had travailed very neere fifteene hundred miles) Master Chanceler came at last to Mosco the chiefe citie of the kingdome, and the seate of the king.

Moscovie, which hath the name also of Russia the white, is a very large and spacious Countrey, every way bounded with divers nations. Towards the South and the East, it is compassed with Tartaria: the Northern side of it stretcheth to the Scytian Ocean: upon the West part border the Lappians, a rude and savage nation, living in woods, whose language is not knowen to any other people: next unto these, more towards the South, is Swecia, then Finlandia, then Livonia, and last of all Lituania. The north

Решил найти русский перевод. Нашел: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» (перевод Ю.В. Готье), издание 1938 года. И английская, и советская книги ссылаются на издания 1598–1600 г.г., но в английском варианте это путешествие описано на 50 страницах, а в советском – на 20. Указанный фрагмент текста в советском издании отсутствует. Все логично: не надо, чтобы советские люди задавали ненужные вопросы, прочитав полный текст. Как видим, весьма «солидный исторический» источник!

8. Белый

1555 год. Мартин Кромер первым сознательно употребляет название Белая Русь применительно к значительной части ВКЛ:

> «Иван, князь московский, поработив Великий Новгород, захватив многие крепости и укрепления на границе с Русью, которая называется Белой и находится под властью великого князя литвинов, представлял для остальной Руси и Литвы серьезную угрозу» [2, с. 138, 190].

Непонятно, с чего Белый взял, что захваченная часть так называемой Белой Руси является «значительной частью ВКЛ»?!

Еще один нюанс. Эти строки взяты из раздела, посвященного событиям 1479–1480 гг. Но, как известно, Московия с Литвой в период с 1449 по1492 год НЕ ВОЕВАЛА! В тот период времени было иное: захват Новгорода Иваном III, стояние на Угре, попытка ливонцев захватить Псков.

Вот и получается одно из двух: либо перевод не соответствует оригиналу, либо Кромер что-то перепутал. Возможно, что здесь идет речь о Новгороде, как о части Белой Руси. А название Белая Русь относится к Московии. В подтверждение своего предположения приведу вариант перевода текста Кромера, сделанного Олегом Латышонком:

> «Московский князь Иван, обретя Великий Новгород, а также многочисленные крепости и замки на пограничье Руси, называемой Белой (finitimae Russiae, que Alba dicitur) появился перед Великим князем литовским, внезапно создав угрозу для остальной Руси и Литвы» [1, с. 156].

Оба автора ссылаются на один и тот же текст Кромера [5, с. 647], но переводы – разные. Издание Кромера 1558 года я не нашел, но нашел 1555 года. С помощью электронного переводчика получил текст, близкий к переводу Латышонка.

9. Латышонок

«Название «Белая Русь» употребляли не только польские политики, историки и географы, но и языковеды. В 1564 г. определение «белая русь» в этническом смысле использовал Ян Манчиньский в своем латино-польском словаре. В одной из словарных статей он объяснил: Rhoxolani, masc. qui hodie Rutheni vocantur, Populus in Sarmatia Europea przy rzece Tanais, biała ruś iz wolińcami. Кого конкретно Манчиньский считал «белой Русью», непонятно.

Rhoxolani,masc.qui hodie Rutheni uo
cantur,Populus in Sarmatia Europea
Przi rzece Tanais / biała rus y s wolin-
cami.

В другой статье он писал про русинов: Ruteni, Ruś, Rusacy, sąsiedzi a bracia naszy. Ducatus est Regi Polonorum subditus. Опять неизвестно, идет речь о Руси в пределах Польского королевства или Великого Княжества Литовского.

Однако, как представляется, Манчиньский считал, что «Белая Русь» живет в Великом Княжестве Литовском... Поскольку этническая «белая русь» у Манчиньского связана с рекой Дон (Tanais), то можно предположить, что она находилась на востоке от волынян [1, с. 161].

Вывод автора любопытен: так к кому относится понятие «Белая Русь», и почему «Манчиньский считал, что «Белая Русь» живет в Великом Княжестве Ли-

товском». На основании чего Латышонок делает данный вывод? Давайте посмотрим текст, на который ссылается Латышонок [6, с. 355].

Видим, что он состоит из 3-х частей: латинский текст – «*роксоланы – русские в европейской Сарматии*» (примерно так); вторая часть – на польском: «у реки Танаис»; третья (за косой чертой) на польском «белая русь...», далее – непонятно. Видим, что указанный Латышонком предлог «*iz*» отсутствует, а есть – «*n b*» , а слово «*wolińcami*» очень похоже на «trolin cami».

Можно предположить, что Латышонок подлинного текста словаря не видел, а списал этот пассаж из работы другого историка. К тому же речь идет о народе, который живет на Дону.

Отмечу также любопытную географическую привязку Белой Руси по Латышонку: «на востоке от Волыни, у Дона». Вообще говоря, восточнее Волыни находятся Киевщина и Подолье, от которых на восток до Дона еще ехать и ехать!

И еще: на основании чего Латышонок говорит об этническом смысле понятия «белая русь» в словаре Маньчинского?

10. Латышонок [1, с. 157–158]

«Точное географическое описание «Белой Руси» содержится в очередном произведении Мартина Кромера Polonia («Польша»), первое авторизованное издание которого появилось в 1577 г. в Кельне (за два года до этого работу Кромера выпустили без согласия автора). Однако рукопись нового произведения существовала гораздо раньше (первая редакция появилась самое позднее в 1558 г.) и распространялась в копии. Таким образом, автор написал первую версию трактата еще до Люблинской унии 1569 г., а закончил его уже после унии. Это нашло свое отражение в политико-географическом материале «Польши», в том числе в территориальной области, которую автор приписывал «Белой Руси», иначе «Руси Белой» (alba Russia, Russia Alba).

Впервые «Белая Русь» появляется в первой книге, когда Кромер описывает «протяженность территории Польши»:

«Если бы кто-то присоединил к этому новые приобретения в виде Полесья и пограничной с ним Руси, Волыни, Подолья и Инфляндии, а также княжескую Пруссию и Литву, вместе с принадлежащей к ней Жамойтией и Белой Русью, которая, в свою очередь, граничит с Московским государством (а все эти земли образуют уже одно королевство), Польша будет достигать гораздо дальше и шире до восхода солнца и севера. Ведь на Днепре находятся замки и города: Киев, Кане и Черкассы, которые достигают 54° долготы, в то время как северная граница княжеской Пруссии и Жамойтии доходит до 56°, а пограничной с ней Белой Руси – до 57° широты, а дальше прилегающие до этих земель Лифляндию [...] выходят за 61°.

Poloniæ regni amplitudo.

Quòd si quis nouas accessiones Polesiæ, & ei confinis Russiæ, Volyniæ, Podoliæ, & Liuoniæ, Prussiamque ducalem, & Lithuaniam cum sua Samogitia, & Russia alba Moschis finitima (quæ omnia iam vno regno continentur) annumeret, multò longius & latiùs versus orientem solem, & Septentrionem ea patebit. Ad Nieprum enim sitæ sunt arces & oppida, Kiouia, Cani-

MART. CROM. LIBER I. 9

ouia, & Circassi, vltra 54. gradum longitudinis. Prussiç verò ducalis & Samogitiæ latus Septentrionale quinquagesimum sextum, finitimæ autem Russiæ albæ 57. gradum latitudinis attingit. Porrò continens his Liuonia, quatenus cum duce nouo Curoniensi, siue Curlandico (qui partem eius nonnullam obtinet) regis Poloni Maiestatem agnoscit, 61. gradum excedit. Atque ita

Curonien-ses.

Все тогдашние карты перемещают Лифляндию приблизительно на 2° на север, в описании Кромера эта ошибка касается также «Белой Руси». Если не обращать внимания на неправильную информацию о том, что «Белая Русь» граничит с Жамойтией, вышеупомянутый фрагмент не оставляет сомнений, что «Белая Русь» находится в пределах Великого Княжества Литовского после Люблинской унии».

Здесь Латышонок ссылается на работу Кромера «Польша» [7, с. 8–9]. Смотрим оригинал:

Каким же надо обладать воображением, чтобы фразу «...& Lithuaniam cum sua Samogitia, & Russia alba Moschis finitima...» перевести как «...и Литву, вместе с принадлежащей к ней Жамойтией и Белой Русью, которая, в свою очередь, граничит с Московским государством....»? Ведь здесь черным по белому написано – «московская белая русь»!

11. Белый

«1582 год. Мацей Стрыйковский первым употребляет этноним Bielorussacy Litewscy» [2, с. 190].

Свое утверждение Белый доказывает ссылкой на Стрыйковского [8, с. 111]:

«Но там, где Руссаки и другие русские народы есть и названия имеют, так что все славянский язык используют, и все христиане, некоторые в соответствии с обрядами (который является частью греческого więtsza), как Москва, **Литовские Белорусцы**, Болгары, Боснийцы, Сербы, и т.д....»

Ale skądkolwiek Russacy i insze Ruskie narody imię i nazwisko mają, tedy wszyscy sławańskiego języka używają i wszyscy już są chrześcianami, jedni według obrzędów (ktorych jest więtsza część Greckich), jako Moskwa, Biełorussacy Litewscy, Bolgarowie, Bosnowie, Serbowie, etc. Drudzy według Rzymskiego powszechnego Kościoła nauki, jako Polacy, Mazurowie, Czechowie, Morawcy, Karwaci, Dalmatowie, Pomorcycy, Ślężacy, Karintiowie, Stiriowie, Ragussowie, i inszych wiele narodów sławieńskiego ruskiego języka używających.

Если болгары, боснийцы и сербы подходят под понятие «этноним», то Москва и Литовские Белорусцы – не подходят. Во-первых, Москва – это город.

Во-вторых, если были бы только «белорусцы», то с какой-то степенью вероятности можно было бы отнести их к этнониму. Но белорусцы – литовские, значит, есть и другие белорусцы.

Смотрим, что по этому поводу пишет Белый [2, с. 150]:

«Таким образом, Стрыйковский со свойственной ему непоследовательностью сумел применить название Белая Русь, по крайней мере, в пяти различных значениях:

1) в начальном (Albania – Новгород);
2) в значении «Восточная Украина»;
3) как общее название Восточной Украины и Восточной Беларуси;
4) как синоним Московии»...

Стрыйковский распространяет понятие «Белая Русь» на Новгород, Московию, современные Украину и Беларусь. Соответственно, «белорусцы» были новгородские, московские, украинские и беларуские. Поэтому он и применил понятие – «литовские белорусцы» как часть целого. Но площадь заселения «белорусцами» столь огромна, что данное понятие просто не может быть этнонимом.

Как я понимаю, выражение Стрыйковского «литовские белорусцы» напрямую связано с ареалом Белой Руси и это не ареал этнонима, а нечто иное, что никак не укладывается в теорию А. Белого.

12. Латышонок [1, с.163–164]

«Зато достаточно однозначно Стрыйковский применяет созданные им термины «белорусские народы» и «белорусаки», иначе «белые русаки». Во второй главе – «О происхождении славного народа русского, славянского, сарматского, и почему их называют словаками» – он пишет, что ...настоящим старинным славянским языком, кажется, является русский, московский, так как те русаки, которых мы называем москвой, издавна живут в этих северных и восточных краях, где и сегодня живут, и дальше не потянулись. Почему они не смогли изменить древний язык и обычаи, как случилось с другими народами, которые вышли из тех же московских краев, должно было случиться, так как они по разным сторонам света занимались войной. Поэтому сербы, хорваты, рачи, болгары – с греками, с венграми и с турками, а далматийцы, карнийцы, штирийцы, истры, иллирики – с итальянцами; сленжаки, моравцы, чехи, миснаки, поморяне, кашубы – с немцами; **белые русаки – с Москвой и татарами**; подгоряне, мазуры, подляшане, черные русаки, волыняне и часть литвы – с поляками; а поляки – со всеми народами обычаи, одежду и частично родной язык помешали. В результате каждый может правильно назвать нас simias, protheos et chamaleones» [8, с. 107–108].

Затое дастаткова адназначна Стрыйкоўскі ўжывае створаныя ім тэрміны "беларускія народы" і "беларусакі", іначай "белыя русакі". У другім разьдзеле — "Пра паходжаньне слаўнага народу рускага, славянскага, сармацкага, і чаму іх завуць славакамі" — ён піша, што

сапраўдным старадаўнім славянскай мовай, здаецца, зьяўляецца руская, масхоўская, бо тыя русакі, якіх мы завём масквою, здаўна жывуць у гэтых паўночных і ўсходніх краінах, дзе і сёньня

засеўшы, і далей не пацягнуліся. Чаму яны ня здолелі зьмяніць старажытных мовы і звычаяў, як здарылася зь іншымі народамі, якія выйшлі з тых жа маскоўскіх краёў, мусіла здарыцца, бо яны на розных баках сьвету займаліся вайною. Таму сэрбы, харваты, рачы, баўгары — з грэкамі, з вугорцамі і з туркамі; а далматыйцы, карніяльцы, штырыйцы, істры, ілірыкі — з італьянцамі; сьлянжакі, мараўцы, чэхі, міснакі, памаране, кашубы — зь немцамі; белыя русакі — з масквой і татарамі; падгаране, мазуры, падляшане, чорныя русакі, валыняне і частка літвы — з палякамі; а палякі — з усімі народамі звычаі, адзеньне і часткова родную мову памяшалі. *У выніку кожны можа слушна назваць нас simias, protheos et chamaleones*"*

Вот интересный момент: Латышонок в своей книге почти на четверть компилирует книгу Белого, но «случайно» пропускает четыре пункта распространения понятия «Белая Русь» по Стрыйковскому.

Другой интересный момент: «Зато достаточно однозначно Стрыйковский применяет...». «Однозначно» – К ЧЕМУ? Не указал, зато звучит убедительно.

13. Латышонок [1, с. 162]

«Название «Белая Русь» и «белые русины» для обозначения восточных территорий Речи Посполитой и их жителей распространил в Европе итальянец Александр Гваньини, который в 1578 г. опубликовал в Кракове произведение Sarmatiae Europeae descriptio. Произведение приобрело большой резонанс и многократно перепечатывалось во многих европейских городах. Один из разделов этого произведения носит название «Способ пахоты и сева на Белой Руси, которая граничит с Москвой, а также в Великом Княжестве Литовском» (Arandi seminandique modus in Russia Alba Moschoviae confini, et in Magno Ducatu Lituanie)». Гваньини сообщает в ней, что «белые русины» и «московиты» (Rutenos albos et Moschouitas) сеют позже, чем поляки, литовцы и «черные русины» (Ruteni nigri). «Черных русинов» он локализует точно, утверждая, что их метрополией является Львов. Также он еще раз упоминает о «белых русинах и московцах» (Rutheni Albi Moschovitaeque). Как следует из приведенных примеров, «Белая Русь» Гваньини – это край, который граничит с Москвой и отдельный от Великого Княжества Литовского. То же самое можно сказать о его

«белых русинах» в отношении московитов и литовцев. Однако Гваньини не до конца последователен, так как использует название «Белая Русь» также и для определения Московского государства. О Москве он пишет, что это «столица и метрополия всей Белой Руси» (caput et metropolis totius Russiae albae). Это – реминисценция западноевропейской литературной традиции...

Аналогично (почти – под копирку, кто у кого взял – второстепенно) пишет Белый [2, с. 145].

Я могу понять начинающих историков, которые в своих работах используют чужие ссылки на источники как свои, не утруждая себя их проверкой. Но что сказать о маститых ученых, становящихся на путь прямой фальсификации исторических источников. Вы скажете, что с моей стороны (дилетанта) это слишком смелое заявление? Давайте посмотрим.

а) «Способ пахоты и сева на Белой Руси, которая граничит с Москвой, а также в Великом Княжестве Литовском» (Arandi seminandique modus in Russia Alba Moschoviae confini, et in Magno Ducatu Lituanie [9, с. 62]).

Уже в названии главы «Белая Русь» отделена и от ВКЛ, и от Московии. Но главное то, что профессиональные переводчики с латыни словосочетание *«Russia Alba Moschoviae»* разделяют на две части (*на Белой Руси, которая граничит с Москвой).* То есть, Латышонок совершает здесь прямую фальсификацию! Ведь правильное название главы – «Сроки посева в Московской Белой Руси **И** в княжестве Литовском».

б) «Гваньини сообщает в ней, что «белые русины» и «московиты» (Rutenos albos et Moschouitas [9, с. 62]) сеют позже, чем поляки, литовцы и «черные русины» (Ruteni nigri)».

И здесь фальсификация Латышонка, т.к. выражение взято из предложения, по своему смыслу делящемуся на ДВЕ части (по изданиям – 1578 и 1581), причем *«Rutenos albos»* – из первой части, а *«et Moschouitas»* – из второй и между ними... стоит **ЗАПЯТАЯ**. Латышонок, пропустив запятую, сознательно изменил смысл текста.

А он примерно таков: «В Литве, Польше, в Черной Руси и т.д. сеют раньше, ЧЕМ в Белой Руси, и МОСКОВИТЫ из-за нездоровой... сеют позже».

в) «Также он еще раз упоминает о «белых русинах и московцах» (Rutheni Albi Moschovitaeque)

Чтобы из выражения «Ruteni albi Moschovitae» получить *«белых русинов» **и*** «московцев», надо иметь сильное воображение, а главное – желание.

14. В ходе дискуссии на форуме мне приводили ссылки на издание *Alexander Guagninus. «Z kroniki Sarmacyi europskiej» [tr. by M. Paszkowski]. 1860. (Краков).* При выборочной сверке данного издания с оригиналом я не нашел упоминаний о Московии как Белой Руси, что нормально, ведь это – «Из хроники», т.е. – выписки. Но интересно то, что в уста Гваньини вкладывают то, что он никогда не писал. Мелочь, которая заставляет задуматься.

15. Белый

«1586.Этноним впервые употреблен как самоназвание уроженцем ВКЛ (Соломон Рысинский – Solomo Pantherus Leucorussus)» [2, с. 191].

Латышонок

«Соломон Рысинский 2 декабря 1586 г. был зачислен в университет в Альтдорфе как Solomo Pantherus Leucorussus. Эта запись, собственно говоря, – первая известная исторической науке **декларация беларускости**. Через два года Рысинский в письме к своему другу, немцу Конраду Ритерсгавзену (позже известный поэт, юрист и синдик Нюрнбергского городского совета) назвал **свою родину Беларусью** (Leucorossia). ... Поэтому самоназвание Рысинского было своего рода интеллектуальным переломом и его готовность называть свою страну Беларусью, а себя самого – беларусом требует более широкого знакомства с его личностью» [1, с. 185].

До того как Рысинский назвал себя беларусом, названия «Белая Русь» и «беларусы» достаточно широко применялись в литературе, в том числе в популярных в Речи Посполитой произведениях Кромера, Стрыйковского и Манчиньского. Однако термины, примененные Рысинским, были его собственными. Польские писатели записывали эти названия на латыни или по-польски, а Рысинский свою национальность обозначил греко-латинским термином, а родину – греческим, причем эти названия в переводе на польский язык выглядели бы как «Bia oru » и «Bia oru in», а форма « Bia oru » без окончании -in передает современное звучание этого названия в беларуском языке – «беларус» [1, с. 187].

«Беларусы» Рысинского – это этническое определение [1, с. 187].

Размышления Рысинского имеют, таким образом, оригинальный характер, но не приближают нас к ответу на вопрос, исключал ли их автор из понятия «беларусы» сегодняшних украинцев. Для своих немецких коллег **он явно был просто русином**, ибо альтдорфский профессор Каспер Шопе адресовал свое письмо в деле издания комментария к Авзонии авторства Рысинского и Ритерсгавзена так: «**Solomoni Panthero, Russo**».

Можно, однако, с большой вероятностью допустить, что упомянутая им как родина «Беларусь» находится там, где и упомянута в другом месте в качестве родного края «Русь», – то есть, в соответствии с убеждениями современных ему жителей Великого княжества Литовского, на востоке этого государства, в верхнем течении Двины и Днепра. В то же время его «беларусы», как уже говорилось, **могут означать всех русинов** в Великом Княжестве Литовском после Люблинской унии, поскольку Рысинский принадлежал к поколению, сформированному после 1569 года» [1, с. 188–189].

Чем же знаменит Соломон Рысинский? А тем, что он ПЕРВЫМ в 1586 году заявил: «Я – БЕЛОРУСЕЦ!». Правда, это описано несколько иначе: «...был зачислен в университет в Альтдорфе как Solomo Pantherus Leucorussus».

Непонятно, почему выражение «Leucorussus» (беларус, беларусец, беларусин) рассматривается как этноним современных беларусов ? И почему Рысинский свой этноним пишет на греческом языке? Это что, его – РОДНОЙ ЯЗЫК?

В средневековых университетах учет студентов вели по двум параметрам: откуда родом и по религиозной принадлежности. Вот ответ, почему Рысинский записан на греческом.

Возможно, кто-то скажет: « Дилетант, он на то и дилетант, чтобы задавать наивные вопросы». Но я не один, кто не понимает данного вопроса историка: «... но не приближают нас к ответу на вопрос, исключал ли их автор из понятия «беларусы» сегодняшних украинцев». Похоже, что только профессиональные ученые имеют прерогативу не понимать, но – утверждать.

16. Белый

«Около 1591. Впервые в западных источниках название Белая Русь встречается в славянской передаче (Bella Russia) [2, с. 191].

Сотрудник английской Московской компании и представитель английской короны при дворе Ивана Грозного Джером Хорзи, провел в Москве значительную часть жизни между 1573–1591 г. Он упоминал в своих воспоминаниях: «[Иван IV] отнял у польского короля славные города Полоцк, Смоленск, Дорогобуж, Вязьму и много других, овладел Белой Русью и Литвой с их цветущими торговыми городами и областями, которые приносили большие доходы...» [2, с. 145–146].

457. He got from the king of Poland the famous cities of Polotsk, Smolensk, Dorogobuzh, Viaz'ma and many other towns; Belorussia and Lithuania, goodly towns of traffic, and countries yielding great commodities...» [2, с. 226].

Видимо, благодаря ощущению своей безнаказанности некоторые историки способны приводить точный текст источника на иностранном языке вместе с заведомо неправильным переводом. Обращаю ваше внимание на знак препинания перед словом «*Belorussia*»! За подобный перевод студент получил бы «неуд».

Да и ссылка Белого на перевод А.А. Севастьяновой [11, с. 51] не соответствует заявленному, хотя по содержанию – аналогично.

17. Латышонок

«Название «Белая Русь» в новом значении, как определение земель Великого Княжества Литовского, расположенных на Двине и Днепре, попало в московские документы на целое поколение позже, чем его начали применять русины в Речи Посполитой. Примечательно, что впервые это название появилось в 1621 г. в переведенных с немецкого языка донесениях московского агента-немца, который фигурировал в документах под именем «Юрий Родионов». Этот агент сообщал из Риги, что туда доходят слухи о концентрации царских войск в Пскове и скорой их отправке «на Лифлян, на Белую Русь и Литву» [1, с. 210].

Белый

«Белая Русь впервые упомянута в московских официальных документах [2, с. 162] Немец – агент царя Михаила Романова, который фигурировал в документах под именем «Юрий Родионов» в марте – апреле 1621 г. собирал информацию в Риге, доносил, что там ходят слухи о сборе царских армий в Пскове и их скорой отправке «на Лифлян, на Белую Русь и Литву». Его более поздние реляции из Гданьска и Лейпцига засвидетельствовали убеждение тамошних бюргеров, что царь «мало ни всю Лифлянскую землю и часть Белой Руси одолел и взял»

Латышонок в очередной раз ссылается на Белого, тем самым открыто признавая, что лично с источником не знаком, а занимался компиляцией текстов других авторов.

Смотрим источники, на которые ссылается Белый. Они датированы 16 и 20 февраля и 20 апреля 1621 года, а не как заявлено – «март – апрель». Не будем заострять внимание на сроках, посмотрим на содержание: Юрий Родионов пишет, что «Великий Государь Кесарь Московский всю Ливонскую землю и часть Белой Руси одолел и взял» [12, стлб. 1373]. Вроде все понятно, но ...есть парочка нюансов.

Нюанс первый: если читатель проявит хоть немного любопытства, он без труда выяснит, что Московия в 1621 году против РП (ВКЛ) – НЕ ВОЕВАЛА!

Нюанс второй: кто же тогда воевал в Ливонии? Оказывается – шведский король Густав II Адольф. В 1621 году он возобновил военные действия против Польши в Видземе. Шведы окружили Ригу. Не дождавшись помощи от польского войска, город сдался. Затем Густав II Адольф захватил всю территорию Видземе (до реки Айвиексте) и вошел в Курземе, где разорил Елгаву (Митаву).

Что подразумевали в данном случае под Белой Русью «шпик» Юрий, а также Олег Латышонок и Алесь Белый – непонятно.

Нюанс третий: документы датированы февралем – апрелем 1621 года, а Густав отправил свой флот в конце ИЮНЯ, Ригу же взяли в СЕНТЯБРЕ!

18. Латышонок [1, с. 196]

> «Первым беларуским архидьяконом был Ян Хризостом Рознятовский. Наиболее ранний документ, в котором Рознятовский появляется под этим титулом, датируется 1634 годом» [2, с. 230, сноска 517].

Думаю, правильнее было бы сказать так: «Первым архидьяконом с дополнительным названием – «беларуский» был...», т.к. подразумевается официальное название.

Если мы проследим по ссылке, то опять встретимся с А. Белым, который в свою очередь ссылается на источник. Смотрим его [14, с. 63]:

> «Наконецъ, въ 1634 г.3 декабря, командированные королемъ коммисары, въ присутствіи споривших сторонъ, изъ коихъ одну представлялъ владѣлецъ Сѣнненскихъ имѣній, Упитскій староста Евстафій Курчъ, а другую–по доверенности Вил. бискупа, Оболецкій ксендзъ [титулуемый здѣсь также архидіакономь Русскимъ, Бѣлой Руси и всей Руси а)] Іоаннъ Хризостомъ Рознятовскій, съ своими повѣренными, при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ и понятыхъ, приведенеыхъ къ...»

Т.е. он именовался «архидиакон русский», «архидиакон Белой Руси», «архидиакон всей Руси». Все три названия – синонимы.

19. Латышонок [1, с. 195–196]

> «Белая Русь» представляется как отдельный от Великого Княжества Литовского край также киевскому митрополиту Петру Могиле. В изданной в 1635 г. дарственной фундационной привилегии Могилевскому Богоявленскому братству митрополит писал: «объежжаючы и навежаючы краи великого князства Литовского и Беларуские до епископии Мстиславское, Оршанское и Могилевское належачие, завитали до Богом увелебенного места его королевской милости Могилева».

Белый [2, с. 161]

> «Киевский митрополит Пётр Могила в грамоте на основание Могилёвского Богоявленского братства (1635) упоминал «краи великого князства Литовского и Беларуские до епископии Мстиславское, Оршанское и Могилевское належачие».

Аналогичная выписка из грамоты Петра Могилы присутствует и в книге, составителем которой является Г.М. Саганович [16, с. 11].

Все три автора ссылаются на один и тот же документ [15, с. 57], но ни один не удосужился сверить цитату с оригиналом. А дело в том, что после слов «Литовского и Беларуские» стоит ЗАПЯТАЯ, которая меняет содержание текста.

Мое понимание взаимоотношения данных названий таково. С 1632 года Петр Могила являлся митрополитом русской (греческой) православной веры на территории Речи Посполитой. Его митрополия включала в себя все ВКЛ и бывшее русское (т.е. киевское) княжество, входившее до 1569 года в состав ВКЛ, а ныне – в состав Польши. Резиденция митрополита находилась в Киеве, уже не входившем в состав ВКЛ.

Так вот, митрополит едет с инспекцией из одной страны – в другую (хотя они обе и связаны унией). И указывая «края ВКЛ и Беларуские», он говорит не о двух разных административных единицах, а о своей митрополии на территории ВКЛ. Не Мстиславль, Орша и Могилев административно входили в Беларусь, а часть «Беларуского края» была приписана к епископствам данных городов. Вероятно найдутся люди, несогласные с данным утверждением. Тогда пусть они поищут административную единицу ВКЛ под названием «Беларусь» (или «Белоруссия») «до епископии Мстиславское, Оршанское и Могилевское належачие».

Не надо забывать еще одно: на основании договора, получившего название «Поляновского» от 17 (27) мая 1634 года подтверждены права Речи Посполитой на Смоленск и Чернигов с их областями, а также на города Белая, Дорогобуж, Красный, Невель, Новгород-Северский, Рославль, Себеж, Стародуб, Трубчевск. До этого данные города и области относились к Московии, имеющей самое непосредственное отношение к названию «Белая Русь». Вероятно, Петр Могила говоря о «Беларуском крае» имел в виду именно эти места.

20. Латышонок [1, с. 196]

> «В составленной в 1644 г. записке Петра Могилы к Иосифу Горбацкому, этот последний также называется «епископом беларуским» [17, с. 72–73]. Мстиславо-оршанско-могилевских епископов называют в это время «беларускими» неофициально».

Начал с простого: с Могилевской епархии, ведь есть мнение, что «Беларуская епархия» это Могилевская. Итак, Могилевским епископом на время написания письма (1644 г.) был ...Сильвестр (Коссов) (в 1635–1649 гг. епископ Могилевский). А Иосиф Горбацкий стал епископом Могилевским только в 1650 году!

Что можно узнать о Горбацком. Материал из Википедии:

> «Иосиф (в миру Кононович-Горбацкий; умер в 1653) – епископ Могилёвский, Мстиславский и Оршанский (Белорусский). Был преподавателем Киево-Могилянской коллегии, где преподавал различные предметы до 1642. С мая 1642 – игумен Киевского Братского училищного монастыря и ректор Богоявленского училища. Со 2 мая 1650 епископ Могилёвский. При написании этой статьи использовался материал из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890–1907)».

Получается, что Горбацкий в 1644 году был игуменом Киевского Братского училищного монастыря и ректором Богоявленского училища. Вот Вам и епископ «беларуский»! Очередная «липа» Латышонка.

21. Латышонок [1, с. 213]

> «В том же году «сын пахаря» Андрюшка Иванов «представился» как «литвин латыш белорусец Оршанского повета»[19, с. 111]».

Похоже, что автор не читал материалы Соборного уложения 1621 года [20], где четко сказано, что «белорусец» – термин религиозный, а не этнический.

22. Латышонок [1, с. 196]

> «После его смерти в 1643 г. следующим беларуским суфраганом в 1652 г. стал Теодор Скуминович, который перед этим был беларуским архидьяконом».

Справка из толкового словаря Даля: «Суфраган – м. викарный епископ западной церкви. Суфраган = викарный епископ = викарий.

Викарий – в Православной церкви епископ, не имеющий своей епархии и помогающий в управлении правящему епархиальному архиерею.

Если мы посмотрим ссылку [21, с. 83–84], на основании которой Латышонок строит данное утверждение, то обнаружим, что там ничего этого нет: ни «беларуского архидьякона», ни «беларуского суфрагана».

23. Латышонок [1, с. 239–240]

> «Уже 11 августа Поклонский имел в своем подчинении около тысячи пеших могилевских, чаусских и радомльских крестьян, вооруженных бердышами, рогатинами и пищалями, а также под сто конных крестьян. С этим отрядом он стал за три мили от Могилева, начав переговоры с его жителями. Царь приказал ему, чтобы про все свои действия он писал «белоруским или польским писмом, буде у него руским писмом писать некому» [22, с. 219–220].

Смотрим источник:

> «3) Отъ царя и великого князя Алексея Михаиловича, всеа Великія и Малыя Росіи самодержца, Михайлу Петровичю Воейкову. Августа въ 16 день писалъ еси къ намъ съ стрълцомъ Михайлова приказу Зыбина съ Тишкою Гавриловымъ, что августа въ 11 день полковникъ Костянтинъ Поклонской съ новоприборными людьми, и ты съ стрЪльцы и съ татары пришли въ село Петровичи, отъ Могилева за три мили, и стали обозомъ.
>
> И какъ къ тебъ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тъхъ казаковъ, Васку Сулименка съ товарищи, отдалъ полковнику Костянтину Поклонскону, а впредь бы еси къ намъ писалъ въ отпискахъ справчиво, и полковнику Костянтину Поклонскому говориль, чтобъ о всемъ, что у васъ учнется дълать, писалъ къ намъ бълорускимъ или польскимъ писмомъ, будетъ у него рускимъ писмомъ писать некому».

Интересная ситуация складывается! Латышонок и все «историческое сообщество» упорно утверждают, что «белоруское писмо», это – старобеларуский язык. А тут московский царь вдруг заявляет, что в его ставке СВОБОДНО читают на старобеларуском и польском, но не на русском! Надо быть более последовательным, особенно, когда занимаешься дезинформацией. Но «белоруское писмо» это другая тема.

В данных «отписках» речь идет о «языках» (пленных) и об их допросах. Что мы тут имеем? Из Путивля прибыли три ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКА, которые

будут служить в полку. И что самое главное – они ПРИВЕДЕНЫ К ВЕРЕ! Обратим внимание на концовку: после приведения к вере, Васка Сулеменка становится Василием Ивановым (!), Стенка Авдеев – Степаном Овдеевым, Пронка Левонов – Прокофием Левонтьевым. Кто такой Семен Яковлев (после приведения к вере) – не знаю, но очень похоже, что это «язык», могилевчанин, белорусец, мельник Сенка, о котором говорится в данной «отписке».

Что же объединяет запорожских казаков и мельника из Могилёва? А то, что после приведения к вере они выступают в одном религиозном поле – БЕЛОРУСЦЫ !

Если в годы войны 1654 – 1667 гг. основным требованием для сторонников Москвы было «приведение к вере», то получается, что война была «религиозной». А поскольку в войсках Москвы было немало татар-мусульман, получается, что эта религиозная война имела сугубо избирательный характер.

24. Латышонок [1, с. 240]

> «Начиная с 12 сентября Поклонский начал пользоваться титулом «полковник белорусский». Царский документ, который придавал бы ему такой титул, неизвестен; очевидно, что он принял его сам. Титул «полковник белорусский» несомненно относится к «Белой Руси». (...) Через три дня полковник жаловался царю, что казаки Золоторенко не позволяют ему вести переговоры с Кричевом, а Золоторенко гневается на него. Он также просил царя, чтобы тот приказал Золоторенко не вмешиваться в дела Могилева и Чаусов, «бо то не украинские, но вашей царской милости подданные, до Нежина не належат и его не должны слушать, толко меня».

Латышонок утверждает, что «с 12 сентября Поклонский начал пользоваться титулом «полковник белорусский». Однако документ на который он ссылается [22, с. 257–258], датирован не 12 сентября, а 7-м! А еще раньше (конкретно 5 сентября) он тоже подписывался – «*полковник белорусский*» [22, с. 293–295] . Это говорит о том, что ссылаясь на документы, Латышонок сам их НЕ ЧИТАЛ!

А 30 августа Поклонский еще подписывался просто – полковник.

Почему я останавливаюсь на датах? Да потому, что Латышонок утверждает, что в день сдачи Могилева Поклонский подписывался – «*полковник белорусский*». Тогда получается, что Могилев был сдан 12 сентября или чуть позже. Но дело в том, что Могилев сдали 28 августа!

Отсюда наивный вопрос: не слишком ли много для доктора исторических наук «ляпов» в одном абзаце текста?

25. Латышонок [1, с. 244]

> «Золоторенко 29 сентября появился со своей свитой у царя под Смоленском. Наказной гетман отклонял обвинения Поклонского в своих артикулах, представленных государю. В пятой статье он просил, чтобы все те, кто «назвалися казаками войска его царского величества запорожскими в Белоруссии, в Могилеве и в волости Могилевской» могли там находиться. В то же время Поклонский как не принадлежащий к Запорожскому войску не должен иметь к ним никакого отношения. Из артикулов Золоторенко следует, что Могилев находился, по его словам, «в Белоруссии». Статья была опубликована на русском языке без обозначения, была она на этом языке написана или это перевод с беларуского».

Вот текст, на который ссылается Латышонок [22, стлб. 170]:

«5-я. Которые ни есть назвалися казаками войска его царского величества запорожскими въ Бълорусіи, въ Могилевъ и въ волости Могилевской, тЪмъ всъмъ, которые до войска его царского величества клонятца, чтобъ то имъ волно было, по указу его царского величества, пребывать».

Смысл данного предложения является спорным. Если вспомнить, что большое количество документов того периода связывают понятие «Белая Русь» с территорией современной Украины, то мне смысл видится таким: казаки войска запорожского из Беларуси, присягнувшие царю, желают находиться в Могилёве и в Могилевской волости. В любом случае из артикулов Золотаренко как раз не следует, что Могилёв находился «в Белоруссии», а наоборот – он разделяет «Белоруссию» и Могилев.

26. Латышонок [1, с. 250]

«Алексей Михайлович 3 сентября официально принял в Вильне титул «самодержца всея Великое, Малое и Белое Руси». В акте провозглашения нового титула царь говорил: Мы, великий государь наше царское величество, взяли у польского короля предков наших государских великих князей российских в. кн. Литовского стольный город Вильну ...Великим Князем Литовским и Белыя России и Волынским и Подольским» [24, с. 77–88].

Интересный момент: Латышонок ссылается на работу украинского историка М.С. Грушевского, а не официальный сборник документов.

Белый [23, с. 165]

«Указ о внесении Белой Руси в титул царя Алексея Михайловича: «Мы великий государь наше Царское Величество учинились, предков наших Великих Государей Князей Российских на Великом Княжстве Литовском и над Белою Россиею и на Волыни и Подолии Великим Государем».

С этого времени название Белая Русь уже не употребляется Кремлем применительно к Украине, а закрепляется за восточной частью ВКЛ».

Непонятно, на чем основано утверждение, что название «Белая Русь» отныне закреплено за восточной частью ВКЛ, а не за территорией современной Украины, где она и находилась, или что оно не объединяет обе эти территории?

Что интересно в появлении в царском титуле слов «царя Белой Руси», так это то, что я не нашел ни одного официального упоминания конкретной территории с данным названием, хотя просмотрел практически все его указы того периода.

Посмотрите, что пишет Белый:

«С этого времени название Белая Русь уже не употребляется Кремлем применительно к Украине, а закрепляется за восточной частью ВКЛ».

Т.е. он утверждает, что название «Белая Русь» в отношении восточной части ВКЛ было установлено победителем. А как быть тогда с широко известным тезисом, что «Белая Русь» – историческое название современной Беларуси?

Справка: Историческая область – принятое в этнографии, истории, культурологии понятие для территории, исторически, как правило, составлявшей политическое

единство и в силу этого ныне характеризующейся определенными общими чертами в культуре, этнографии, языке, самосознании местного и окружающего населения.

27. Латышонок [1, с. 256]

«Новый гетман сначала общался со Швецией, но летом 1658 начал переговоры с Речью Посполитой, которые закончились подписанием Гадячской унии. Территория трех коронных воеводств – Киевского, Брацлавского и Черниговского – признавалась третьим членом Речи Посполитой – Русским княжеством. Выговский потребовал также присоединения к последнему «Белой Руси», Пинска и Стародуба, входивших в состав ВКЛ, но против этого категорически запротестовал литовский представитель в Гадяче Казимир Людвик Евлашевский».

Смотрим, на что ссылается Латышонок. Он ссылается на работу Андрея Котлярчука [27, с. 256]. Ввиду того, что книга издана на английском языке, я представляю только свой перевод из нее:

«В августе 1658 года в Гадяче, Украина и Польша начали переговоры об объединении. Это вызывает обеспокоенность у литовцев. Канцлер Христофор Сигизмунд Пац справедливо полагал, что Литва, а не Польша, будет платить за этот союз своей собственной территорией. Действительно, казаки требовали Пинск, Беларусь и Стародуб (Pinsk, Belarus and Starodub). Только протест Людвика Евлашевского, представителя Литвы в Гадяче, предотвратил это».

Как видим, Латышонок изменил «Беларусь» на «Белую Русь». Но это – мелочь, идем дальше... Смотрим в источник, на который ссылается Котлярчук [28, с. 172]:

«На раді 16 вересня виразно окреслилися відмінності у позиціях сторін. Якщо українці домагалися створення в межах Речі Посполитої окремішнього Руського князівства (в складі Белзького, Брацлавського, Волинського, Київського, Подільського, Руського й Чернігівського воєводств, Пінського та Мстиславського повітів Литовського князівства), скасування унії, повернення православній Церкві відібраних у неї храмів і маєтностей, то поляки погоджувалися на існування Руського князівства лише в межах козацької України».

Как я ни старался, ничего про «Беларусь и Стародуб» не нашел!

Еще одна мелочь: Котлярчук ссылается не на документ, а на «Очерки из истории....», т.е. на версию современного исследователя. Это напоминает детскую игру в «испорченный телефон». Похоже, что некоторые историки ею увлечены.

28. Белый

«Конец 1650-х, Белую Русь начинают стабильно отображать на европейских картах в границах Полоцкого воеводства [2, с. 191]

Таким обоснованием стала Polonia Симона Старовольского в очередных изданиях (Гданьск, 1652 и Вольфенбюттель, 1656), после выхода которых одна за одной начали появляться карты с новой локализацией Белой Руси. Одним из пионеров этой традиции стал французский картограф Гийом Левассер де Боплан, который к 1652 г. работал в Речи Посполитой. Л. Козлов ошибается, полагая, что именно Боплан впервые вынес Russia Alba в заголовок карты. Такой заголовок имела составленная в боплановской традиции карта ВКЛ Magnus Ducat Lituaniae & Russia Alba Якоба

Зандрарта (Нюрнберг, 1687). Белая Русь тут показана примерно в границах Полоцкого воеводства. [2, с. 166]

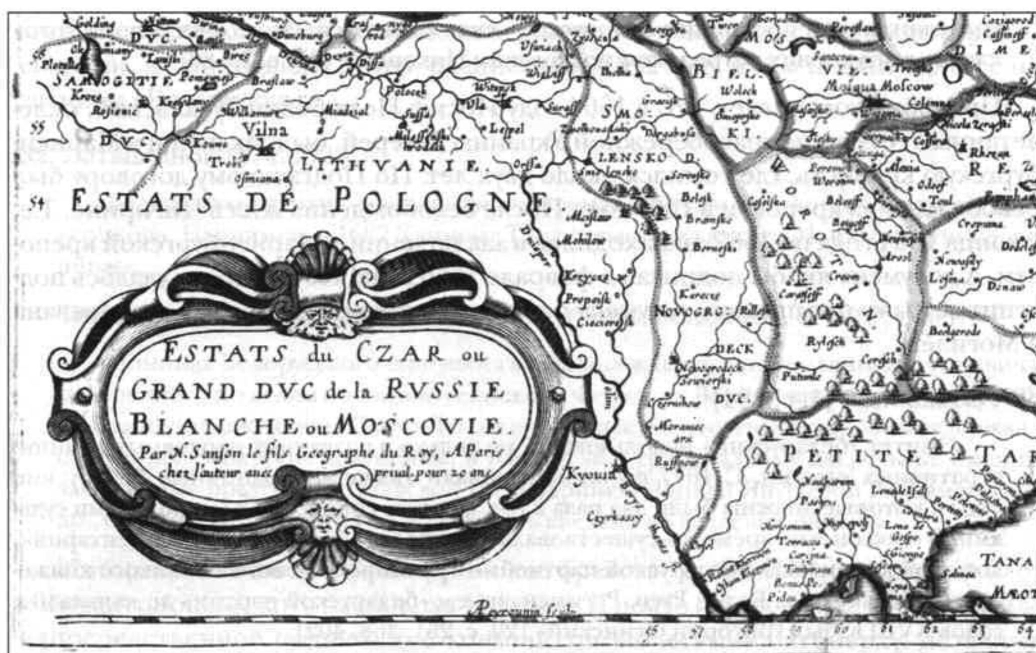
Постепенно устанавливается почти однозначное соответствие между названием «Белая Русь» и территорией восточной Беларуси, хотя уже в XVII в. название нередко относили почти ко всем беларуским этнографическим территориям» [2, с. 168].

Ну, захватила Московия территорию ВКЛ (война 1654–1667 гг.) и, естественно, были выпущены несколько карт с названием «Белая Русь» в нужном месте. Ну, добавились еще 5–7 аналогичных в конце XVII – начале XVIII веков. Но только сильно зацикленный на своей идее-фикс историк способен утверждать, что выпуск нескольких карт является «стабильным отображением на европейских картах в границах Полоцкого воеводства» и что «устанавливается почти однозначное соответствие между названием «Белая Русь» и территорией восточной Беларуси».

Почему? Да потому, что я противопоставляю ему порядка 60 карт с названием «Московия или Белая Русь» или с расположением данного названия на территории Московии (России), которые выпускали и в тот период, и еще сотню лет спустя самые уважаемые географические дома Европы. Причем последняя по времени карта, которую я нашел с локализацией понятия «Белая Русь» приходится на 1796 год (Accurate Map of Europe... Carey Mathew). Здесь она указана на Смоленщине.

Plan of Moscow in the CIVITATES ORBIS TERRARUM, of G. Braun and F. Hogenberg (1573). Size of orig. 343 x 457 mm. By courtesy of the British Museum.

Что это за профессиональные историки, если дилетант имеет документальную базу на порядок больше чем у них?

> «...Л. Козлов ошибается, полагая, что именно Боплан впервые вынес Russia Alba в заголовок карты. Такой заголовок имела составленная в боплановской традиции карта ВКЛ Magnus Ducat Lituaniae & Russia Alba Якоба Зандрарта (Нюрнберг, 1687)».

А что тогда прикажете делать с такими названиями как «Moscovia Urbs Metropolis To tius Russiae Albae»? Это что, не вынесение данного названия в заголовок? Правда, данная карта была напечатана на 100 лет раньше – в 1573 году, затем повторялась в 1610, 1617, 1657 гг.

Конечно, можно сказать, что на карте изображен город (Москва), а не государство. Но все равно, данное название (Белая Русь) в заголовок карт попало раньше, чем это утверждают такие историки как Белый и Латышонок.

А что делать с картой «1648. Estats du Czar ou Grand duc de la Russie Blanche ou Moscovie... Nicholas Sanson. Paris»?

И куда девать вот это:

1674. «La Russie Blanche ou Moscovie.. Jaillot. Paris»;

1677. «Moscovie dite autrement Grande et Blanche Russie... Pierre Du Val... Paris»;

1679. «LA RUSSIE BLANCHE ou MOSCOVIE».

Ведь все они выпущены ДО 1687 года!

29. Латышонок [1, с. 271]

> «Беларуская епархия в то время жила своей жизнью. В 1666 г. Митрополит «Киевский, Галицкий и всея Руси, епископ Белорусский Иосиф Нелюбович-Тукальский как

«належитый той провинции Белоруской» снял с жителей «Могилёва Белоруского» клятву, взятую у них патриархом московским Никоном». [15, с. 79–80]

Проверка показывает, что в 1664 году Иосиф Нелюбович-Тукальский, оклеветанный гетманом правобережной Украины Тетерей, был заключен в Мариенбургскую крепость, где томился около двух лет. По Подгаецкому договору был освобожден из крепости в 1667 году. После освобождения жил в Чигирине. Т.е. с конца 1664 года по 1667 он находился в заключении в Мариенбургской крепости. А документ якобы подписал в феврале 1666 года! Неужели ему удалось подкупить стражу и отправить документ с дежурным проводником санного каравана в Могилёв?

30. Латышонок [1, с. 284]

«Эпитет «беларуский» использовался не только в названиях церковных административных единиц. С 1677 функционировали также «пограничные беларуские суды», которые должны были два раза в год заседать совместно с московскими судьями. В «саксонские времена» существовала должность «беларуского региментария», который командовал «беларуской партией» — группировкой войск Великого княжества Литовского на Белой Руси. Региментарием «беларуской партии» до начала40-х годов XVIII в. был Григорий Огинский» [29, с. 261, 368, 402].

Латышонок ссылается на три документа за 1674, 1677, 1685 годы. Они представляют собой наименование и перечисление большого числа статей под номерами. Причем большинство номерных статей озаглавлено, т.е. передают смысл данной статьи. И в каждом оглавлении (из указанных) присутствует слово «Белоруссия».

Я убежден, что эти заглавия появились значительно позже документа — при составлении данного издания (Volumina legum) - в 1860 году. Ибо, если они были написаны вместе с документом, то были бы под номерами. Достаточно сравнить со Статутами.

Но даже если я ошибаюсь (что маловероятно), то вы не найдете ни одного упоминания названия «*пограничные беларуские суды*» на которые ссылается Латышонок. Прямая ссылка на документы (что само по себе редкость) показывает, что он их читал и сознательно пошел на подлог.

31. Латышонок [1, с. 270]

«Несмотря на это, Ян III под давлением литовского магнатства и православных послов Сейма издал в 1679 привилегию на беларуское епископство игумену монастыря Святого Духа Клименту Тризне, но тот отказался принять католический символ веры и король отменил свое распоряжение. О позиции короля Жаховский с уважением писал папе: «Желание короля такое, чтобы православные подлежали Риму, не только с точки зрения римско-католической веры, которую он сам признает, но прежде всего исходя из интересов государства, а особенно чтобы отвлечь православных от юрисдикции константинопольского патриарха и от российского царя» [30, с. 223]. Попытки подчинить унии всю Православную церковь в Речи Посполитой Жаховский продолжал вплоть до своей смерти в 1693» [30, с. 208, 222–223, 225–226, 319].

Источник (Mironowicz A. Kościół...) не нашел, но интересно, что имел в виду Латышонок под словами «привилегию на беларуское епископство»? Это — на-

звание епископства или современная трактовка документа? Все православные епархии, не принявшие Унию, расписаны в 1632 году и там нет ни одной с названием «Беларуская».

32. Латышонок [1, с. 271]

«Беларускую епархию по-польски все время называли «episkopia», а епископов – «episkop». Например, в 1682 Климент Тризна выступал как «episkopii białoruskiej nominat».

Текст документа, на который ссылается Латышонок [31, с. 138], гласит:

«Номинат Белорусского епископства Тризна жалуется на землянина Гуторовича, поверенного по делам покойного епископа Феодосия Васильевича, имевшего у себя на хранении документы Свято-Духовского братства,что этот Гуторович задержал у себя разные братские документы, в том числе и трибунальные декреты на имения, завещенные братству Молдавской господариней Марией Янушевой Радивиловой и др., без которых братство не может быть введено во владение оными».

Интересный момент: Свято-Троицкое братство ещё в 1588 году получило от константинопольского патриарха Иеремии II право ставропигии (что означало непосредственное подчинение константинопольскому патриарху, независимость от местной церковной власти и особые привилегии). Эти права перешли к Свято-Духову монастырю. Монастырский устав был принят в 1614 году.

А Климент Тризна выступает в трибунале как настоятель Свято-Духова монастыря, «номинат епископ беларуский». В процессе поиска встречал в отношении Тризны такие характеристики как «нареченный епископ», «номинальный епископ» (то есть являющийся таковым лишь по названию, но не фактически). В любом случае, Климент Тризна просто не мог совмещать должности настоятеля Свято-Духова монастыря (ставропигия!) и быть в то же время епископом Могилёвским.

И Вильня никогда не входила в Могилевскую епархию.

33. Латышонок [1, с. 271]

«В 1686 г. представитель Речи Посполитой Христофор Гжимултовский согласился на то, чтобы в договор о «вечном мире» с Москвой вошел пункт, который обязывал власти Речи Посполитой восстановить Луцкую, Галицкую, Перемышльскую, Львовскую и «Беларускую» православные епархии, а также гарантировать православным все свободы и вольности».

Латышонок ссылается на пункт 9 Трактата о вечном мире, однако, похоже, что он не читал ни польскую [32, с. 77], ни русскую [33, с. 770] версию данного документа, так как там ничего не сказано о «восстановлении» перечисленных епархий.

Еще один интересный момент. На упомянутый трактат часто ссылаются в доказательство того, что Могилевская епархия является «Беларуской». Однако вот что утверждал Дилтей Филипп Генрих [34, с. 383] при перечислении епархий:

«11) Могилепская, Мстислапская, Оршанская и Бѣлорусская, которая и нынѣ во благочестіи пребываетъ; она въ трактатѣ вѣчнаго мира между Россіею и Польшею съ

7194 (1686) года заключенномъ упоминается, однако не отъ Митрополита Кіевскаго, но отъ Святѣйшаго Синода непосредственно зависитъ».

34. Латышонок [1, с. 275]

«В конце XVII в. русской Церковью в первую очередь была униатская церковь. К этой Церкви принадлежал единственный человек, который в тот период документально засвидетельствовал свое беларуское происхождение. Этим человеком был не кто иной, как униатский митрополит Киприан Жаховский. В тогдашней заметке супериора Греческого коллегиума в Риме Жаховский фигурирует как базильянин, сын Александра и Анны, из дома Могильницкой, из Полоцкого воеводства, «белорусин» (Ruthenus Albus). В других документах Греческого коллегиума Жаховский фигурирует как русин (Ruthenus), который прибыл «с Руси» (e Russia). Русинами постоянно записывали и других униатов. А потому мне кажется, что «белым русином» задекларировал себя сам Жаховский. Слишком скудный материал для сравнения не позволяет развивать дальнейшие выводы. Жаховский изначально был римо-католиком и трудно сказать, что он говорил о своем происхождении до смены вероисповедания. Возможно, что русином он стал именно благодаря принятию восточного обряда. Областью его жизненной деятельности стала «вся Русь» в пределах Речи Посполитой. Поэтому представляется, что определение «белый русин» относилось прежде всего к месту, из которого Жаховский происходил – к Полоцку, входившему в состав «Белой Руси».

«Слишком скудный материал для сравнения не позволяет развивать дальнейшие выводы» – а куда ещё больше развивать? На основании двух слов («Ruthenus Albus») Латышонок делает вывод: «...документально засвидетельствовал свое беларуское происхождение». «Беларуское происхождение», как я понимаю, касается Жаховского как представителя «беларуского народа», т.е. – этнического (национального) объединения. А почему не «белорусец», как Рысинский ?

В других документах он проходит как «русин с Руси». Тогда, по логике Латышонка, Жаховский – представитель русского народа из Руси («русин с Руси») и получается, что «Белая Русь» находится на территории бывшего русского княжества ВКЛ, притом Полоцк в него со дня образования ВКЛ не входил. Но почему-то в данном случае Латышонок трактует термин «русин» как религиозный, а не этнотерриториальный.

35. Латышонок [1, с. 196-197]

«По мнению Ивана Григоровича, Мстиславско-Оршанско-Могилевское епископство стало официально называться «беларуским» только во время Яна III Собеского, который титуловал «епископом беларуским» Феодосия Василевича в письме за 1697» [37, с. 20, 22].

Видимо Латышонок не понимает, что слово «официальное» означает наличие государственного документа, содержащего указанный титул. Но документа нет, и его заменяют «мнением»!

36. Латышонок [1, с. 271]

«В 1701 г. слуцкое церковное братство жалуется могилевскому братству, что «епископ (episkop) беларуский» пытается их себе подчинить, хотя они к нему не принадлежат [15, с. 94–95].

№ 64. 1707 г. Ноябрь. Письмо Слуцкаго братства Могилевскому о притѣсненіяхъ со стороны Бѣлорусскаго епископа.

> «Не входя въ подробное описаніе и изложеніе этого предмета, извѣщаемъ теперь только о важномъ дѣлѣ, именно о гибели ставропигіальныя братствъ. Епископъ Бѣлорусскій, прибывши нѣсколько недѣль тому назадъ въ Слуцкъ, не любовно, но нуждою старается насильственнымъ образомъ подчинить себе наше, не подведомственное ему, ставропигіальное братство (первое въ Литве: на него излилъ онъ первый свой гневъ)».

Сразу бросается в глаза то, что Латышонок путает дату написания письма. Значит, он его не видел , а скопировал с ошибкой из работы другого историка. Интересно, пишется письмо, но не указывается фамилия «беларуского епископа».

Автор данного письма лукавит, что Слуцкое ставропигиальное братство было первым в Литве (первым было Виленское). В 1588 году Вселенский Патриарх Иеремия II предоставил двум важнейшим братствам, львовскому и виленскому, право ставропигии, то есть независимости от суда местного епископа, с подчинением только патриаршему суду.

В 1620 году по грамоте Иерусалимского Патриарха Феофана III право ставропигии получили братства Крестовоздвиженское (в Луцке), Богоявленское (в Киеве) и Преображенское (в Слуцке), но уже в 1626 году их ставропигии были ликвидированы. В 1633 году Вселенский Патриарх Кирилл к двум оставшимся ставропигиям присоединил еще третью – братство в Могилеве.

Т.е. на время написания письма ставропигия Слуцкого братства была уже 80 лет как ликвидирована! Какой то «мутный» источник. И обратите внимание на слова «...первое в Литве..», т.е. Слуцк по мнению автора письма находится все-таки в Литве, а не в какой-то «Белой Руси».

37. Латышонок [1, с. 283]

> «Это определение систематически применяется в связи с деятельностью православных Мстиславско-Оршанско-Могилевских епископов. Вот несколько примеров: в 1716 г. слуцкие братчики жалуются на Сильвестра Святополк-Четвертинского, называя его то «епископом», то «прелатом беларуским» [40, с. 384]. На латинском языке Четвертинский титулуется «episcopus Albae Russiae» [40, с. 389]. Сам Четвертинский употреблял определение «Беларуская диацезия» и «Беларуская епархия»[40, с. 413].

Хочу обратить ваше внимание на пару моментов в источнике [40, с. 384]. Использование выражения «прелат беларуский».

> ПРЕЛАТ – (от лат. Praelatus, букв. вынесенный вперед), в католических и некоторых протестантских церквах звание, присваиваемое высокопоставленным духовным лицам ... (Большой Энциклопедический словарь).

Интересно, почему его называют *«прелатом»*, да еще – *«беларуским»*? Может, для того, чтобы показать, что он проводит политику, отличную от русской киевской веры?

Интересна запись на обратной стороне данного документа:

«*На оборотъ надпись:* List do J. P. M. O. Metropolity Kijowskiego od bratstwa święto-Spaskiego Słuckiego на баламута, episkopa Biłoruskoho».

Латышонок, ссылаясь на источник [40, с. 413], «случайно» пропустил начало документа с наименованием должности Сильвестра Святополк-Четвертинского: «епископа Белоруского, Мстиславского, Оршанского, Могилевского». Все логично: ведь дилетанты зададут простой наивный вопрос: «А почему в наименовании должности (звания и т.д.) все по отдельности: Белоруский, Мстиславский, Оршанский, Могилевский?».

Наверно, по той же причине Латышонок «не нашел» и грамоту короля Августа II [40, с. 403], где последний тоже называет данное епископство «Беларуским, Мстиславским, Оршанским, Могилевским». Причем это официальный документ, а не чье-то «мнение»!

38. Белый [2, с. 191]

«1720-е. Белая Русь исчезает с европейских карт в значении «Русское государство».

Говоря дипломатично, информация не вполне соответствует действительности.

Если вспомнить отмеченное выше (пункт 28): «Конец 1650-х, Белую Русь начинают стабильно отображать на европейских картах в границах Полоцкого воеводства», то выйдет, что в течение 70 лет (!) Белая Русь стабильно отображалась на картах в границах Полоцкого воеводства и Московии. Причем – одновременно! А к кому она (Белая Русь) относится?

Вообще-то на европейских картах в названиях фигурировала «Московия», а не «Русское государство». Если принять утверждение Белого за истину, то куда девать нижеперечисленные карты, которые у меня есть. Спрятать их и забыть?

Белая Русь или Московия

1720. La Russie Blanche du Moscovie – P. SCHENK.

1725. Russie Blanche ou Moscovie. Laso, Antwerp.

1730. Russie Blanche ou Moscovie. Benigne Bossuet.

1734. Russia Blanche ou Moscovie. de Sauzet. Amsterdam.

1738. Russie Blanche or Moscovie. Bossuet ., Amsterdam.

1746. Russie Blanche ou Moscovie.

1748. Russie Blanche ou Moscovie.Robert de Vaugondy, G. & D.Paris.

1749. Russie Blanche on Moscovie – DE VAUGONDY, R.

1750. La Russie Blanche ou Moscovie... Ковенс и К. Мортье. Амстердам.

1778. Russie Blanche ou Moscovie. Fresnoy, Paris.

Белая Русь или Смоленщина

1730. Nova Description Geographica Tattarie Magnae. Philipp Johann Strahlenberg.

1734. Nieuwe Kaart van Muskovie of Rusland... TIRION I. Amsterdam.

1744. Moscovia o Russia. I. Tirion.

1747. Map of Europe... Bowen, Emanuel... London.

1754. Nieuwe Kaart Van Muscovie of Rusland, na de laatste ondekking int licht gebracht... Isaak Tirion. Amsterdam.

1775. Europe... Faden William, ...London.
1796. Accurate Map of Europe... Carey Mathew.

39. Латышонок [1, с. 283 – 284]

> «Верующие Православной церкви принадлежат к «польской нации» также и в вооображении российских властей. Об этом свидетельствует письмо, адресованное в 1743 г. польскому облегату, великому обозному литовскому Огинскому насчет перевода епископа Иосифа Волчанского на архиепископство в «Россию» из «Беларуской епархии», «в которой он несколько лет был епископом польской нации». Россияне ходатайствуют о том, чтобы «на его место в Белую Русь» был назначен его родной брат Иероним, иеромонах монастыря в Вильне [43, с. 1].

Источник не нашел, но трактовка Латышонка мне кажется занимательной. По официальной версии, беларуская епархия предназначалась для беларусов, а тут вдруг оказывается – для поляков! Тогда почему она называется «беларуская», а не «польская»?

И другой интересный момент: если «верующие Православной церкви принадлежат к «польской нации» также и в воображении российских властей», то этот документ – просто «осиновый кол» в теорию о триединстве русского народа.

Жизнь научила меня простой истине: когда врешь, подбирай аргументы так, чтобы самому не оказаться в дураках.

39. Латышонок [1, с. 284]

> «В Католическом костеле титул «беларуского суфрагана» носили, в частности, Иосиф Жулковский, которому посвящен панегирик «[l] ustrissimo... Antonio Jozepho Zołkowski episcopo Alalejensi, suffraganeo Albae Russiae» (Вильня, 1745) и Ян Стефан Гедройц, который позже станет инфлянтским, а потом жамойтским епископом, удостоен панегириком «[l] ustrissimo... Giedrussis Giedrojć, episcopo Uranopolitano, suffraganeo Albae Russia» (Вильня, 1764) [44, с. 146, 149, примечание 16]. Последний беларуский суфраган Станислав Богуш-Сестренцевич после первого раздела Речи Посполитой prorpria auctoritatae превратился в беларуского епископа» [21, с. 84].

При этом Латышонок ссылается на Щавинскую [44, с. 146]:

> «Суфрагания «Albae Russiae» или «Albae Rusia», имевшая в католическом мире особый административный статус, основывавшийся на исторических реалиях многовековой экспансии католицизма на восток, в значительной мере определила распространение термина «беларуский» в Европе. Чести быть суфраганом «Albae Russiae» удостоивались наиболее видные католические деятели) и, как уже говорилось, титул «suffraganeo Albae Russiae» в 1772-1773 гг. оказался превращенным в «episcopo Albae Russiae».

Панегириков, на которые Щавинская ссылается, я не нашел. Но мне непонятно ее утверждение об «особом административном статусе». Такой статус всегда предполагает наличие официального документа относительно административного деления, содержащего данное наименование. А подобных документов я не встречал, и ни один исследователь на них не ссылался.

Stanisław Bohusz Siestrzencewicz, biskup malleński. Ulubieniec biskupa Massalskiego; w roku 1765 ubiegał się z ks. Zawadzkim o koadjutorję prałata Kołłątaja, ale przegrał; wszedł do kapituły w następnym roku, wyniesiony na biskupa malleńskiego w roku 1773, w parę lat wziął koadjutorję prałata dziekana, oraz kaplicę katedralną św. Karola Boromeusza i probostwo bobrujskie, które zatrzymał, zo-

— 86 —

stawszy metropolitą mohyl., po śmierci prałata dziekana biskupa Tomasza Zieńkowicza w roku 1791 posiadł dziekanję, którą trzymał do śmierci [1]).

[1]) Encyklop. kościelna, t. XIV, str. 531. Szantyr, Zbiór wiadomości o kościele etc. Poznań 1843, wyd. Stefańskiego t. II. Acta cap. XXVIII—LI.

Посмотрим второй источник, на который ссылается Латышонок – «Станислав Богуш-Сестренцевич после первого раздела Речи Посполитой propria auctoritatae превратился в беларуского епископа» [21, с. 84].

На странице 84 нет даже упоминания о Станиславе Богуш-Сестренцевиче, но таковые имеются на страницах 85 и 86. Для наглядности, представляю «скан», посвященный этому человеку. Кто нибудь видит здесь «превращение в беларуского епископа»? Я тоже не вижу. Это – очередная выдумка Латышонка.

40. Латышонок [1, с. 285–286]

«Трансформация представлений местных жителей о внутреннем региональном разделе Речи Посполитой, которая заключается в распространении понятия «русские края» на всю территорию Великого княжества за исключением Виленского и Трокского воеводств, а также Жемайтии, свидетельствует об изменениях в их сознании. Эта трансформация, по-видимому, не может быть связана только с децентрализацией власти в Великом Княжестве Литовском: в XVIII в. последняя ушла на уровень повета. Кажется, что складывающееся в то время разделение на «Литву», с одной стороны, и «русские края» или «беларуские края», с другой, может отражать подспудно процесс консолидации русского элемента в Великом Княжестве Литовском. Определяющей чертой «русскости» в этом случае могло быть скорее «русское» вероисповедание (к тому времени уже прежде всего униатское), чем язык».

После прочтения подобного пассажа у меня возникают наивные вопросы:

– как можно говорить о региональном разделении, смешивая этническую составляющую и религиозную?

– если Латышонок ставит знак равенства между понятиями «русские края» и «беларуские края», то почему «русские края» он выводит от религии, а «беларуские» – от этноса (на протяжении всей своей книги)?

* * *

Теперь я хочу внимательно «пролистать» книги еще двух-трех авторов. Думаю, что список попыток «улучшения истории» истории значительно пополнится.

Источники

1. Латышонак А. Нацыянальнасць – Беларус. 2009.
2. Белы А. Хроніка Белай Русі: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Менск, «Энцыклапедыкс», 2000.
3. ПСРЛ. Том 18.Симеоновская летопись. 1913.
4. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. Отделение 1. Том 1. 1836.
5. Martini Cromeri. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basileae, 1558.
6. Ioanne Maczinsky, Lexicon Latino Polonicum ex optimis Latinae lingue scriptoribus concinnatum. Regimonti Borussiae, 1564.
7. Martini Cromeri. Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Polonici libri duo. Colonia, 1577.
8. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi. 1846. T. I.
9. Guagnini A. Sarmatiae Europeae descriptio, quae Regnum Poloniae, Lithuaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschouiae, Tartariaeque partem comlecitur. Spirae, 1581.
10. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977.
11. Горсей Дж. Записки о Московии. XVI – начало XVII в. М., 1990.
12. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2. СПб., 1852.
13. Коялович М.О. Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношения к России и к Польше. 1865, с. 292.
14. Историко-юридические материалы, извлеченные из Актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Т. 20. 1890.
15. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо–Западной России Т. 2. Вильна, 1867.
16. Імя тваё Белая Русь / Укл. Г.М. Сагановіч/ Мінск, 1991.
17. Акты, относящиеся к истории Западной России. Том 5.
18. Мартос А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. 1990 (1966).
19. Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.
20. Соборное уложение 1621 года о крещении латинян (католиков):
Указ, как изыскивати, и о самех белорусцех, иже приходящих от Польскаго и от Литовскаго государства, в православную веру нашу греческаго закона, в державу Московскаго государства. и хотящих быти с нами вкупе християны и коих из тех белорусцев крестити достоит, или миром помазывати. и како действовати о них, еже к просвещенным християном сочетовати их. (К сожалению, нашел только в интернете).
21. Biskupstwo wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych... / Oprać. J. Kurczewski. Wilno, 1912.
22. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. 14. 1889.
23. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. III. М., 1822.
24. Грушевський М.С. Велика, Мала і Біла Русь // Украіна. Кн. 1–2. 1917. Передрук: Украінськйй історичний журнал. 1991, № 2.
25. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.Т. 3. 1861.
26. Документы эпохи Богдана Хмельницкого 1656 и 1657 гг., извлеченные из главного московского архива министерства иностранных дел. Киев. 1911.

27. Kotljarchuk A. In the shadows of Poland and Russia: the Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European crisis of the mid-17th century. 2006.
28. О.И. Галенко, Е.Е. Каминский, М.В. Кирсенко. Очерки с истории дипломатии Украины / Нариси з історії дипломатії України .2001.
29. Volumina legum. T. 5. 1860.
30. Mironowicz A. Kościoł prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2001.
31. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 8. 1875.
32. Volumina legum T. 6. 1860.
33. Полное собрание законов Российской империи 1649–1825. Т. 2. 1830.
34. Дилтей Филипп Генрих. Детской атлас. О российской империи с толкованием гербов и с родословием царствующего дома. Том 4. 1771.
35. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Часть 1. Том 5. 1873. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской Митрополии Московскому Патриархату (1620-1694 гг.). 1873.
36. Piligrim.by – официальный сайт Синодального паломнического отдела Белорусской Православной Церкви.
37. Грыгаровіч І.І. Беларуская іерархія. Мінск, 1992.
38. Роман Храпачевский. Мифы украинства: Русь, Малая Русь и Украина // Журнал «Вестник Юго-Западной Руси», № 1/2006.
39. Christophorus Hartknoch .... De republica Polonica libri duo, quorum prior Historiae Polonicae memorabiliora, posterior... Jus publicum Reipubl[icae] Polonicae, Lithvanicae... comprehendit... 1698.
40. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Часть 1. Том 4. 1871. Акты об Унии и состоянии православной церкви с половины XVII века (1648-1798). 1871.
41. Институт русской литературы «Пушкинский дом», древнехранилище. Коллекция Онацевича, VIII, 3.
42. Щавинская Л.Л. Определение «белорусский» в обиходе христианских церквей (католической, православной, униатской) на белорусско-российском пограничье до и после разделов Речи Посполитой // Studia Russica. 2005. Т. 22.
43. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 8. Акты Виленского гродского суда. 1875.
44. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. 3. Акты Брестского гродского суда. 1870.

ТРИ КЛУБА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Елена Тишевская, Дмитрий Русакевич

Историю некоторые люди отождествляют с учебниками и музеями, к которым часто добавляется эпитет «скучный». Для таких людей история умирает еще в школе. Более заинтересованные лица читают исторические романы и смотрят яркие фильмы, в которых историческая правда сочетается с художественным вымыслом в неравных пропорциях: зрелищность обычно выходит на первое место. Историческая реконструкция – один из немногих способов быть с историей на «ты».

В Беларуси, как и в других странах СНГ, историческая реконструкция довольно молодой вид «хобби», нашедший своих приверженцев среди любителей истории. В России он появился в начале 90-х годов, а в Беларуси – в их конце.

Исторической реконструкцией сегодня называют деятельность, направленную на воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников. Но, в отличие от музейной практики реконструкции, где конечный продукт занимает место в экспозиции за стеклом, здесь результаты применяются непосредственно по назначению. Скажем, вы собственноручно по образцам и технологиям того времени выковали себе доспех и в нем сражаетесь на рыцарском турнире.

Сегодня в реконструкции наибольшую популярность получили такие направления, как живая история и турниры. Живая история (по-английски *living history*) – это воссоздание повседневного быта жителей какого-либо места в определенный исторический период. Здесь важна аутентичность во всем: начиная от кроя и способа шитья костюма, заканчивая рецептами блюд, движениями в танцах, словами и мелодиями песен. «Музеи под открытым небом», где люди живут и трудятся в обстановке былых времен, ныне весьма распространены в Западной Европе. Живая история вызывает интерес как у самих участников проектов, так и у зрителей, которые могут таким образом увидеть подлинные сцены из прошлого.

Очень часто в клубы реконструкции новые люди приходят после посещения фестивалей, где помимо «живой истории» присутствует второе направление реконструкции – рыцарский турнир.

Для воспроизведения турниров требуется изучение источников по военному искусству феодальной эпохи и применение полученной информации на практике. Многое берется из подлинных источников, но что-то приходится додумывать – исходя из соображений функциональной целесообразности. В конечном результате получается зрелищное представление. Кроме того, рыцарские турниры могут быть постановочными (шоу для зрителей) и спортивными, где

участники проверяют свои силы и умения, приобретенные в результате длительных тренировок.

Наиболее популярные периоды реконструкции в Беларуси – эпоха Средних веков, война 1812 года, а также Первая и Вторая мировые войны.

Движение исторической реконструкции в любой стране связано с развитием клубов и проведением фестивалей. Точное число клубов в Беларуси трудно назвать: одни клубы возникают, другие распадаются, а их состав тоже претерпевает изменения и в количестве участников, и в направлениях реконструкции. В Минске сегодня около 50 клубов исторической реконструкции (КИР), но эта цифра все время меняется.

Некоторые клубы имеют филиалы в других городах. Внутри клубов может существовать иерархия, в той или иной степени повторяющая иерархию реконструируемого периода (скажем, структура комтурии). Члены каждого клуба имеют определённые отличительные признаки, позволяющие отличать их от других на крупных мероприятиях (щиты определённого цвета и т.д.).

Наиболее популярными фестивалями беларуской реконструкции являются «Белый Замок», «Рубон» и «Наш Грюнвальд». Самое крупное в мире мероприятие такого рода – реконструкция Грюнвальдской битвы 1410 года в Польше.

Помимо участия в фестивалях, клубы организовывают собственные закрытые мероприятия, реконструирующие посвящения, пиры и балы. Членов КИРов иногда приглашают для участия в съёмках исторических фильмов или клипов (примеры – фильмы «Анастасия Слуцкая», «1612 год» и другие).

В России реконструкция уже имеет свой рынок услуг, где все можно купить и продать. В Беларуси подобный бизнес еще не сформировался, поэтому члены КИРов самостоятельно воссоздают костюмы и доспехи, жилища, посуду, музыкальные инструменты и прочее.

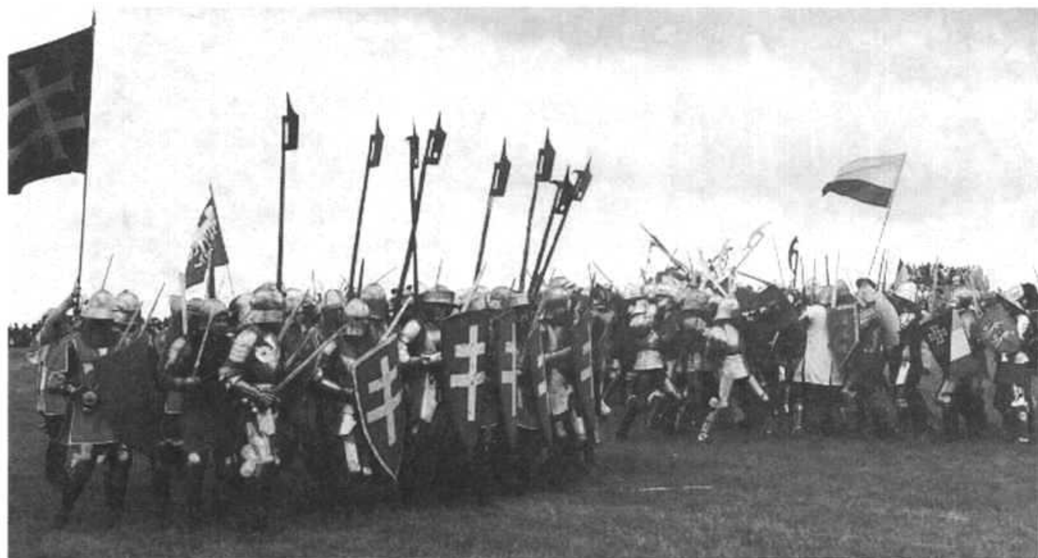
В данной статье мы расскажем о клубах, реконструирующих Великое Княжество Литовское и Речь Посполитую.

***

Военно-исторический клуб «Княжий Гуф» сегодня является «старожилом» – его днем рождения считается 11 мая 1999 года. Более того, «Княжий Гуф» возник именно с целью реконструкции военного дела, культуры и быта Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского периода XIV–XV веков. Рассказывает бессменный руководитель клуба князь Федор (Федор Михеев):

> «В то время стали появляться первые военно-исторические клубы, но регионом своей реконструкции они выбирали либо земли викингов, либо Средневековую Европу периода крестовых походов. А Литву реконструировать мало кто хотел. Правда, в 1996 году студенты исторического факультета БГУ организовали клуб «Калюмны» («Колонны», по названию герба великого князя Витовта. – *Прим. ред.*). К сожалению, в своем первоначальном составе он долго не существовал – ребята разъехались по разным городам после окончания учебы.
>
> В моем же представлении клуб должен действовать постоянно и при этом развиваться. А для этого нужно постоянно работать: изготавливать доспехи, утварь, шить одежду того времени, много читать. У Арины Вечерко получались очень содержательные встречи, но люди здесь ничего не мастерили. А студенты после окончания учебы не смогли вновь собраться.

Тогда я и мой друг решили изготовить латный доспех середины XV века, характерный для территории Великого Княжества, ведь это время считается «золотым веком» ВКЛ. Предполагал, что быстро найду много единомышленников, которых интересует не чужая история, а своя собственная. К моменту создания клуба в нем было 5 человек, а наибольшее число членов «Княжего гуфа» доходило до 80».

Княжий Гуф на Грюнвальдском поле

Название клуба имеет историческую основу. Оно происходит от старонемецкого слова «hauf» и означает конный отряд рыцарей, построенный клином (свиньёй). Такое название военного подразделения широко использовалось в средневековой Польше и Великом Княжестве Литовском.

Члены клуба сами изготавливали доспехи и вооружение для инсценировки военных действий. К примеру, первые метательные машины в нашей стране сделали члены клуба «Княжий Гуф». А мастера по изготовлению доспехов из этого клуба сегодня считаются самыми компетентными и умелыми. Клубу удалось устроить выставки доспехов и оружия «Рыцары Вялікага Княства», которые проходили в Национальном музее истории Беларуси в Минске, а также в Заславле, Молодечно, Мире.

Основатель и руководитель клуба «Княжий Гуф» Федор Михеев (князь Федор) с польским актером Михалом Жебровским (слева)

Клуб «Княжий Гуф» на съемках клипа «Князь Витовт»

Но развитие внутри клуба – это только часть успеха. Свои достижения клубу необходимо показывать на различных фестивалях, а также организовывать собственные мероприятия.

В 2000 году «Княжий Гуф» выступил инициатором создания Конфедерации рыцарских клубов «Рыцары Вялікага Княства», которая была учреждена осенью того же года. В том же году представители клуба «Княжий гуф» были членами оргкомитета фестиваля «Наваградскі Замак».

В 2001–2002 гг. конфедерация при поддержке местных властей организовала и провела фестиваль «Заслаўскі Набат»,

В 2003 году члены клуба впервые в Беларуси провели фестиваль «Рубеж» по стрельбе из традиционного лука и проводили его на протяжении еще нескольких лет. В 2005 году в Лиде совместно с городской администрацией «Княжий гуф» провел фестиваль «Замок Гедимина», с той целью, чтобы привлечь внимание общественности к проблеме разрушения Лидского замка. В разговоре с нами князь Федор недоумевает:

> «Замок разрушался, сюда выбрасывали мусор. А местные власти поставили вокруг замка лишь заборчик. К фестивалю мы нивелировали местность, построили башню, разработали бренд. В итоге в нашем фестивале приняли участие клубы из Польши, Украины и России. Но наших начинаний не оценили – фестиваль был закрыт, и больше не проводился. Подобная участь, кстати, постигла и «Заслаўскі Набат».

За время своего существования клуб «Княжий гуф» принимал участие в десятках исторических фестивалей в Беларуси и за ее пределами. Члены клуба снимались в художественных, рекламных и научно-популярных фильмах. Га-

строли средневекового театра и танцевального коллектива, – это лишь некоторые сферы деятельности клуба.

Клуб «Княжий Гуф» дал возможность многим людям найти себя в реконструкции. Олег Лаврентьев (Любарт) сегодня является руководителем Гильдии лучников Беларуси. Юлия Алькевич (пани Бася) знакома участникам конкурсов костюмов на фестивалях исторической реконструкции как компетентный эксперт в области моды.

Сегодня конфедерация «Рыцары Вялікага Княства» объединяет свыше 10 военно-исторических клубов, реконструирующих эпоху ВКЛ, танцевальный и музыкальный коллективы, а также конно-спортивный клуб. Конфедерация координирует совместные действия своих членов на республиканском и международном уровне, защищает их права, способствует повышению престижа отечественной истории в обществе. Отметим, что конфедерация является неполитической и некоммерческой организацией, ее клубам запрещается принимать участие в политических акциях и мероприятиях.

* * *

Ещё один беларуский военно-исторический клуб называется «Чорныя драбы». Он занимается реконструкцией эпохи ВКЛ XIV–XV веков. «Драб» – это пеший воин, вооружённый помимо холодного оружия еще и огнестрельным (рушница). Таким образом, это тяжёлый пехотинец Великого Княжества Литовского, а позже и Речи Посполитой, выставлявшийся шляхтой в посполитое рушение (ополчение).

Небольшой, но дружный клуб сформировался в июле 1998 года на базе Беларуского Рыцарского Клуба (БРК), который возглавляла Арина Вечорко (1961–2012), рано ушедшая из жизни.

На основе клуба БРК, изначально занимавшегося ВКЛ периода XIII–XV веков, возникла целая плеяда беларуских ВИК (военно-исторических клубов): «Чорныя драбы», «Снежные Барсы», «Великое Княжество», «Калюмны», «Алтын Тумен» и другие.

Первым руководителем «Чорных драбов» был Кирилл Якимович («пан Кирилл»), делавший упор не на количестве, а на «качестве» бойцов. Численный состав за всю ис-

В центре — Арина Вечорка

Черные Драбы во всеоружии

Первый руководитель клуба «Черные Драбы»
Кирилл Якимович (пан Кирилл) с братом

Слева — Дмитрий и Вика

торию клуба не превышал 20 человек, большинство из которых парни – бойцы клуба. И это не просто слова: воины клуба сориентированы на бугуртные (групповые) сражения, где упор делается на командную работу, выносливость и волю. Одной силой всех своих противников не одолеешь!

Не обделены бойцы и благородством: часто выходят сражаться за более слабый строй бойцов в бугурте. Бойцы клуба не раз побеждали в пеших турнирах, метании топора, стрельбе из арбалета.

К сожалению, сейчас клуб «Чорные Драбы» переживает не самые лучшие времена: за последние пять лет его покинуло около трети состава, в том числе первый руководитель клуба К. Якимович, который сейчас вместе с женой и братом проживает в Чехии.

Ныне старожилами клуба являются Бровар (Андрей Пантелеев), который в клубе с 1998 года, Белый (Александр Журавский) – с 1999 года, и Гера (Дмитрий Герасимов) – с 2004.

Кстати говоря, эти молодые люди женились на девушках из клуба – Кате, Любе и Вике соответственно. Мужья превратили своё увлечение в дополнительный заработок для семьи, изготавливая доспехи на заказ. Свадьба Дмитрия и Вики состоялась 24 июля 2010 года в костюмах ВКЛ XIV века.

Ещё один «потомок» Беларуского Рыцарского Клуба – военно-исторический клуб «Алтын Тумен». Он был основан в 2001 году, занимается реконструкцией военного дела и быта татар, служивших Великому Князю Литовскому, и Золотой Орды конца XIV – начала XV веков. Численный состав варьирует от 15 до 25 человек. Свыше половины – лица мужского пола. Большинство членов клуба «Алтын Тумен» это студенты и выпускники исторического факультета БГУ.

Воины клуба «Алтын Тумен»

Со времён князя Гедимина именно конные татары во всех сражениях исполняли роль авангарда войска ВКЛ благодаря своему мастерству в верховой езде, стрельбе из лука, а также умению применять «паганскую» (языческую) тактику войны. Такая тактика предполагает выманивание войска противника путём сочетания атаки и ложного отступления, что было успешно использовано войском Великого Княжества Литовского во время Грюнвальдской битвы 16 июля 1410 года.

При князе Витовте Великое Княжество получило солидное подкрепление от татар в количестве 30 тысяч человек. Тогда хан Тохтамыш не смог удержать власть в Орде и ушел в Литву на том условии, что он сам и все мужчины-татары при любом военном конфликте будут воевать за ВКЛ. Беларуские города Лида, Ивье и Ивацевичи с окрестностями стали местами постоянного проживания татар на территории ВКЛ.

Основатель и руководитель клуба – Александр Буранко (клубное имя Хакимбек Джалаир, исторический прототип – сотник в войске Тохтамыша).

Аная и ее друзья демонстрируют старинный прием стрельбы из лука

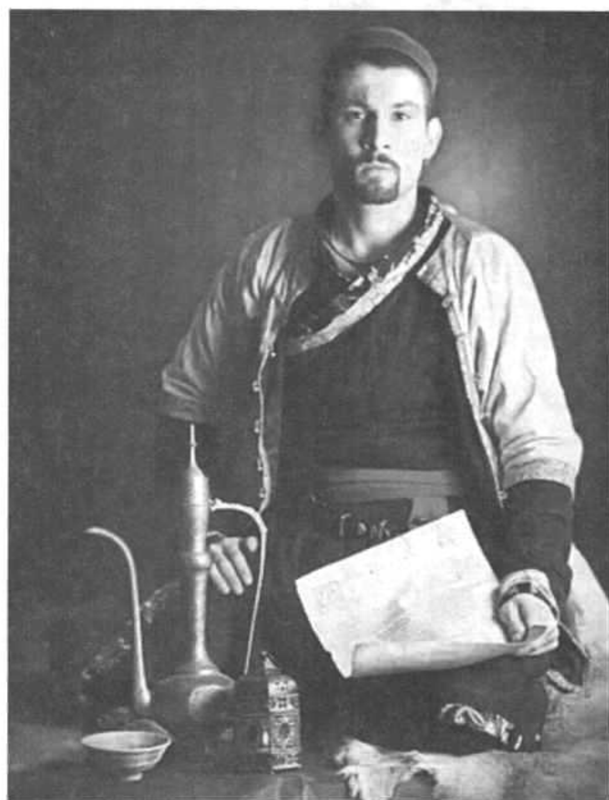
Старожил клуба – Сергей Менченя (клубное имя Барлас), который пришёл в «Алтын Тумен» в 2002 году и фактически является заместителем руководителя. Ныне после окончания исторического факультета БГУ он работает преподавателем в одном из минских вузов. Утверждает, что за 10 лет занятий реконструкцией она из хобби стала неотъемлемой частью его жизни. Барлас реконструирует десятника (командира десятка воинов) Золотой Орды. В переводе с тюркского слово «барлас» означает «обнажённый клинок», таково название одного из тюркских племен, выходцем из которого был сам Тамерлан*.

Лучшим бойцом клуба можно назвать выносливого, сильного и быстрого Джагатая (Дмитрия Зимноху), отлично зарекомендовавшего себя в бугуртах.

Члены клуба регулярно устраивают походы в экстремальных условиях (зимой, переходы на дальние расстояния, с добычей пропитания и воды).

В клубе есть своя «литовско-татарская» семья – Тимофей и Керман (Тимофей и Екатерина Хрол). Украшения, изготовленные Керман, хорошо известны представительницам прекрасного пола в клубах реконструкции.

Члены клуба в индивидуальных соревнованиях отличились в стрельбе из лука, которым владеют практически все. Мужская часть клуба активно участвует в командных сражениях, проводит исторические «походы» совместно с другими клубами, продолжающиеся 2–4 дня.

Александр Буранко (Хакимбек Джебраил)

В целом, клуб «Алтын Тумен» отличается дружелюбной «внешней политикой» и поддерживает тесные отношения с беларускими клубами. В частности, вместе с клубами «Корона Запада», «Вялікае княства» и «Менская хоругва» он входит в объединение «Священный Альянс». Члены объединения на фестивалях проживают в одном лагере, ведут совместное хозяйство, готовят пищу, охраняют лагерь. Если есть возможность – воюют в одном строю.

Есть в клубе и мастерица-рукодельница Адьян (Анна Шукшина), ранее состоявшая в «Княжем Гуфе». Она занимается костюмами, вышивкой и

* Тимур, на европейский манер Тамерлан (1336–1405) – великий завоеватель. В 1370 году создал свое государство со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершал походы в Иран (Персию), Закавказье, Малую Азию (Турцию), Индию, Китай. – *Прим. ред.*

украшением одежды клуба. К своим знаниям литовской и европейской моды XII–XV веков добавила еще и татарскую.

* * *

В завершение надо сказать о том, что клубов, занимающихся реконструкцией родной истории у нас значительно меньше тех, которые реконструируют Западную Европу. Видимо, это связано с тем, что в Беларуси, а тем более за рубежом, нет ни одного фестиваля, который собирал бы людей, занимающихся воссозданием эпохи Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

Знатные дамы ВКЛ

А ведь каждый клуб хочет показать себя не только у себя дома, но и в гостях. Сегодня это проще сделать, если реконструируется, скажем, эпоха крестовых походов или эпоха Наполеона. Отсутствие фестивалей по реконструкции ВКЛ и Речи Посполитой приводит к тому, что на сборных фестивалях, где представлены самые разные периоды и регионы, наша молодежь чаще видит «чужую» историю, чем свою собственную.

Эту проблему невозможно решить силами лишь одних реконструкторов. Нужно, чтобы клубы исторической реконструкции поддерживало государство как, например, в Чехии. Поэтому реконструкция находится там на очень высоком уровне. В результате ежегодно на фестивали в Чехию приезжает множество участников и зрителей со всего мира. Так реконструкция приносит немалый доход в государственную казну страны.

В Беларуси туризм сегодня активно развивается. Но ведь и у нас есть клубы исторической реконструкции! А еще в нашей стране имеется много замков и дворцово-парковых комплексов, которые сегодня восстанавливаются. Поэтому развитие национальной реконструкции и поддержка ее государством помогут возрождению исторического прошлого, скрывающего множество легендарных событий. В конечном итоге, реконструкция поможет воспитывать патриотизм, которого так не хватает нашей современной молодежи.

«СНАЧАЛА ИДЕЯ, ПОТОМ — МОВА»

Институт беларуской истории и культуры (ИБИК) существует свыше пяти лет, но только 28 марта этого года он получил официальную регистрацию в качестве общественного объединения. Этому событию была посвящена презентация, состоявшаяся 29 мая в одном из помещений минского ресторана «Камяніца».

«Мы работаем уже давно: издаем книги в серии «Неизвестная история» и исторический альманах «Деды», организуем лекционные курсы для общественности, создали свой сайт в Интернете», – пояснил на презентации директор института Виктор Евмененко.

«Но жизнь показала, что надо объединить все наши проекты под единым руководством. Отныне мы будем действовать официально. Хотя институт зарегистрирован в Риге, наша деятельность осуществляется в основном в Беларуси».

«Мы хорошо понимаем, что без истории нет будущего, потому призываем всех беларусов изучать свою историю и культуру», – говорит Евмененко. Он – магистр экономики, работает менеджером, а институт возглавил потому, что интересуется историей и чувствует, что способен взять на себя решение организационных вопросов. «Беларуской культуре до сих пор недостает менеджеров», – говорит директор ИБИК.

По словам Евмененко, необходимость создания института вызвана самим временем. «Наше молодое государство существует уже более 20 лет, – напомнил он. – За эти годы мы стали жить богаче, стали более образованными, европеизированными. Но до сих пор в своем большинстве не знаем собственной истории, не знаем, откуда мы родом, почему мы такие, какие есть. А если и пытаемся узнать, то чаще всего наши знания представляют собой ворох «отрывков из обрывков». Вот мы и хотим выстроить систему исторических и культурологических знаний, утвердить пробеларуский взгляд на беларускую историю, показать, что мы – сильная нация, что наше государство имеет прочный фундамент – славную многовековую историю».

«К сожалению, сегодня беларусы из исторических деятелей вспоминают в первую очередь персонажей восточных соседей – Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Екатерину Вторую, Иосифа Сталина, а что касается своих знаменитых предков, то кроме Франциска Скорины, Янки Купалы и Якуба Коласа ни о ком больше не слышали», – дополнил директора ученый секретарь института, профессор Анатоль Тарас.

По мнению А. Тараса, пропагандировать беларускую идею в нынешних условиях следует в первую очередь на русском языке. В учрежденной им серии «Неизвестная история» уже увидели свет 28 книг, из них 7 на беларуском языке, а 21 – на русском. Это «История имперских отношений» о взаимоотношениях беларусов и русских, «Анатомия ненависти» о русско-польских отношениях, «Ин-

По материалам Сергея Будкина (проект «Будьзма беларусамі!»), Анастасии Зеленковой (газета «Салідарнасць») и Марата Горевого (газета «Новы час»)

Журналисты и гости на презентации Института беларуской истории и культуры
29 мая 2012 года в малом зале ресторана «Камяніца»

Директор института Виктор Евмененко (слева) и ученый секретарь Анатоль Тарас

теллектуальная история беларуского национализма», «Грюнвальд» и ряд других. Новейшие издания – документальная повесть Франтишека Олехновича «В когтях ГПУ» и книга «1812 год – трагедия Беларуси». Готовятся к печати книги о Льве Сапеге, о создании БНР, о современной ситуации с беларуским языком.

«В цифру 37 % граждан, якобы владеющих «мовой» (по переписи 2009 года) я не верю и убежден, что по-беларуски читают, а самое главное – говорят и думают не более 10 % жителей Беларуси», – говорит Анатоль Тарас. По его мнению, традиционный этнический национализм, ставивший своей главной задачей повсеместное введение беларуского языка, потерпел полное поражение. Принцип «будзе мова – будзе усё» давно не работает.

Французский историк XIX века Жозеф Эрнест Ренан утверждал, что нация – это не общая вера, не общий язык и даже не общая кровь. Нация – это общая судьба. Поэтому тот, кто отождествляет себя с Беларусью, с судьбой этой страны, с ее проблемами и достижениями, тот и есть беларус. Именно это – критерий.

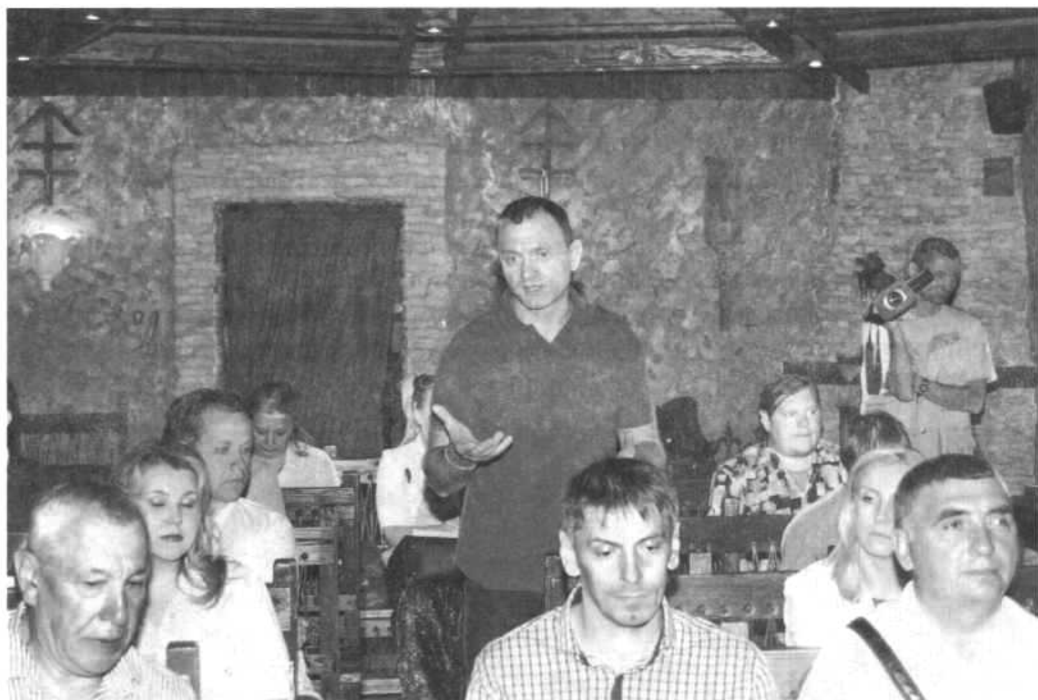
Беларуский писатель Ян Максимюк из Белостока в июле текущего года заявил в ходе дискуссии на портале ТутБай почти то же самое.

> «В начале 90-х годов мне казалось, что беларусизация Беларуси вполне возможна, что если не всю, то хотя бы преобладающую часть жизни в стране можно перевести на беларуский язык. Сейчас у меня нет иллюзий. Я был бы счастлив, если бы на беларуский язык удалось перевести хотя бы 20 % жизни общества. Но для того, чтобы такая перспектива возникла, беларускоязычная часть интеллигенции должна выйти из того гетто, в которое она сама себя поместила.
>
> Когда мне говорят, что у беларускоязычных и русскоязычных граждан Беларуси нет общего языка, я отвечаю: «У них есть общая историческая судьба. Именно беларусы решают судьбу своей страны, независимо от того, говорят они по-русски, на трасянке или по-беларуски».

Верующие люди в нашей стране тоже расколоты на несколько конфессий. Это и православные, и католики, и баптисты, и сектанты. Значит, для формирования национального самосознания граждан Беларуси остается только один путь – пропаганда тысячелетней истории Отечества, чтобы люди могли почувствовать себя наследниками предыдущих поколений. Надо довести до них правду о наших предках, создавших Полоцкое, Туровское и Смоленское княжества, создавших Великое Княжество Литовское и Русское, одержавших выдающиеся победы на Синей Воде, при Грюнвальде и Орше. И я не вижу парадокса в том, чтобы продвигать беларускую историю по-русски. Сначала идея, потом язык», – сказал профессор.

«Без развитого национального самосознания никакие высокие идеи не будут восприняты. Именно поэтому сегодня слышат только тех, кто обещает колбасу. А мы хотим дать людям идею. Мы хотим на историческом материале убедить их в том, что идея важнее колбасы. Хотим убедить в абсолютной несомненности библейской истины: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Словом!»

По его прогнозу, понадобится еще 15–20 лет чтобы «перезагрузить» беларусов в этом направлении. Вот для чего нужен институт. И не только он.

Выступает Алесь Степаненко

Выступает Анатоль Тарас

«С целью объединения людей, у которых горит душа за отечественную историю, мы планируем создать Общество аматоров беларускай истории имени Вацлава Ластовского», – сказал Виктор Евмененко.

«Цели его деятельности во многом будут перекликаться с целями нашего института, – подчеркнул директор. – Через него мы хотим связать регионы страны, всех людей, интересующихся краеведением, историей нашей страны и нашего народа.

А формы деятельности Общества таковы: научно-практические конференции в регионах, издание сборников статей, мобилизация общественности на восстановление памятников беларуской истории и культуры, награждение людей, внесших существенный вклад в дело изучения и пропаганды истории Отечества».

Директор ИБИК Виктор Евмененко (слева) и руководитель проекта Андрей Поротников на переговорах с представителем Евросоюза Ириной Шумской

* * *

Информационный сайт ИБИК: http://inbelhist.org

Электронная почта: inbelhist@gmail.com

Почтовый адрес: А.Е. Тарас (для ИБИК), а/я-137, Минск-131

МАЛЕНЬКИЙ ЮБИЛЕЙ: 10 ВЫПУСКОВ АЛЬМАНАХА «ДЕДЫ»

Анатоль Тарас

Как быстро летит время! Кажется, всего пару месяцев назад я взял в руки первый выпуск «Дедов», пахнущий свежей типографской краской. Но в действительности с того дня – 13 мая 2009 – уже прошло три года. И вот в июле 2012 сдаю в печать десятый выпуск.

Что ж, можно подвести некоторые итоги. Десять выпусков альманаха – 193 материала свыше ста авторов. Это 2096 страниц, посвященных истории нашего Отечества. И это 1170 иллюстраций. В сумме – очень солидный том большого формата.

Первоначальная идея дайджеста – перепечатывать собранные отовсюду наиболее интересные материалы – себя не оправдала. Треть опубликованных статей была написана специально для «Дедов». Все остальное дано в переводе на русский язык, в новой редакции, нередко с сокращениями или дополнениями. По сути дела, это тоже новые материалы.

Тираж, начиная с 5-го выпуска, устойчиво держится на уровне тысячи экземпляров. Благодаря издательству «Харвест» альманах распространяется во всех регионах Беларуси.

Ниже приведены авторы и названия опубликованных материалов. В отличие от самих выпусков, здесь они указаны в алфавитном порядке фамилий. В скобках отмечены даты выхода из печати.

Выпуск 1 (13.05.2009) – 144 с., 12 мат., 22 ил.

Грицанов Александр. Имперский дискурс России как основа для национализма постсоветских государств

Грицкевич Анатолий. Станислав Булак-Балахович – забытый герой

Деружинский Вадим. Потери беларусов: печальная демография

Если бы БНР дожила до 2008 года /цикл интервью/

Историческая трилогия о Беларуси /рецензии и интервью/

Климов Игорь. Беларусизация 1920-х годов в документах

Ляльков Игорь. Настроения населения БССР перед войной

Тарас Анатоль. Беларуский диссидент /о Кукобаке/

Тарас Валентин. Расстрельная статья (очерк)

Трусов Олег. Янка Купала и независимость Беларуси

Хомич Сергей. Как менялись границы Беларуси в XX веке

Шибеко Захар. Проблемы становления современной беларуской нации

Выпуск 2 (25.09.2009) – 200 с., 17 мат., 72 ил.

Белый Алесь. Как разграничить Литву и Русь?
Деружинский Вадим. Литва-Беларусь и Жмудь-Летува (ответ Лауринавичюсу)
Лауринавичюс Йонас. Литва и Беларусь
Лятьков Игорь. Государственная символика Беларуси
Маль Кирилл. Война 1920 года, освобождение или оккупация Беларуси?
Мнения читателей о дайджесте
Петров Максим. Кровавый пласт истории
Петров Максим. О толерантности беларусов
Смоленчук Алесь. Красная звезда, белый орел (о книге Д. Нормана)
Стужинская Нина. Атаман Грач: в тени «Зеленого дуба»
Тарас Анатоль. Схватка хищников за Беларусь /Рецензия на книгу А.П. Грицкевича/
Тарасов Константин. Литвины на Синей Воде
Татаренко Алесь. Отобрать и присвоить! Западная Беларусь, 1939 – 1941
Тимошенко Валентин. Битва на Синей Воде
Трусов Олег. Государства наших предков
Трусов Олег. Средняя Литва
Чернявская Юлия. Долгий путь к себе

Выпуск 3 (5.03.2010) – 200 с., 17 мат., 110 ил.

Акара Андрей. «Северо-Западный край» или «крэсы всходни»?
Белый Алесь. Земля Фердинанда Рущица
Булгаков Валерий. Война без цензуры
Великий Анатоль. КПБ и национальный вопрос
Гордиенко Олег. Несгибаемый беларус: Николай Николаевич Улащик
Гриневич Владислав. Миф войны и война мифов
Деружинский Вадим. Современные мифы западнорусизма
Захаревич Сергей. Горела ли земля под ногами оккупантов?
Карасев Анатолий, Глушаков Юрий. Акт отчаяния, а не «кулацкий мятеж»
Матох Василий. Эвакуация ...на тот свет
Портнов Андрей. Советизация исторической науки в Украине и Беларуси
Протько Татьяна. Достижения соцстроительства в зеркале спецслужб
Романова Ирина. Издержки небывалых успехов
Смиловицкий Леонид. Судьба семьи из Речицы
Станишевский Вячеслав. Весь род – жертвы репрессий
Тарас Анатоль. Бона Сфорца и конференция
Тарас Анатоль. 100 лет Красного костёла

Выпуск 4 (1.10.2010) – 200 с., 18 мат., 98 ил.

Бернат Михаил. Битва на Полонке
Ванькович Мельхиор. Любовник Большой Медведицы
Вашкевич Юрий. Беларусы в польских мемуарах

Участники презентации очередного выпуска альманаха «Деды»

Великий Анатоль. КПБ: методы идеологического подавления
Гриданов Александр. От «тутэйшых» – к людям, и обратно
Гриданов Александр. Беларуская правда спустя шесть веков
Грудина Александр. Пасху праздновать будем!
Гужаловский Александр. Политический контроль радиовещания в БССР
Ластовский Вацлав. Что должен знать каждый беларус
Матох Василий. Цензура в БССР
Марчук Нина. Два героя одного времени
Орлов Владимир. Кто такой Сергей Пясецкий?
Петров Максим. «Белорусский Чапаев»
Петров Максим. Литвины в московской смуте XVII века
Петров Максим. Хлопцы против «глушилки»
Радик Ришард. Поляки – беларусы: взаимные стереотипы в XIX–XX вв.
Тарас Анатоль. Герой и люди вокруг: Федор Крылович
Тарас Анатоль. Сентябрь 1939: освобождение или порабощение?

Выпуск 5 (21.12.2010) – 200 с., 17 мат., 116 ил.

Буровский Андрей. Тайна евреев ашкенази
Великий Анатоль. Разгром еврейской номенклатуры («Еврейский вопрос» в БССР в 40–50-е гг.)

Участники семинара по актуальным вопросам беларуской истории, организованного редакцией альманах «Деды» (весна 2011 г.)

Горошко Лев. Судьба епископа – судьба церкви
Грицанов Александр. Назад в будущее
Давыдовский Владимир. Голодомор в Беларуси
Кому принадлежит наследие ВКЛ? (дискуссия)
Курков Илья. Беларуские женщины в «эпоху коллективизации»
Курков Илья. Евреи в БССР: иллюзии и надежды
Лазакович Альберт. Смерть Машерова: несчастный случай или убийство?
Макаревич Виталий. «Антиразбор» шляхты: подделка дворянских документов в XIX веке
Матлаш Иван. В когтях советского «правосудия»
Петров Максим. 1948 год: убийство в Минске
Пятчиц Андрей. «Торжество православия» в Беларуси: имперский вариант
Романова Ирина. Народная молва о власти большевиков (на примере 1930-х гг.)
Сулима-Каминский Андрей. Столкновение Запада и Востока на беларуской земле
Тарас Анатоль. Гений артиллерии: Казимир Семенович
Тарас Анатоль. Граф Валицкий – игрок и филантроп

Выпуск 6 (19.04.2011) – 336 с., 27 мат., 201 ил.

Вашкевич Андрей. За что боролся Калиновский?
Вашкевич Андрей, Чернякевич Андрей. 25 марта: истоки национального праздника

Грицанов Александр. Зрячие – для слепых: беларуская оптимистическая трагедия
Дайлидов Алексей, Костян Кирилл. Тайна Нанадая, Телявеля и Дивирикса
Дермант Алексей, Санько Сергей. Этногенез беларусов: лингвистический аспект
Деружинский Вадим. Так балты или славяне?
Жлутко Алесь. Раннее христианство в Беларуси: пути проникновения, центры христианизации, миссионеры
Издательский проект «Неизвестная история» /АЕТ/
Ильин Александр. «Повесть временных лет» и вопросы этногенеза беларусов
Кардаш Федор. Забытая правда жизни
Ковш Геннадий. Истоки Литвы
Беларусы – балты или славяне? (отчет о конференции)
Ліст да рэдакцыі
Лишик Игорь. Каркасная лодка древних жителей Беларуси
Новиков Егор. Конспект истории кривичей
Новициан Георгий. Рогволод, который прішелъ «и-заморья»
Ободовский Денис. Каменная царевна-лягушка
Памяти Александра Грицанова
Семенчук Геннадий. Всеслав Брачиславич, князь Полоцкий
Ситько Здислав. Что такое «литва»?
Скуратович Константин. Коммунизм, фашизм и нацизм – близнецы

Профессор Анатоль Тарас на презентации «Дедов»

Стужинская Нина. Возмущение на почве разрушения

Тарас Анатоль. Кит науки: страницы жизни одного беларуса

Тарас Анатоль. Какой национальности был Илья Муромец?

Тарасов Сергей. Средневековый беларуский город как фактор этногенеза

Титов Виктор. Этническая ситуация на территории Беларуси в железном веке

Туронок Юрий. Нежеланная республика

Выпуск 7 (26.09.2011) – 256 с., 15 мат., 144 ил.

Гелогаев Александр. Беларуские вооруженные формирования в Генеральном округе «Беларусь» в 1941–44 гг.

Данилов Иван. Что делали чекисты в беларуских деревнях

Захаревич Сергей. «Мы за ценой не постоим»: об операции «Багратион»

Ковтун Иван. Беларусы на службе в «СС»

Косим Славомир. Разгром «непобедимой»: Беларусь, лето 1941 года

Матох Василий. Беларуские диверсанты Абвера

Петров Максим. Беларуские «лесные братья»

Петров Максим. Герои или убийцы? Террор Армии Краёвой против беларусов

Петров Максим. Дивизия имени Кастуся Калиновского

Петров Максим. Лесные евреи

Петров Максим. Польский центр перевоспитания туземцев

Тарас Анатоль. Антикоммунистическое молодежное подполье в БССР. 1944–51 гг.

Туронок Юрий. «Каждый четвертый» и Куропаты

Туронок Юрий. Кто убил Франтишека Олехновича?

Туронок Юрий. Фабиан Акинчиц – предводитель беларуских нацистов

Выпуск 8 (6.01.2012) – 280 с., 22 мат., 140 ил.

Антипенко Алесь. Как беларусы едят

Антропов Николай, Боганева Елена, Володина Татьяна. Этноконфессиональные стереотипы в современной беларуской деревне

Бразгунов Алесь. Колизей и национальный «хутор»

Васюченко Петр. Сервилизм в беларуской советской литературе

Гатальская Ксения. Самоубийства в Беларуси в начале XX века

Гребень Наталия, Дубенецкий Эдуард. Толерантность беларусов сквозь призму национальной культуры

Дынько Андрей. Новейшая история ятвягов

Зыль Надежда. Украденное великанье

Кавка Алексей. Краткая история беларуского национально-освободительного движения

Кошелев Виталий. Патология беларуского менталитета

Ляндра Виктория. О беларуском языке

Мельников Игорь. «Катынский список»: беларуские страницы

Михнюк Владимир. Двадцать восемь лет за одно стихотворение

Профессор Анатоль Тарас, учредитель и редактор альманаха «Деды»

Выпуск 9 (2012) – 280 с., 24 мат., 145 ил.

Очередная видеолекция профессора А.Е. Тараса
из цикла «История Беларуси с древнейших времен до наших дней»

Зайковский Эдвард. Культ быка у предков беларусов

Киштымов Андрей, Тарасов Сергей. Хождение за три моря: опыт исторического моделирования

Новиков Егор. Политические предпосылки возникновения ВКЛ: необходимость нового взгляда

Остапенко Анатоль. Православная церковь в Великом Княжестве Литовском XIII–XVI вв.

Петров Максим. Гражданская война Свидригайло

Полехов Сергей. Князь Свидригайло и его авантюры

Почкаев Ростислав. Миф о союзе Мамая с Литвой

Свежинский Владимир. Балты и балтские диалекты в Древней Беларуси

Свежинский Владимир. Языковая ситуация в ВКЛ при Ягеллонах

Ситько Дмитрий. По следам литвы

Сливкин Валерий. Где находилось Дайновское княжество?

Соболева Л.П. Софья Гольшанская: мифы и реальные факты

Тарас Анатоль. О роли ВКЛ в формировании беларуского этноса

Тарас Анатоль. Князь Тур: легенда или реальность?

Тарас Анатоль. Отчет о конференции

Тарасов Сергей. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского

Темушев Виктор. Литовско-московская граница в 1368 г.

Титов Виктор. Отражение этносоциальной ситуации в зеркале Статутов ВКЛ

Урбан Вильям. Витень и тевтонцы

Шелехов Михаил. Забытое княжество Городецкое

Выпуск 10 (2012) 280 с., 24 материала

Акиншевич Лев. Цивилизационные основы беларуского исторического процесса

Антипов Владимир. Был ли сведущ Петр из Дусбурга в делах Литвы?

Белый Алесь. Долгая смерть славянской Литвы

Бурьяк Александр. Творить Беларусь!

Витьбич Юрий. Гомельское восстание (Стрекопытовский мятеж в марте 1919 г.)

Волков Владимир. Московско-литовская война 1507–1508 гг.

Зубко Ольга. Отношение беларуской политической эмиграции к Рижскому миру (1921–1929 гг.)

Каштелян Ирина. Голод в БССР в 1946–47 гг. и репрессивная политика советской власти

Каштелян Ирина. Коллективизация деревни в Западной Беларуси (1949–1952 гг.)

Митин Михаил. Как некоторые историки «исправляют историю»

Николюк Сергей. Историческая динамика расколотого общества

Пануцевич Вацлав. О началах христианства на наших землях

Петров Максим. Головчинское сражение (1708 г.)

Саганович Геннадий. «Русь» в войне с Немецким орденом (конец XIII – начало XV вв.)

Слешинский Войцех. Беларуские партизаны на «крэсах всходних»

Снайдер Тимоти. Как возникали нации в Восточной Европе

Сначала идея – потом мова /об Институте беларуской истории и культуры/

Тарас Анатоль. Война Речи Посполитой со Швецией в 1600–1609 гг. и победы гетмана Ходкевича

Тарас Анатоль. Беларуская крестьянка на российском троне

Тарас Анатоль. Маленький юбилей: 10 выпусков альманаха «Деды»

Терешкович Павел. Русские в Беларуси: постинтернационалистская рефлексия

Тишевская Елена, Русакевич Дмитрий. Три клуба исторической реконструкции

Чернякевич Андрей. Польша и идея беларуской государственности в период польско-советской войны 1919–20 гг.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 10

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 14.08.2012.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1800

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

ПРИГЛАШАЕМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ

«Проблемы формирования национальной идеологии в Беларуси»

Как известно, основу системы советской идеологии составляли следующие тезисы:

— Власть в СССР принадлежит советам депутатов разных уровней (всесоюзного, республиканского, областного, районного или городского), избираемых народом;
— Советская выборная система – самая демократическая и справедливая в мире;
— Советы депутатов выражают интересы всех классов, социальных и профессиональных групп общества;
— Советская власть выражает интересы всех народов и народностей СССР;
— Власть советов поддерживают все слои общества;
— Ведущую и направляющую роль во всех сферах государственной и общественной жизни (в том числе в советах всех уровней) играет коммунистическая партия;
— Во всех сферах своей деятельности компартия руководствуется «строго научной» теорией, разработанной Марксом – Энгельсом – Лениным – Сталиным;
— Граждане СССР беспредельно любят компартию и свое государство;
— Советские граждане испытывают чувство ненависти к врагам советской власти и коммунистической партии;
— Народы СССР обладают морально-политическим единством;
— Русский народ занимает ведущее место в семье народов СССР;
— Советская культура и искусство по содержанию являются коммунистическими, по форме – национальными;
— СССР – самая передовая страна в мире во всех сферах жизни;

Даже простое перечисление этих тезисов показывает, что они остались далеко позади. А что пришло на смену им? И пришло ли? Именно об этом пойдет речь на конференции.

Вопросы для обсуждения

1. Состояние беларуской идеологии на современном этапе
2. Кто и как должен формировать идеологию (о роли государственных и общественных деятелей)
3. Национально ориентированная историография – база для формирования беларуской идеологии
4. Формы и методы пропаганды гражданам основ беларуской идеологии.

Конференция состоится в Минске во второй половине октября 2012 года

Доклады участников будут заранее размещены на сайте Института беларуской истории и культуры с тем, чтобы во время заседания не зачитывать их, а только обсуждать.

Представленные доклады будут также опубликованы в сборнике ДО НАЧАЛА конференции. Соответственно, срок предоставления докладов (объем от 5,5 тыс. знаков до 11 тыс. знаков, т.е. от 3 до 6 машинописных страниц) – не позже 25 сентября. Сборник получат все участники и гости конференции.

Форма проведения конференции: ответы участников на поступившие через Интернет критические замечания и обмен мнениями по заявленной тематике.

Число докладчиков: до 20 человек.

Время: 6 часов работы (с двумя перерывами по 15 минут).

В качестве гостей будут приглашены представители СМИ и эксперты.

ISBN 978-985-18-1565-0
9 789851 815650